

В Е С Т Н И К

**НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

№ 2 (50)

**Саранск
2019**

У ч р е д и т е л и:
*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

*Ученый совет Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

Основан в 2006 году

Главный редактор
Г. А. Куршева — доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора
А. В. Чернов — кандидат филологических наук, доцент

Ответственный секретарь
О. В. Зарубина

Р е д к о л л е г и я:

Акимова Т. И. — доктор филологических наук, доцент; *Андреев В. В.* — доктор исторических наук, профессор; *Арискина О. Л.* — доктор филологических наук, доцент; *Белоусов С. В.* — доктор исторических наук, доцент; *Бикейкин Е. Н.* — доктор исторических наук, доцент; *Бирюкова О. И.* — доктор филологических наук; *Бурланков С. П.* — доктор экономических наук, профессор; *Вихляев В. И.* — доктор исторических наук, профессор; *Водясова Л. П.* — доктор филологических наук, профессор; *Володин В. М.* — доктор экономических наук, профессор; *Гусева Т. М.* — доктор исторических наук; *Загребин А. Е.* — доктор исторических наук, доцент; *Зайцева Т. И.* — доктор филологических наук, доцент; *Зеленев Ю. А.* — доктор исторических наук, доцент; *Ильина И. Е.* — доктор экономических наук, доцент; *Каторова А. М.* — доктор педагогических наук, профессор; *Кечемайкин В. Н.* — кандидат экономических наук, доцент; *Куканова В. В.* — кандидат филологических наук; *Липатова Л. Н.* — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент; *Минеева Е. К.* — доктор исторических наук, профессор; *Никонова Л. И.* — доктор исторических наук, профессор; *Поляков О. Е.* — доктор филологических наук, профессор; *Романов В. В.* — доктор исторических наук, профессор; *Салимова Т. А.* — доктор экономических наук, профессор; *Ставицкий В. В.* — доктор исторических наук, доцент; *Таймасов Л. А.* — доктор исторических наук, профессор; *Юрчёнкова Н. Г.* — доктор философских наук, профессор

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал включен в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-39951
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 21 мая 2010 г.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

А д р е с р е д а к ц и и:
НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, e-mail: vestnikniign@list.ru

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Дубман Э. Л.

Некоторые особенности формирования города-крепости Симбирска
в середине XVII — начале XVIII в. 7

Заплетин В. В.

Групповые представления московских стрельцов как фактор исторической памяти
конца XVII в. 14

Шукин Д. С.

Чеберчинская вотчина Румянцевых — образец «дворянского гнезда»
в провинции Российской империи 23

Шкердина Н. О.

Книжные и рукописные собрания монастырских библиотек мордовского края
XVIII — XIX вв. как один из факторов культурного развития региона 36

Бирюкова А. Б.

Не гений места: И. А. Второв и Самара (конец XVIII — 30-е гг. XIX в.) 46

Филиппова Н. П.

Начертав сценарий будущего: Негласный комитет и реформа просвещения
в начале XIX в. 56

Липатова Н. В.

Власть и общество: кто и как охранял поволжские города в 1917 г. 60

Стариков С. В.

Большевики и левые социалисты о власти после октябрьского переворота
(октябрь 1917 г. — январь 1918 г.) (На материалах Поволжья) 67

Иванов А. О.

Судьба человека: к биографии одного из организаторов крестьянского восстания
в селе Бураево Бирского уезда Уфимской губернии в 1918 г. 78

Лушин А. И., Савченко Д. А.

Малоизвестные страницы советско-польской войны 1919 — 1920-х гг. 86

Иванов А. А., Иванов А. Г.

Голод начала 1920-х гг. в марийском крае: к постановке проблемы 94

Сухова О. А.

Сталинские крестьяне в поисках новой идентичности в 1930-х — начале 1950-х гг. 101

Митин С. В.

Участие крестьян Мордовии в оказании помощи фронту и освобожденным
от оккупации районам 108

Тарасов А. А., Прокина М. Е.

Зарождение свеклосахарного производства в Республике Мордовия:
1950-е — начало 1960-х гг. 114

Ивлиев С. А., Кадерова Т. Н.

Основные направления производственной деятельности профсоюзов
Мордовской АССР в 1954 — 1964 гг. 125

Биряева А. В., Сушкова Ю. Н.

Мордовский совнархоз: развитие легкой промышленности в 1957 — 1962 гг. 121

Дрякин А. Б.

Энергетическая политика России на Корейском полуострове в начале XXI в. 141

Кемаев Е. Н., Видяйкин С. В.

К вопросу о границах исторического культурного слоя города Саранска
XVII — XVIII вв. 148

Охотина Т. Н.

Охота и рыболовство у мордвы в сочинениях западноевропейских и российских
путешественников XVII — XIX вв. 155

Кандрина Е. В.

Особенности развития бытовых деревообрабатывающих ремесел
на территории Мордовии 161

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Марабаева Л. В., Соколов О. А., Горин И. А.

Современные методики оценки уровня конкурентоспособности
региональной экономики: аналитический обзор 170

Зинина Л. И., Прокофьева А. А.

Развитие процессного подхода к управлению предприятием в контексте
формирования системы сбалансированных показателей 176

Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Абелова Л. А.

Качество жизни пожилых людей: подходы к оценке и масштаб проблем 187

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Золотаева М. М.

Типология и своеобразие фантастических произведений М. И. Брыжинского 201

Гурьянова Л. А.

Устаревшая лексика в произведениях М. И. Брыжинского как отражение
языка эрзи прошлых лет 208

Цыплякова О. Ю., Бочканов А. В.

Фразеологические единицы с соматическим компонентом *пря* «голова»
в эрзянском языке (На материале произведений П. А. Ключагина) 214

Пивкина С. В., Пыреськина Е. М.

Функционирование эрзянских пословиц и поговорок в современной аудитории 221

Федуленкова Т. Н., Глебова Д. А.

Особенности фразеологических единиц модели V + (d) + N + Prep + θ
с глаголом обладания 227

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ

Модернизация региональной экономики: укрепление экономической безопасности,
повышение инновационной активности, развитие малого бизнеса, рост уровня жизни
(Аспирантские научные чтения — 2018) 232

РЕЦЕНЗИИ 240

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 245

СОКРАЩЕНИЯ 251

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Dubman E. L.

Some Peculiarities of the City-Fortress of Simbirsk Formation in the Middle of the XVII — the Early XVIII Century 7

Zapletin V. V.

Group Views of Muscovite Streltsy as a Factor of Historical Memory of the End of the XVII Century 14

Shchukin D. S.

The Family Estate of the Rumyantsevs in Cheberchino as a Sample of the “Noble Nest” in the Province of the Russian Empire 23

Shkerdina N. O.

Book and Manuscript Collections of Monastery Libraries of the Mordovian Land of the XVIII — XIX Centuries as one of the Factors of Cultural Development of the Region 36

Biryukova A. B.

Not the Genius of the Place: I. A. Vtorov and Samara (the end of the XVIII — the 30s of the XIX century) 46

Filippova N. P.

Having Written Scenario of the Future: the Private Committee and the Reform of Education in the Beginning of the XIX Century 56

Lipatova N. V.

Power and Society: Who and How Protected the Volga Cities in 1917 60

Starikov S. V.

The Bolsheviks and Left Socialists about the Power after the October Revolution (October 1917 — January 1918) (On the materials of the Volga region) 67

Ivanov A. O.

The Fate of a Man: to the Biography of One of the Organizers of the Peasant Uprising in the Village of Buraevo of the Birsks Uyezd of the Ufa Governorate in 1918 78

Lushin A. I., Savchenko D. A.

Little-Known Pages of the Soviet-Polish War of 1919 — the 1920s 86

Ivanov A. A., Ivanov A. G.

Famine of the Early 1920s in the Mari Region: Problem Statement 94

Sukhova O. A.

Stalin Peasants in Search of New Identity in the 1930s — the Early 1950s 101

Mitin S. V.

Participation of the Peasants of Mordovia in Providing Assistance to the Front and Areas Liberated from Occupation 108

Tarasov A. A., Prokina M. E.

The Emergence of Sugar Beet Production in the Republic of Mordovia: the 1950s — the Early 1960s 114

Ivliev S. A., Kaderova T. N.

The Main Directions of Production Activities of Trade Unions of the Mordovian ASSR in 1954 — 1964 125

Biryayeva A. V., Sushkova Yu. N.

Mordovian Sovnarkhoz: the Development of Light Industry in 1957 — 1962 134

Dryakin A. B.

Energy Policy of Russia on the Korean Peninsula in the Early XXI Century 141

Kemaev E. N., Vidyaikin S. V.

To the Issue of Boundaries of the Historical Cultural Layer
of the XVII — XVIII Centuries in Saransk 148

Okhotina T. N.

Hunting and Fishing of the Mordvins in the Works of the Western European
and Russian Travelers of the XVII — XIX Centuries 155

Kandrina E. V.

Features of the Development of Household Woodworking Crafts
on the Territory of Mordovia 161

ECONOMIC SCIENCES

Marabaeva L. V., Sokolov O. A., Gorin I. A.

Modern Methods to Assess the Level of the Regional Economy Competitiveness:
Analytical Review 170

Zinina L. I., Prokofeva A. A.

Development of the Process Approach to the Management of the Enterprise
in the Context of the Formation of a Balanced Scorecard 176

Lipatova L. N., Gradusova V. N., Abelova A. A.

The Quality of Older People Life: Approaches to the Assessment
and the Scale of Problems 187

PHILOLOGICAL SCIENCES

Zolotaeva M. M.

Typology and Originality of Fantastic Works by M. I. Bryzhinsky 201

Guryanova L. A.

Archaic Words in the Works by M. I. Bryzhinsky as a Reflection
of the Language of the Erzya of Past Years 208

Tsyplyakova O. Yu., Bochkhanov A. V.

Phraseological Units With the Somatic Component *prya* “head” in the Erzya Language
(Based on the works by P. A. Klyuchagin) 214

Pivkina S. V., Pyreskina E. M.

The Functioning of Erzya Proverbs and Sayings in a Modern Audience 221

Fedulenkova T. N., Glebova D. A.

Features of Phraseological Units of the Model V + (d) + N + Prep + θ
with the Verb of Possession 227

EVENTS. FACTS. COMMENTS

Modernization of the regional economy: strengthening of economic security, increasing
of innovation activity, the development of small business, the growth of living standards
(Scientific Readings for Postgraduate Students — 2018) 232

REVIEWS 240

INFORMATION ABOUT AUTHORS 248

ABBREVIATIONS 251

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(47).04

Э. Л. Дубман
E. L. Dubman

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДА-КРЕПОСТИ СИМБИРСКА В СЕРЕДИНЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII в.

SOME PECULIARITIES OF THE CITY-FORTRESS OF SIMBIRSK FORMATION IN THE MIDDLE OF THE XVII — THE EARLY XVIII CENTURY

Ключевые слова: Симбирск, крепость, посад, система укреплений.

В статье на базе материалов фондов РГАДА и РГВИА рассмотрены особенности формирования города-крепости Симбирска в середине XVII — начале XVIII в. Показано, что градостроительный облик нового города-крепости в целом соответствовал требованиям типовых проектов к пограничным военным поселениям и вместе с тем имел специфические черты, определяемые рельефом местности, наличием военной угрозы, расположением на торговых путях и т. д.

Key words: Simbirsk, fortress, posad, fortification system.

The peculiarities of the formation of the city-fortress of Simbirsk in the middle of the XVII — the early XVIII centuries are considered in the article on the basis of materials of the Russian State Archives of Ancient Acts and Russian State Military Historical Archives funds. It is revealed that the town-planning appearance of the new city-fortress in general met the requirements of model projects for border military settlements and at the same time had specific features determined with the terrain, the presence of a military threat, location on trade routes, etc.

Как правило, отечественные историки при изучении «городов» русского средневековья используют термины, которые правительственная администрация и жители страны традиционно применяли в XVI — XVII вв. Такого подхода придерживались С. М. Соловьёв, В. О. Ключевский, Н. Д. Чечулин; а в настоящее время Б. Н. Миронов и другие исследователи. Например, в отзыве на книгу Н. Д. Чечулина о русских городах XVI в., Ключевский писал: «Город XVI в. в цельном своем составе состоял из города в смысле центрального укрепления, кремля, из посада и слобод. Но эти виды поселений, служа составными частями города, существовали и раздельно: были города без посадов, посады без городов; были, наконец, слободы, рассеянные среди сел и деревень, вдали от городов и посадов. Каждый из этих

видов отличался своими бытовыми условиями и интересами, из совокупности которых и складывалась жизнь города. Не во всех городах эти условия и интересы соединялись в одинаковой степени полноты...»¹. Практически, также считал и сам Н. Д. Че-чулин². Подход Б. Н. Миронова, который пишет: «Мне кажется, что самое старое мнение — городами являются те поселения, которые признавали городами современники — не устарело до сих пор»³, на наш взгляд, наиболее удобен, хотя тогдашнее состояние большинства пограничных «городов-крепостей» Московской Руси ни в коей степени не соответствуют современному пониманию термина «город»⁴.

В позднем российском средневековье городом называли поселение, являвшееся административно-военным центром уезда, или крепость, построенную в пограничье, вне ареала постоянного расселения. Например, поставленные в царствование Федора Иоанновича на Средней и Нижней Волге: Самара, Царицын и Саратов в приказном делопроизводстве сразу после возведения стали называть городами («Самарский город» и др.). Вместе с тем в ряде источников XVII в. в определении статуса подобных поселений имеются расхождения. Так, на Симбирской и Карсунской чертах помимо Симбирска и Карсуна городами нередко обозначали Урень и Аргаши. Позднее их стали именовать, как правило, пригородами уездного города Симбирска, как и построенные позднее, в 1680-х гг. Сызрань и Кашпир.

Таким образом, единственным «официально признанным» городом Южного Средневолжья (на правобережье Волги это территории к востоку от Суры, примыкавшие к Карсунской и Симбирской чертам и спускавшиеся к югу от них), следует считать Симбирск. Именно он являлся главным военно-административным и экономическим центром одноименного уезда. В нем уже в середине 1660-х — 1670-х гг. сложилась крупнейшая на Юго-Востоке Европейской России посадская община⁵. История Симбирска как стратегически важной, хорошо укрепленной крепости с крупным военным гарнизоном, завершается только в начальные десятилетия XVIII в. Местные историки и краеведы затратили немало усилий, чтобы восстановить первоначальный облик города, выявить фортификационные особенности его укреплений, расположение кремля, посада, слобод и храмов.

К сожалению, от раннего периода истории Симбирска (тогда он назывался Синбирском) сохранилось крайне мало документов, свидетельствующих о его градостроительном облике, с описанием конструктивных особенностей и размеров оборонительных сооружений. Для их реконструкции особую значимость представляют данные описания 1703 г. местного воеводы П. М. Бестужева-Рюмина⁶, плана 1738 г.⁷, росписного списка 1751 г.⁸, рапорта середины 1760-х гг. полковника А. И. Свечина⁹, «Топографического описания...» 1780-х гг. Т. Г. Масленицкого¹⁰, планов Симбирска 1779 и 1780 гг. и прочих документов¹¹. Изучение этих и других материалов позволило региональным исследователям к настоящему времени, в определенной степени, реконструировать градостроительный облик средневекового Симбирска.

Мы попытались дополнить некоторые положения таких реконструкций, обратив внимание на имеющиеся возможности по созданию репрезентативного градостроительного облика Симбирска середины XVII — начала XVIII столетия.

Симбирский кремль и окружавшие его строения не однажды горели, ветшали; их приходилось восстанавливать, как тогда писали — «строить вновь». К. И. Невострюев и П. Л. Мартынов в своих сводках о пожарах, ремонтных работах и новом строительстве называют ключевыми, прежде всего, события 1671, 1694, 1698, 1710,

1738 гг. После каждой такой катастрофы кремль не перестраивали, а, как правило, восстанавливали, повторяя его основные сооружения и конструктивные особенности середины XVII в.¹² Это была крепость на высоком волжском берегу — «венце», по форме близкая к квадрату со сторонами до 200 м каждая; общей площадью примерно 3,5 — 4,0 га. Приведенные Т. Г. Масленицким размеры деревянного «рубленого города» (т. е. кремля) — 200 на 200 сажен — являются ошибочными¹³. Очевидно, что военное значение Симбирск утратил в начале XVIII в., и местным властям ни к чему было расширять территорию крепости к концу столетия (ко времени подготовки «Топографического описания...»).

Сопоставление размеров кремлей главных «городов» Саранской (ее также называли Атемаро-Саранской), Карсунской и Симбирской засечных черт по данным описания 1703 г. показывает, что в Симбирске и Саранске они были примерно одинаковыми; а Карсунский им значительно уступал¹⁴. Таким образом, за исключением Карсуна главные города-крепости засечных черт правобережья, при которых предполагалось сформировать уезды, были близки по протяженности стен и площади¹⁵. Можно предположить, что воеводы, строившие эти крепости и прилежавшие к ним засечные черты, прежде всего Б. М. Хитрово, придерживались единых проектов, подготовленных для них в Москве в начале правления Алексея Михайловича «Тишайшего». Вместе с тем только кремль Симбирска имел форму квадрата, остальные (включая Атемар) — прямоугольника. Стены кремлей всех этих городов, кроме Атемара («стоячей» дубовый острог¹⁶), были устроены тарасами (именно поэтому их и называли «рубленые»).

Определить внешний облик симбирской и других крепостей не представляется возможным из-за отсутствия их описаний того времени. Западноевропейские путешественники, проплывавшие по Волге, не оставили сведений об облике и месторасположении Симбирска. Голландец Я. Стрейс летом 1669 г. вообще не «заметил» город¹⁷. Немецкий путешественник и ученый Э. Кемпфер, побывавший в городе осенью 1683 г., указал лишь, что вокруг него располагается много слобод, а сам Симбирск вместе с кремлем занимал около версты¹⁸.

Спускавшийся вниз по реке в 1703 г. художник К. де Бруин из-за пожара в городе не смог его осмотреть. Голландец побывал лишь в предместье или «слободе Симбирска», довольно обширной по его словам, и отметил: «Я увидел, что город довольно велик и окружен деревянной стеной, что в нем 8 каменных церквей, 3 или 4 монастыря и более 10 000 (очевидное преувеличение. — Э. Д.) домов, в которых обитают только русские»¹⁹. Шотландцы Д. Белл в 1716 г. и П. Брюс в 1722 г. также не оставили сколько-нибудь подробных описаний Симбирска и его укреплений²⁰.

Петр I проплывал мимо Симбирска в 1695 и 1722 гг. Судя по записи в походном журнале 26 мая 1695 г. (все даты даны по старому стилю): «В 12-м часу проехали к городу Синбирску и была погода велика и пристали к берегу на якорь; и многия суда стояли же у города против церкви Спаса Преображения; церковь на берегу стоит, на самом верху, на горе»²¹. Вместо предполагаемой краткосрочной часовой стоянки, из-за бури под Симбирском суда задержались на 5 часов²². Сам город царь не посетил. Станным кажется, что и в 1722 г. в Симбирске 9 июня караван судов только сменил гребцов и проследовал далее по Волге к Астрахани²³.

Публикации архивных источников, появившиеся в последнее время исследования; наконец реконструкция кремля Ю. Д. Ефимовым, позволяют в целом предста-

вить облик начального Симбирска²⁴. На наш взгляд, все 4 его стены были «рубленные», тарасные. Первоначальный кремль имел 8 башен — 4 угловые и 4 по стенам. В росписном списке города 1670 г. они перечислены в следующем порядке: в южной стене проезжая — «Казанские ворота» (Казанская башня) с 3 уровнями пушек; обращенные к Волге — «Наугольная» — с 4 уровнями пушек, «Средняя башня от Волги реки», «Наугольная башня, что от тутового саду»; в северной стене — «Крымская проезжая башня»; к западу к реке Свияге — «Наугольная башня, что от Свияги», «Средняя башня, что от Свияги», «Наугольная башня, что от валу». Характерно, что только 2 из них были названы «проезжими»²⁵.

К. И. Невоструев на базе источников, отражавших состояние крепости, восстановленной после завершения Разинщины, перечисляет следующие башни: «Наугольная на востоке, Никольская там же, Водяная на юге, Вознесенская на западе и Спасская на севере»; а кроме того, «ворота Крымские, Спасские, где висела икона Спасителя, Вознесенския, Тайницкия, Свияжския»²⁶.

Видимо, в XVIII в. из 8 башен сохранились только 6. В описании крепости 1703 г. воеводой Бестужевым-Рюминым о башнях и воротах ничего не говорится²⁷. В росписном списке 1751 г. указаны стены рубленные тарасами, 4 угловые башни и 2 — в стенах. В последних были устроены «большие проезжие» ворота²⁸. А. И. Свечин сообщает, что в кремле было «6 башен и двои ворота»²⁹. Т. Г. Масленицкий пишет о 5 башнях³⁰.

Внутри кремля располагались обычная для того времени совокупность военно-административных сооружений, а также первый, возведенный одновременно с укреплениями, Троицкий храм, ставший соборным. Очевидно, что построить сразу все оборонительные сооружения Симбирска, прежде всего острог с башнями «большого города», было крайне сложно не только из-за большого объема работ, но и потому, что посадское население Симбирска, его торговые ряды, мастерские и прочие торгово-промышленные и религиозные комплексы складывались постепенно.

Например, посадская община возникла почти одновременно (а по мнению П. Л. Мартынова, и ранее сооружения крепости) с городом³¹. Первые годы численность посада была невелика. По росписям сбора полоняничных денег в Симбирске в 1648/1649 — 1651/1652 гг., его собирали лишь с 18 — 19 посадских дворов³². В 1652 г. воевода П. А. Измайлов уже застал посад из 73 чел. (видимо, дворовладельцев)³³. Судя по строевой книге 1653/1654 г., он «прибрал» еще 13 посадских людей³⁴.

По данным переписи 1678 г., посадская община Симбирска насчитывала свыше 500 дворов с более чем 1 300 душами мужского пола (178 дворов посадских людей с 498 душами мужского пола и 326 дворов бобылей с 836 душами мужского пола)³⁵. Столь значительное число бобылей, несших только часть тяглых повинностей, свидетельствует, что посадское население находилось в стадии формирования. Несмотря на недавно завершившиеся события Разинщины, шел интенсивный процесс роста числа горожан. Симбирск оказался в эпицентре мощных миграционных процессов. По демографическим показателям он стал крупнейшим городом Средней и Нижней Волги, обогнав даже Казань³⁶. Разумеется, вплоть до начала XVIII в. военные люди и члены их семей составляли основное население города. В первую очередь это были приборные люди, жившие в пригородных слободах.

Возникнув как военное поселение, Симбирск к середине 1660-х — 1670-м гг. превратился в крупный административный и хозяйственно-торговый центр региона. Помимо слобод с приборными людьми, усадеб дворян и детей боярских, духовенства; он собирал в себе значительное население — посадских людей, белослободцев; гулящих и работных людей, остававшихся в городе пережить зимнее время, и др. Застройка территории формировалась как «живописная»³⁷ и содержала лишь элементы «регулярства», относившиеся, прежде всего, к самому кремлю. Симбирск органично интегрирует в себе особенности пограничной крепости, волжского торгово-промыслового города и экономического центра обширного аграрного региона. Его локальные районы расселения были приспособлены и к своеобразному рельефу гористого возвышенного берега Волги, и к низменной прибрежной зоне Свияги.

По описанию 1703 г., посад и слободы Симбирска (в документе это пространство названо «Большим городом») были прикрыты «кругом до кремля» дубовым и сосновым стоячим острогом, тарасами (в источнике — «...дубовой стены с выпускными косыми тарасы, рублен в лапу, и стоячим острогом и башнями») общей протяженностью 1 033 сажень (более 2 231 м). После пожара 1697/1698 г. сохранилась только половина этих деревянных укреплений (513 сажень — 1 108 м) с 9 дубовыми и сосновыми башнями³⁸. Видимо, общее количество башен по острожным и тарасным стенам кремля и «Большого города» до пожара было вдвое большим. Точные границы всей этой защищенной укреплениями городской территории окончательно не установлены. Один из самых глубоких исследователей истории Симбирска П. Л. Мартынов считает, что посад находился прежде всего под горой, и «подгорная часть была самою оживленною и торговую частью города»³⁹. Разумеется, дворы горожан были и под горой, на склоне к Волге, и на ее берегу. Например, в конце 1670-х гг. и позднее там упоминается Баранья слобода⁴⁰. Хотя, на наш взгляд, основные районы расселения должны были сложиться с северной, западной и южной сторон кремля. Именно все это пространство защищали укрепления «Большого города». Можно согласиться с В. А. Гуркиным в том, что городская застройка лишь частично располагалась с волжской, восточной стороны крепости, на склоне и под горой⁴¹.

Симбирск в последние десятилетия XVII — начале XVIII в. становится действительно крупным городом, о чем пишут К. Бруин и Д. Белл. Возведение многочисленных храмов и монастырей отражает особенности заселения его пространства и формирования градостроительного облика. Почти одновременно с основанием города были заложены, примыкавший к западной стене кремля, Спасский девичий и «под горой» мужской Успенский монастыри⁴². В 1663 г. игуменья женского монастыря, просила у Алексея Михайловича добавить к ружному жалованью на 80 старцев дополнительные средства на содержание еще 20 монахинь⁴³. Мужской Успенский монастырь был построен в восточной части, у Волги, рядом с одноименной слободой. В отличие от Спасского, в нем к 1663 г. состояло вдвое меньше монахов⁴⁴. Еще один монастырь — Покровский — был основан в самом конце XVII в. в западной части Симбирска, на реке Свияге⁴⁵.

Не останавливаясь специально на формировании системы храмов и их приходов, отметим, что по подсчетам К. И. Невоструева, в городе к 1700 г. действовали кроме соборной Троицкой (еще одна, одноименная, была при женском Спасском монастыре) следующие приходские церкви: «Вознесенская, Троицкая, Никольская (иначе

Казанской Богородицы), Ильинская (иначе Владимирской Богородицы), Предтеченская (иначе Богоявленская), Тихвинская, Петропавловская, Преображенская, Смоленская. Приходскими храмами также были Успенский при Успенском и Покровский при Покровском монастырях»⁴⁶.

Из них вскоре после основания Симбирска были выстроены Вознесенская деревянная (в 1694 г. перестроена) и Пресвятой Богородицы Казанская (1651 г.) церкви в стрелецких слободах. На западной стороне Симбирского кремля, за городской стеной, было отведено место для кладбища, где построили деревянную церковь во имя Всех Святых (в списке К. И. Невоструева ее нет). В начале истории Симбирска Смоленская церковь была скитской или «пустынской» при Успенском монастыре и только после окончания Разинщины стала приходской. В 1653 г. завершили постройку церкви «на посаде во имя Преображения Господня», а в 1654 г. у Свяги, в бывшей Свяжской слободе конных казаков (в 2 верстах от Симбирска) основали Богоявленскую (Иоанна Предтечи) церковь⁴⁷.

Уже этот перечень церквей, у каждой из которых сложились свои приходы на посаде и в слободах, позволяет судить о размерах и значимости Симбирска в числе других городов южного Средневолжья (например, к концу XVII в. в соседней Самаре насчитывалось всего 5 храмов, из них 1 соборный, 2 монастырских и 2 приходских). Территория города охватывала «гору» с подгорной восточной частью, спускавшейся к Волге, на западе занимала пространство между крепостью на «венце» и рекой Симбиркой, в отдельных местах доходила до Свяги.

Разумеется, в данной статье рассмотрены лишь некоторые подходы к изучению начального градостроительного облика Симбирска, но и они позволяют получить определенное представление о развитии нового уездного центра на юго-востоке Европейской России.

Библиографические ссылки

¹ **Ключевский В. О.** Отзыв о исследовании Н. Д. Чечулина «Города Московского государства XVI в. » // Ключевский В. О. Сочинения : в 8 т. Т. 8. Исследования, рецензии, речи (1890 — 1905). М., 1959. С. 203.

² См.: **Чечулин Н.** Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889. С. 9.

³ **Миронов Б. Н.** Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 282.

⁴ См.: **Водарский Я. Е.** Население России в конце XVII — начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 115 — 129.

⁵ Там же. С. 213 — 216.

⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 61.

⁷ См.: **Котова И. Г.** Градостроительство и архитектура Симбирска второй половины XVIII — начала XX веков : дис. ... канд. архитектуры. М., 2006. С. 19.

⁸ См.: **Невоструев К. И.** Историческое обозрение Симбирска от первых времен его до возведения на степень губернского города. Симбирск, 1902. С. 25.

⁹ См.: **Гуркин В. А.** На берегах Русского Нила. История изучения территории Симбирского Поволжья. М., 2005. С. 90 ; **Его же.** Симбирская черта. М. ; Ульяновск. 2000. С. 148 — 150.

¹⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026.

¹¹ См.: **Котова И. Г.** Указ. соч. С. 20 — 21, илл. 7 — 9 ; Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1839. Т. 46. С. 305.

- ¹² См.: **Мартынов П.** Город Симбирск за 250 лет его существования : системат. сб. ист. сведений о г. Симбирске. Симбирск, 1898. С. 194 ; **Невострюев К. И.** Историческое обозрение Симбирска... С. 22 — 25, 32.
- ¹³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 48.
- ¹⁴ См.: **Воронин И. Д.** Саранск : историко-док. очерки. Саранск, 1961. С. 21, 26 — 27.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 61 об., 66, 87 об. — 88, 89 — 89 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 88 об.
- ¹⁷ См.: **Стрейс Я.** Три путешествия. М., 1935. С. 188.
- ¹⁸ См.: **Дневник путешествия Энгельбрехта Кемпфера по России в 1683 г.** // Исторический архив. 2005. № 5. С. 219 ; **Дубман Э. Л., Дубинин С. И.** Записки Э. Кемпфера о путешествии по Волге от Казани до Астрахани // Краеведческие записки. Самара, 1996. Вып. 8. С. 311 — 322.
- ¹⁹ **Брунн К.** Путешествие через Московию. М., 1873. С. 171.
- ²⁰ См.: **Memoirs of Peter Henry Bruse, Esa a military officer, in the services of Prussia, Russia, and Great Britain. Containing an auovnt of his travols in Germany, Russia, Tartaru, Turkey, the West Indiess, Q c. As also several very interesting private Anecdotes of the Czar, Peter I of Russia.** London. MDCCLXXXII [1782]. P. 236 — 237 ; **Travels from St. Petersburg in Russia to diverse parts of Asia in two volumes by John Bell of Antermomy. Volume I, containing a journey to Ispahan in Persia, in the years 1715, 1716, 1717, and 1718.** Glasgow, MDCCLXIII [1763]. P. 25 — 26.
- ²¹ Походный журнал 1695 года. СПб., 1853. С. 7.
- ²² См.: **Письма и бумаги императора Петра Великого (1688 — 1701).** СПб., 1887. Т. 1. С. 34.
- ²³ См.: **Походный журнал 1722 года.** СПб., 1855. С. 41.
- ²⁴ См.: **Ефимов Ю. Д.** Кремль симбирский // Ульяновская-Симбирская энциклопедия : в 2 т. Ульяновск, 2000. Т. 1. С. 303 — 304.
- ²⁵ См.: **Гуркин В. А.** Симбирская черта. С. 41 — 45.
- ²⁶ **Невострюев К. И.** Историческое обозрение Симбирска... С. 22.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 61.
- ²⁸ См.: **Невострюев К. И.** Историческое обозрение Симбирска... С. 25.
- ²⁹ См.: **Гуркин В. А.** На берегах Русского Нила.... С. 91 ; **Его же.** Симбирская черта. С. 149.
- ³⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 48.
- ³¹ См.: **Мартынов П.** Город Симбирск за 250 лет... С. 26.
- ³² См.: **Смирнов П. П.** Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М. ; Л., 1948. Т. 1, ч. 2. С. 64.
- ³³ См.: **Мартынов П.** Книга строельная города Синбирска 161 — 162 гг. (1653 — 1654 г.). Симбирск, 1897. С. 81 — 82.
- ³⁴ Там же. С. 95.
- ³⁵ См.: **Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца)** / под ред. П. Л. Мартынова. Симбирск, 1902. С. 13, 24.
- ³⁶ См.: **Водарский Я. Е.** Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России : сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 214 — 215.
- ³⁷ **Алферова Г. В.** Русские города XVI — XVIII веков. М., 1989. С. 179 — 195.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 61.
- ³⁹ **Мартынов П.** Город Симбирск за 250 лет... С. 25.
- ⁴⁰ См.: **Невострюев К. И.** Историческое обозрение Симбирска... С. 26.
- ⁴¹ См.: **Гуркин В. А.** Некоторые свидетельства об осаде Симбирска войсками Степана Разина // Проблемы социально-экономического, политического и культурного развития России : сб. науч. тр. / под ред. С. В. Осипова. Ульяновск, 2009. Вып. 3. С. 21 — 22.
- ⁴² См.: **Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии.** Симбирск, 1868. С. 31.
- ⁴³ См.: **Невострюев К. И.** Описание Симбирского Спасского девичьего монастыря. М., 1852. С. 3 — 4.
- ⁴⁴ См.: **Мартынов П.** Город Симбирск за 250 лет... С. 224 ; **Невострюев К. И.** Симбирский Успенский монастырь (публикация и предисловие В. А. Гуркина) // Проблемы социально-эконо-

мического, политического и культурного развития России. Наследие прошлого и вызовы настоящего : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. В. Осипова. Ульяновск, 2016. С. 89 — 96.

⁴⁵ См.: **Невоструев К. И.** Историческое обозрение Симбирска... С. 32.

⁴⁶ Там же. С. 34.

⁴⁷ См.: **Мартынов П.** Город Симбирск за 250 лет.... С. 209, 215, 216, 219, 225 ; **Холмогоров В.** Материалы для истории Симбирского края до второй половины XVIII века. (Описание Симбирской и Карсунской десятин Патриаршей области). Симбирск, 1898. С. 1 — 3.

Поступила 28.11.2018 г.

УДК 94(47).05

В. В. Заплетин

V. V. Zapletin

ГРУППОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОСКОВСКИХ СРЕЛЬЦОВ КАК ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КОНЦА XVII в.

GROUP VIEWS OF MUSCOVITE STRELTSY AS A FACTOR OF HISTORICAL MEMORY OF THE END OF THE XVII CENTURY

Ключевые слова: социальная группа, групповое прошлое, групповые представления, коллективная (групповая) идентичность, московские стрельцы, историческая память.

В статье исследуется роль групповых представлений московских стрельцов в формировании исторической памяти конца XVII в. Обосновывается продуктивность осмысления феномена исторической памяти в контексте эволюционирующих социальных представлений о прошлом группы и констатируется обусловленность выбора ею общественного проекта в результате закономерной смены концептов коллективной (групповой) идентичности, которая рассматривается как системообразующий элемент исторической памяти.

Key words: social group, the past of the group, group views, collective (group) identity, Muscovite streltsy, historical memory.

The role of group views of Muscovite streltsy in the formation of the historical memory of the end of the XVIII century is explored in the article. The productivity of the historical memory phenomenon comprehension in the context of evolving social ideas about the past of the group is justified and it is stated that its choice of a social project was the result of a natural change in the concepts of collective (group) identity, which is considered as a backbone element of historical memory.

Обозначившаяся на рубеже XX — XXI вв. как самостоятельное поле гуманитарных исследований проблематика «исторической памяти» позволяет в ином ракурсе взглянуть на традиционные подходы в изучении истории этносов и национальных государств.

Широкое использование концепта «историческая память» в научных дискуссиях, однако, не свидетельствует об уяснении четких границ понятия. Наряду с указанным присутствуют термины «коллективная память», «социальная память», «культурная память» и др. В исследованиях историков историческое сознание часто

отождествляется с исторической памятью. На многообразие современных интерпретаций исторической памяти указывают фундаментальные труды И. М. Савельевой и А. В. Полетаева¹.

В нашей работе интерес представляет научное осмысление феномена исторической памяти как коллективной памяти о прошлом группы и как социальной памяти о прошлом общества в целом². Мы будем рассматривать историческую память как ментальную способность (индивида, группы, социума), специфический способ фиксации / сохранения и трансляции знания о прошлом, отображающий реально существующие социальные, политические и идеологические потребности общества и его отдельных групп в определении исторической перспективы. Вслед за Ю. А. Левадой, М. А. Баргом, Л. П. Репиной, Й. Рюзенем и другими учеными, исходим из признания того, что историческая память «проецируется» историческим сознанием и историческим знанием³. В качестве системообразующего элемента исторической памяти, ссылаясь на исследования немецкого историка Ф. Б. Шенка⁴, мы полагаем коллективную идентичность — образ, который группа создает в процессе воображения себя самой и с которым она себя идентифицирует. Предметом рассмотрения является эволюция концептов коллективной (групповой) идентичности московских стрельцов, цель — уяснение роли групповых представлений московских стрельцов в формировании концептов исторической памяти конца XVII в.

Групповая самоидентификация и артикуляция групповых интересов обусловлены групповым прошлым. Как для лидеров группы, так и для ее большинства характерно стремление к акцентировке определенных событий прошлого, если эти события связаны с формированием группы и (или) ее сегодняшними задачами⁵. В целях уяснения сущности и содержания групповых представлений С. Московичи предложил термин «социальные представления»⁶. Он поддержал тезис, ранее высказанный Б. Малиновским (1916 г.)⁷, об отвлеченности понятия «коллективные представления», введенного Э. Дюркгеймом⁸, поскольку «коллективные представления» предполагают существование «коллективного индивида» или сущности, «коллективной души»⁹. С. Московичи включил в социальные представления понятия, высказывания, объяснения, возникающие в головах индивидов в повседневной жизни в процессе обмена и взаимодействия¹⁰ и являющиеся результатом осмысления социально значимых явлений. У него социальные представления имеют корреляцию с «повседневным взаимодействием», «обыденным знанием». И. М. Савельева, А. В. Полетаев настаивают на необходимости различать социальные и групповые представления, поскольку: существуют профессиональные экспертные группы, отвечающие за производство социального знания; в каждой группе, не связанной непосредственно с производством знания, всякий раз отыскиваются «идеологи», продуцирующие знания, усваиваемые впоследствии остальными членами группы¹¹. Однако группа не являет собой монолит — только часть личной психики может считаться принадлежностью коллектива в условиях ее коллективного проявления (Л. С. Выготский)¹².

Следуя за Б. Малиновским, С. Московичи, Л. С. Выготским, И. М. Савельевой, А. В. Полетаевым, мы рассматриваем групповые представления как совокупность представлений о социально значимых событиях, явлениях, включающую как представления идеологов-экспертов группы, так и представления, усвоенные остальными членами группы в процессе повседневного обмена и взаимодействия. Обыденные представления группы рассматриваются нами как «массовые представления», или

«социальные представления». Данный подход, на наш взгляд, не противоречит тезису М. Шелера о диалектике «групповой души» и «группового духа»: «общественное мнение» группы основывается на «групповом духе», который изначально определяется по содержанию, ценностям, целям, направлению личными вождями, «элитой» и действует «сверху вниз» в отличие от безличностной «групповой души» — коллективного субъекта деятельности, воздействующего «снизу вверх»¹³.

Процесс формирования групповых представлений достаточно изучен¹⁴. Для нас особый интерес представляют выводы социологов и психологов об алгоритмах выработки общих значений и смыслов в процессе межличностной коммуникации в рамках теорий общения и когнитивного соответствия (Р. Абельсон, М. Розенберг, Т. Ньюком, Ч. Осгуд, П. Танненбаум, Ф. Хайдер и др.)¹⁵. Исследователи фиксируют важную закономерность: человек в группе и группа в целом стремятся к внутреннему соответствию когнитивной системы содержанию межличностных отношений. При этом отмечается вариативность моделей группового влияния и конформности, воздействия лидеров или группового большинства на представления других членов группы. Введение в научный оборот таких понятий, как нормативное («давление») и информационное («убеждение») влияние (М. Дойч, Г. Джерард¹⁶) позволяет более глубоко понять «приводные ремни» — поводы к социальным конфликтам конца XVII в. с участием московских стрельцов.

В анализе феноменов мышления и логики действий участников социальных конфликтов мы исходим из признания обусловленности когнитивных процессов социальными нормами, ценностями и установками. В связи с этим важнейшими методологическими основаниями в изучении групповых представлений московских стрельцов являются: понимание социальной установки как психологического переживания индивидом ценности, смысла социального объекта (У. Томас, Ф. Знанецкий¹⁷); понимание привычных канонов мышления и действий индивидов и социальных групп как результата формирования социальных стереотипов (У. Липпман¹⁸). Следуя канонам интериоризации и экстериоризации, обращаясь к документальным источникам, усваивая высказывания, признания, логику социального поведения отдельных членов группы и группы в целом — наиболее активных участников стрелецких восстаний и стрелецкой массы — мы получаем основания для выводов о социальных установках, индивидуальных и групповых ценностях и целях. Отметим, что смена концептов коллективной идентичности московских стрельцов происходила именно в рамках интериоризации — через уяснение стрельцами постепенной утраты привилегированного положения.

Принимая во внимание заведомо ограниченный характер данной работы, мы намеренно не приводим обстоятельные рассуждения, подтверждающие обоснованность отнесения московских стрельцов к социальной группе в социологическом и социально-психологическом контекстах (Ч. Кули, Э. Мэйо, Г. Хаймен, М. Шериф и др.¹⁹). В качестве основоположения мы используем определение социальной группы, предложенное М. Шелером: «...„группу“ образует... знание — хотя бы еще и самое смутное — об ее существовании, а также о сообща признаваемых ценностях и целях»²⁰. Важнейшей характеристикой, фактором идентификации и группообразующей функцией мы полагаем прошлое группы²¹. Базовым основанием данного предположения является пример *тетогія*. Так, в средневековых монашеских общинах и в повседневной жизни мирян «...именно *тетогія* как феномен коллективный

становилась консолидирующим моментом... Участвуя в составляющих мемория ритуалах, поминающие... манифестировали себя как группу» (Ю. А. Арнаутова²²).

В обращении к групповому прошлому важна констатация, как группового консенсуса, так и противостояния «свои — чужие». Акцентируя те или иные события ушедших времен, группа устами лидеров выражает групповые интересы и формулирует сегодняшние задачи²³. Этот тезис имеет наглядное подтверждение в действиях московских стрельцов в событиях стрелецкого восстания 1698 г. В «черной челобитной Петру I» десятичника Василия Зорина, которая ранее исследовалась нами как документ публицистической жанровой формы «открытого письма» конца XVII в.²⁴, нетрудно обнаружить и мемория: «Служили мы, холопы твои, и прежде нас прародители, и деды и отцы наши вам, великим государем, во всякий обакновенной христианской вере и обещались до кончины жизни нашей благочестие хранить, яко же содержит святая апостольская церковь. И в прошлом во сто девяностом году в попущение гнева божия всеконечное стремление бесчинства, мы, холопы твои, радея о благочестии, удержали. И по вашему в. г. указу, в пременении того времени нас, холопей твоих, изменниками и бунтовщиками звать не велено; и по обещанию, как целовали крест святой, о благочестии непременно служим»²⁵; и выражение группового интереса — стремление облегчить тяготы службы и сохранить социально-статусное качество привилегированного воинства; и постановку новых задач — оказаться в Москве, возглавив бунт городской черни против «испровержения веры и благочестия», против реформ Петра, ставивших под угрозу существование стрелецкого войска.

Квинтэссенцию групповых представлений московских стрельцов в конце XVII в. следует искать в источниках и документах стрелецких восстаний 1682 и 1698 гг., в «устах» самих стрельцов, наиболее активных «заводчиков» восстаний и идеологов движений, в логике их действий.

В событиях Московского восстания 1682 г., несмотря на сложное переплетение социальных сил и интересов, споров вокруг «истинной веры» с участием раскольников²⁶, представляется возможным вычленить специфический социальный интерес московских стрельцов и его выраженность в групповых представлениях. Недовольство социальных «низов» сложившимися социальными, политическими и экономическими условиями выражало интересы, прежде всего, «приборных людей». Характерно, что стрельцы на определенном этапе отвернулись от холопов и продемонстрировали веру в «добрых», новых правителей. Достигнув своей цели, стрельцы заявили, что возвращаются к «естественному состоянию» верных и покорных слуг трона²⁷. В отношении других участников мятежа — раскольников стрельцы повели себя аналогично: «расколуучители» оказались преданы стрельцами.

В конце апреля 1682 г. ослабление царской власти и единства феодальной верхушки подвигло стрельцов на протест. Они выступили союзниками партии «Софьи—Милославских» по той причине, что накануне прошли волнения с челобитными из-за притеснений и поборов²⁸. У стрельцов появился «черный список» будущих жертв восстания²⁹, что по традиции являлось важной предысторией социальных конфликтов в Российском государстве XVII — XVIII вв.³⁰ Стихийные социальные протесты «низов», как правило, сопровождались слухом «измена». Если «измена» признавалась фактом, то являлась и социально-психологическая готовность народа выступить с оружием против «изменников». Недовольство стрельцов,

страдавших от «обид» и притеснений со стороны «начальных людей» вылилось в массовое выступление после того, как у стрельцов появилась возможность обосновать его опасениями «измены» при царском дворе³¹. Возведение на престол Петра в обход его старшего брата Ивана было нарушением традиции, следовательно, означало «измену». Осознанию «измены» способствовал и слух о том, что якобы А. С. Матвеев в сговоре с немецкими лекарями намерен отравить царскую семью, а Нарышкины затеяли «злое дело» против царевича Ивана³². В службе самодержцу «законность» и «справедливость» были базовыми принципами³³. За их незыблемость по общинным традициям выступали «всем миром», чтобы уберечь царя, если он не мог защитить себя сам. Обязательными были и соблюдение указов «подлинного» монарха, и «сохранение порядка». Поэтому стрельцы после 17 мая 1682 г. боролись с грабежами и не стали помогать холопам, просившим об избавлении от кабалы. Стрельцы искали подателей такой челобитной, часть из них казнили. Однако холопов, перешедших в состав стрельцов, не выдали³⁴.

«Справедливость» стрельцов предполагала награду от самодержца за верную службу. Спасая якобы царевича Ивана от неминуемой смерти и возведя его на царство, стрельцы и посадский люд в 1682 г. полагали, что они, разгромив «измену», помогли всему государству, а значит, достойны награды. Посему стрельцы добивались выдачи имущества казненных «изменников», выплаты «заслуженных денег за 40 лет», увеличения жалованья, требовали возложить обязанность по сбору «стрелецкого хлеба» на посадских жителей³⁵. Интуитивно понимая значение «мест памяти» и желая получить «индულгенцию» на будущее, стрельцы подали челобитную с требованием установить на Красной площади столб с указанием имен казненных «изменников», заслуг стрельцов в борьбе со «всякими неправдами и изменами», а также дать им жалованные грамоты с перечислением стрелецких прав и привилегий, чтобы на Москве и на государских службах, никто вообще не называл стрельцов „поносными словами и бунтовщиками, и изменниками“, без именных царских указов и „подлинного розыску“ никого бы в ссылки напрасно не ссылали и безвинно кнутом и батоги не били и не казнили»³⁶.

Идея раскольников о церковном диспуте³⁷ была поддержана стрельцами, поскольку истинную службу царю они полагали также и в том, чтобы окончательно разрешить спор об «истинной вере». Массовость стрелецкого выступления в «защиту старой веры», вероятнее всего, объясняется пониманием необходимости еще в апреле «стоять заодно»³⁸. Инициатива стрельцов Титова (Ознобишина) полка имела причиной староверческие настроения жителей Гончарной слободы, давние намерения Аввакума, Досифея, Сергия и других провести диспут о вере с «никониянами» на глазах царского дома и народа. Эту инициативу поддержали и другие полки³⁹.

О степени важности для стрельцов идеи сохранения «старой веры» красноречиво говорит факт, упомянутый участником событий С. Романовым. После кремлевской «при» (вероятно, 6 июля) царевна Софья вместе с патриархом собрала к себе от всех стрелецких полков «выборных» и заставила их пообещать покинуть «расколоучителей». Часть стрельцов возмутилась поведением выборных, некоторые «выборные» оказались в застенке. Далее из Кремля пришло указание присылать ежедневно по вечерам от каждого полка по 100 стрельцов «на опасный караул» в Кремль. Присыльных щедро «жаловали» пивом и медом, упрашивали отстать от «расколоучителей». Вскоре стрельцы не только «повинныя принесли за руками»,

но и отрядили 100 человек для поимки «отцов»⁴⁰. В итоге Никиту Пустосвята отдали «церковному суду» и казнили, а иных «отцов» не позднее конца июля разослали по монастырям⁴¹.

Итак, в восстании 1682 г. московские стрельцы выступили как самостоятельная социальная сила, движимая стремлением ослабить гнет, добиться льгот и послаблений от царского дома, наказать виновных в своих бедах «начальных» людей. Выступление это не являлось антифеодальным и антикрепостническим, так как стрельцы не обозначили свои идейные позиции и политические требования в вопросах власти и собственности. Участие стрельцов в споре о вере стало лишь конъюнктурным фрагментом движения за «законность» и «справедливость» в их стрельцком понимании. Стрельцы стремились провести «во власть» «добрых» бояр, защитить от «измены» престол, упрочить свое положение и привилегии и вернуться к «естественному состоянию» верных и покорных слуг трона. Групповые представления стрельцов оказались лишь обыденными представлениями группы, отобразившими ее специфический социальный интерес вне идеологического осознания и политического оформления.

В восстании 1698 г. приняли участие московские стрельцы четырех стрелецких полков (Ф. А. Колзакова, И. И. Черного, А. А. Чубарова, Т. Х. Гундертмарка), к которым сочувственно отнеслась часть городских низов, но на стороне восставших они не выступили⁴². После Азовских походов 1695 — 1696 гг. и трудной зимовки стрельцы намеревались вернуться в столицу. Однако указано им было идти в Великие Луки в армию князя М. Г. Ромодановского. Это обстоятельство вызвало недовольство и озлобление. В «изветном письме» и «черной челобитной Петру I», поданных стрельцами А. С. Шеину и князю Кольцову-Масальскому под Воскресенским монастырем накануне сражения 18 июня, они подробно описывали свои лишения и страдания по поводу военных тягот и голода. Целью стрельцов были приход в Москву, расправа с ненавистными боярами и иностранцами. Как и ранее в 1682 г., стрельцы планировали смену «плохих» правителей (Петра I и его помощников) «хорошими» (Софьей или другой царевной, князьями В. В. Голицыным и М. Я. Черкасским). Новым в намерениях стрельцов было расправиться с самим Петром I. Детальное изучение документов, составленных стрельцами, и иных материалов розыска позволяет констатировать: в новых исторических условиях московские стрельцы обрели видение самое себя как уходящей исторической реальности и предприняли отчаянное сопротивление царю и его реформам. Исследовав ранее «черную челобитную Петру I» десятника стрелецкого полка В. Зорина с точки зрения изучения «прошлого изнутри» и уяснения связи исторических событий во времени⁴³, мы пришли к выводу о смене концептов коллективной (групповой) идентичности московских стрельцов в восстании 1698 г.⁴⁴ Из верных слуг государевых и опоры царского трона по мере осознания усилившейся угрозы групповому интересу московские стрельцы превратились в противников Петра.

Протест стрельцов получил идеологическое оформление в «бунтовой челобитной» стрельца В. Зорина⁴⁵. Составляя ее, он имел «со товарищами» тайные намерения поднять на мятеж вслед за стрельцами четырех полков солдат и московскую чернь⁴⁶. В мятеже стрельцы должны были сохранить ведущую роль. Поэтому В. Зорин сформулировал особую, привлекательную для массового сознания идеологическую миссию стрельцов — «хранителей благочестия», которую пытается обосновать якобы

изначальным предназначением, исконным правом и служебным долгом стрельцов: «как крест целовали». Обращаясь к событиям 1682 г., В. Зорин подтасовал факты с целью утвердить в массовом сознании стереотип «стрельцы — хранители благочестия». Долг стрельцов «государския богом дарованные чести опасать со всякою верностию» В. Зорин подменил самовольно присвоенным правом «благочестию непременно служить»⁴⁷ — хранить истинную в народном понимании христианскую веру и чинить препятствия иноземным немецким обычаям: «и брадобритию, и табаку»⁴⁸. Одновременно он исказил и смысл царского наказа стрельцам: «...и быти им в нашем государском повелении и во всяком обыклом повиновении и послушании со всяким усердным покорением и чистым намерением...»⁴⁹.

Незаурядная роль В. Зорина в восстании 1698 г. становится понятной при уяснении пространственно-временных и причинно-следственных связей событий. Активный участник мятежа 1682 г. В. Зорин имеет глубокую внутреннюю мотивацию в событиях 1698 г.: успех опасного предприятия мог обеспечить десятнику продвижение в социальной иерархии и возвращение утраченного⁵⁰. Осознавая важность идеологической подоплеки мятежа, В. Зорин пишет «бунташный» манифест, в котором нашли отражение распространенные в народе опасения «испровержения веры и благочестия», сформулированы идеи и политические цели стрельцов — противостоять Петру I и его реформам, ставившим под угрозу существование стрелецких приказов. Отметим, в групповых представлениях московских стрельцов помимо обыденных представлений рядовых, десятников, пятидесятников, колебавшихся сотенных и пятисотенных прослеживается сформированность идеологии. В анализе «расспросных речей» в ходе розыска выкристаллизовывается «общественное мнение» группы, основанное на «групповом духе» (М. Шелер⁵¹), который определялся наиболее активными участниками восстания (В. Тума, Б. Проскуряков, А. Маслов, В. Игнатъев, И. Ключин, Я. Алексеев и др.) и, в первую очередь, претендовавшим на роль идеолога десятником В. Зориным.

Подводя итог, сформулируем основные выводы. С 1682 по 1698 г. в ходе Петровских реформ существенно ухудшилось положение московских стрельцов, и этот факт осознавался группой. Как следствие, сменились концепты коллективной (групповой) идентичности, эволюционировав из «покорных слуг трона» в «хранителей благочестия». Присвоение идеологической роли и функции «хранителей благочестия» потребовалось московским стрельцам для легитимации протеста против монаршей воли и поддержки низов в случае успеха мятежа и разрастания движения. В изменении концептов коллективной идентичности нашел отражение процесс осознания и выбора социальной группой «общественного проекта»: в ходе мятежа поменять правителя и сохранить себя в составе Московского государства, противопоставив стрелецкую «Правду» «Кривде» существовавшего социального порядка⁵².

Значимость групповых представлений московских стрельцов в концептуализации исторической памяти конца XVII в. обусловлена как особой ролью стрелецких приказов на протяжении 150 лет в строительстве Русского государства, так и их немалой угрозой реформам Петра I. Неслучайно Петр I являет горячее стремление «вырвать с корнем» чин стрелецкий в стрелецком розыске 1698 — 1700 гг. Указом об установлении каменных столбов с указанием «преступлений» стрельцов⁵³ при захоронении тел казненных Петр I намеренно создавал не просто «место памяти», но и потестарный концепт, формируя парадигму социальной/исторической памяти. Полагаем, в

связи с этим наиболее достоверное воспроизведение групповых представлений московских стрельцов, их идеологической составляющей приближает исследователей к наиболее точному воспроизведению исторической памяти конца XVII в.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Савельева И. М., Полетаев А. В.** «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Историческая экспертиза : сайт. URL: http://istorex.ru/page/saveleva_im_a_v_poletaev_av_istoricheskaya_pamyat_k_voprosu_o_granitsakh_ponyatiya (дата обращения: 01.04.2018) ; **Их же.** Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. [Препринт WP6/2004/07]. М., 2004.
- ² См.: **Савельева И. М., Полетаев А. В.** «Историческая память»...
- ³ См.: **Барг М. А.** Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 15, 24 ; **Репина Л. П.** Память истории и историческое сознание в фокусе категориального анализа М. А. Барга // Харьковский историографический сборник. 2015. Вып. 14. С. 12 ; **Рюзен Й.** Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) [1999] // Диалог со временем : альманах интеллект. истории. 2001. Вып. 7. С. 9.
- ⁴ См.: **Шенк Ф. Б.** Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263 — 2000) / авториз. пер. с нем. Е. Земсковой и М. Лавринович. М., 2007. С. 509.
- ⁵ См.: **Савельева И. М., Полетаев А. В.** Социальные представления о прошлом... С. 33.
- ⁶ См.: **Moscovici S.** Notes Towards a Description of Social Representations // European Journal of Social Psychology. 1988. Vol. 18, № 3. P. 219.
- ⁷ См.: **Малиновский Б.** Балом: духи мертвых на Тробрианских островах [1916] // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры : пер. с англ. М., 2004. С. 436.
- ⁸ См.: **Дюркгейм Э.** Представления индивидуальные и представления коллективные [1898] // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение : пер. с фр. М., 1995. С. 208 — 243.
- ⁹ См.: **Moscovici S.** Answers and Questions // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1987. Vol. 17, № 4. P. 516.
- ¹⁰ См.: **Московичи С.** От коллективных представлений — к социальным [1989] // Вопросы социологии. 1992. № 2. С. 91.
- ¹¹ См.: **Савельева И. М., Полетаев А. В.** Социальные представления о прошлом... С. 27.
- ¹² См.: **Выготский Л. С.** Психология искусства [1965]. М., 1987. С. 20.
- ¹³ См.: **Шелер М.** Социология знания [1926] // Теоретическая социология : антология : в 2 ч. / сост. С. П. Баньковская. М., 2002. Ч. 1. С. 350 — 351.
- ¹⁴ См.: **Савельева И. М., Полетаев А. В.** Социальные представления о прошлом... С. 27 — 32.
- ¹⁵ См.: **Андреева Г. М.** Социальная психология. М., 1994. С. 59 — 118 ; **Ее же.** Психология социального познания. М., 1997. С. 54 — 63.
- ¹⁶ См.: **Deutsch M., Gerard H.** A study of normative and informational social influences upon individual judgment // Journal Abn. Soc. Psychol. 1955. Vol. 51. P. 629 — 636.
- ¹⁷ См.: **Thomas W., Znaniecki F.** The Polish Peasant in Europe and America : in 2 vols. Chicago, 1918 — 1921.
- ¹⁸ См.: **Липпман У.** Общественное мнение : пер. с англ. [1922]. М., 2002. С. 93 — 162.
- ¹⁹ См.: **Cooley Ch. H.** Social Organization: A Study of the Larger Mind. New York, 1909 ; **Mayo E.** The Human Problems of an Industrial Civilization. New York, 1933 ; **Hyman H.** The Psychology of Status. New York, 1942 ; **Sherif M.** An Outline of Social Psychology. New York, 1948 и др.
- ²⁰ **Шелер М.** Указ. соч.
- ²¹ См.: **Савельева И. М., Полетаев А. В.** Социальные представления о прошлом... С. 21.
- ²² **Арнаутова Ю. Е.** Мемория: «тотальный социальный феномен» и объект исследования // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / ред. Л. П. Репина. М., 2003. С. 27 — 28.

- ²³ См.: **Савельева И. М., Полетаев А. В.** Социальные представления о прошлом... С. 33.
- ²⁴ См.: **Заплетин В. В.** Об идеологической функции «открытого письма» десятилетия В. Зорина в событиях стрельцового восстания 1698 г. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23, № 1.1. С. 15 — 20.
- ²⁵ Восстание московских стрельцов 1698 г. (Материалы следственного дела) : сб. док. / [сост. А. Н. Казакевич ; под ред. В. И. Буганова]. М., 1980. С. 39.
- ²⁶ См.: **Галанов М. М.** К вопросу о социальной сущности стрельцового восстания 1682 года // Русское средневековье : сб. ст. в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева. М., 2012. С. 398 — 406.
- ²⁷ См.: **Буганов В. И.** Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 420.
- ²⁸ См.: **Буганов В. И.** Указ. соч. С. 137 ; **Карцов В. Г.** Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Калинин, 1971. Ч. 1. С. 102 ; **Соловьев С. М.** История России с древнейших времен. Кн. VII. (Т. 13 — 14). М., 1962. Т. 1. С. 255 ; **Устрялов Н. Г.** История царствования Петра Великого. СПб., 1858. С. 28 ; **Щебальский П.** Правление царевны Софии. М., 1856. С. 15, 20 — 21.
- ²⁹ См.: **Буганов В. И.** Указ. соч. С. 142 ; **Соловьев С. М.** Указ. соч. С. 260 ; **Устрялов Н. Г.** Указ. соч. ; **Щебальский П.** Указ. соч. С. 22.
- ³⁰ См.: **Усенко О. Г.** Психология социального протеста в России XVII — XVIII вв. Тверь, 1995. Ч. 2. С. 10 — 12, 16.
- ³¹ См.: **Усенко О. Г.** Спорные вопросы истории Московской «Замятни» 1682 года // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2008. Вып. 2, № 19 (79). С. 33.
- ³² См.: Восстание в Москве 1682 года : сб. док. М., 1976. С. 37.
- ³³ См.: **Усенко О. Г.** Спорные вопросы... С. 30 — 31.
- ³⁴ См.: **Буганов В. И.** Указ. соч. С. 180 — 181, 197 — 205.
- ³⁵ Там же. С. 182 — 183, 239.
- ³⁶ Восстание в Москве 1682 года. С. 36 — 39.
- ³⁷ См.: История о вере и челобитная о стрельцах // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1863. Т. 5. С. 116, 121, 147.
- ³⁸ **Буганов В. И.** Указ. соч. С. 91.
- ³⁹ См.: **Усенко О. Г.** Стрельцы и раскольники летом 1682 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1990. № 2. С. 97.
- ⁴⁰ См.: История о вере... С. 146 — 148.
- ⁴¹ См.: **Усенко О. Г.** Спорные вопросы... С. 43 — 45.
- ⁴² См.: **Голикова Н. Б.** Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957.
- ⁴³ См.: **Тош Дж.** Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка : пер. с англ. М., 2000. С. 18 — 20.
- ⁴⁴ См.: **Заплетин В. В.** «Открытое письмо» В. Зорина: проблема создания мифа о стрельцах // Самарский земский сборник. 2016. № 1 (26). С. 32 — 39.
- ⁴⁵ См.: **Заплетин В. В.** Об идеологической функции... С. 18.
- ⁴⁶ См.: **Богословский М. М.** Петр I. Материалы для биографии. Л., 1946. Т. 3. С. 56.
- ⁴⁷ Восстание московских стрельцов 1698 г... С. 39.
- ⁴⁸ Там же. С. 40.
- ⁴⁹ Восстание в Москве 1682 г. С. 200.
- ⁵⁰ См.: **Заплетин В. В.** «Открытое письмо» В. Зорина... С. 36.
- ⁵¹ См.: **Шелер М.** Указ. соч.
- ⁵² См.: **Леонтьева О. Б.** Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX — начала XX в. Самара, 2011. С. 426 — 431.
- ⁵³ См.: **Буганов В. И.** Московские восстания... С. 406.

Поступила 28.01.2019 г.

УДК 94(47)«18»

Д. С. Щукин
D. S. Shchukin

ЧЕБЕРЧИНСКАЯ ВОТЧИНА РУМЯНЦЕВЫХ — ОБРАЗЕЦ «ДВОРЯНСКОГО ГНЕЗДА» В ПРОВИНЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

THE FAMILY ESTATE OF THE RUMYANTSEVS IN CHEBERCHINO AS A SAMPLE OF THE “NOBLE NEST” IN THE PROVINCE OF THE RUSSIAN EMPIRE

Ключевые слова: Румянцевы, вотчина, земледелие, ремесла, торговля, крестьянский двор, крестьянские повинности, система управления хозяйством, обучение грамоте.

В статье на основании материалов архивных источников анализируются характерные черты хозяйственной жизни и социальных отношений в имении графов Румянцевых, располагавшемся в с. Чеберчине ныне Дубенского района Мордовии. Исследованные источники датированы периодом 1740 — 1760-х гг.

Key words: the Rumyantsevs, family estate, agriculture, crafts, trade, peasant household, peasant duties, farm management system, literacy training.

The typical features of economic life and social relations in the estate of the count Rumyantsev family in the village of Cheberchino, which now is in the modern Dubensky district of Mordovia, are analyzed in the article on the basis of archival sources. The sources studied are dated to the period of the 1740s — the 1760s.

Род Румянцевых в истории России в равной степени знаменит как военными победами фельдмаршала Петра Александровича Румянцева (1725 — 1796), так и просветительской деятельностью на благо отечественной науки канцлера Николая Петровича Румянцева (1754 — 1826). Экономическое процветание фамилии во многом основывалось на земельных богатствах, приобретенных в течение XVIII в.¹

Самым значительным поволжским имением Румянцевых было с. Чеберчино Алатырской провинции, а затем уезда Нижегородской (позже Симбирской) губернии, входившее с соседними деревнями в «Алаторскую вотчину» фамилии. Ныне оно находится в Дубёнском районе Республики Мордовия. Эта вотчина была пожалована Петром I А. И. Румянцеву в 1718 г. Александр Иванович Румянцев (1680 — 1749), первый из представителей рода, получивший высокую должность при дворе, сподвижник Петра I по военно-дипломатической деятельности и отец фельдмаршала при Анне Иоанновне впал в немилость, был лишен всех чинов и орденов и в 1731 г. отправлен вместе с женой и детьми в ссылку в Чеберчино². Там опальный сановник вынужден был жить под охраной и без права передвижения в течение трех с половиной лет вплоть до помилования. С тех пор Чеберчино приобрело особую значимость для Румянцевых.

Жизнь семейства в ссылке строго регламентировалась, и за ним осуществляла строжайший надзор охрана в составе 15 солдат и пары офицеров под общим командованием капитана Шипова. Хозяин имения (хотя формально во время опалы А. И. Ру-

мянцева Чеберчино было отдано в собственность его жене М. А. Матвеевой) был лишен какой-либо свободы передвижения, вся корреспонденция на его имя проходила досмотр у Шипова. Дети А. И. Румянцева не имели возможности получать полноценное образование. Однако, несмотря на массу ограничений, фактическим распорядителем хозяйства вотчины выступал все же сам Румянцев. Его не лишали помещичьих прав и привилегий, поэтому семья Румянцевых не испытывала ни малейшего недостатка в пропитании, так как получала со своих крепостных оброк в натуре³. Главными оброчными статьями были мясо скота и птицы, яйца, коровье молоко и мед. Денежный оброк, взимаемый с чеберчинских крестьян, приближался тогда к 1 тыс. руб. в год. С целью упорядочения размеров повинностей в 1731 г. в «Алаторской вотчине» была проведена полная подворная перепись крестьянского населения. Согласно ей в Чеберчине тогда насчитывалось 247 дворов с населением 1 641 чел., общая же численность населения в вотчине составляла достаточно внушительную цифру — 3 352 чел.⁴ Таким образом, несмотря на опальное положение Румянцевых, их содержание в деревне было вполне пристойным, они имели возможность заниматься устройством имения. Во многом благодаря четырехлетнему периоду проживания А. И. Румянцева в тех местах Чеберчино стало одним из наиболее крупных и развитых сел Присурья.

Затем владельцем имения стал П. А. Румянцев. Как и отец, он оставил заметный след в истории села, разработав подробную инструкцию по управлению вотчиной, касавшуюся практически всех сторон экономической и социальной жизни имения. Первый подобный наказ, очевидно, был составлен А. И. Румянцевым в 1735 г., когда окончилась его ссылка: под заглавием «Отправление Александра Румянцева» хранится в РГАДА. Кроме того, дело содержит материалы, имеющие отношение к жизни опального сановника в 1731 — 1735 гг. и касающиеся состояния хозяйства вотчины. Другой документ известен под названием «Покойного его сиятельства графа Петра Александровича учреждение по селу Чеберчину с деревнями» (1751 — 1754 гг.), он хранится ныне в Отделе рукописей РГБ. Именно эти источники легли в основу исследований А. В. Клеянкина о селах Присурья, где особое внимание было уделено Чеберчину и окрестным деревням («Земля отчая», «Отчий край»). Однако, несмотря на массу переработанного ранее малоизученного материала, что само по себе является огромной заслугой исследователя, автору в главах, повествующих о «румянцевском периоде» в истории села, по понятным причинам, не удалось избежать налета тенденциозности. Особенно ярко данное обстоятельство проявилось в статье 1968 г. «Из истории феодальной эксплуатации крестьян Мордовии в XVIII в.». Согласно с названием здесь акцентируются, прежде всего, отрицательные стороны управления Румянцевым своей вотчиной.

В настоящее время представляется необходимым смягчить оценки, заострив внимание на собственно экономических характеристиках вотчинного хозяйства. Основным источником по данному вопросу являются «Экономические ответы, касающиеся до земледелия по Алатырской провинции Нижегородской губернии» 1766 г. — общее социально-экономическое описание той местности, существенную часть которой составляло тогда владение Румянцевых. Этот ценный источник также находится в отделе рукописей РГБ (ф. 219).

В целом, руководствуясь данными указанных документов при рассмотрении важнейших хозяйственных особенностей присурских вотчин в том числе Чеберчин-

ской, приходим к выводу, что они типичны для природно-географических условий Среднего Поволжья и отчасти районов Черноземья. Например, подчеркивается, что в Алатырском уезде «пашенная земля по большей части тучная» и лишь в немногих местах «нечернопесчаная» или болотистая. Это подразумевало достаточно высокую урожайность, которая даже «в обыкновенные года» составляла для ржи и пшеницы сам — 4, а для прочих злаковых сам — 5 — неплохой показатель для российского земледелия⁵. Ведущей зерновой культурой, как и в большинстве районов Центральной России, оставалась рожь, которой, как правило, высевалось в яровом и озимом клинах «равное число» против всех других яровых хлебов, включая пшеницу, овес, гречиху, просо, а также горох, лен и коноплю. При этом отмечалось, что «пшеницы сеется посредственное число, потому что земли по большей части черные», в связи с чем она урождается «куклеватая и мелкая»⁶.

Преобладающей системой земледелия являлось трехполье. Поля засеивались попеременно с чередованием яровой ржи, остальных яровых культур и озимого ржаного клина. Характерной чертой, подмеченной составителем «Экономических ответов», было отсутствие пара: «Земле отдыхать праздно не дают»⁷. Вместе с тем в лесистой местности «для расчищения... поля» деревья и кустарники подвергались вырубке и выжиганию, т. е. сохранялись элементы подсечно-огневой системы. Видимо, плодородный чернозем и слой золы на выжженных участках создавали условия, не требовавшие значительных усилий на дополнительное удобрение почвы, поэтому землю хотя и унавоживали, «однакож самую малую часть». Распахивали землю сохами на небольшую глубину — «обыкновенно... в два вершка». Если следовать описанию 1766 г., обыватели во всех случаях использовали «сохи одинакова рода»⁸, вопреки мнению А. В. Клеянкина о существовании нескольких видов этого инвентаря у чеберчинских крестьян⁹. Нам представляется важным еще одно свидетельство. По указанию автора описания, «в здешних местах пустых мест, непотребляемых ни для пашни, ни для трав не имеется». И это несмотря на то, что, по его же утверждению, случается «семенам замерзать или невзойти на низких местах», т. е. бывают неурожаи. В таком случае отсутствие пустошей и заброшенных участков — косвенное доказательство если и не высокого, то, по крайней мере, стабильного устойчивого хозяйственного развития уезда и Чеберчинской вотчины, находившейся, очевидно, в то время в руках умелых управляющих.

Помимо ведения пашенного земледелия крестьяне при своих дворах имели огороды со стандартным для XVIII в. набором овощных культур (капуста, огурцы, лук, свекла, морковь, редька, тыква, бобы), особую роль в котором по-прежнему играла репа, сеявшаяся по причине неприхотливости большими участками «на новорасчищенных местах» и заменявшая картофель («земляные яблоки»), выращивание которого тогда было «совсем еще неизвестно»¹⁰.

Животноводство было не столь развито, что само по себе не являлось откровением, «ибо за неимением пространных к пастбе... мест излишнего скота содержать не можно». Несколько лучшей была ситуация у обывателей не слишком распространенных степных участков, но и те занимались скотоводством лишь для удовлетворения «самых необходимых домашних надобностей»¹¹. Однако наличие, прежде всего, тяглового скота составляло одно из главнейших условий функционирования крестьянского хозяйства, поэтому даже беднейшие дворы обязательно имели лошадь и, по возможности, корову, которые в этом случае, по существу, являлись единствен-

ным богатством семьи, поскольку другой типичной характеристикой их положения зачастую бывало заключение: «молочного хлеба никакова не имеетца». Так, по переписи 1731 г. в Чеберчине только 3 % дворов были безлошадными, не считая бобылей, а бескоровных значилось около 23 процентов от общего числа¹². Более зажиточные крестьяне разводили также овец, свиней, которых кормили «дубовыми желудками», и в небольшом количестве коз. Отрицательно на развитии животноводства сказывался нередко имевший место падеж скота. Отмечалось, что при этом более всего ему были подвержены как раз столь необходимые в хозяйстве лошади и коровы¹³.

Вспомогательными занятиями населения были пчеловодство и рыбная ловля, но их роль не была существенной. Так, несмотря на общеизвестность бортнических традиций мордовского края в «Экономических ответах» утверждается, что «у редкого мужика есть несколько ульев», поскольку «не всякой крестьянин и присматривать за ними умеет»¹⁴. Другой причиной было то, что «свободных мест к размножению пчел немного», а потому отмечалось бережное отношение к ним. Когда крестьяне вынимали мед из ульев, то пчел обычно не уничтожали. Что касается конкретных количественных данных, то один улей в большинстве случаев приносил не менее 10 фунтов меда и 2 фунта воска¹⁵. В «Экономических ответах» указано, что специальных «рыбных промыслов не имеется»¹⁶. Следовательно, рыба на продажу не вывозилась, а ловили ее для собственных нужд и продавали только на местных торжках.

Очевидно, что крестьянство дополнительно занималось ремеслами, но, в основном для обеспечения собственных потребностей или запросов округа, а не для широкой ярмарочной торговли. Исключение составляли ткацкие изделия и пряжа. О них сообщалось, что, невзирая на «малоимение льна и конопель», холста и пряжи изготавливают «против собственного расхода со излишеством» и затем «продают на торгах... особенно летним временем на бываемых ярмонках» разных городов¹⁷. В качестве красителей для шерстяной и нитяной пряжи, «також и простых сукон» использовали марену, желтый дрок и зеленику. Среди других «рукодельных промыслов» наибольшее распространение получили строительство строгов и барок, изготовление лотков, крестьянских шляп, рогож, бочек, кирпичей, шитье одежды и обуви, гон или «сидение» смолы и дегтя, варение мыла, плотничанье, кузнечное дело. Большая часть изделий этих ремесел по возможности сбывалась «где кому способно» с той или иной степенью успеха. Что касается отхожих занятий, то их значение в жизни алатырских крестьян было невелико. Указывалось, что здешние жители работать «в посторонние места ходят очень мало, а большее число прилежат к домашнему земледелию и промыслам»¹⁸. Стоит отметить, пожалуй, лишь тот факт, что некоторые из «семьянистых и недостаточных», т. е., очевидно, небогатых семейных, нанимались в работу на суда.

Основными предметами торговли с другими регионами для жителей Чеберчинской вотчины служили все же не ремесленные товары, а такие продукты, как хлеб, соль и вино, «вскуренное» на местных заводах. Их отправляли Сурою «в вешнее время» до города Василя, где происходило ее впадение в Волгу, и далее «большой рекою» вверх в Кострому, Ярославль вплоть до Рыбной слободы Ярославской провинции, а вниз до самой Астрахани. «Излишний хлеб» ежегодно, видимо, кроме редких неурожайных лет, отвозился на продажу и зимой в с. Лысково Нижегородского уезда сухопутным путем. Продавалось зерно каждый год по различным ценам — тем, которые устанавливались на тот момент в местности, куда осуществлялся привоз.

Например, по данным за 1766 г., когда составлялось описание, цены на рожь колебались от 70 коп. до 1 руб. 20 коп. за 1 пуд, а на пшеницу — от 1 руб. 20 коп. до 2 руб.¹⁹

В особых статьях характеризовались занятия мужского и женского крестьянского населения в разные месяцы и времена года. В них указывался фактически весь распорядок сельской жизни, самое значительное место в котором, естественно, отводилось полевым работам. Мужчины занимались распахкой земли под хлеба, снимали луб и лыко в своих лесных угодьях (где преобладали дуб и липа), косили, а зимой ездили за сеном и за дровами и возили намолоченный хлеб на продажу. Женщины трудились на огородах, сажая овощи, ухаживали за скотом, ткали и белили холсты, убирали скошенное сено в копны и стога, собирали, обмолачивали и сушили лен, вымачивали, мяли и чистили коноплю; в зимнее же время пряли и «исправляли разные домашние рукоделия». Совместными занятиями считались жатва и молотба хлебов. Особо подчеркивалось, что, начиная с десяти лет, «девочки в праздности оставляемы не бывают», так как с этого возраста их серьезно учат прясть. Среди других сведений о жизни крестьян необходимо выделить одно указание автора «Экономических ответов». Упомянув о том, что некоторые люди здесь живут до шестидесяти и даже семидесяти лет, он вместе с тем замечает, что старше восьмидесяти «весьма редко может сыскаться». На продолжительность жизни, вероятно, кроме прочих естественных для XVIII столетия факторов влияли эпидемии — случавшиеся время от времени «лихорадки и горячки». При этом «домашних лекарств» (видимо, травяных народных снадобий) жители не употребляли. Скорее всего, подобные средства просто не были широко распространены. Вместе с тем в немалом количестве собирались различные корни, заменявшие по свойствам хмель и табак, которых, наоборот, сеялось очень немного²⁰.

Несмотря на многообразие занятий местных жителей, нетрудно сделать вывод, что в годовом цикле сельскохозяйственных работ ведущее место занимали сеяние, уборка, обработка ржи, пшеницы, овса и других зерновых культур. Таким образом, основой хозяйства крестьян Алатырской вотчины оставалось хлебопашество. В озимом участке поля сеялась только рожь, а площадь всего ярового клина, в котором высевались прочие злаковые и некоторые другие культуры, как уже упоминалось, либо равнялось, либо даже была меньше озимого. Учитывая это обстоятельство, нужно отметить, что в среднем размер засева в каждом из полей крестьянского двора составлял 5 — 8 десятин. Только зажиточные «первостатейные» хозяйства имели в яровом и озимом участках от 10 до 15 десятин засеянных хлебов. По данным подворной переписи 1731 г., к ним принадлежали, например, дворы Семена Алексеева и Акулины Игнатьевой, в первом из которых значились, по описи, 12 десятин в озимом клину и 40 четвертей обмолоченного хлеба, 3 лошади, 5 коров с подтелками, 19 овец с ягнятами и 10 свиней; а во втором, одном из самых крепких в Чеберчине да к тому же с женщиной-хозяйкой во главе — 15 десятин в озимом поле, около 100 четвертей обмолоченного хлеба в закромах, 15 лошадей, 12 коров с подтелками, 30 свиней и более 30 овец и коз. В первом хозяйстве при этом имелось 6 взрослых работников, а во дворе Акулины Игнатьевой — 8, включая 4 женщин, хотя с детьми и подростками эта огромная семья насчитывала 22 чел.²¹ Глядя на такое соотношение рабочих рук и обрабатываемых площадей, а также имеющегося в наличии скота, трудно не согласиться с предположением А. В. Клеянкина о том, что

эти богатые хозяева вынуждены были ежегодно привлекать к труду по найму соседей-бедняков, чтобы успевать в срок завершить необходимые полевые работы, поскольку сделать это собственными силами не представлялось возможным²². Думается, что к 1766 г., когда составлялось указанное нами экономическое описание Алатырской провинции, ситуация если и изменилась, то только в сторону дальнейшей дифференциации крестьянства и укрепления зажиточной верхушки Чеберчина.

Нет сомнения, что большая часть крестьянских дворов в Чеберчине относилась к категории середняцких. Имущественное положение их в целом позволяло поддерживать состояние собственного хозяйства на стабильном уровне, обеспечивавшем, по крайней мере, прожиточный минимум. В этой прослойке преобладали дворы с вполне типичными хозяйственными характеристиками, соответствовавшими усредненным показателям для данной местности. В частности, подобные дворы располагали двумя-тремя лошадьми, засевали в яровом и озимом полях от 5 до 10 десятин, обычно имели небольшие запасы обмолоченного хлеба (до 1,5 — 2,0 десятков четвертей ржи, овса и гораздо меньше пшеницы) и умеренное количество крупного рогатого скота. Конечно, этого вполне хватало для пропитания обыкновенной семьи, состоявшей, например, из 7 — 9 чел. (средний показатель по числу душ для крестьянского двора по переписи 1731 г.) В таком случае хозяйство, безусловно, принадлежало к крепким середняцким.

Однако существовали и многолюдные семьи, для обеспечения потребностей которых указанного количества засеваемых земельных площадей и скота явно было недостаточно. Так, во дворе Степана Васильева в 1731 г. насчитывалось 15 чел. При наличии 9 взрослых работников ими обрабатывалось в озимом поле только 4 десятины ржи — следовательно, 6 — 8 десятин вместе с яровыми в общем количестве. В хозяйстве имелись 2 лошади, 1 корова и 5 овец, из зерновых запасов — обмолоченной ржи 2 четверти, овса — 3 четверти, пшеницы — осьмина²³. Очевидно, что при данном раскладе двор, относясь формально к середняцким, по степени обеспеченности крестьянской семьи, скорее, мог быть причислен к бедняцким. Этот пример свидетельствует о том, что принадлежность любого двора к той или иной категории определялась не только хозяйственными показателями, но и соотношением с числом людей, проживавших в нем. Больших дворов, состоявших из 20 — 25 чел., в Чеберчине тогда насчитывалось около 15 % от общего числа и, надо полагать, не все из них можно было отнести к зажиточным. Всего же в 1731 г. к середнякам принадлежало 54 % хозяйств, в то время как зажиточная прослойка составляла менее 20 % дворов.

Вместе с тем значительная часть крестьянских хозяйств (около 27 %) относилась к бедняцким. Большинство из них кроме лошади не имело никаких иных «пожитков». Обеспеченность хлебом тоже была низкой, так как ржи сеялось иногда даже менее десятины, что естественно не давало возможности делать какие-либо запасы. К беднейшим дворам принадлежали 3 % упоминавшихся уже нами безлошадных хозяйств, которые по имущественному положению приближались к бобыльским²⁴. Последние отличались от крестьянских, поскольку не имели ни земельного надела, ни рабочего скота, а потому не считались тяглыми. Согласно переписи 1731 г., из указанных в Чеберчине 247 дворов, 237 были крестьянскими, а 10 бобыльскими²⁵. Вероятно, бобыли подрабатывали, занимаясь ремеслами и отдавая часть заработка в виде денежного оброка помещику, либо переводились им на месячину, т. е. фактически приравнялись к дворовым.

Есть все основания полагать, что не только в крестьянских, но и непосредственно в барском хозяйстве Румянцевых преобладало земледелие. Так, в 30-х гг. XVIII в. барская запашка в Чеберчине уже равнялась примерно 200 десятинам, а к концу века, видимо, достигла 250²⁶. Составитель «Экономических ответов» замечает, что произошло обеднение многих местных крестьян, прежде всего имевших «довольное пропитание». Причинами же этого являлись «недород хлеба» и то обстоятельство, что «некоторые помещики чрезмерно крестьян своих употребляют для собственных... работ». Выше подчеркивается, что помещицкому крестьянину, несущему барщинную повинность, «дается... на себя работать... в каждой неделе по три дни», и столько же он должен работать на господина. Очевидно, это была самая обычная норма, широко распространенная и официально одобряемая правительством. На деле далеко не все помещики следовали указанному распорядку. Часть из них в летние месяцы заставляла крепостных «беспрерывно на себя работать». Крестьянам же предоставлялась возможность трудиться на собственных полях лишь после того, как весь барский хлеб будет собран, а «сено скошено и сметано... в стоги»²⁷.

Неизвестно, относились ли Румянцевы к последней группе помещиков: мы имеем сведения только о том, какие нормы оброчных сборов и барщинных повинностей были установлены для крестьян Чеберчина в начале 30-х гг. XVIII в. А. И. Румянцевым. В «Учреждении по селу Чеберчину с деревнями» Петр Александрович Румянцев наказывал своему управителю следовать именно установлениям, введенным его отцом. Все нормы оброчных сборов были внесены в «окладную книгу», согласно которой денежные сборы вимались в самом начале года, а натуральные два раза — в январе и августе. Натуральный оброк в виде «столовых припасов» включал в себя мясо, масло, яйца, мед. В первые дни года чеберчинские крестьяне должны были вносить своему помещику 1 000 руб. оброчных денег, 130 пудов свиного мяса, 10 пудов говядины, гусей, кур и поросят по 30 пудов и 10 пудов меда. Второй взнос, в августе, состоял из ста баранов, двухсот кур и 3 тыс. яиц. В случае невозможности расплатиться натурой по тем или иным оброчным статьям предписывалось собирать с крестьян соответствующее денежное вознаграждение по заранее установленным расценкам. Кроме того, в натуральный оброк входили масло, ягоды, лесные орехи и шерстяная пряжа²⁸. По подсчетам А. В. Клеянкина, с 1 ревизской души в Чеберчине приходилось по 1 руб. 20 коп., а также по полпуда мяса²⁹.

Что касается отработочной повинности, то размер тягла для крестьянского двора определялся исходя из числа лошадей и наличия рабочих рук. Стоит отметить, что, видимо, уже в середине XVIII столетия в Алатырской провинции некоторые крепостные переводились на оброк, освободившись от барщинных работ полностью. Этот факт подчеркивается в экономическом описании 1766 г., где указана категория оброчных крестьян³⁰. Те же, кто был посажен на барщину, в среднем обрабатывали в господских полях и на участках, отведенных верхушке вотчинной администрации, от шестухи (шестая часть десятины — 600 кв. сажений) до осьмины (половина десятины — 1 600 кв. сажений). Только такие обеспеченные дворы, как пятнадцатилосадный Игнатьевых, имели тягла в пределах десятины³¹.

На основании вышеприведенных фактов, на наш взгляд, трудно сделать определенный вывод относительно степени феодальной эксплуатации, которой подвергались в XVIII в. чеберчинские крепостные Румянцевых. Очевидно, что на общероссийском фоне оброчные и тяговые нормы, установленные в Чеберчинской вотчине,

ничем не отличались. Безусловно, на тяжесть платежей и повинностей более всего влияли два фактора — бедность крестьянского двора и случавшиеся неурожаи. При совпадении этих условий трудности для несущего тягло многократно увеличивались; с другой стороны, засухи и заморозки, приводившие к недородам, часто как раз являлись главной причиной разорения крестьянских хозяйств. Вместе с тем уровень повинностей не мог оставаться неизменным. С ростом барской запашки и цен увеличивался соответственно размер денежного оброка и пересматривались барщинные нормы, и к концу 1790-х гг. оброк вместо 1 руб. с копейками составлял уже 6 руб. с ревизской души.

Тем не менее самой обременительной повинностью для чеберчинских крестьян Румянцевых стал практиковавшийся с 1730-х гг. обязательный выезд на обработку господских полей в подмосковные деревни Александра Ивановича Румянцева. В «окладной книге» указывалось, что работников следовало отправлять «с мая... на четыре месяца, на их и корму... по 15 человек повсегодно»³². Остается неясным, как долго продолжались эти поездки, и сохранил ли данную повинность П. А. Румянцев, но, пока она существовала, то, судя по всему, вызвала серьезное негодование крестьян, самых сильных и выносливых из которых постоянно отрывали во время страдной поры от семьи и собственного хозяйства.

В «Экономических ответах» отмечалось, что в здешних местах «хлеб мелют по большей части на водяных мельницах», которые принадлежат только партикулярным людям, в том числе с давних пор и Румянцевым. В 60—70-х гг. XVIII в. в Чеберчинской вотчине у них было 5 водяных мельниц — две на речке Чеберчинке и три на Качерме³³. Таким образом, самой значительной, хотя и не единственной статьей дохода Румянцевых в их Алатырском имении было «хлебное производство». Вместе с тем Румянцевы, являясь передовыми представителями дворянства, не могли не следовать новейшим тенденциям развития экономики, стараясь внести их в собственное хозяйство. Особенно преуспел в этом фельдмаршал Петр Александрович Румянцев. Именно при нем в Чеберчине стала действовать «новозаведенная для делания кож на пумповые подошвы и опайковых разных сортов» фабрика, «на которой упражняются мастер пруссак один да работников шесть человек». Хотя сообщалось, что к 1766 г. с нее «товаров в отпуск еще не было», а о дальнейшей судьбе предприятия достоверных сведений не имеется.

В это же время здесь функционировали и две текстильные мануфактуры — «полотняная — о семи станах и суконная — об одном стане», также принадлежавшие П. А. Румянцеву. Кроме румянцевских в округе действовала лишь одна подобная фабрика — замшевая в с. Кунееве. Владел ею московский купец первой гильдии Леонтий Симонов. Производство было вполне рентабельным и, в отличие от кожевенной фабрики Румянцева, давало устойчивую прибыль, поскольку товар из Кунеева отпускался в Москву. Преимущество фабрики Симонова состояло, видимо, главным образом, в том, что она открылась ранее румянцевской и к 1766 г., когда к ней уже приписали «триста пятьдесят душ» крестьян, туда было вложено немало средств³⁴.

П. А. Румянцев владел и конным заводом в 200 голов. В Алатырской провинции подобные имелись не у многих знатных помещиков, и разводили на них не только чистокровных русских лошадей, но и «помешенных с немецкими»³⁵. Наибольший доход, сравнимый только с тем, который давало хлебопашество, приносили мест-

ные браговарный и винокуренный заводы. Чеберчино славилось этим производством еще с дорумянцевских времен. К 1780-м гг. здесь ежегодно выкуривалось около 13 тыс. ведер вина и водки³⁶.

Рассмотрев специфику хозяйственного развития Чеберчинской вотчины и затронув проблему феодальной эксплуатации крестьян в имении Румянцевых, мы не можем не коснуться особенностей управления вотчинным хозяйством и крепостными в середине и второй половине XVIII в., обстоятельно изложенных П. А. Румянцевым в «Учреждении по селу Чеберчину з деревнями». Это была расширенная инструкция-наставление управителю, в которой подвергались учету и анализу практически все стороны хозяйственной деятельности вотчины, предусмотрительно разбирались возможные конфликтные ситуации между крепостными и представителями вотчинной администрации. «Учреждение» состояло из нескольких разделов, основными из которых являлись «наставление денежных приходов и расходов», т. е. по финансовой части, пункты, касавшиеся наказания крестьян за проступки и преступления, наставление о содержании конского завода, рогатого скота и о довольствии «определенным на то служителям», учреждение домовое³⁷.

Перечислим ряд положений, которыми должен был руководствоваться в деятельности управитель, а также указания П. А. Румянцева ему и другим работникам администрации, представляющие наибольший интерес. Во-первых, ведение всех хозяйственных дел должно было подчиняться главной цели — приумножению доходов. Во-вторых, управляющему необходимо было следовать четко разработанной системе мер наказания, установленной для крепостных. В-третьих, надлежащее внимание нужно было уделять организации труда крестьян и дворовых и контролю за порядком их личной жизни. Что же понимал владелец вотчины под этими указаниями и как представлял себе выполнение требований?

Под приумножением доходов понималось не только исправное взимание оброчных денег и натурального оброка в назначенный срок или контроль за своевременным и прилежным выполнением крестьянами барщинных работ, но и тщательное ведение приходно-расходной книги, что входило в компетенцию целовальника — особого должностного лица, ответственного за учет финансовых средств. Аккуратность и экономия должны были исключить необоснованные потери при уходе за скотом, уборке хлебов, заготовке дров для винокурни и их использовании, т. е. в конечном счете способствовать увеличению доходности имения³⁸.

Важным условием поддержания стабильности вотчинного хозяйства П. А. Румянцев считал строгую, в чем-то схожую с военной, дисциплину (это подчеркивал в своем «Курсе лекций по русской истории» В. О. Ключевский³⁹). Отсюда видимо вытекала, его уверенность в эффективности «кну́та». Наказания для крепостных назначались не только за такие явные преступления, как убийство, кража, неповиновение вотчинным властям, но и за прегрешения нравственного свойства — неявку на праздничное богослужение, грубое поведение, неупорядоченность по отношению к начальству, оскорбление священника. Существовавшая система наказаний, которую на практике следовало применять управителю и старостам, была предельно регламентирована. За каждый вид провинности устанавливалась определенная мера дисциплинарного взыскания. Так, в случае кражи одним крепостным чего-либо из пожитков другого, виновный приговаривался к наказанию плетью и уплате штрафа в 50 коп. Если же совершалась кража барского имущества, то провинившегося пред-

писывалось заключать в «железы», т. е. кандалы и, конфисковав все его пожитки, отправлять к самому П. А. Румянцеву, который, вероятно, должен был решать его судьбу, определяя дополнительное наказание. За несоблюдение церковных обрядов взимался десятикопеечный штраф. Основными мерами наказания помимо денежных взысканий, как правило, служили телесные, применявшиеся довольно часто. С этой целью использовались плети, палки и батоги. Практиковались, как уже отмечалось, заключение в кандалы и даже сажание «в цепь», хотя и на недолгий срок. Наконец, одним из самых тяжких наказаний для крепостных считалась отдача в рекруты вне зачета. Оно было установлено для злостных нарушителей правопорядка и дисциплины из числа молодых крестьян и дворовых. Для учета таковых предполагалось систематическое ведение специального журнала, куда заносились бы имена про штрафованных и отмечались их проступки. Наиболее «отличавшиеся» согласно записям отдавались в рекруты «без всякого жребю», который по традиции определял, какая из семей должна отправить одного из сыновей на военную службу, тем самым потеряв его, минимум, на 25 лет⁴⁰.

Другим способом укрепления дисциплины, а следовательно, и увеличения доходности хозяйства П. А. Румянцев полагал развитие системы наблюдения и контроля не только за работой, но и некоторыми сторонами жизни собственных крепостных. Самое важное место в связи с этим, безусловно, отводилось организации крестьянского труда. Согласно нормам десятичной системы деления общины управителю наказывалось назначать сотских, пятидесятских, десятских и нарядчиков от дворовых «всякого звания», в компетенцию которых входил бы присмотр за пристойностью поведения и добротностью выполнения работ со стороны соответственно 100, 50, 10 крестьянских дворов и дворовых людей различных занятий. Более того, предполагалось разделение обязанностей среди надсматривавших лиц. Настоятельно рекомендовалось иметь контролеров по различным видам барщинных работ, например по полевым — полевого старосту, по гуманным — гуменного.

Очевидно, в организационной упорядоченности П. А. Румянцев усматривал главный резерв повышения эффективности хозяйствования. Дополнительной мерой воздействия должно было стать вмешательство в семейную жизнь крепостных. Это касалось, прежде всего, вопросов о браках и разделах крестьянских семей. Если браки между крестьянами в целом поощрялись, за исключением тех случаев, когда жених был со стороны, т. е. из чужой вотчины, то дворовым категорически запрещалось жениться без дозволения барина. В тех же ситуациях, когда свадьба все же вершилась без барского согласия, и девушку, например, отпускали «на сторону», крестьянская семья, допустившая это, должна была внести за нее все положенные за год налоги и заплатить за «увольнительную бумагу». Строгость данного постановления была следствием бережливости владельца, ни в коем случае не желавшего терять деньги. Этим же объяснялся запрет на разделы больших крестьянских семей, поскольку после того «крестьяне приходят в упадок и разорение», что не может не отразиться на исправности уплаты ими оброков⁴¹.

Интерес для исследователей представляет и приложенный к «Учреждению» документ под характерным заглавием «Табель села Чеберчина и Талызина». В него внесены сведения, касавшиеся численности дворовых людей в «Алатырской вотчине» П. А. Румянцева, круга их обязанностей и сумм выплачивавшегося им жалования. В «Табеле» значились только имена дворовых, числившихся на службе: в реестре

отсутствовали не работавшие по малолетству, старости или болезни члены их семей. Число же тех, кому был назначен какой-либо оклад, едва превышало 40 чел. Из документа следует, что размер оклада определялся заранее и в данном случае хозяин была проявил расчетливость и предусмотрительность. При этом жалование состояло из двух частей — денежной и натуральной. В последнюю входили столовые припасы и одежда. Наибольший оклад полагался управителю как главе вотчинной администрации — 30 руб. в год (для того времени приличная сумма). К ней присовокуплялась значительная прибавка в продуктах, включавшая ржаную и пшеничную муку общим количеством в 22 четверти (1 четверть в XVIII в. = 8 пудам), несколько видов круп, горох, говядина и свинина по 10 пудов, масло коровье и постное по 4 пуда, соль, солод, хмель, 10 ведер вина, 5 ведер водки, волокно льна. Денежное довольствие других представителей вотчинного начальства, в том числе служащих канцелярии (целовальник, писарь) в 5 — 7 раз уступало тому, которое получал управитель, составляло 4 — 6 руб., а продовольственный паек отличался немногим. Простые дворовые (сторожа, скотники, птичники, конюхи, пастухи, кузнецы, кучера, горничные, стряпухи и др.), составлявшие наиболее многочисленную группу, получали самое малое жалованье — 1 — 2 руб. в год вместе с минимумом столовых припасов, рубахой, кафтаном и овчиной шубой. Одежда выдавалась на три года. Ткачихи, работе которых в румянцевском «Учреждении» был посвящен целый раздел, где они именовались «домовыми художницами», тоже принадлежали к низшей категории населения вотчины, но не имели твердого денежного оклада. Им предназначалась оплата по труду, т. е. за определенное количество сотканых и расшитых салфеток, скатертей, ковриков полагалась установленная сумма, которая выплачивалась «по приеме изделий нарядчиком»⁴².

Наконец, необходимо упомянуть еще об одном указании, данном П. А. Румянцевым управителю чеберчинской вотчины. Оно касалось организации обучения детей дворовых грамоте и счету. Инструкция по этому поводу была подробной, что свидетельствует о внимании владельца вотчины к данному вопросу. Согласно ей обучать надлежало малолетних дворовых, начиная с пяти-шести лет, «кроме праздников и воскресеньев». Занятия должны были проводиться в «специально отведенном просторном помещении». Материальное обеспечение было возложено на вотчинную контору: она обязывалась оставлять в срок бумагу, чернила и прочие необходимые принадлежности обучавшимся. Назначавшемуся учителю предписывалось платить регулярное жалованье в сумме 6 руб. в год, ежемесячно выдавать скромные столовые припасы и раз в два года шубу и кафтан. В роли учителя, как указывалось в «наставлении», был бывший лакей, обязанный, вероятно, грамотностью собственной любознательности и книгам из барской библиотеки. Кроме того, полагался продуктовый паек и ученикам⁴³. В документе нет конкретного указания на сроки обучения, и А. В. Клеянкин, например, выводит их из сообщения, что учащиеся получали «в три года по кафтану и шубе». На его взгляд, это свидетельствует о трехлетнем сроке обучения⁴⁴. Мы принимаем этот срок за минимально возможный.

Как бы то ни было, очевидно, что указанное распоряжение доказывает дальновидность вотчинной политики будущего фельдмаршала. Безусловно, обучение дворовых грамоте было отнюдь не повседневным явлением для российской глубинки второй половины XVIII в. Преследуя цель повысить уровень доходности своих имений, не самое последнее место в ряду которых занимало, судя по всему, Чебер-

чино с окрестностями, Петр Александрович Румянцев осознал, что этого невозможно добиться без гибкого, эффективного администрирования. Улучшить систему управления можно было, только увеличив число грамотных людей. Дворовые, свободные от отнимавшей все время и силы работы на земле, более всего подходили для роли канцелярских служащих, незаменимых в делопроизводстве — писарей и счетоводов. Поэтому неслучайно Румянцев требовал присылать «каждый год именны́е списки» обучавшихся «с прописанием их лет и что которой изучил», поскольку, таким образом, намеревался определиться, кто из них мог бы лучше всех справиться с тем или иным поручением⁴⁵.

Оценивая в целом «Учреждение по селу Чеберчину з деревнями» как документ, характеризующий управление вотчиной, можно прийти к заключению, что будучи в общих чертах схож с подобными установлениями крупных землевладельцев того времени, он вместе с тем свидетельствовал об исключительной рачительности хозяина поместья. Этим еще раз подтверждается, что П. А. Румянцев являлся не только знаменитым военачальником, но и настоящим администратором, мудро и умело руководившим процессом управления собственным хозяйством. Он действительно ввел в чеберчинской вотчине строгую дисциплину и жесткую систему наказаний для своих крестьян и дворовых, но нельзя забывать, что это происходило в середине XVIII в. — эпоху безраздельного господства крепостного права и наибольшего ужесточения государственного законодательства в отношении крестьян, и П. А. Румянцев не составил исключения. Очевидно, что его установление в вопросе о дисциплинарных взысканиях и мерах наказания, применявшихся к крепостным, представляло лишь частный случай общегосударственной политической линии.

Последняя четверть XVIII в. характеризуется расцветом хозяйственной жизни чеберчинской вотчины. Однако Николай Петрович Румянцев, наследник П. А. Румянцева, занятый государственной службой в Санкт-Петербурге, не посещал присурское имение, не имея к нему привязанности, в то время как в нем на рубеже XVIII — XIX столетий вспыхнуло пламя крестьянского бунта. После его подавления в Чеберчино уже не вернулся четкий и прописанный порядок вещей, установленный первыми хозяевами Румянцевыми. Крепостническая система дала сбой, ее элементы стали изживать себя. Алатырское родовое гнездо Румянцевых потеряло свое значение и 1830-е гг. было продано. Тем не менее, имя Румянцевых было запечатлено на карте Мордовии, осталось в сельских достопримечательностях. Сегодня охраняемым памятником истории и культуры является построенная в 1817 г. церковь памяти П. А. Румянцева-Задунайского. Деревни Николаевка и Петровка, отделившиеся от разросшегося села, получили название в честь его бывших владельцев⁴⁶. Чеберчино XVIII в. представляет собой характерный пример незначительной, но доходной и уютной для жизни провинциальной дворянской усадьбы со всеми достоинствами и недостатками той эпохи, принадлежавшей представителям высшей столичной аристократии.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Щукин Д. С.** Из истории рода Румянцевых // Центр и периферия. 2003. № 1. С. 104.

² См.: **Клеянкин А. В.** Земля отчая. Саранск, 1969. С. 19 — 20.

³ Там же. С. 20 — 21.

⁴ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Ед. хр. 2004. Л. 229 об., 259, 265 — 266 об.

- ⁵ ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 110. Ед. хр. 5152. I. Л. 225.
- ⁶ Там же. Л. 225, 225 об.
- ⁷ Там же. Л. 226, 226 об.
- ⁸ Там же. Л. 226 — 227.
- ⁹ См.: **Клеянкин А. В.** Отчий край. Саранск, 1983. С. 17.
- ¹⁰ ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 110. Ед. хр. 5152. I. Л. 227 об., 228.
- ¹¹ Там же. Л. 225 об.
- ¹² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Ед. хр. 2004. Л. 224.
- ¹³ ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 110. Ед. хр. 5152. I. Л. 230, 230 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 230.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 231.
- ¹⁷ Там же. Л. 232.
- ¹⁸ Там же. Л. 233.4.
- ¹⁹ Там же. Л. 228 об., 229, 231.
- ²⁰ Там же. Л. 228 — 228 об., 231 об. — 233 об.
- ²¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Ед. хр. 2004. Л. 203, 211.
- ²² См.: **Клеянкин А. В.** Из истории феодальной эксплуатации крестьян Мордовии в XVIII в. // Тр. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1968. Вып. 34. С. 170.
- ²³ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Ед. хр. 2004. Л. 209, 224.
- ²⁴ См.: **Клеянкин А. В.** Земля отчая. С. 24.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Ед. хр. 2004. Л. 229 об.
- ²⁶ См.: **Клеянкин А. В.** Из истории феодальной эксплуатации крестьян... С. 171.
- ²⁷ ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 110. Ед. хр. 5152. I. Л. 227, 232 об.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Ед. хр. 2004. Л. 201, 201 об.
- ²⁹ См.: **Клеянкин А. В.** Из истории феодальной эксплуатации крестьян... С. 171.
- ³⁰ ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 110. Ед. хр. 5152. I. Л. 227.
- ³¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Ед. хр. 2004. Л. 203, 205, 211.
- ³² Там же. Л. 201 об.
- ³³ ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 110. Ед. хр. 5152. I. Л. 231 об.
- ³⁴ Там же. Л. 229 об., 230.
- ³⁵ Там же. Л. 230 об.
- ³⁶ См.: **Клеянкин А. В.** Отчий край. С. 17.
- ³⁷ См.: **Клеянкин А. В.** Из истории феодальной эксплуатации крестьян... С. 173.
- ³⁸ ОР РГБ. Ф. 256. Карт. 355. Л. 9, 10.
- ³⁹ См.: **Ключевский В. О.** Русская история : полный курс лекций : в 3 кн. М., 1993. Кн. 3. С. 330.
- ⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 256. Карт. 355. Л. 2 — 3, 37.
- ⁴¹ Там же. Л. 9 об., 34, 37 — 38 об.
- ⁴² Там же. Л. 40, 40 об.
- ⁴³ Там же. Л. 4 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 5.
- ⁴⁵ Там же. Л. 21 об.
- ⁴⁶ См.: **Щукин Д. С.** Крестьянское восстание 1800 г. в Чеберчинской вотчине Н. П. Румянцева // Социальные конфликты в России XVII — XVIII веков : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Саранск, 20 — 22 мая 2004 г.). Саранск, 2005. С. 372 ; **Его же.** Жизнь и деятельность Н. П. Румянцева : Российский сановник среди придворной элиты, в научном кругу и провинциальном социуме. Саранск, 2017. С. 56.

Поступила 15.11.2018 г.

УДК 930.85(470.345)«18/19»

Н. О. Шкердина

N. O. Shkerdina

КНИЖНЫЕ И РУКОПИСНЫЕ СОБРАНИЯ МОНАСТЫРСКИХ БИБЛИОТЕК МОРДОВСКОГО КРАЯ XVIII — XIX вв. КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

BOOK AND MANUSCRIPT COLLECTIONS OF MONASTERY LIBRARIES OF THE MORDOVIAN LAND OF THE XVIII — XIX CENTURIES AS ONE OF THE FACTORS OF CULTURAL DEVELOPMENT OF THE REGION

Ключевые слова: монастырские библиотеки, духовная культура, рукописные книги, старопечатные книги, духовная литература, книжные фонды, книгописные мастерские (скриптории).

Статья посвящена исследованию формирования и развития монастырских библиотек мордовского края. Анализируется состав их книжных фондов в XVIII — XIX вв. Особое внимание уделяется изучению роли монастырских библиотек в социокультурном развитии края.

Key words: monastery libraries, spiritual culture, manuscripts, old printed books, spiritual literature, book collections, book-writing workshops (scriptoria).

The article is devoted to the study of the formation and development of the monastery libraries of the Mordovian land. The composition of their book collections in the XVIII — XIX centuries is analyzed. Particular attention is paid to the study of the role of monastery libraries in the social and cultural development of the region.

Монастыри мордовского края были не только местами молитвы и уединения, но и центрами православной культуры, просвещения и миссионерской деятельности. Им принадлежала значительная роль в социокультурном развитии мордовского края в XVIII — XIX вв. В тот период монастырские библиотеки вносили вклад в сохранение и передачу культурных ценностей, обеспечивая преемственность культурного развития общества. При некоторых монастырях имелись школы, в которых осуществлялось обучение как послушников обители, так и детей из ближайших сел и деревень. И хотя при монастырях мордовского края духовные учебные учреждения не получили широкого распространения, в них хранились одни из самых обширных библиотек в крае.

Книги в первой половине XVIII — XIX вв. обладали не только духовной, но и большой материальной ценностью. Процесс производства был трудоемким, что отражалось на цене, и приобретали их только состоятельные люди или организации, имевшие в своем распоряжении серьезный капитал. Вплоть до начала XIX в. даже типовые служебники, издававшиеся массовым тиражом, стоили 5 — 7 руб. каждый. Это была очень солидная сумма. Для сравнения годовое жалование казначея Петропавловского монастыря г. Саранска в первой половине XIX в. составляло 17 руб. 50 коп., а настоятеля — 100 руб.¹ Духовные и светские книги, созданные с особенно изысканным оформлением — яркими иллюстрациями, изящными шрифтами, тисненными кожаными переплетами, металлическими застёжками, окладами из дра-

гоценных металлов с камнями и другими элементами декора, стоили целые состояния. Такие издания бережно хранились владельцами, передаваясь из поколения в поколение. В описях наследуемого имущества или приданого книги упоминались особо с детальным описанием (название, наличие иллюстраций, использование металлических элементов декора с драгоценными и полудрагоценными камнями в оформлении и др.).

Возможностью для собирания, накопления и хранения рукописей и книг в XVIII — XIX вв. в мордовском крае располагали лишь немногие состоятельные книголюбы и монастыри². Преимущественно они же могли приобрести редкую рукопись, рукописную или старопечатную книгу. Систематизированными библиотечными собраниями в то время владели, как правило, представители богатых дворянских семей и монастыри.

История монастырских библиотек — органичная часть духовной культуры, и прежде всего книжной, мордовского края. Складывание первых монастырских библиотек С. Б. Бахмутов и В. Б. Смирнова относят к рубежу XVI — XVII вв.³ По данным В. Б. Смирновой, первые обширные книжные собрания были сформированы в Саровской Успенской пустыни, Краснослободском Предтечевом и Краснослободском Спасо-Преображенском монастырях. Это позволяет говорить, что к началу XIX в. монастырские библиотеки обладали солидными и ценными по содержанию книжными собраниями.

В наиболее крупных монастырях мордовского края библиотечное дело, как правило, ставилось на профессиональную основу. В обителях под библиотеки выделяли особые помещения — «книгохранительные палаты», назначались библиотекари и их помощники из числа наиболее начитанных и образованных монахов, следившие за сохранностью рукописных и книжных фондов. Некоторые монастыри, например Саровский, даже имели собственные книгописные мастерские (скриптории), где осуществлялись копирование, реставрация и создание новых книг.

В силу названных обстоятельств монастыри были одними из немногочисленных владельцев крупных разноплановых по содержанию книжных собраний, которые во второй половине XVIII — первой половине XIX в. в мордовском крае являлись большой редкостью.

Рассматривая монастырские библиотеки мордовского края, необходимо оговорить несколько важных обстоятельств: они создавались прежде всего для внутреннего применения и носили закрытый характер; книжные фонды были доступны ограниченному кругу лиц — братии, послушникам и ученикам монастырских школ. Однако, несмотря на закрытость, посредством системы духовного образования монастырские библиотеки способствовали становлению нескольких поколений образованных людей, часть которых пополнила ряды духовенства мордовского края.

Основная часть книжных фондов монастырских библиотек традиционно была представлена церковными, богослужебными и духовно-назидательными книгами: Евангелия, Псалтыри, служебники, каноники, Четьи-минеи, лестницы, требники, стихири, октоихи, триоди, часословы, сочинения отцов церкви, патерики, жития святых и т. п. Кроме названных изданий библиотеки обителей включали собрания законодательных актов Московского государства, России и Российской империи, учебную литературу для братии, послушников и детей, обучавшихся в монастырских

школах, а также собрания светских литературных произведений и периодические издания⁴.

Состав книжных фондов монастырских библиотек строго контролировался высшим духовенством, не допускавшим в библиотеки «запрещенные» (противоречившие догмам православной церкви, официальной политике и идеологии государства) книги. Списки книг, разрешенных и запрещенных для чтения и хранения в монастырских библиотеках, составлялись специально. Запрещенные книги, как правило, изымались и уничтожались, но иногда про них «забывали» и они оставались на дальних полках книжных коллекций обителей.

К началу XIX в. некоторые монастырские библиотеки мордовского края обладали собраниями редких рукописных и старопечатных книг. Их формирование происходило за счет дарителей, в число которых часто входили монахи, представители дворянского и купеческого сословий, либо книги приобретали сами обители.

Небольшая, но представлявшая большую историческую ценность из-за редкости изданий библиотека принадлежала Краснослободскому Предтечеву монастырю. К началу XIX в. она обладала уникальным собранием редких книг конца XVII — XVIII в. Библиотека возникла благодаря усилиям любителя и большого знатока книг архимандрита Иосифа, который в 1700 — 1709 гг. был настоятелем этой обители. На протяжении жизни он собрал солидную для того времени коллекцию духовных книг, которая путешествовала вместе с ним на протяжении всей жизни. По всей видимости, собирать книги будущий архимандрит Иосиф начал еще в годы иночества. Привезенные им рукописные и печатные книги легли в основу библиотеки Предтечева монастыря. Часть личной библиотеки архимандрит Иосиф передал в дар Краснослободскому Спасо-Преображенскому монастырю, в котором провел некоторое время до назначения настоятелем Краснослободского Предтечева монастыря.

Жемчужиной книжного собрания Краснослободского Предтечева монастыря был рукописный «Хронограф», приобретенный архимандритом Иосифом в 1695 г. в г. Ярославле. На полях книги архимандрит помимо завещательной записи сделал опись всего монастырского имущества, среди которого были упомянуты 43 книги преимущественно духовного содержания. Аналогичные описи были сделаны по его распоряжению в четырех книгах — Евангелии 1697 г., большом требнике Петра Могила (Киев, 1646), Маргарите 1698 г. и Триоди постной. В 1764 г. Предтечев монастырь расформировали, а эти четыре редкие по исторической ценности книги до 1917 г. хранились в библиотеке Смоленского храма, выстроенного на месте кладбища указанной обители. Можно только предположить, что остальные книги, скорее всего, были перераспределены между церковными библиотеками и книжными собраниями монастырей Краснослободского уезда.

Что представляли собой другие книги Предтечева монастыря, можно узнать из описей архимандрита Иосифа. Значительная часть книг из собрания обители была отпечатана в Синодальной типографии г. Москвы, а также в типографиях Троице-Сергиевой и Почаевской лавр. Среди авторов книг в реестре, сделанном на полях «Хронографа», упоминаются Ефрем Сирин, Савва Дорофей, Кирилл Транквиллион и некоторые другие. В описи отмечается даже формат книги («в десть», «полдесть»). Годы изданий не указаны, но в описи архимандрита Иосифа подчеркивается, что они «новые». Одна из Библий упоминается как «личная», т. е. лицевая или снабженная

иллюстрациями. Благодаря этому, ценность данного издания увеличивалась в несколько раз.

Кроме непосредственно духовных и церковно-служебных изданий в описи упоминаются назидательные художественные произведения (например, «История о Варлааме и Иоасафе», фигурирующая в описи как «Книга царевича Иасафа»). В числе прочих были названы рукописные книги «Зерцало великое», «Большие правила Никона Черногорца», «Чиновник», «Фитник на крюках и на ноте», три письменных Алфавита. В келье архимандрита Иосифа хранились «Апокалипсис толковый» и «Хронограф с космографией» Ефрема Сирина⁵.

Одной из крупных монастырских библиотек в мордовском крае владел мужской Краснослободский Спасо-Преображенский монастырь. Довольно подробное ее описание имеется в «Кратком очерке достопримечательностей города Саранска и Саранского уезда» известного краеведа и общественного деятеля Г. П. Петерсона: «Для любителя и знатока старинной церковной письменности большой интерес представляют рукописные книги, происхождение которых относят к первой половине XVII столетия; таких книг в монастырской библиотеке множество, и большая часть их написана полууставом и украшены киноварными заглавными буквами и раскрашенными виньетками, другие же написаны обыкновенной скорописью XVII века, но крупно и отчетливо. Книги, написанные полууставом, можно назвать художественными произведениями, они с первого взгляда кажутся как бы напечатанными...»⁶.

Значительная часть библиотечных фондов этой обители была сформирована за счет пожертвований. Среди наиболее известных вкладчиков можно упомянуть архимандрита Краснослободского Предтечева монастыря Иосифа, который в начале XVIII в. передал Краснослободской Спасо-Преображенской мужской обители «на помин души» два октоиха и полный комплект из 12 Четых-миней⁷.

Имелись в библиотечных фондах и рукописные книги, в том числе летописные своды, содержавшие копии наиболее важных монастырских документов (связанные с патриархом Никоном) от 1656 г., уникальная рукописная история монастыря, относящаяся к первой половине XIX в., составленная настоятелями Никоном и Нифонтом и некоторые др. К сожалению, количество томов библиотеки Краснослободского Спасо-Преображенского монастыря неизвестно, а опись ее фондов никогда не составлялась⁸.

Одной из богатейших библиотек в мордовском крае на рубеже XVIII — первой половине XIX в. обладала Саровская пустынь. Эта библиотека примечательна не только крупным собранием редких рукописных книг, но и тем, что часть рукописных фондов не была утрачена после событий 1917 г. В настоящее время 337 рукописных и несколько десятков редких печатных книг, принадлежавших библиотеке Саровской пустыни, хранятся в РГАДА в фонде № 357 «Рукописное собрание Саровской пустыни», а также архивных и музейных учреждениях Республики Мордовия⁹.

Библиотечное собрание Саровской пустыни сложилось практически одновременно с ее основанием. Особенностью библиотеки Саровской пустыни было то, что она изначально комплектовалась не только духовными книгами, но и учебными и научными изданиями по истории, географии, статистике, архитектуре и другим гуманитарным и естественно-научным дисциплинам. Это было связано с тем, что одним из направлений деятельности обители была подготовка миссионеров из числа братии.

У истоков Саровской библиотеки стоял основатель пустыни иеросхимонах Иоанн (1670 — 1737 гг.; в миру — И. Ф. Попов). Его усилиями в монастырской библиотеке сформировались коллекция сборников законов Российского государства XVI — XVIII вв., собрание сочинений церковных публицистов (в том числе запрещенные по политическим мотивам), а также фонд учебной литературы — грамматики и буквари со славяно-греко-латинскими текстами.

Кроме коллекционирования книг и рукописей иеросхимонах Иоанн владел книгописным мастерством и обладал литературным даром. Его перу принадлежат четыре больших произведения, созданные в 1705 — 1712 гг.: «Сказание о первом жительстве монахов...», «Сказание об обращении раскольников заволжских 1700 — 1705 гг.», «Похвала на обращение заволжских старообрядцев, и увещание к обратившимся» и, наконец, самая важная для монастырского устройства книга — «Устав общежительной Сатисо-градо-Саровской пустыни»¹⁰. Ему же принадлежат вставки в старопечатное издание «Лимонаре» Софрония Иерусалимского (Киев, типография Спиридона Соболя, 1678 г.) и копия патериковых повестей¹¹.

Его преемник иеромонах Ефрем изготовил несколько уникальных рукописных списков — Псалтыри и Общежительного правила Саровской пустыни. Их примеру последовали ученики. Инок Сергей в 1736 г. сделал копию «Евангельских чтений на Великий четверг и пятницу».

Среди братии было несколько талантливых копиистов. Так, аноним, скрывший имя под инициалами «Д. И.», к 1753 г. завершил работу над копией «Похвалы Богородице». Послушник Иван Ефимов и иеродиакон Евгений были составителями рукописных сборников богослужебного содержания¹². Перу послушника Афанасия Иларионова (до пострига — симбирского купца) принадлежит копия формуляра грамоты Екатерины II (список последней четверти XVIII в.). Иеросхимонах Варлаам, иеромонах Исайя, монах Боголеп, послушник Сергей Курский, иеродиакон Варлаам и многие другие делали выписки из исторических документов, духовных и литературных произведений, дополняли их вставками, а также полностью переписывали многочисленные сборники духовных сочинений¹³.

Много книг переписал «монах Иринарх, ползы ради душевной»¹⁴, по праву главный саровский книгописец, продолжавший традиции древнерусской книжной культуры. Его перу принадлежат два «Цветника духовных» (списки 1768 и 1792 гг.), рукописная копия сочинений Григория Синаита (список 1772 г.), сборник сочинений и «Житие» Исаака Сирина (список 1779 г.), два сборника-конволюта смешанного содержания (списки 1780 и 1806 г.), сборник сочинений Тихона, епископа Воронежского (список 80-х гг. XVIII в.), «Исправник» (список 1794 г.), житие Феодосия Тотемского 1799 г.¹⁵ Созданием рукописных книг монах Иринарх занимался до глубокой старости. Об этом свидетельствует пометка на одном из сборников 1806 г.: «Написано в пустыни Саровской 1806-го году месяца августа 22 дня скорбящим монахом Иринархом [на] 81 году жития его»¹⁶. Помимо прочего монах Иринарх был талантливым художником-иллюстратором. Некоторые из переписанных им рукописных книг украшают изысканные иллюстрации, стилизованные под XVI — XVII вв. В числе таких работ можно отметить красочные миниатюры в двух списках «Цветника духовного», гравюры и виньетки на страницах переписанных им трудов Григория Синаита, «Исправнике» 1794 г., сборников-конволютов и др.¹⁷

Многие рукописные книги, созданные или реконструированные в Саровской обители обладают не только исторической, но и художественной ценностью. Их украшают многочисленные заставки, рамки, вензеля и миниатюры в старопечатном стиле и в модных в России в последней четверти XVII — XVIII в. стилях барокко, рококо и классицизма. Среди саровских монахов, обладавших большим художественным талантом, можно отметить монаха Сергия, который украсил «Евангельские чтения» 1736 г. миниатюрой с распятым Христом, вензелями и заставкой. Кисти иеромонаха Иоакима принадлежит художественное оформление формуляра грамоты Екатерины II¹⁸. Не меньшей исторической и художественной ценностью обладает пятифигурный Деисус на золотом фоне, выполненный монахом Ефремом, на рукописи «Общежительного правила Саровской пустыни» 1768 г.¹⁹

Иногда в монастырях изготавливались копии не угодных власти книг. Так, в Саровском монастыре предположительно была изготовлена копия сочинения А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»²⁰.

Существенный вклад в собрание рукописных и печатных книг Саровской обители, которое сложилось к XIX в. принадлежит монахам. Многие из них обладали личными (келейными) собраниями книг и впоследствии завещали их обители. К числу таких келейных собраний относится личная библиотека иерея Георгия, насчитывавшая более 20 книг. Рукописные книги были помечены владельческой надписью «От книг иерея Георгия». Владельческие надписи позволяют проследить даже то, где и у кого были приобретены книги. Большинство книг иереев Георгий приобрел в Москве с 1723 по 1727 г.: сборник-конволют смешанного содержания датируемый последней четвертью XVII в., «Меч духовный» братьев Иоанникия и Софрония Лихудов конца XVII — начала XVIII в., купленные в Малых Лужниках; канонник, приобретенный у дьяка церкви Троицы в Хохловке; катехизис, купленный у священника храма Поклонения честных вериг апостола Петра на Покровке, и др.

Не менее интересной была келейная библиотека инока Иринарха. Об этом свидетельствует его владельческая надпись, сделанная на нескольких десятках рукописных книг: «От книг монаха Иринарха, иже и подписую». Ему принадлежали «Слова постнические», «Житие Исаака Сирина» в списках середины XVI в., «Летописец келейный» митрополита Димитрия Ростовского в списке второй четверти XVIII в., сборники смешанного содержания с сочинениями Димитрия Ростовского середины XVIII в. и 60-х гг. XVIII в., сочинения Тихона, епископа Воронежского, относящиеся к 80-х гг. XVIII в. и др.

Среди владельцев келейных библиотек, чьи книги были переданы в библиотеку Саровского монастыря, упоминаются иеромонах Авраамий, инок Савватий, иеромонах Матвей, послушник Феодосий Михайлов и некоторые другие. Владелец одной из крупных келейных библиотек, по сведениям ЦГА РМ, был казначей Саровской обители Киприан. В 1805 г. после его смерти в монастырскую библиотеку Саровского монастыря отошли 49 книг XVII — начала XVIII в., в том числе «Псалтырь», «Минеи праздничные», «Новый завет», «Грамматика Российская», «Логика», «Домашний лечебник», «Минеи общие», «Устав воинский», «Катехизис сокращенный», «Библия», словари, царственная летопись и др.²¹

К началу XIX в. в библиотеке Саровского монастыря сложилась богатая коллекция редких и ценных старинных книг, подаренных представителями купеческого и дворянского сословий: «Сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита» последней трети

XVII в., которые были дарованы московским купцом В. В. Жегалкиным; несколько книг — сочинения и «Житие Григория Синаита» середины XVII в., принадлежавшие торговому человеку гостиной сотни А. М. Гурьеву; книга «Вопросы и ответы Псевдо-Афанасия князю Антиоху» конца XVI в., бывшая прежде в собственности известного государственного деятеля И. В. Плещеева; «Сборник житий ростовских святых» третьей четверти XVIII в. пензенского канцеляриста Ф. Д. Портного; несколько сборников житий святых, дарованных обители овдовевшей княгиней Ф. И. Лобановой-Ростовской, и др.²²

Много рукописных книг к началу XIX в. Саровская обитель приобретала или получала в дар у других монастырей: «Летописец келейный Димитрия Ростовского» второй четверти XVIII в., ранее принадлежавший Темниковскому Санаксарскому Рождество-Богородичному монастырю; «Монастырский устав Нила Сорского» 1807 г. из Спасо-Преображенского Соловецкого мужского монастыря; «Поминальник схимонаха Авраама 1807 г.» из Иосифо-Волоколамской Успенской обители и др.²³

Кроме житийных, богословских и церковно-догматических сочинений в собрании рукописей Саровского монастыря, находящихся в РГАДА, присутствует разрядно-сословный сборник XVII в.²⁴, который, по всей видимости, принадлежал роду Нагих. Любопытно, что на некоторых страницах был подчеркнут г. Темников²⁵, что «вероятно, объясняется вниманием писца или заказчика к истории края, где находилась Саровская пустынь»²⁶.

Помимо указанных произведений в рукописном фонде библиотеки Саровской обители к первой половине XIX в. сформировалось солидное собрание историко-юридических памятников: рукописные копии XVII в. Стоглава 1550 г., «Дела дьяка И. М. Висковатого», «Чинов поставления на царство Федора Ивановича 1584 г., Б. Ф. Годунова 1598 [г.]», «Утвержденной грамоты об избрании Б. Ф. Годунова на царство 1598 [г.]» и др.; рукописные копии XVIII в. Соборного уложения 1649 г. (списка 1718 г.), «Указной книги Московского судного приказа XVII в.», Генерального регламента и др.²⁷

Большой интерес вызывает собрание рукописных историко-литературных сочинений Саровской обители, сформировавшееся к началу XIX в. Основной рукописный корпус представлен списками XVII — XVIII вв. К копиям рукописей XVII в. относятся: последняя редакция «Истории в память сущим предыдущим родом» келаря Троице-Сергиевой лавры Авраамия Палицына; «История о Казанском царстве»; Хронограф 1620 г.; рукописные копии писем Ивана IV императору Священной Римской империи Максимилиану I от 1576 г. и др. XVIII в. датируются рукописные копии «Истории о великом князе московском» князя А. М. Курбского, «Скифской истории» стольника А. Лызлова, «Двора цесаря турецкого и жительство его в Константинограде» Симона Старовольского, «Родословия от праотца Ноя до великого князя Ярослава Всеволодовича» и др.²⁸ Ряд историко-литературных сочинений был посвящен жизни и деятельности Петра I: «Сказание о рождении Петра Великого» П. Н. Крекшина; «Колесница на триумфальное шествие Петра I» Стефана Яворского и др.²⁹

К началу XIX в. в каталоге библиотеки Саровской пустыни наряду с духовными числится много учебных рукописных книг: «Арифметика» 1703 г. форматом «в четверть»; 15 экземпляров «Азбук», изданных в первой половине XVIII в.; «старинное» издание «Азбуки»; одна азбука «на латинском языке»; несколько «Грамматик» 1756 и 1727 гг.³⁰ Представлены в рукописном собрании Саровского монастыря и сочинения

по географии: «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского — копия второй четверти XVIII в., «Космография» Герарда Меркатора список конца XVII — начала XVIII в., Книга Большому Чертежу в редакции 1679 г. и др.³¹

Отличают фонды монастырской библиотеки печатные книги исторической тематики, изданные в XVIII — XIX вв.: труд немецкого ученого В. Стратемана «Феатрон» (Санкт-Петербург 1724 г.), «Жизнь и военные деяния генералиссимуса... графа Суворова»; «Жизнь графини Орловой»; «Биографии Российских Фельдмаршалов с 48 портретами», «Тайны англо-французской политики» и т. д.³²

В числе светских печатных изданий в Саровской библиотеке было много книг по медицине, естествознанию, ботанике, математике, философии, а также словарей, справочно-энциклопедических изданий и т. п. Зафиксированы в библиотечном каталоге обители учебные, научные и духовные издания на латинском, греческом, еврейском, немецком, французском, армянском и польском языках³³.

Уже к середине XVIII в. Саровская пустынь обладала солидной библиотекой. Всего согласно каталогу библиотеки Саровской пустыни от 1753 г. ее фонды насчитывали 856 книг, из которых 600 книг были духовного и 50 светского содержания, напечатанных типографским способом. Кроме печатных книг имелись 183 рукописные книги, в число которых входили 23 сборника нот³⁴.

Библиотечные фонды Саровской обители регулярно пополнялись изданиями, вышедшими из типографий Москвы, Санкт-Петербурга, Могилева, Киева, Вильно, Львова, Амстердама и др.

Среди печатных книг библиотеки Саровского монастыря были многотомные издания справочно-энциклопедического характера: «Исторический словарь» 1720 г. (в 13 т.); «Юридический словарь» 1733 г. (в 2 т.); «Летопись о мятежах» 1771 г. (в 2 т.); «история странствований вообще» 1782 г. (в 15 т.), «Всеобщая история» графа Ж. Л. де Бюффона 1790 г.; «Полный географический лексикон» 1797 г.; «Географический словарь» А. Щекатова 1801 г.; географические атласы и др.

Фонды Саровской обители регулярно пополнялись столичными и губернскими периодическими изданиями. С 1813 г. сюда доставлялись «Москвитянин», «Московские ведомости», «Христианское чтение», «Православный собеседник», «Творения святых отцов», «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Живописное обозрение», «Труды Вольного экономического общества», «Хозяйственная газета», «Экономические записки» и др.³⁵ Подшивки некоторых периодических изданий поступали от частных лиц.

К началу XIX в. библиотека пустыни разрослась до 2 500 томов духовного и светского содержания³⁶. В 1804 — 1807 гг. была составлена опись в алфавитном порядке, которая включала 2 254 печатные книги и 487 рукописных³⁷. Спустя сто лет после первой описи был составлен более подробный каталог библиотеки Саровского монастыря, озаглавленный «Библиотека или книгохранилище с означением количества и качества книг, сохраняющейся в оной» (1853 г.)³⁸. В новом каталоге приводилось детальное описание каждой книги: название, год издания, формат, количество экземпляров и материал переплета (сафьян, кожа, холст). Весь книжный фонд был разделен на две части — «Часть первая. О книгах рукописных» и «Часть вторая. О книгах печатных». Параллельно с хронологическим каталогом велся систематический каталог. К этому времени библиотека Саровской пустыни состояла из 5 тыс. с лишним томов, не считая периодических изданий.

Особый интерес вызывает экслибрис Саровской пустыни. Он представляет собой надпись «Библиотека Саровской пустыни», заключенную в овал и содержащую изображение «Святого Духа», окруженного лучами. Некоторыми исследователями это изображение интерпретируется как «Всевидящее око». Автором экслибриса был пензенский помещик Л. А. Михайловский-Данилевский, подаривший его пустыни в 1859 г.³⁹

Библиотека Саровской пустыни в XVIII — XIX вв. была не только самым большим книжным собранием в мордовском крае, но и одним из центров книжной культуры. Помимо обширных книжных фондов в ней работали высокопрофессиональные сотрудники. Не случайно по просьбе графа П. А. Разумовского в связи с возобновлением деятельности в Москве в 1815 г. Общества истории и древностей российских, располагавшегося при Московском университете, библиотеке Саровской пустыни в 1819 г. было поручено приобретение «рукописей и других достопамятностей, которые могли служить в объяснении разных происшествий в российской истории»⁴⁰. Наиболее ценные материалы и редкие книги следовало пересылать тайному советнику, сенатору, попечителю Московского университета и Московского учебного округа и большому любителю словесности П. И. Голенищеву-Кутузову, который передавал их в распоряжение указанного общества.

Довольно большой была библиотека Санакарского Рождество-Богородичного монастыря (ныне Темниковский район). Ее основание относят к концу XVIII в. В монастыре бережно относились к книгам, а особо ценные издания облагораживали окладами из драгоценных металлов, что повышало их и без того немалую художественную и материальную ценность. Подобная практика была распространена практически во всех обителях мордовского края. В Санакарском монастыре подобным образом были облагорожены несколько книг: напрестольное Евангелие 1759 г. — вклад богатого петербуржца, которое в XIX в. на средства другого благотворителя «обложили» тяжелой серебряной ризой с гравировкой; напрестольное Евангелие 1791 г., подаренное монастырю московским купцом Андреем Иосифовым в 1797 г. было оправлено в серебряный переплет, украшенный стразами и самоцветами⁴¹. Наряду с богословской литературой и житийными текстами здесь находились рукописные книги, имеющие большую научную ценность.

Известно, что библиотекой с духовной и учебной литературой обладал и Петропавловский монастырь, при котором действовала духовная гимназия. Была сравнительно небольшая библиотека и в Сканове монастыре в с. Наровчат⁴². Более детальной информацией о характере этих библиотечных собраний мы не располагаем.

Сегодня имеются отрывочные сведения о характере фондов монастырских библиотек мордовского края, поскольку еще в XVIII — XIX вв. часть обителей упразднили, а их книжные и рукописные собрания передали в другие обители. Кроме того, после событий первой четверти XX в. фонды многих монастырских библиотек были конфискованы и россыпью рассредоточены по музеям, архивам и государственным библиотекам, некоторые издания были переданы за пределы мордовского края или утрачены⁴³.

Несомненно, книжными собраниями владели и другие монастыри мордовского края, но в силу разных обстоятельств они не располагали столь внушительными книжными и рукописными фондами, как библиотеки, рассмотренные нами выше. Это во многом было обусловлено тем, что книги в XVIII — XIX вв. представляли собой не только культурную, но и материальную ценность. Кроме того, в период национали-

зации имущества Русской православной церкви после 1917 г. церковные и монастырские библиотеки были упразднены, и только часть книжных богатств сохранилась, став органичной частью центральных и региональных архивов и музейных фондов.

Библиотеки монастырей в XVIII — XIX вв. были крупными центрами книжной культуры в мордовском крае и играли большую роль в его социокультурном развитии. Благодаря им сформировались серьезные собрания редких книг и рукописей, имеющие особое историческое, научное и культурное значение.

Библиографические ссылки

¹ ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Ф. 40. Д. 27 (Книга окладного жалования). Л. 2.

² См.: **Житаев В. Л., Филатов Д. Г.** Благочиннические, приходские и монастырские библиотеки мордовского края // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 1. С. 168 — 177.

³ См.: **Бахмутов С. Б.** Из истории духовной культуры мордовского края : краевед. очерки. Саранск, 2006. С. 20 ; **Смирнова В. Б.** Монастырские библиотеки мордовского края в конце XVII — начале XIX в. // Исследования П. Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию П. Д. Степанова. Саранск, 1999. С. 217.

⁴ См.: **Смирнова В. Б.** Указ. соч. С. 217 — 218.

⁵ Там же. С. 219.

⁶ **Петерсон Г. П.** Краткий очерк достопримечательностей города Саранска и Саранского уезда // Сборник Пензенского губернского статистического комитета. Пенза, 1899. Вып. 4. С. 47.

⁷ См.: **Смирнова В. Б.** Указ. соч. С. 219.

⁸ См.: **Бахмутов С. Б.** Указ. соч. С. 26.

⁹ См.: Российский государственный архив древних актов : путеводитель : в 4 т. М., 1999. Т. 4. С. 104 — 107.

¹⁰ См.: Саровская общежительная пустынь : подробное описание. М., 1908. С. 45.

¹¹ См.: Российский государственный архив древних актов. Т. 4. С. 106 ; РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. № 117.

¹² РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. № 84, 89, 95, 101, 108, 180.

¹³ См.: **Жучкова И. Л., Калугин В. В.** Книжное собрание Саровской пустыни в Российском государственном архиве древних актов // Труды Института русской литературы. Отделение древнерусской литературы. СПб., 2009. Т. 60. С. 513 — 521 ; РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. № 250.

¹⁴ **Жучкова И. Л., Калугин В. В.** Указ. соч. С. 515.

¹⁵ **Жучкова И. Л., Калугин В. В.** Указ. соч. С. 516 ; РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. № 97, 98, 102, 112, 115, 236.

¹⁶ РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. № 287. Л. 158.

¹⁷ См.: **Жучкова И. Л., Калугин В. В.** Указ. соч. С. 513 — 521 ; РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. № 98, 102, 112, 113, 115, 236.

¹⁸ РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. № 84, 250.

¹⁹ Там же. № 95, 96.

²⁰ **Шторм Г. П.** Потаенный Радищев. М., 1968. С. 12.

²¹ ЦГА РМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 43. Л. 55.

²² РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. № 34, 38, 46, 62, 90 и др.

²³ Там же. № 161, 288, 289.

²⁴ Там же. № 16.

²⁵ Там же. Л. 1, 217 об.

²⁶ **Жучкова И. Л., Калугин В. В.** Указ. соч. С. 519.

²⁷ РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. № 19, 27, 30, 83, 146.

²⁸ Там же. № 41, 57, 136, 138, 181, 188 и др.

²⁹ Российский государственный архив древних актов. Т. 4. С. 106.

³⁰ ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120. Л. 2, 2 об., 4 об., 5.

³¹ РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. № 44, 49, 167.

³² ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120. Л. 2.

³³ Там же. Л. 2 — 30.

³⁴ Там же. Л. 1 об.

³⁵ См.: **Голиченко Г. Н.** Русская книга гражданской печати 18 — первой четверти 19 веков : каталог. Саранск, 1998. С. 4.

³⁶ ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120. Л. 1 об.

³⁷ Там же. Оп. 2. Д. 43.

³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 747.

³⁹ См.: **Мавлиханова Е. А.** Саровский монастырь: внешнее и внутреннее устройство // Степашкин В. А., Мавлиханова Е. А. Культурное наследие: наш древний молодой Саров. Саров, 2004. С. 13 ; ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 747. Л. 6.

⁴⁰ ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 409. Л. 1.

⁴¹ См.: **Бахмутов С. Б.** Указ. соч. С. 22.

⁴² См.: **Курмаев М. В.** Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII — начала XX в.). Самара, 2008. С. 70 ; **Масловский А.** Саранский Петропавловский монастырь // Пензенские епархиальные ведомости. 1882. № 13. С. 8 — 15 ; № 14. С. 11 — 18.

⁴³ См.: **Бахмутов С. Б.** Указ. соч. С. 121.

Поступила 18.03.2019 г.

УДК 94(47)

А. Б. Бирюкова

A. B. Biryukova

НЕ ГЕНИЙ МЕСТА: И. А. ВТОРОВ И САМАРА (КОНЕЦ XVIII — 30-е гг. XIX в.)

NOT THE GENIUS OF THE PLACE: I. A. VTOROV AND SAMARA (THE END OF THE XVIII — THE 30S OF THE XIX CENTURY)

Ключевые слова: И. А. Второв, уездный город, Самара, провинциальная интеллигенция, Среднее Поволжье, первая половина XIX в.

В статье представлен анализ взаимодействия И. А. Второва, представителя нарождавшегося слоя провинциальной интеллигенции, и уездного города как целостного социокультурного организма. Впервые показана роль И. А. Второва в градостроительных изменениях, произошедших в Самаре в первой трети XIX в.

Key words: I. A. Vtorov, uyezd town, Samara, provincial intelligentsia, the Middle Volga region, the first half of the XIX century.

The analysis of interactions between I. A. Vtorov as a representative of the nascent layer of the provincial intelligentsia and uyezd town as an integral social and cultural phenomenon is made in the article. The role of I. A. Vtorov in the town-planning changes in Samara during the first third of the XIX century is described for the first time.

Интерес к культурно-антропологическим факторам, обуславливающим развитие города как целостного организма, был проявлен отечественной школой городоведа еще в 1920-е гг. (И. М. Гревс, Н. П. Анциферов и др.). Введенное Н. К. Пикса-

новым понятие «культурное гнездо», сконцентрировало внимание на коллективной деятельности небольшого, но продуктивного социокультурного сообщества, результатом функционирования которого выступали новые институциональные формы культуры, возникшие в провинциальных городах в прединдустриальную эпоху.

Складывание таких «культурных гнезд», включавших в себя интеллектуальную элиту губернских столиц, стало заметным фактором развития российской провинции. Н. К. Пиксанов выделил несколько «культурных гнезд», сформировавшихся в конце XVIII — середине XIX в., — харьковское, ярославское, воронежское, казанское, саратовское¹. При этом внимание ученого привлекали, главным образом, губернские центры.

В меньшей степени в отечественной историографии изучена проблема взаимодействия социально активной, творческой личности и небольшого уездного города дореформенной эпохи, которая является столь же актуальной, сколько и проблема влияния отдельных сословий на пространство культуры малого города². Живя в городе, человек неизбежно находится в постоянном диалоге с ним. Ю. Л. Балюшина справедливо отмечает, что «горожанин как субъект предлагает городу себя — свой труд, свою физическую силу, свой интеллект, свои творческие способности», а «город раскрывает перед человеком поле его потенциальной деятельности, выстраивает рамки, ограничивающие человека, задает вектор его развития»³. Наша цель заключается в изучении места и роли отдельного представителя зарождавшейся провинциальной интеллигенции в социокультурной динамике типичного уездного центра дореформенной поры. При этом мы рассмотрели специфику взаимодействия Ивана Алексеевича Второва (1772 — 1844) — провинциального чиновника, библиофила, неординарной, социально активной личности с типичным городом средне-вожского региона — Самарой, в которой он жил с некоторыми перерывами с начала 1780-х гг. по середину 1830-х гг.

Становление провинциальной интеллигенции было детерминировано несколькими факторами: реформаторской деятельностью власти в области социальной и культурной политики, проникновением книжной продукции в провинцию, расширением круга читающей публики. Человек читающий порождал человека пишущего. В конце XVIII — начале XIX в. эпистолярная рефлексия охватила разнообразные сословные группы, в том числе провинциальное чиновничество⁴. Формирование мемуаристики, в свою очередь, «выступало индикатором процесса эмансипации личности, выделения человека из окружающей его социальной среды»⁵.

Большинство авторов этих эго-документов были чиновниками губернских либо крупных уездных торгово-промышленных центров. Поэтому дневниковые записи и мемуары Ивана Алексеевича Второва — провинциального чиновника, литератора и книголюба, проживавшего в первой трети XIX в. в Самаре (типичном уездном городе Среднего Поволжья), являются уникальным в своем роде историческим источником. Личность И. А. Второва не раз привлекала к себе внимание исследователей как интеллигента⁶ и мемуариста⁷, писателя и библиофила⁸, чиновника⁹ и городничего¹⁰.

Документальное наследие Ивана Алексеевича и его сына Николая Ивановича Второвых хранится в двух архивных фондах — в Москве (РГАЛИ. Ф. 93. И. А. и Н. И. Второвых) и Санкт-Петербурге (ОР РНБ. Ф. 163. Второвы И. А. и Н. И. и Синакевич О. В.). Наибольший интерес представляют мемуары И. А. Второва, озаглавленные «Моя записная книжка с 1801 года»¹¹, а также его дневниковые записи¹².

Впервые отрывки из рукописного наследия Второвых опубликовал М. Ф. Де Пуле в 1875 г. под названием «Отец и сын: опыт культурно-биографической хроники»¹³. Эта работа и сегодня читается с большим интересом. Ее вполне можно отнести к микро-историческому исследованию, в котором на фоне культурно-бытовых реалий представлены историко-биографические и психологические портреты личностей таких схожих и таких разных отца и сына Второвых.

Социальное происхождение И. А. Второва — представителя нарождающейся провинциальной интеллигенции, этапы и механизмы становления его личности были типичны для этой социокультурной группы. Провинциальный чиновник — выходец из семьи приказнослужителя и обедневшей дворянки¹⁴, много десятилетий служивший на разных должностях, главным образом по судейской части. Как и многие коллеги по цеху, Второв не получил системного школьного образования. В семилетнем возрасте он потерял отца и стал фактически кормильцем для матери и двух сестер. Его определили в «татарскую школу» в Оренбурге, которая готовила чиновников со знанием языков тюркских народов Поволжья и Приуралья. Однако целью посещения этой школы было не столько продолжение обучения мальчика, сколько его ученическое жалование — 30 руб. в год.¹⁵ Впрочем совсем скоро (1781 г.) через протекцию дальнего родственника восьмилетнего Ивана устроили копиистом в Самарский уездный суд, в связи с чем он не смог далее учиться наукам и языкам¹⁶.

Испытывая постоянную потребность в самообразовании, И. А. Второв стремился найти круг единомышленников и наставников. Его мечты реализовались в Симбирске, где с 1791 г. он служил при губернском правлении. Здесь он тесно начал общаться с учителями Главного народного училища Н. М. Веревкиным, А. И. Тихонравовым, Цветковым, Шутихиным¹⁷. На страницах дневника И. А. Второва не только «нарисована картина постепенного рождения... провинциальной интеллигенции»¹⁸, но и процесс социализации молодого человека, принятия им норм, ценностей, интеллектуальной картины мира, образа жизни симбирского учительства.

Юноша восторжен и увлечен, его дневник пестрит записями следующего характера: «Посетили меня по вчерашнему обещанию дражайшие для меня гости: господа учителя Тихонравов и Веревкин; они сидели у меня до самых сумерек. Вот время было приятнейшее! Умными разговорами и рассуждениями, также чтением некоторых пьес... сумели они сократить время почти неприметно. Выхваляя упражнения мои, говорили, что они с удовольствием почитают искать моего дружества»¹⁹. Весь симбирский период жизни И. А. Второва — занятия науками, первые литературные штудии, покупка книг, общение с друзьями-наставниками — описываются в дневниковых записях словами «счастье», «удовольствие», «приятность», «наслаждение», «любезность»²⁰. Как справедливо отмечает Л. М. Артамонова, «конечно, здесь следует сделать скидку на сентименталистские литературные пристрастия Второва, с молодости пропитавшие не только весь его дневник, но и само его восприятие жизни»²¹.

И. А. Второва нельзя упрекнуть в поверхностном увлечении науками, его занятия грамматикой, логикой, французским языком постепенно становятся осознанными и системными. Однако семья молодого чиновника не разделяла его восторженного увлечения книжным знанием. Взаимное непонимание усугублялось неблагоприятными бытовыми условиями. Все семейство вынуждено было ютиться в одной комнате. Однажды произошла совершенно безобразная сцена, не только свидетель-

ствовавшая о неприятии родственниками образа жизни юноши, но и с головой выдававшая подьяческое происхождение И. А. Второва, отсутствие воспитания и умения держать себя в руках. Одна из сестер, постоянно «докучавшая» «идти к обедне» и высмеивавшая ученые занятия брата, получила от него яростный отпор. Второв «вспылал гневом, и, не видя ее согласия замолчать, в ярости плюнул ей в глаза»²². Тот факт, что юноша не стал замалчивать этот эпизод в своем дневнике, свидетельствует о сложной внутренней работе молодого человека над самим собой, итогом которой стал вывод о необходимости кардинальных изменений в жизни.

Он сосредоточился на построении карьеры. Прекрасно осознавая, что жизнь в губернской столице требует значительных финансовых затрат, Иван Алексеевич вернулся в уездную Самару (1793 г.). В 1797 г. его избрали здесь заседателем нижнего земского суда²³.

Вплоть до 1830-х гг. Самара была довольно типичным уездным городом с населением чуть более 5 тыс. чел.²⁴ В хозяйственно-экономическом и в социокультурном отношении она уступала таким самобытным средневолжским городам, как Сызрань, Вольск, Саранск, Кузнецк, Краснослободск, Карсунь. Население Самары состояло, главным образом, из мещан, цеховых ремесленников (55,0 %), отставных военных и казаков (13,2 %)²⁵. Купечество, которое во второй половине XIX в. прославит этот волжский город, определит его колорит, в тот период не играло особой роли в его развитии, как, впрочем, и дворянство. В зачаточном состоянии находилась сфера образования и просвещения. Самарское малое народное училище, существовавшее здесь с 1791 г. закрылось в 1797 г., не получив финансовой поддержки ни от государства, ни от местных дворян и горожан. Уездное училище открылось лишь спустя четверть века (1825 г.)²⁶.

Погружение в самарский чиновничий быт не прошло для молодого человека бесследно. Прежние пороки — лень, пьянство, «гнусные мерзости», «ипохондрия», стали его ежедневными спутниками²⁷. Постоянные визиты к новым знакомым, разъезды по губернии, необходимые по должности, заставили молодого человека отстраниться от занятия науками. Причем И. А. Второв искренне скорбит по этому поводу: «Я совсем почти испортился, потухает моя стремительность к наукам и я всем скучаю... Что я здесь пресмыкаюсь? Я сам себе удивляюсь; сам себя не понимаю и пребываю совершенным скотом, совершенным тунеядцем: ни по должности, определенной мне судьбой, ни по склонности моей, предпринимаемого ничего почти не делаю. И от того сам терзаюсь и не могу себя преодолеть»²⁸.

Все же И. А. Второву удастся вернуться к литературным занятиям, о чем свидетельствуют вышедшие с 1798 по 1800 г. в московских журналах «Ипокрена» и «Приятное и полезно препровождение времени» его первые пять произведений²⁹. Занятия науками и литературой не прошли даром. Теперь «знакомства с ним не чурались даже те, кто стоял выше его по социальному кругу — дворянские семьи Наумовых, Тургеневых, Мильковичей, Дурасовых, Пашковых, проживавших в Симбирском, Ставропольском и Самарском уездах»³⁰.

Литература играла значительную роль в формировании ценностных ориентиров И. А. Второва и его поведенческих паттернов. Одной из тем, активно разрабатывавшейся сентиментализмом и романтизмом был мотив дороги, пути, путешествия, семантически связанный с движением человека, его духовной динамикой, поиском смысла жизни³¹. Именно путешествие становится для провинциального чиновни-

ка-литератора важным коммуникативным каналом с внешним миром и механизмом приобщения к социокультурным ценностям элитарного интеллектуального сообщества, а как следствие, способом самореализации. Будучи совсем молодым человеком, И. А. Второв осознал, что, если ему и не удастся вырваться из атмосферы провинциального чиновничьего круга, то, по крайней мере, необходимо обзавестись совершенно иным статусом в этом сообществе благодаря выстраиванию отношений в сети профессиональных и интеллектуальных контактов. Основными культурными точками этой сети были Москва, Санкт-Петербург, Симбирск, Казань, Ставрополь, Оренбург. Учитывая срединное положение Самары в этом культурно-географическом пространстве вполне можно объяснить, почему именно этот волжский город длительное время являлся пристанищем для И. А. Второва.

М. Ф. Румянцева отмечала, что «для провинциального чиновника конца XVIII в. характерно сочетание извечного чиновничьего превосходства и определенной социальной ущербности»³², которую некоторые чиновники сублимировали посредством написания мемуаров. И. А. Второв стал не только мемуаристом, но и литератором. Он не побоялся вступить на путь литературного творчества, получив известность в профессиональном кругу столичных поэтов и писателей. Они, в свою очередь, «охотно знакомились со Второвым, который был им интересен как редкий в то время образованный чиновник-литератор из уездного города»³³. Иван Алексеевич был знаком с И. И. Дмитриевым, Н. И. Гнедичем, Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, А. А. Дельвигом, два раза встречался с А. С. Пушкиным. По подсчетам самарского краеведа А. И. Носкова, у А. С. Пушкина и И. А. Второва было 67 общих знакомых. Причем контакты с интеллектуальной элитой для него были важнее связей в чиновничьем мире, а последние были средством войти в круг известных писателей, библиофилов и ученых.

Первое путешествие Ивана Алексеевича, целью которого было посещение столичных городов, длилось больше года (ноябрь 1800 г. — 1802 г.)³⁴. Эта поездка благоприятно отразилась на его дальнейшей судьбе. По возвращении И. А. Второв активно начал продвигаться по службе. Один чин сменялся другим, в 1805 г. его избрали самарским уездным судьей, в 1806 г. он получил благодарность от симбирского губернатора С. Н. Хованского за составление записки на запрос Комиссии сочинения законов о судопроизводстве³⁵. Второв проявляет себя как знающий и деятельный чиновник, которому покровительствует начальство. Он не ищет патроната вышестоящих чиновников, но и не отказывается от него, прекрасно понимая негласные правила игры в чиновничьем мире. При этом Иван Алексеевич осознавал свое двусмысленное положение в среде родовитого дворянства, положение интеллектуального маргинала. Особенно очевидно это стало, когда семья ставропольского предводителя дворянства Мильковича начала сопротивляться его роману со старшей дочерью Марией. Молодые люди вынуждены были вести тайную переписку. В итоге Мария Васильевна бежала из дома и тайно венчалась с Иваном Алексеевичем (1806 г.). Причем инициатором этого побега выступила сама невеста. Старшим Мильковичам ничего не оставалось делать, как принять этот брак³⁶.

С этого момента И. А. Второв окончательно осел в Самаре, купил дом около кафедрального собора³⁷, обзавелся большим семейством. Серьезные испытания пришлось пережить И. А. Второву в Отечественную войну 1812 г. С сентября 1812 г. по июль 1814 г. он выполнял обязанности уездного судьи, городничего и уездного пред-

водителя дворянства (не будучи потомственным дворянином). На посту градоначальника И. А. Второв сумел проявить себя как талантливый организатор, способный решать сложнейшие задачи по поддержанию правопорядка, имея в арсенале крайне скудные средства. В мемуарах есть следующая запись: «Квартального надзирателя не было, а десятских, человек восемь из стариков или мальчиков, по очереди присылала городская дума... В городе не было ни одной будки. В городническом правлении находилось только двое писцов: один горький пьяница, другой потрезвее; из них первый, вскоре по вступлении моем в городническую должность, опился и найден близ кабака мертвым. ...В городе, по многолюдству жителей, особливо по множеству бурлаков, пристающих к нему на плывущих вверх и вниз по Волге судам и лодкам, случались ежедневно разные происшествия: драки, ссоры, воровство, которые должен я был разбирать словесно или производить следствие, а между тем беспрерывно встречать и провожать идущие через город пешие и конные полки из Оренбургского корпуса к армии»³⁸. Действия И. А. Второва и полковника Г. Н. Струкова позволили не допустить в 1812 г. масштабного бунта башкирских полков, стоявших в Самаре³⁹.

Кроме того, во время пребывания в Самаре пленных «Великой армии» И. А. Второв сумел продемонстрировать лучшие душевные качества — способность сострадать униженным и слабым, готовность отступить от формальностей бюрократической системы ради Человека⁴⁰.

Перенапряжение на службе серьезно сказалось на здоровье Ивана Алексеевича. В рапорте симбирскому губернатору (1814 г.) он сообщал, что по несколько дней вынужден оставаться в постели, поскольку из-за физического и нервного напряжения постоянно падал в обмороки⁴¹. После ухода в отставку с должности городничего И. А. Второв продолжил службу в самарском соляном магазине при Илецком соляном правлении, дослужившись до чина титулярного советника⁴². Начальником И. А. Второва был Г. Н. Струков — управляющий Илецким соляным правлением. Тесным образом Второв общался с другими чиновниками этого ведомства — В. И. Кинешемцовым, поэтом А. Ф. Фурманом, губернским секретарем К. И. Зеленовым, чиновником Н. А. Литвиновым, увлекавшимся философией. В 1818 г. контора Илецкого правления была переведена в Оренбург, и как писал о Самаре современник в конце 1830-х гг.: «Этот город еще недавно славился прекрасным обществом, которое, с того времени, как Илецкое Соляное Правление переведено отсюда в Илецкую Защиту (Оренбургской губернии), мало по малу начало рассеиваться»⁴³.

Несмотря на критику чиновничьих порядков, которая периодически встречается на страницах текстов Второва, Иван Алексеевич сам постепенно «втягивался в мелкие интересы чиновничества»⁴⁴. На протяжении нескольких лет его главной заботой было получение ордена святого Владимира 4-й степени, который давал право на присвоение потомственного дворянства. Второв имел все фактические основания рассчитывать на удовлетворение прошения о даровании ему награды, однако Сенат раз за разом отклонял прошение, считая его аргументы несостоятельными. Государство словно не замечало очевидных заслуг И. А. Второва. В порыве отчаяния он пишет прошение на имя Александра I с просьбой рассмотреть его дело и оценить «истину заслуг» его⁴⁵. Ответ на мольбу провинциального чиновника так и не последовал. Только в 1827 г. при посредничестве бывших симбирских губернаторов Н. П. Дубенского и А. А. Долгорукого, а также двоюродного брата генерала В. Г. Пяткина Ивану Алексеевичу удалось получить долгожданный орден⁴⁶.

На фоне всех неурядиц творческие планы отошли на второй план. Время от времени он обращался к дневнику, пытался собирать материалы для мемуаров, активно вел переписку, выезжал в Симбирск, Казань, Оренбург. Однако все задуманные им проекты так и не были реализованы. В одном И. А. Второв остается верным себе: он истово продолжает собирать библиотеку. Второв заказывает книги у столичных книготорговцев, многих из которых знал лично (А. Ширяева, А. Плюшара, И. Глазунова); покупал книги на ярмарках и у самарского продавца книг Пономарева и, конечно, во время путешествий⁴⁷.

Несмотря на многочисленные поездки, предпринимаемые И. А. Второвым на протяжении всей жизни, длительное время он не совершал никаких попыток переехать в город с более развитой инфраструктурой и более разнообразным обществом, например в Симбирск, Казань или Оренбург. Помимо материальных препятствий к переселению в губернскую столицу, были и другие причины, задержавшие Ивана Алексеевича в Самаре на многие десятилетия. Второв постепенно «обживал» это пространство, делал его «своим», старался культивировать здесь важные для себя ценности и смыслы, к числу которых относил распространение книжной культуры в уездной провинции. По его инициативе в Самаре было создано «Общество членов, подписавших на получение газет и журналов», в котором состояли 23 чел., в том числе смотритель самарского уездного училища В. О. Барщевский и С. В. Милькович, шурин Второва. Члены общества делали взносы по 25 руб. За счет этих средств осуществлялась подписка на столичные издания. Прочитанные книги передавались в библиотеку самарского училища, тем самым Второв способствовал пополнению первой общественной библиотеки в Самаре, которая, к сожалению, впоследствии сгорела при пожаре⁴⁸.

Несмотря на то, что Самара относилась к «старым» городам, здесь длительное время не существовало публичных памятных мест, говоривших об исторических вехах развития города. Одним из самых ярких событий стало посещение его в 1824 г. императором Александром I, удостоившим тогда членов семьи И. А. Второва приемом и подарками⁴⁹.

Именно И. А. Второв был инициатором увековечения в Самаре памяти о величайшем событии в истории страны — Отечественной войны 1812 г. и славы императора-победителя. Он предложил объявить подписку на установку в Самаре памятника Александру I «близ судебных мест на валу» и внес по подписке 25 руб. «Сей памятник, — писал И. А. Второв, — будет не пышен, не богат, но столько же скромен, как скромен Отец наш Монарх, не желающий блистать заслуженной им славой. Одна безыскусственная природа будет вещать нам и детям нашим о Его величии. Простой дикий камень, какой только можно найти величиной в окрестностях Самары, должно перенести на сие место и поставить его на фундамент. Одна сторона камня должна быть отесана и украшена только начертанием из рескрипта Его сих слов собственной рукой Его написанных: „Един Всевышний причиной знаменитых происшествий довершивших кровопролитную брань в Европе. Перед ним все должны мы смиряться“. Александр»⁵⁰. Этот проект так и не был реализован.

После смерти жены Марии Васильевны в апреле 1826 г. заботы о детях полностью легли на И. А. Второва. Однако в течение нескольких лет и эти проблемы постепенно были решены: старшая дочь Екатерина вышла замуж; сын Николай поступил в казанскую гимназию; младшую дочь Юлию забрала на воспитание семья Пяткиных

(В. Г. Пяткин был назначен астраханским военным губернатором). Серьезным ударом для старика-отца была смерть средней дочери двадцатилетней Аннушки, «сгоревшей» от чахотки за несколько месяцев⁵¹. Утешение он вновь нашел в книгах, составляя каталог библиотеки, заказывая новые издания, самостоятельно реставрируя старые тома.

Иван Алексеевич тяжело принимал изменения, затронувшие Самару в начале 1830-х гг. В тот период город охватила «настоящая белотурочная лихорадка», когда в Самарском Заволжье начали сеять уникальный высокотоварный сорт твердой пшеницы — «белотурку»⁵². Интенсификация торговой жизни в городе существенно отразилась на его облике. Берега рек Волги и Самары постепенно застраивали хлебными амбарами, уродовавшими город, вносящими диссонанс в восприятие пространственной среды. Второв активно сопротивлялся этому процессу. С 1832 по 1834 г. Иван Алексеевич направил ряд прошений городничему, губернатору, министру внутренних дел с просьбой разобраться с застройкой берега реки Самары⁵³. Все свои знания, все красноречие он направил на убеждение вышестоящего начальства в том, что амбары обезображивают город. Кроме того, напротив дома И. А. Второва, на берегу Самары выстроил в нарушение всех правил очередной хлебный амбар купец 3-й гильдии Ф. С. Плотников, бывший беглый крестьянин, укрытый «градским обществом», и будущий городской голова Самары⁵⁴. Этот случай перевел проблему городской застройки в личное противостояние Второва-горожанина с интересами торгового класса и государственной машины.

И. А. Второв доказывал, что амбары нарушают план городской застройки 1804 г., возводятся без соблюдения норм и правил, загромождают вид на реку и уродуют одну из центральных улиц города, нарушают права домовладельцев, поскольку телеги, подъезжавшие к амбарам с улицы, загромождали въезд во двор соседних домов. В одном из прошений он пишет: «Непостижимо, чтобы такое безобразие лучшей улицы города могло быть одобрено г[осподинам] губернатором. Проситель не знал до рокового стеснения его дома, что уже составлен был самарским землемером план и прислан при указе губернского правления для отвода мест, желающим застроить амбарами весь дом его с улицы. Он не мог представить себе, чтобы самовольно нарушен был план города... Хозяева домов бессильнее и безгласнее хозяев амбаров; Гласные жалобы их еще менее действовали жалоб Второва. Надобно спросить их: приятнее ли им смотреть из окон на стены амбаров или на открытую светлую реку?»⁵⁵.

Язык официальных запросов И. А. Второва экспрессивен и эмоционален. Часто в документах он сознательно пишет о себе в третьем лице, чтобы убедить адресата в беспристрастном и объективном взгляде на масштаб проблемы. Несомненно, в истории с застройкой амбарами берега Самары Иван Алексеевич проявился не просто как житель города, но как горожанин, честно и ответственно выполняющий обязанности члена комитета о городских повинностях. Еще в 1832 г. этот комитет переписал существовавшие в то время амбары и утвердил места по берегам Волги и Самары, на которых можно было проводить аналогичную застройку. Второв доказывал, что хозяева новых амбаров нарушают это решение. Отметим, что именно прошения И. А. Второва способствовали активизации деятельности по упорядочению застройки Самары, что в конечном счете привело к утверждению нового плана города 21 июня 1840 г.⁵⁶

История со строительством амбаров убедила Ивана Алексеевича в том, что та Самара, которая была понятна и даже любима, растворилась у него на глазах, изме-

нился ее «пространственный код». Новый разухабистый, торговый город вырастал вокруг тихой гавани. Такая Самара была чужда и непонятна И. А. Второву. Прожив здесь почти полвека, похоронив здесь жену, детей, многих друзей, Второв начал тяготиться одиночеством, поэтому в мае 1835 г., собрав многотомную библиотеку, он переехал в Казань к сыну Николаю.

После кончины И. А. Второва в 1844 г. Николай Иванович передал богатейшую библиотеку отца, содержащую сочинения по различным отраслям наук на русском и французском языках, коллекцию русских периодических изданий, городу. Тем самым была заложена Казанская публичная библиотека. За этот дар Н. И. Второв получил от императора Николая Павловича «монаршее благоволение»⁵⁷.

И. А. Второв не стал выдающимся писателем или общественным деятелем, но его жизнь, система ценностей, которую он проповедовал, любовь к книжной культуре, науке, литературному творчеству — заложили основу для формирования качественно новой общественно-культурной среды в провинциальном городе. Духовные наследники И. А. Второва — представители «просвещенной бюрократии» и провинциальной интеллигенции — стали кадровый опорой для проведения российской модернизации середины и второй половины XIX в.⁵⁸ Именно их стараниями будет сформировано большинство из «культурных гнезд», описанных Н. К. Пиксановым.

Самара многим обязана Ивану Алексеевичу Второву. Его дневник и мемуары являются уникальным источником не только для изучения генезиса провинциальной интеллигенции, но и проливают свет на историю уездной Самары. Именно И. А. Второв впервые обозначил этот город на культурно-исторической карте эпохи, включив его в интеллектуальное пространство конца XVIII — первой трети XIX в.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Пиксанов Н. К.** Областные культурные гнезда. М. ; Л., 1928. С. 60.

² См.: **Гусева Т. М.** Историография исследования провинциальных городов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 4 (36). С. 138.

³ **Балюшина Ю. Л.** Человек и малый город: специфика взаимодействия (философский аспект) // Исторические, философские, политические и юридические науки. Вопросы теории и практики. [Тамбов]. 2016. № 7, ч. 2. С. 17.

⁴ См.: **Румянцев М. Ф.** Мемуары провинциальных чиновников конца XVIII — начала XIX века как маргинальное явление русской культуры // Российская провинция XVIII — XX веков: реалии культурной жизни : материалы всерос. конф. Пенза, 1996. Кн. 1. С. 370.

⁵ **Бирюкова А. Б.** Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX в. Самара, 2009. С. 207.

⁶ См.: **Артамонова Л. М.** Истоки провинциальной интеллигенции в симбирских записях дневника И. А. Второва (1791 — 1793 гг.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 437 — 443.

⁷ См.: **Де Пуле М. Ф.** Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // Русский вестник. 1875. Т. 116, № 4. С. 494 — 544 ; Т. 117, № 5. С. 105 — 187 ; Т. 117, № 6. С. 463 — 524 ; Т. 118, № 7. С. 56 — 107 ; Т. 118, № 8. С. 550 — 620 ; Т. 119, № 9. С. 122 — 181 ; **Марков К. К.** Иван Алексеевич Второв // Природа. 2005. № 7. С. 67 — 72 ; **Соловьев А. Ю.** Путевые заметки И. А. Второва (Москва — Санкт-Петербург) // XVIII век / отв. ред. Н. Д. Кочеткова. М. ; СПб., 2015. Сб. 28. С. 428 — 472.

⁸ См.: **Носков А. И.** Люди и события культурное жизни старой Самары: краеведческие поиски и находки / вступ. ст. А. Н. Завального. Самара, 2002. 312 с. ; **Курмаев М. В.** Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII — начало XX в.). Самара, 2008. С. 60 — 62.

⁹ См.: **Артамонова Л. М.** Приобщение к культуре и просвещению как источник счастья молодого провинциала конца XVIII века // Счастливые страницы в истории человечества и повседневной жизни людей : материалы междунар. науч. конф. Тула, 2009. С. 11 — 19.

¹⁰ См.: **Попов А. И., Хомченко С. Н.** Из воспоминаний И. А. Второва о военнопленных 1812 — 1814 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20, № 3. С. 566 — 576; **Их же.** Еще раз к вопросу о военнопленных французах в Самаре 1813 — 1814 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 1, № 3 (2). С. 186 — 189.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24; ОР РНБ. Ф. 163. Д. 8.

¹² РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 17, 18; ОР РНБ. Ф. 163. Д. 6, 7.

¹³ См.: **Де Пуле М. Ф.** Указ. соч.

¹⁴ См.: **Носков А. И.** Указ. соч. С. 9.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 1 об.; **Артамонова Л. М.** Приобщение к культуре и просвещению... С. 12.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 1 об.; **Носков А. И.** Указ. соч. С. 9.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 14. Л. 1; Д. 18. Л. 5, 19.

¹⁸ **Артамонова Л. М.** Приобщение к культуре и просвещению... С. 13.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 18. Л. 5.

²⁰ Там же. Л. 5 — 19.

²¹ **Артамонова Л. М.** Приобщение к культуре и просвещению... С. 16.

²² РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 18. Л. 30.

²³ Там же. Д. 14. Л. 1 об.

²⁴ См.: **Бирюкова А. Б.** Указ. соч. С. 292.

²⁵ Подсчитано по: ОР РНБ. Ф. 885. Эрм. 246. Л. 17 об. — 24.

²⁶ См.: **Артамонова Л. М.** К 175-летию народного образования в Самаре // Самарский земский сборник. 2000. № 1. С. 38, 40, 46.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 об.; **Де Пуле М. Ф.** Указ. соч. Т. 117, № 5. С. 105 — 106.

²⁸ Цит. по: **Де Пуле М. Ф.** Указ. соч. С. 105 — 106.

²⁹ См.: **Носков А. И.** Указ. соч. С. 13 — 14.

³⁰ См.: **Артамонова Л. М.** Приобщение к культуре и просвещению... С. 18.

³¹ См.: **Сботова С. В.** Рефлексия темы путешествия (пути) в художественно-философской мысли Западной Европы и России XVIII — XX вв. : автореф. дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2005. URL: <http://www.dissercat.com/content/refleksiya-temy-puteshestviya-puti-v-khudozhestvenno-filosofskoi-mysli-zapadnoi-evropy-i-ros> (дата обращения: 10.03.2019).

³² **Румянцева М. Ф.** Мемуары провинциальных чиновников... С. 373.

³³ **Носков А. И.** Указ. соч. С. 15.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 об., 174.

³⁵ Там же. Д. 14. Л. 1 об.

³⁶ См.: **Де Пуле М. Ф.** Указ. соч. Т. 117, № 6. С. 474 — 482.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 73. Л. 1 — 1 об.

³⁸ Там же. Д. 24. Л. 251.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 251, 259.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 259 об. — 277 об.; **Попов А. И., Хомченко С. Н.** Еще раз к вопросу... С. 186 — 189.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 293.

⁴² Там же. Д. 14. Л. 1 об., 2.

⁴³ **Пушкарев И.** Историко-географическое описание городов Симбирской губернии. СПб., 1837. С. 54 — 55.

⁴⁴ **Де Пуле М. Ф.** Указ. соч. Т. 118, № 7. С. 58.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 57. Л. 1 — 1 об.

⁴⁶ Там же. Д. 14. Л. 2.

⁴⁷ См.: **Курмаев М. В.** Указ. соч. С. 61.

⁴⁸ См.: История Самары (1586 — 1917) / П. С. Кабытов [и др.]. Самара, 2015. С. 187.

⁴⁹ См.: **Смирнов Ю. Н.** Жителю коляски не худо ехать по воде. Путешествие Александра I на восток // Родина. 2011. № 7. С. 91 — 93.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

⁵¹ См.: Де Пуле М. Ф. Указ. соч. Т. 118, № 8. С. 603.

⁵² См.: Смирнов Ю. Н. Жители провинциального города. Самарские рукописи РГО // Центр и периферия. 2014. № 1. С. 12, 19.

⁵³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 14. Л. 1, 2 — 5 об., 6 — 7.

⁵⁴ См.: Артамонова Л. М. Дореформенный уездный город накануне преобразования в губернский центр (городское самоуправление и бюджет Самары) // Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории России : сб. ст. к 70-летию проф. Валерия Николаевича Никулина. Калининград, 2018. С. 120, 123.

⁵⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 14. Л. 6 — 7.

⁵⁶ Там же. Л. 177 — 177 об.

⁵⁷ Курмаев М. В. Указ. соч. С. 61.

⁵⁸ См.: Смирнов Ю. Н. «Просвещенная бюрократия» в провинции накануне великих реформ: сотрудник самарского губернатора Грота Н. А. Воронов и его вклад в региональные исследования середины XIX века // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 1 (134). С. 28 — 39.

Поступила 12.03.2019 г.

УДК 470

Н. П. Филиппова

N. P. Filippova

НАЧЕРТАВ СЦЕНАРИЙ БУДУЩЕГО: НЕГЛАСНЫЙ КОМИТЕТ И РЕФОРМА ПРОСВЕЩЕНИЯ В НАЧАЛЕ XIX в.

HAVING WRITTEN SCENARIO OF THE FUTURE: THE PRIVATE COMMITTEE AND THE REFORM OF EDUCATION IN THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

Ключевые слова: Государственное управление, Негласный комитет; реформирование; министерство народного просвещения.

В статье рассказывается об обсуждении в Негласном комитете — узком кругу единомышленников императора Александра I вопросов развития Российской империи, в частности реформы в сфере образования.

Key words: Government administration, the Private Committee, reformation, Ministry of Education.

The discussion of the development of the Russian Empire in the Private Committee that was a narrow circle of closest associates of Emperor Alexander I, in particular, reforms in education, is considered in the article.

«Новое столетие! Новый век! Что принесет он мне и чем обернется для моего Отечества?» — так, возможно, размышлял молодой аристократ, потомок известной фамилии Строгановых — Павел Александрович, встречая новый 1800 год. Его друзьям, членам бывшего великокняжеского кружка пришлось покинуть Санкт-Петербург.

бург из-за гонений на оппозиционно настроенных представителей дворянства со стороны императора Павла I. Николай Николаевич Новосильцев находился в Англии, Адам Чарторыйский был направлен посланником в Сардинию, Виктор Павлович Кочубей также уехал за границу. Великий князь Александр Павлович, связанный с ними узами юношеской дружбы, оставшись фактически в одиночестве, был вовлечен в заговор против собственного отца, о чем навсегда сохранит тяжелое чувство вины.

12 марта 1801 г. в результате дворцового переворота Александр I взошел на престол с желанием воплотить в жизнь реформы, задуманные когда-то в тесном кружке друзей. Начинать необходимо было с возрождения союза единомышленников и создания комитета, состав которого Александр I обозначил 9 мая 1801 г., когда в беседе с Павлом Строгановым, назвал Новосильцева, Чарторыйского и Кочубея его членами. «Доверие Александра основывалось собственно на том, что эти люди, кроме прежних дружеских связей, были единственные люди в обстановке Александра, с которыми он был связан общим направлением понятий и которых он не мог бы заподозрить в каком-нибудь своекорыстии или интриге. Он был уверен, что они совершенно понимают и разделяют его благие желания и стараются содействовать их выполнению»¹. Пятым членом Негласного комитета, который незримо присутствовал на заседаниях и для которого, по словам Адама Чарторыйского, всегда было подготовлено кресло, был Фредерик-Сезар Лагарп². Обширные записки бывшего наставника императора по различным вопросам административных преобразований часто становились предметом обсуждений на заседаниях комитета.

В обстановке секретности 24 июня 1801 г. во дворце на Каменном острове четверо молодых аристократов собрались на первое заседание комитета, председательствовал сам император. В историографии комитет был назван «Негласным». Если вначале планировалось, что каждый из членов комитета под каким-либо предлогом будет приходить к императору, то впоследствии практика показала необходимость коллективных обсуждений вопросов, а следовательно, периодичности собраний. Заседания проводились, как правило, по понедельникам, за исключением экстренных и внеочередных. Такой регламент работы придавал комитету статус постоянно действующего, а также способствовал наилучшей организации его работы. Каждый раз к определенному сроку требовалось подготовить какие-либо документы, записи, мнения, проекты. По возвращении домой Павел Строганов составлял отчеты о заседаниях, обсуждавшихся вопросах, дискуссиях и принятых решениях. Они написаны автором на французском языке, который являлся для молодых друзей языком общения, впрочем, как и для всего образованного светского общества того времени. В историографии эти записки известны как «Протоколы Негласного комитета»³. В полном объеме они опубликованы во втором томе биографического исследования великого князя Николая Михайловича «Граф Павел Александрович Строганов (1774 — 1817). Историческое исследование эпохи Александра I»⁴.

В «протоколах» речь идет о 39 заседаниях, которые были достаточно регулярными и прерывались только в связи с поездкой императора на коронационные торжества в Москву в сентябре 1801 г. и встречи с сувереном Пруссии в Мемеле в конце весны 1802 г. Всего граф Строганов зафиксировал 19 заседаний в 1801 г., 16 — в 1802 г., 4 — в 1803 г.⁵ Внеочередных совещаний (тоже довольно большое количество) было 10. Перевод протоколов на русский язык и полная реконструкция заседаний Негласного комитета позволили проследить формирование позиции членов комитета по обсуждавшимся вопросам.

Какое же будущее начертали для Отчества молодые реформаторы? Получившие европейское образование и воспитание, имеющие некоторый политический опыт, наполненные либеральными идеями, они стремились к осуществлению перемен в своей стране, введению конституционных основ правления. Кружок «молодых друзей», образованный еще во времена правления Павла I, превратился в постоянно действующий институт. Начинать, по мнению членов Негласного комитета, необходимо было с реформирования государственной системы управления с целью ее совершенствования. Таким образом, поле деятельности тайного сообщества конкретизировалось представлениями императора и членов комитета о путях и методах реформирования государственного управления. Создание стройной системы управления путем учреждения профильных министерств, но с сохранением коллегий, свидетельствовало о закономерном и постепенном преобразовании администрации в соответствии с замыслами членов комитета о том, что эффективность управления связана не с возрождением традиций XVIII в., а с созданием новой системы управления⁶. Девять заседаний было посвящено обсуждению проектов и выработке решения о создании министерств, в том числе двух новых — Министерства народного просвещения и Министерства торговли. В течение десяти заседаний речь шла о реформе Сената, утратившего права, влияние и доверие нации. По мнению императора и его советников, Сенату необходимо было вручить судебную власть, а его преобразование должно быть связано с общей системой реформирования государственного управления. Однако с учетом мнения сторонних лиц и самих сенаторов, составленный П. А. Строгановым проект предусматривал сохранение исполнительной власти Сената, его административных и судебных функций. Именной указ «О правах и обязанностях Сената» вышел 8 сентября 1802 г., однако его нельзя рассматривать вне связи с другим постановлением — «Манифестом об учреждении министерств», подписанным Александром I в этот же день⁷. Манифест поднимал на новый уровень значение Сената как государственного административного органа, контролирующего деятельность министров.

Позиция членов комитета по крестьянскому вопросу сводилась к пониманию необходимости его решения через постепенное и поэтапное расширение прав сословий, итогом обсуждений стало появление ряда указов⁸.

При всем внимании к реформам государственного управления, проблеме положения сословий и крестьянскому вопросу, члены Негласного комитета, исходя из грядущих задач, стоящих перед государством и обществом, значительное внимание уделяли проблеме народного просвещения. Его развитие и распространение «духа просвещения» являлось, по их мнению, главным залогом для всех последующих преобразований.

Вопрос о необходимости реформ в сфере образования постоянно затрагивались на заседаниях Негласного комитета, но наиболее принципиальное значение имели заседания 23 декабря 1801 г., 3 февраля 1802 г., 12 мая 1802 г. и 4 ноября 1803 г.⁹

Непосредственным толчком для начала обсуждения проблем образования стало сообщение В. П. Кочубея о заслушанном в Непременном совете деле о бедственном положении Московского университета. Члены Негласного комитета полагали, что нельзя решать вопросы отдельно взятого учебного заведения, даже если это столь уважаемое заведение, а подойти к этому вопросу, связав его с общими административными преобразовательными реформами.

С идеями реформирования образования выступал и пятый член Негласного комитета Ф.-С. Лагарп, опираясь на имевшийся европейский опыт организации системы просвещения, он подготовил проект незамедлительной организации министерства образования в Российской империи. Тем не менее в подходах к осуществлению реформ у членов Негласного комитета и швейцарца были расхождения. «Молодые друзья» исходили из трактовки современной ситуации в России, обширности территорий, значительных материальных издержек. Предложения Ф.-С. Лагарпа, которые в целом продолжали традиции XVIII в., превратили бы это учреждение в изолированную структуру, зависевшую от произвола монарха. Это уже происходило в эпоху Екатерины II, создавшей «Комиссию для заведения в России народных училищ». Комиссия сыграла определенную роль в развитии народного просвещения, но постепенно утратила значение, поскольку императрица переключила внимание на другие проблемы внутренней и внешней политики. Хотя император поддерживал мнение наставника о незамедлительном создании министерства, выслушав доводы друзей, он согласился с их позицией. Члены Негласного комитета пошли дальше Ф.-С. Лагарпа, высказав мнение о том, что учреждение, которое возглавит народное просвещение, должно стать частью ведомственной системы управления.

При этом было важно не просто создание министерства, а понимание того, как именно должна быть организована структура образования. Ф.-С. Лагарп предлагал начать с создания начальных школ в селе, затем дополнить их школами повышенного уровня в городах и увенчать всю систему университетами. Члены Негласного комитета, после создания министерства активно влившись в деятельность на ниве просвещения, считали целесообразным идти сверху вниз. Начинать следовало с создания университетов, которые должны быть не просто высшими учебными заведениями, но прежде всего административными структурами, им необходимо на подведомственных территориях возглавить развитие народного образования и обеспечить его единообразие и преемственность на всех ступенях. Они планировали таким образом преодолеть важный недостаток учебной администрации, а именно отсутствие стройно организованной системы местных органов управления образованием¹⁰.

Согласно «Предварительным правилам народного просвещения», утвержденным императором 24 января 1803 г., все учебные заведения делились на четыре разряда, главные из которых университеты, а далее в иерархическом порядке, в соответствии с администрацией и учебными планами располагались губернские училища или гимназии, уездные училища и приходские училища¹¹. По учебной программе каждая ступень обучения, начиная с приходского училища, являлась подготовительной к следующей, вплоть до высшей образовательной ступени — университета. Центром учебно-административного округа становился университет, и разделение империи на учебные округа зависело от того, в каких городах были учреждены университеты. Были предложены и утверждены шесть округов с университетскими центрами в Москве, Вильно, Дерпте, Санкт-Петербурге, Казани, Харькове.

Идея о создании в центральных ведомствах Российской империи Министерства народного просвещения стала важной предпосылкой для дальнейшего поступательного развития образования в России и превратила народное просвещение в одну из признанных функций государства. Негласный комитет сыграл важную роль в формировании реформаторского направления во внутренней политике России имперского периода, разработав стратегию постепенного, но неуклонного преобразования страны.

Библиографические ссылки

- ¹ Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. Исследования и статьи по эпохе Александра I. СПб., 2000. С. 98.
- ² См.: Чарторижский А. Воспоминания и письма. М., 2010. С. 140.
- ³ РГАДА. Ф. 1278 (Строгановы). Оп. 1. Д. 10 — 12.
- ⁴ См.: Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774 — 1817). Историческое исследование эпохи Александра I. СПб., 1903. Т. 2. 470 с.
- ⁵ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 10 — 12.
- ⁶ Филиппова Н. П. Негласный комитет и проблема реформирования России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2017. 23 с.
- ⁷ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. 1649 — 1825 гг. : в 45 т. СПб., 1830. Т. XXVII. № 20407.
- ⁸ Там же. Т. XXVI. № 20075 ; Т. XXVII. № 20758 ; Т. XXVIII. № 21481.
- ⁹ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 10. Л. 125 — 140 ; Д. 11. Л. 31 — 36 ; Д. 12. Л. 48 — 66, 79 — 91.
- ¹⁰ См.: Филиппова Н. П. Указ. соч.
- ¹¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XXVII. № 20405, 20406.

Поступила 21.11.2018 г.

УДК 94+908

Н. В. Липатова
N. V. Lipatova

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: КТО И КАК ОХРАНЯЛ ПОВОЛЖСКИЕ ГОРОДА В 1917 г.

POWER AND SOCIETY: WHO AND HOW PROTECTED THE VOLGA CITIES IN 1917

Ключевые слова: Великая Российская революция, милиция, Временное правительство, Советы рабочих и солдатских депутатов, Поволжье, Симбирская губерния.

В статье на материалах архивов, периодики и воспоминаний рассматривается опыт взаимодействия милиции и общественных структур, прежде всего Советов рабочих и солдатских депутатов в деле охраны правопорядка в поволжских городах.

Key words: the Great Russian Revolution, militia, the Provisional Government, the Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies, the Volga region, the Simbirsk Governorate.

The experience of interaction between the militia and public structures, especially the Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies in the protection of law and order in the Volga cities is analyzed in the article on the materials of archives, periodicals and memoirs.

После Февраля 1917 г. в России была сломана полицейская система. Восставшие повсеместно громили полицейские участки, выявляли и арестовывали городских и других полицейских чиновников. Юридическим закреплением этого процесса выступили постановления Временного правительства от 6 марта 1917 г. о ликвидации

корпуса жандармов и об упразднении Департамента полиции от 10 марта 1917 г. Однако задачи охраны общественного порядка и безопасности граждан не только не исчезли, но оказались как никогда актуальны. Правовая основа организации и деятельности новой правоохранительной структуры определялась в постановлениях Временного правительства «Об утверждении милиции» и «Временном положении о милиции», изданных 17 апреля 1917 г.

Какой должна быть новая милиция: государственная или общественная? Создание милиции по инициативе Временного правительства сразу породило немало споров: должна ли она быть выборной или нет, кто может состоять в ее рядах, а кого не следует туда пускать, какая структура должна контролировать ее деятельность и, наконец, каков должен быть оклад стражей порядка? Местные власти были категорически против добровольческой милиции и отвергли предложение центра о привлечении в её ряды инвалидов войны, так как постовых не хватало и требовались здоровые сильные люди. Против добровольческой милиции на обсуждении о создании таковой в Симбирской губернии использовались доводы со ссылкой на опыт Англии, Австрии и Америки¹. Самарская губерния в этом вопросе была солидарна с другими, отмечая, что для охраны порядка милиция должна формироваться из людей, имеющих достаточно времени, чтобы днем и ночью патрулировать улицы, и чтобы они за это получали жалование².

Самарский Совет считал, что подлинно народная милиция — это вооружение граждан для самозащиты, хотя при этом есть опасность, что оружие попадет в руки тех, кто будет использовать его не по назначению и задавался вопросом «Как создать народную милицию и одновременно профессиональную?». На страницах «Известий Самарского Совета» появилось следующее рассуждение: «Зачем вооружать народ? Милиция должна получать жалование, но не от государства или городского управления, а от фабрик и заводов, как рабочие, несмотря на то, что они выполняют функции по охране общественной безопасности»³. Это, по мнению корреспондента, дало бы народу возможность широкого контроля, не оставив шанса новой структуре превратиться в полицию. Саратовский совет для этого даже издал распоряжение об оплате труда милиционеров не ниже уровня прежней полиции⁴.

Особенностью процесса создания милиции было то, что на начальной стадии он был стихийным, но уже в апреле-мае 1917 г. ситуация была взята под контроль Временным правительством, которое попыталось создать народную милицию «с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления»⁵. Чиновник особых поручений А. В. Яковлев писал о состоянии и деятельности городской и уездной милиции Симбирской губернии: «До 22-го июня 1917 г. милиция в городе находилась, сказать, в состоянии переходном. Как начальствующие лица, так и рядовые милиционеры представляли из себя элемент случайный и текучий. Участие Городского Управления выражалось лишь в ассигновании средств на содержание милиции. Благодаря оставлению как в управлении Начальника милиции, так и в участковых канцеляриях большинства старых служащих, в этом отношении обслуживание граждан, по-видимому, было удовлетворительно. Милиция же, как таковая, по отзывам властей и общественных деятелей, стояла ниже всякой критики»⁶. Р. С. Мулукаев указывает, что если в марте 1917 г. милиция стихийно складывалась из революционной толпы, студентов, а за молодость, порывистость и неопытность ее даже называли «милицией младенцев», то к лету 1917 г. постепенно были орга-

низованы штатные милицейские структуры, пытавшиеся выполнять функции по охране правопорядка.

По закону Временного правительства губернские комиссары Временного правительства назначали руководящий состав милиции⁷, однако на практике случаи назначения даже начальников уездной милиции были крайне редки, а должность рядового милиционера в отдельных губерниях была выборной, как, например, в ряде уездов Симбирской губернии⁸. Закон от 12 сентября 1917 г. предоставлял право органам самоуправления усиливать штат милиции за счет частных лиц и организаций⁹. В связи с этим все желающие общественные силы, в том числе Советы рабочих и солдатских депутатов, создавали свои отряды милиции. Временное правительство выступило с предложением освободить от воинской обязанности лиц, находившихся на службе в милиции, однако в практику правительственной милиции этот закон не вошел, а вот Советы использовали данное положение, привлекая рабочих в ряды добровольных милиционеров¹⁰. Например, созданная Саратовским Советом рабочих и солдатских депутатов милиция делилась на две части для охраны порядка (она получала за свою деятельность заработную плату) и для охраны промышленных объектов (формировалась на общественных началах)¹¹. Они выполняли одну общую задачу и совместно патрулировали улицы. В Симбирске городская дума 9 марта 1917 г., обсудив вопрос «О городской охране», постановила: «До организации постоянной милиции на первое время войскам принять охрану города на себя, которые и исполнят обязанности милиционеров на общественных началах». Советы рабочих и крестьянских депутатов и профессиональные союзы активно участвовали в назначении главных лиц милиции. В частности, в Симбирске был организован Союз служащих Симбирской городской милиции, в который входили не только милиционеры, но и все служащие канцеляристы и др. Союз имел исполнительный комитет из делегатов от каждого участка по одному и президиум из трех лиц, избираемый общим собранием. Союз создал признаваемые городской думой товарищеские суды чести и имел право рекомендовать на должности и увольнять порочных членов милиции, хотя эти полномочия были у него только до осени 1917 г.¹²

Особо стоит сказать о фигуре начальника милиции, который определял лицо местной правоохранительной структуры. Согласно отчетам чиновников МВД, в Саратове начальник-меньшевик подпоручик Павловский пришел на должность с разрешения партии и был выбран на должность Советом рабочих и солдатских депутатов, более того, он являлся представителем Совета и Общественного исполнительного комитета. Милиция Саратова испытывала давление со стороны профсоюзов, при этом чаще в конфликтах поддерживала рабочих, а не предпринимателей¹³. В Самаре начальник милиции действовал в тесном контакте с Советом военных депутатов, комитетом народной власти и Советом рабочих депутатов¹⁴, а в Симбирске «начальником милиции был энергичный офицер, серьезно относившийся к своей задаче, он оказывал содействие всем организациям, в том числе и Совету рабочих депутатов»¹⁵. В обязательном порядке, согласно уставу формирования милиции, один из трех помощников начальника должен был представлять Совет рабочих депутатов¹⁶. По воспоминаниям большевика Смолина, Иосиф Федорович Дроздов — глава Симбирской городской милиции (выпускник Одесского военного училища, в прошлом подпоручик 187-го пехотного резервного Холмского полка, кадровый офицер 163-го пехотного Ленкоранско-Нашибурского полка, капитан, в

1915 г. член казанского окружного суда) был ставленником Совета крестьянских рабочих и солдатских депутатов. Фигура начальника стала результатом общественного компромисса и уже изначально ориентировалась на взаимодействие с общественными силами. Что касается состава милиции, то на примере городской милиции Симбирска можно увидеть его пестроту. Старшие милиционеры (13 чел.) были преимущественно с незаконченным средним образованием, в том числе выпускник землемерного училища и т. д. Особо отмечается: на службу в новую полицию поступили почтовый чиновник, бывший служащий Крестьянского поземельного банка, приказчик и крестьянин, что соответствует демократическому способу формирования милиции Временного правительства. Младших милиционеров в губернии было 130 чел. и еще 12 служили на пристанях. Это были уволенные с военной службы солдаты, среди младшего состава «несолдат» было всего 40 чел.¹⁷

«Погромы в городах как момент истины». Общественная инициатива охраны порядка. Пример Симбирска. Власть города била тревогу: «...ввиду повсеместного усиления краж, грабежей и убийств, застигающих города всегда врасплох, считаю крайне важным теперь же, не откладывая дела, заняться организацией действительной охраны города, не жалея для этого необходимых средств, ибо личная и имущественная безопасность граждан есть краеугольный камень свободы и первое условие нормального течения жизни»¹⁸.

Взаимодействие с Советами и Союзом служащих велось не только на стадии создания милиции и определения подведомственности вновь созданной структуры, но и в процессе повседневной деятельности. Например, в Симбирске в обязательном порядке один раз ночь милиционеры должны были заходить в Совет рабочих депутатов для связи, так как он выполнял роль координатора постов. На плечи Советов ложилась и забота о высвобождении рабочих, занятых в добровольческой милиции с сохранением им заработной платы по месту работы¹⁹.

В Симбирске было введено положение о ночных сторожах для охраны города. Каждый квартал устраивал квартальный комитет, который занимался самообложением квартала и должен был контролировать деятельность таких сторожей. Отмечалось, что подобная группа вооруженных людей будет представлять собой некоторую силу, и преступникам придется считаться с ней (примеры «терроризирования городов небольшой шайкой преступников» уже имелись в России). Предстояло учесть и факт финансовой несостоятельности созданной милиции: для проверки милицейских постов и ночных сторожей «у Начальника Милиции нет средств передвижения, необходим экипаж с лошадью для ночных объездов, так как отпуска денег на разъезды по городу не положено». Да и состав милиции был крайне малочислен — всего 40 чел. младших милиционеров, постов в городе 10, а в ночной обход отправлялись не более трех человек — «вот и вся сила Милиции, на случай происшествия»²⁰. Положение о ночных сторожах кварталов определяло порядок дежурства. «Стоять ночные сторожа должны в две смены. Первая смена с 8 часов вечера до 12 часов ночи, с 12 ночи до 4 часов утра в пикете на перекрестке улиц и вторая с 12 часов вечера до 7 часов утра; смены недельно. Наблюдение за их деятельностью возлагается на постового милиционера того постового района, к которому принадлежат сторожа, каковые на свисток постового милиционера должны немедленно прибывать к месту поста и всецело исполнять даваемые им приказания. Расстановка сторожей по фасадам квартала производится Милицией с таким расчетом, чтобы при малейшем крике о помощи,

сторож мог прибыть в течение нескольких минут, а соседние сторожа оказать ему помощь. На перекрестках улиц благодаря схождению 4 кварталов образуется пикет из 3 — 4 ночных сторожей, для таковых необходимо поставить караулки с чугункой и фонарем, дабы каждый мог видеть, где ему искать защиты, здесь же будет находиться постовой милиционер. ...квартальные комитеты должны учитывать сложности милиции, а именно тот факт, что постовые милиционеры стоят друг от друга на большем расстоянии и не могут оказать друг другу помощи, свисток не может быть услышан от поста до поста, и даже если преступники будут совершать преступление на глазах постового милиционера, то и тогда он вряд ли сможет сделать что-либо, ибо один человек против нескольких бессилен, а помощи получить не откуда»²¹.

В переписке симбирян Наума Ивановича и Анны Павловны Тюрковых (письма из личной коллекции М. К. Никитина), а именно 26 октября 1917 г. мужу из Симбирска в Самару супруга писала: «Милый мой, какой мы переживаем ужас, вот оно начинается. У нас сегодня товарищи разгромили Подругин магазин, добрались до вина, перепились и пошли всю Гончаровскую разнести»²². В газете «Симбирское слово» в заметке «Погром» подробно описывается как это происходило: «С двух часов дня начался разгром магазинов. Начав с магазина Подругина, где было разграблено вино, пьяная толпа солдат пошла громить подряд все магазины. Пьяные солдаты тащат все, что попадется: меха, корсеты, кружева, конфеты....»²³. В указанном выше письме сообщается и о том, что ходят патрули и жители сами вынуждены охранять дома. В другом воспоминании находим описание того, как действовала самоорганизованная охрана: «Коля всю ночь охранял город. Он умирал пьяных бунтовщиков и пришел домой в 4 утра. Он рассказал нам, что на Гончаровской улице, где одни магазины, правую сторону всю разгромили, а на левой разгромили только один магазин „Новосережкин“. Коля с товарищами отстояли магазин „Семенов“, и хозяйка в знак благодарности подарила Коле брелок. Сегодня он опять пошел охранять город. Он опять придет в 4 утра. Но сегодня опасность уже миновала — к нам в Симбирск пригнали казаков!...»²⁴. В воспоминаниях большевика Смолина имеется описание того же погрома, но с другими акцентами в оценках: «Часов в 6 вечера 26 октября начался погром сначала винного погреба Подругина под окружным судом, затем на соседние магазины, а примазавшийся к погрому преступный элемент (вернее, он был руководителем)... В противовес поднявшейся революционной волны городской Думой организована самоохрана города из домовладельцев и буржуазных сынков, так как рабочие и мелкие ремесленники отказывались идти в эту организацию, а жители Куликовки категорически отказывались участвовать, заявив, что им охранять нечего и не от кого, так как солдаты — это их дети и братья»²⁵.

Оценка опыта совместных действия милиции и общественных сил. Качественный состав милиции не отвечал даже минимальным требованиям²⁶. «Массы преступного элемента (Самара), видя полную неспособность нынешней милиции вообще и техническую неподготовленность ее отдельных агентов, совершают безнаказанные поступки, терроризируя население и саму милицию»²⁷. «Негативные элементы не только не боятся властей, но и наглými действиями смеются над ее беспомощностью», «Стражей закона подстреливают, как куропаток, заманивая во дворы», «Милиция в Самаре и Симбирске находится в состоянии брожения», — сокрушался в своем докладе А. В. Яковлев²⁸. Отрядам заводской милиции под контролем Советов иногда удавалось сдерживать некоторые волнения²⁹.

В целом, отчеты Советов о состоянии преступности в городах Поволжья были оптимистичны. Например, в резолюции Саратовского Совета от 13 сентября 1917 г. отмечалось: «В губернии все спокойно. Были единичные случаи убийств, грабежей. На станции Камышин солдаты разгромили 40 000 арбузов. В городе Петровске толпа убила военного чиновника Павлова, бывшего в нетрезвом состоянии». Наиболее тревожная ситуация сложилась в Царицыне. Только за сентябрь было 10 случаев убийств и грабежа, а за одну неделю сентября вырезали 5 семейств³⁰.

Эффективность деятельности милиции как правительственной, так и рабочей оставляла желать лучшего. В ряде случаев грабежи и разбой списывались на «аграрные беспорядки», вместо розыскной деятельности проводились душещипательные беседы с погромщиками³¹. Случались и героические задержания преступников. Так, милиционеры и два члена Симбирского Совета разоблачили банду вымогателя Иванцева. Милиционер Богоявленский и старшина Кузнецов в Симбирске, выдав себя за кучера и барина, отличились, обезвредив преступников. В связи с этим из бюджета Совета было выдано обоим по 10 руб.³²

Случались и события, дискредитировавшие милицию. Так, в Самаре солдаты захватили лучшие земли и заявили о нежелании с них уходить, между милицией и женщинами произошло столкновение³³. 21 марта в Курмышском уезде Симбирской губернии милиция с толпой вместе ворвалась во владения производственных мастерских, вместо того чтобы прийти на помощь владельцу предприятия, который обратился к ней за помощью. В Самаре помощник губернского комиссара Шаманин искал защиты в милицейском участке от толпы, набросившейся на него за угрозу пристрелить извозчика, но милиционеры присоединились к самосудчикам, и Шаманин был растерзан³⁴. 17 августа в Карсуне Симбирской губернии солдаты, подстрекаемые прапорщиком Вишняковым, разоружили милицию и арестовали ее начальника. Власти объясняли подобные случаи тем, что часть милиции давала обещание защищать избирателей. «Выборные должности в милиции должны быть отменены, иначе милиционеры встают на сторону погромщиков», — отмечал в докладе уездный комиссар Временного правительства Курмышского уезда Симбирской губернии³⁵.

Даже в официальных отчетах подчеркивались эти моменты. В делах розыска продуктов милиция Совета принимает активное участие, но безрезультатно, хотя каждый день писались рапорты об изъятии двух или трех килограммов мяса, 10 фунтов масла, 4 пар галош и т. д. В условиях продовольственного кризиса и отсутствия денежного вознаграждения общественные милиционеры присваивали часть изымаемых продуктов, что существенно снижало доверие к ним населения и ухудшало репутацию милиции.

Главными преступными элементами в Поволжье были солдаты местных гарнизонов, особенно в Саратове и Самаре. Сады и огороды регулярно подвергались набегам со стороны низших военных чинов. Постановления, издаваемые местными властями с призывами вести себя достойно, эффекта не имели³⁶. Например, в Самарской и Симбирской губерниях для выявления солдат в городах всем гражданам предписывалось иметь при себе удостоверение личности, а владельцам гостиниц или сдаваемых внаем квартир сообщать обо всех прибывавших в течение 24 часов. Владелец гостиницы «Националь» Кошелев и содержатель квартир в Самаре Ф. Г. Углов предоставляли эти сведения регулярно³⁷. В Симбирске каждую ночь с помощью домовладельцев, содержателей гостиниц, постоянных дворов и прочих «патриотов» происходили облавы с целью поимки дезертиров, число которых иногда за ночь достигало 500 чел.

Советы выступали инициаторами проверок. Так, в Сенгилеевском уезде по жалобе местного Совета провели ревизию, поскольку в жалобе указывались случаи расхищения вещественных доказательств, хранившихся у районного начальника милиции 2-го участка. В ходе проверки выяснилось, что из вещественных доказательств (2 рубахи, 2 штанов, 1 юбка, 8 обрезков белого полотна, 58 катушек ниток защитного цвета, паровой утюг, 2 $\frac{3}{4}$ аршина бумазеи и замок) отсутствовали 1 рубаха, 1 штаны и 39 катушек ниток³⁸.

Таким образом, из перечисленных фактов становится ясно, что эффективность милиции в связи с недостаточной квалификацией и абсолютной неподготовленностью кадров была крайне низкой. Однако это был один из первых опытов сотрудничества властей и общества. К сожалению, в данном процессе было много ошибок и неверных, стихийных шагов. Справиться с волной беспорядков милиции так и не удалось. Все мероприятия проводились методом проб и ошибок, но впоследствии этот опыт учли пришедшие к власти большевики.

Библиографические ссылки

- ¹ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.
- ² См.: Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 14 марта.
- ³ Там же.
- ⁴ Саратовский совет рабочих депутатов. (1917 — 1918) : сб. док. / под ред. и с предисл. В. П. Антонова-Саратовского ; с прим. и просмотром док. В. Антонова-Саратовского, М. И. Васильева-Южина, М. А. Дейч [и др.]. М. ; Л., 1931. С. 255.
- ⁵ **Баранов В. В.** Организационно-правовые основы деятельности народной милиции Временного правительства России в 1917 году : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 99.
- ⁶ Цит. по: **Блюменталь И. И.** Революция 1917 — 1918 гг. в Самарской губернии : (Хроника событий) / Самар. губ. комиссия по празднованию десятилетия Октябрьской революции и Истпарта-тотд. Самарск. губкома ВКП(б). Т. 1: 1917 год. (Март — декабрь). Самара, 1927. С. 204.
- ⁷ ГАСамО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.
- ⁸ Там же. Л. 30.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 7191. Оп. 7. Д. 7. Л. 73.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ **Баранов В. В.** Указ. соч. С. 165.
- ¹² См.: **Блюменталь И. И.** Указ. соч.
- ¹³ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 7. Д. 21. Л. 35.
- ¹⁴ Там же. Л. 33.
- ¹⁵ Там же. Л. 2.
- ¹⁶ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.
- ¹⁷ См.: Провинциал в Великой Российской революции. Симбирская губерния в январе 1917 — марте 1918 г. : сб. док. / отв. ред. Н. В. Липатова, отв. сост.: А. В. Кобзев, Н. В. Липатова. Ульяновск, 2017. С. 205.
- ¹⁸ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 26. Л. 90.
- ¹⁹ Там же. Л. 184.
- ²⁰ См.: Провинциал в Великой Российской революции. С. 180.
- ²¹ Там же. С. 181.
- ²² Там же. С. 215.
- ²³ Симбирское слово. 1917. 27 окт. (цит. по: **Миронов В. А.** Красный флаг и зеленый змей // Две войны XX века в судьбе России : Вестник Ленинского мемориала : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2016. Вып. 15. С. 77).
- ²⁴ **Блюменталь И. И.** Указ. соч. С. 86.
- ²⁵ Цит. по: Провинциал в Великой Российской революции. С. 198.

²⁶ См.: Баранов В. В. Указ. соч. С. 64.

²⁷ ГА РФ. Ф. 7191. Оп. 7. Д. 20. Л. 10 об.

²⁸ Там же. Л. 33 об.

²⁹ Там же. Л. 35.

³⁰ Там же. Д. 21. Л. 56.

³¹ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 27. Л. 3.

³² Там же. Л. 5.

³³ ГА РФ. Ф. 7191. Оп. 6. Д. 165. Л. 3.

³⁴ См.: Блюменталь И. И. Указ. соч. С. 198.

³⁵ См.: Великий Октябрь и революционное движение в Среднем Поволжье : межвуз. сб. / Куйбышев. гос. ун-т ; [редкол.: Е. И. Медведев (отв. ред.) и др.]. Куйбышев, 1978. С. 68.

³⁶ ГАУО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 1. Л. 68

³⁷ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 26. Л. 170, 194.

³⁸ См.: Провинциал в Великой Российской революции. С. 219.

Поступила 15.11.2018 г.

УДК 947.084.2(470.41-25)«1918»

С. В. Стариков

S. V. Starikov

БОЛЬШЕВИКИ И ЛЕВЫЕ СОЦИАЛИСТЫ О ВЛАСТИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА (октябрь 1917 г. — январь 1918 г.) (На материалах Поволжья)

THE BOLSHEVIKS AND LEFT SOCIALISTS ABOUT THE POWER AFTER THE OCTOBER REVOLUTION (October 1917 — January 1918) (On the materials of the Volga region)

Ключевые слова: революция, левый советский блок, большевики, левые социалисты, однородно-социалистическое правительство, Учредительное собрание, местное самоуправление.

В статье на материалах Поволжья рассматриваются противоречия и взаимодействие большевиков и левых социалистов в первые месяцы после октябрьского переворота по вопросам вооруженного восстания, создания однородно-социалистического правительства, созыва и роспуска Учредительного собрания.

Key words: revolution, the left Soviet bloc, the Bolsheviks, the Left Socialists, homogeneous socialist government, the Constituent Assembly, local self-government.

The contradictions and interaction of the Bolsheviks and left socialists in the first months after the October revolution, concerning the armed uprising, the formation of a homogeneous socialist government, the convention and dissolution of the Constituent Assembly, are considered in the article on the basis of the materials of the Volga region.

Октябрьский военный переворот в Петрограде 24 — 26 октября 1917 г. стал важной вехой в истории Великой российской революции. К власти пришли левые социалистические партии. Ведущую роль в левом блоке играли большевики и левые эсеры.

Их поддерживали эсеры-максималисты, левые меньшевики-интернационалисты и внефракционные социал-демократы интернационалисты. Свержение коалиционного правительства А. Ф. Керенского, переход власти к Советам, начало социально-экономических преобразований скрепляли левый политический блок. Вместе с тем предстояли выборы в Учредительное собрание. В Советах всех уровней развертывались баталии между умеренными меньшевиками и эсерами и большевистско-левосоциалистической коалицией. Несмотря на начало «триумфального шествия советской власти», вопросы властных полномочий не сходили с повестки дня. В Советах укреплялась набиравшая силу с лета 1917 г. идея однородно-социалистической власти с участием всех социалистических партий от «большевиков до энесов включительно». Более того, уже в конце октября 1917 г. вспыхнул кризис Совнаркома. Разногласия проявлялись среди левых партий по разным вопросам. Таким образом, за переворотом последовал весьма напряженный период кризиса революционной власти, продолжавшийся до января 1918 г., когда в Советах полностью стали доминировать левые партии.

В отечественной историографии этот период кризиса революционной власти исследован пока явно недостаточно, весьма схематично. В советский период истории констатировали лишь начало резкой конфронтации между большевиками и правыми меньшевиками и эсерами, а о разногласиях среди самих левых партий, взаимоотношениях большевиков и левых социалистов и в целом эволюции левого советского блока ничего не говорилось. Лишь в современной российской историографии революции появились исследования об альтернативах октябрьского периода революции¹. Этот аспект очень важен в контексте понимания механизмов принятия решений, политики советской власти в первые месяцы после вооруженного восстания в Петрограде. Большой интерес, на наш взгляд, представляют местные материалы, позволяющие выявить основы как сотрудничества, так и разногласий в левой советской коалиции. В данной статье мы попытались обозначить круг противоречий и взаимодействий большевиков и левых социалистов в указанный период по поводу вооруженного восстания, о создании однородно-социалистического правительства, созыве и роспуске Учредительного собрания, и как лидеры левых партий видели свою роль в революционном процессе.

Итак, правые социалисты покинули II Всероссийский съезд Советов. Левые социалисты остались. Сторонники однородной социалистической власти еще не потеряли надежду на объединение демократических сил, представленных в Советах. Отчаянная попытка Ю. О. Мартова примирить враждовавшие части демократии, начать диалог по созданию коалиционного советского правительства, против чего делегаты съезда в принципе не возражали, была сведена на нет Л. Д. Троцким. Поднявшись на трибуну, председатель Петросовета с присущей ему бескомпромиссностью в очередной раз «убедил» делегатов выбросить «соглашателей» на свалку истории. Для подавляющего большинства социалистов не подлежали сомнению истинные цели вооруженного восстания большевиков до съезда Советов: поставить съезд перед свершившимся фактом и создать условия для сосредоточения в руках РСДРП(б) больших властных полномочий. Именно по этой причине первое советское правительство — Совет народных комиссаров — было сформировано как однопартийное, чисто большевистское, хотя в дни работы съезда большевики обсуждали вопрос о предоставлении левым эсерам мест в новом правительстве. Последние отказались во имя сохранения единого революционного фронта и обеспечения полновластия Советов.

Вопрос о советском правительстве активно обсуждался с осени 1917 г. Левые социалисты, как впрочем и часть большевиков во главе с Л. Б. Каменевым и Г. Е. Зиновьевым, предостерегали партию от поспешных попыток захвата власти. Видели эту опасность и на местах. Так, сызранские меньшевики-интернационалисты на общем собрании Сызранской организации РСДРП провели резолюцию, в которой говорилось, что «пролетариат, отвергая всякие попытки захвата власти своими изолированными силами, должен поставить своей задачей сплочение своих сил в своих классовых организациях для защиты своих интересов и содействие организации сил революционной демократии»². Подчеркивалось, что эти же задачи стоят перед рабочим классом и на предстоявшем II съезде Советов. О взглядах левых эсеров на проблему власти в тот период можно судить по обстоятельному докладу Б. Д. Камкова, сделанному на I съезде ПЛСР 22 ноября 1917 г. Он говорил, что левые эсеры видели, как большевики готовят силы для проведения вооруженного восстания в столице. Это делалось независимо от позиции Советов и от того, как поведут себя делегаты 25 октября 1917 г. на съезде Советов и какие там решения будут приняты. Большевики стремились поставить съезд перед фактом свержения правительства А. Ф. Керенского³. В этом вопросе левые эсеры «кардинально» разошлись с большевиками. «Мы указывали, — продолжал Б. Д. Камков, — что такой метод принудителен по отношению к Совету, метод захвата Петроградским гарнизоном при поддержке части рабочего класса, захват власти, которую нужно будет приподнести Совету... Если бы партия большевиков не создавала специально для того определенного технического аппарата восстания, если съезд Советов взял на себя инициативу организации власти, а Петроградский Совет ограничил бы свою задачу подготовкой для этого обстановки, чтобы было достаточно сил, на которые мог бы опираться съезд, я думаю, вся картина была бы иной и мы в первые же дни имели бы общую, признанную всеми трудящимися власть, и избежали, если не в целом, то на 99 % столкновений в рядах самой революционной демократии, вступили бы в стадию ликвидации коалиционной власти и создании настоящей революционной власти»⁴.

В таком же духе оценивали сложившуюся ситуацию левые эсеры на местах. Пензенские левые эсеры считали тактику ПЛСР более мягкой. «Соглашаясь с большевиками о необходимости перехода всей власти в руки Советов, — говорил Н. И. Тутенков, один из местных левозэсеровских лидеров, — левые эсеры советовали произвести переворот когда соберется Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов. Октябрьская же революция произошла накануне съезда. Это несколько усложнило положение»⁵. Поэтому усилия левых эсеров были направлены на то, чтобы новая власть была признана революционной демократией, чтобы большинство революционных партий объединились на платформе съезда Советов. Почему этого не случилось? Б. Д. Камков объяснил это тем, что «в силу легкости победы у части большевиков закружилась голова»⁶, к тому же верх в партии большевиков взяла линия Ленина — Троцкого. Ее левые эсеры не поддержали ни по теоретическим, ни по практическим соображениям. «И, когда нам предлагали вступить в СНК, мы от этого отказались, так как мы понимали, как обстоит дело, что мы не поможем делу, если в эту чисто большевистскую власть вольем одного или двух левых с.-р., а только покажем этим, что мы не хотим союза со всей остальной демократией, что мы косвенно являемся виновниками и той гражданской войны, которая была неизбежна

и которая действительно имеет место и поныне»⁷. Б. Д. Камков признавал, что возможности такой объединенной демократии ограничены. «Мы знали, что оборонцы типа Авксентьева на это не пойдут, но наша задача была создать платформу и изолировать эти непримиримые группы настолько, чтобы объединение революционной демократии состоялось через их головы...»⁸ Таким образом, левые эсеры предлагали создать левоцентристский блок. В первый месяц после вооруженного восстания они отстаивали эту перспективу как альтернативу Гражданской войне.

Аналогичную позицию заняли многие большевики. Сразу после образования СНК разразился его первый кризис, проявившийся в «забастовке» четырех наркомов (А. И. Рыкова, В. П. Ногина, Н. А. Милютина, И. А. Теодоровича), выступивших за продолжение переговоров и достижение компромисса. «Мы полагаем, — писали они в своем заявлении на заседании ВЦИКа 4 ноября 1917 г., — что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать... Поэтому слагаем с себя перед ЦИК звание народных комиссаров»⁹. Их поддержали председатель ВЦИК Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев. Когда под эгидой Всероссийского исполнительного комитета железнодорожного профсоюза (Викжеля) начались переговоры о создании однородного социалистического правительства, левые эсеры предложили такие пропорции для будущего правительства — 40 % большевиков, 40 — оборонцев-социалистов и 20 % социалистов-интернационалистов¹⁰.

На местах также высказывались мнения в пользу широкой коалиции и недопустимости монополии власти. На экстренном собрании Сызранского совета 28 октября 1917 г. представитель меньшевиков-интернационалистов Р. Э. Зирин заявил, что в попытке захвата власти только частью демократии, при отрицательном отношении к этому со стороны других партий, он видит повторение июльских событий, а вооруженное восстание ведет к срыву Учредительного собрания¹¹. Внесенная Р. Э. Зириним резолюция по этому вопросу не прошла, большинство голосовали и за резолюцию большевистской фракции, поддерживавшей все действия Петроградского Совета и его Военно-революционного комитета. 3 ноября на партийном собрании меньшевиков-интернационалистов Сызрани было заявлено, что сызранская организация меньшевиков выступает за конструирование однородного Временного правительства из представителей социалистических партий и течений от большевиков до народных социалистов включительно, чтобы это правительство могло довести страну до Учредительного собрания и начать решительные шаги к прекращению войны¹².

Интернационалисты предложили Сызранскому Совету присоединиться к этой резолюции и одновременно отвергли предложения об организации Комитета спасения революции, шедшего со стороны оборонцев¹³. Казанский губернский Совет крестьянских депутатов, губернский и городской комитеты ПСР в совместном постановлении заявили, что в России не должно быть места ни военной диктатуре, ни диктатуре какой-либо одной политической партии, так как это подвергает дело революции крайней опасности, усиливая реакцию. Левые эсеры полагали, что для восстановления государственной жизни необходима немедленная организация ответственного перед Советами министерства из представителей социалистических партий¹⁴. Рабочие и мастерские станции Пенза считали единственным выходом из создавшегося кризиса

власти создание однородной демократической власти, которая должна взять за основу решения II Всероссийского съезда Советов. «В случае, — писали собравшиеся, — если правые круги демократии не согласятся принять участие в организации власти на вышеуказанных началах, мы всю свою силу и влияние отдадим на поддержку правительства, хотя бы составленного из одних интернационалистов»¹⁵.

Начавшиеся переговоры натолкнулись на упорное сопротивление председателя Совнаркома. В. И. Ленин в категорической форме потребовал прекращения переговоров с «соглашателями». Тогда левые эсеры 6 ноября 1917 г. стали склоняться к созданию союза только из левых социалистов, ибо стало очевидным, что переговоры о создании однородной социалистической власти не завершатся соглашением. В. И. Ленин добился принятия решения об уходе с переговоров. Наркомы подали в отставку. Кризис миновал, но пропасть среди социалистов стала еще глубже. Компромиссная линия левых эсеров была отвергнута. Саратовский эсер Н. Я. Быховский, анализируя упущенные возможности, писал, что «однородная социалистическая власть могла бы провести тогда необходимые реформы, хотя бы технически несовершенные, но вырывавшие почву из-под ног большевизма. Но такая тактика не находила себе тогда достаточных сторонников. В этом и заключались и наше несчастье, и наша большая ошибка, и даже, если угодно, преступление»¹⁶.

Кризис Совнаркома не привел, однако, к изоляции большевиков, напротив, их позиции окрепли, а левые эсеры в конце ноября 1917 г. вошли в правительство В. И. Ленина. Правые эсеры упрекали левых в том, что они недостаточно определенно отмежевались от большевиков. По этому поводу Б. Д. Камков заявил следующее: «Дело в том, что мы всегда боролись с личной диктатурой экстремистских элементов большевизма, но изолируя вождей, мы не могли изолировать то массовое движение, которое возглавлялось большевизмом. Октябрьское движение имеет глубокие корни в трудовых массах и вызвано было политическими и социально-экономическими причинами. Не согласные с методами большевистских действий, мы не могли остаться праздными зрителями той борьбы, которую вели рабочие и солдаты против буржуазии, и мы вступили на боевые позиции, чтобы укрепить силу восставших. Мы боролись с стремлением большевиков осуществить „диктатуру пролетариата“ и противопоставляли ей „диктатуру демократии“. Левые эсеры боролись за укрепление Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, потому что видели в них основу революции»¹⁷. Пензенские левые эсеры, дистанцируясь от правых, в декабре 1917 г. говорили, что «мы не отказываемся от единого революционного фронта от большевиков до энесов. Правые с.-р. требуют выкинуть из общего фронта самую революционную его часть — большевиков. Мы говорим, напротив: единый революционный фронт, но равнение налево»¹⁸.

Большевики и шедших за ними левые социалисты считали одним из авангардов русской революции и неотъемлемой частью Советов. Какие бы противоречия не возникали, без большевиков они не представляли дальнейшего развития революции. И эта аксиома всякий раз повторялась правящей партии в надежде, что она «исправится», изменит свой «гибельный курс». Максималисты всегда считали большевиков «товарищами по оружию» и никогда не понимали борьбу с ними иначе, как борьбу идейную, средствами агитации и пропаганды. Критика шла, главным образом, слева и была направлена на то, чтобы «побудить их действовать более решительно в области социалистического строительства»¹⁹. Даже социал-демократы интернациона-

листы, очень резко оценивавшие все действия большевиков, Советов и считавшие, что большевизм нужно изжить, говорили, что подавить его внешней силой нельзя, для этого пришлось бы вступить в союз с ярыми контрреволюционерами. С другой стороны, констатировалось на учредительном съезде РСДРП(и), борьба с большевизмом насилием укрепляла бы в массах уверенность, что эта борьба имеет целью «подавить социализм»²⁰. Казанская газета «Крестьянская жизнь», как бы суммируя взгляды местных демократических сил, писала: «Да, мы бросаем и будем бросать палки в колеса большевистской колесницы, ибо мы видели, что она летит в пропасть и знаем, что на нашей обязанности лежит удержать ее, насколько возможно. Не только потому, что мы сидели в этой колеснице вместе с большевиками, и потому, что колесница нашей революции должна быть во что бы то ни стало отведена от пропасти — в интересах пролетарского движения всех стран. И пусть поймут, наконец, все добросовестные элементы большевизма, что борьба с существующим курсом Советской власти есть дело не контрреволюции, а обязанность сознательного демократа. Ибо этот курс лежит не на социализме, а на полном развале»²¹. Когда после подписания Брестского мира ЦК ПЛСР принял решение отозвать из Совнаркома левых эсеров, то местные партийные организации в подавляющем большинстве не только не согласились с этим, но и оценили его как «уход от революции». Выявление «действительного лица партии», как считала Пензенская организация ПЛСР, заключалось не в демонстрации выхода из СНК и его последствиях, а в планомерном проведении хозяйственно-экономических требований трудового народа²². На местах полагали, что партия не имеет права уходить от решения социальных задач революции, не может связать свою дальнейшую деятельность только с политической борьбой.

Крупнейшей совместной политической акцией большевиков и левых социалистов, направленной на достижение полновластия Советов, стал роспуск Учредительного собрания. Проблема «Советы и Учредительное собрание» в одночасье была решена. В целом позиция левых социалистов по этой проблеме являлась противоречивой. С одной стороны, как сторонники «диктатуры демократии», власти трудового народа, они полагали, что Учредительное собрание достойно увенчает своими решениями задачи социальной революции, с другой — их взгляды подверглись резким изменениям в зависимости от политических условий. В эволюции взглядов левых на этот вопрос, как нам представляется, можно выделить три этапа: первый — до II Всероссийского съезда Советов; второй — от октябрьского переворота до Учредительного собрания; третий — после роспуска «Учредилки».

На первом этапе левые социалисты говорили о необходимости скорейшего созыва Учредительного собрания, призванного выявить волю революционного народа, и критиковали правящие партии за «саботаж» в проведении выборов. Они не противопоставляли Советы Учредительному собранию. Своеобразной гарантией доведения страны до Учредительного собрания они считали передачу власти Советам. Учредительное собрание представлялось им как демократически избранный, с широким представительством орган, призванный закрепить завоевания революции. Исключение, пожалуй, составляла позиция максималистов. В отношении Учредительного собрания — «хозяина земли русской» — они не питали никаких иллюзий. На III Самарском губернском крестьянском съезде в августе 1917 г. сенсационным прозвучало заявление одного из лидеров самарских максималистов К. К. Гецоляда о том, что «может Учредительное собрание придется разогнать»²³. При этом макси-

малисты исходили из своих программно-теоретических положений. Они стояли на позициях антипарламентаризма: никакие формы буржуазной демократии не способны обеспечить развитие «трудовых начал» русской революции²⁴. Буржуазные представительные учреждения (Думы, парламенты, Учредительное собрание), по мнению максималистов, лишь культивируют в массах «мещанско-консервативную психологию» и «задерживают рост социалистического самосознания»²⁵, поэтому народу такие учреждения не нужны. А. А. Зверин писал, что «народу придумали Учредительное собрание, а он отверг его»²⁶, называл Учредительное собрание «всероссийской болтушкой». М. В. Селиванов, выступая 6 января 1918 г. на заседании ВЦИКа, призывал не считаться с демагогией правых и распустить Учредительное собрание²⁷. И все же большинство левых сил связывало с его созывом надежды на демократические перемены и реформы.

На втором этапе вокруг требования созыва Учредительного собрания со стороны левых социалистов появились разного рода оговорки. Советы, как и ранее, не противопоставлялись Учредительному собранию. Выражалась надежда, что оно закрепит завоевания Октябрьской революции и II съезда Советов. «Учредительное собрание должно только закрепить народные завоевания, — говорил казанский левый социалист Мулланур Вахитов. — Не было в истории примера, чтобы Учредительное собрание шло дальше революционного народа»²⁸. «Сразу и всей власти Учредительному собранию мы не даем, — заявил от имени пензенских левых эсеров Н. И. Туненков. — Если Учредительное собрание не удовлетворит народ, он найдет другие меры»²⁹. Мнение казанских левых эсеров выразил К. Ю. Шнуровский в статье «Учредительное собрание и Советы депутатов», опубликованной в газете «Знамя революции». По его мнению, трудовые массы, ждут от Учредительного собрания того, чего не хотело им дать правительство А. Ф. Керенского, и что они уже получили благодаря Октябрьской революции. Теперь следует закрепить добытые завоевания. «Для революционной демократии Учредительное собрание — это орган, который послужит мощным рычагом, движущим русскую революцию, и лишь как таковой, оно признается ею»³⁰. К. Ю. Шнуровский считал, что «во „Всероссийском парламенте“ развернется политическая борьба. Но исход ее нам не безразличен. Наилучшую гарантию осуществления требований трудящихся могут дать Советы — классовые организации пролетариата и трудового крестьянства. В этом заключается наше принципиальное расхождение с „социал-реформистами“, которые видят в Учредительном собрании надклассовую организацию, считая его единственным источником власти. Отсюда лозунг „Вся власть Учредительному собранию“ без всяких оговорок. Но для революционной демократии, слишком дороги завоевания революции, чтобы стать на эту точку зрения. Для нас недостаточно одного факта существования Учредительного собрания, чтобы признать его властью. Для нас нужно, чтобы оно твердо и решительно пошло по пути закрепления завоеваний революции, направило свои силы в сторону полного социального переустройства, в смысле приближения нас к социализму. И только тогда, только при этих условиях Учредительное собрание станет для нас властью»³¹. Авансом передать ему завоевания революции не надо, ибо, как полагал К. Ю. Шнуровский, нельзя поддаваться «гипнозу надклассовой власти». Уклонение опасно, а возможность его существует. Чтобы этого не случилось, следует укреплять власть Советов. Советы должны и во время работы Учредительного собрания «стоять на своих боевых постах».

Из уст меньшевиков-интернационалистов и социал-демократов интернационалистов звучала тревога за судьбу «российской конституанты». В попытке закрепить власть за одной частью революционной демократии они видели угрозу срыва Учредительного собрания. Основания для этого имелись. После выборов в Учредительное собрание большевики не питали никаких иллюзий в отношении этого «сборища контрреволюции», хотя приняли решение его открыть и продиктовать ему ультиматум. Левые эсеры, став правящей партией, все более солидаризировались с большевиками в оценке перспектив «хозяина земли русской».

5 января 1918 г. в Петрограде под сводами Таврического дворца открылось первое и последнее заседание Учредительного собрания. Из 391 депутата 224 принадлежали к правым эсерам, меньшевикам, кадетам. С самого начала левые эсеры настаивали на принятии декларации ЦИКа, которую огласил Я. М. Свердлов, ибо полагали, что она идет от имени всего трудового народа России, т. е. отводили Учредительному собранию роль регистратора программы СНК и ВЦИК, проводимой после октября 1917 г. Все вопросы, считали они, уже поставлены и осуществляются «каждый час существующей сейчас властью Советов». Ничего придумывать не надо. Все речи уже сказаны. Учредительное собрание, говорил от имени левозэсеровской фракции И. З. Штейнберг, если оно хочет слить свою волю с волей Советов, должно не выделять вопрос о власти, а принять оглашенную программу трудовой революции³². Когда же большинство депутатов отвергли предложение большевиков и левых эсеров, то последние оценили сложившееся в зале заседаний положение как исключительно сложное. Надо было решать, что делать дальше. Большевики уже были настроены решительно на разрыв отношений с «Учредилкой» и зачитали декларацию, в которой Учредительное собрание предстало как сборище контрреволюции.

Левые эсеры делали, насколько это было возможно, отчаянные попытки сгладить противостояние сторон. В. А. Карелин предложил сделать перерыв и устроить заседание по фракциям. Однако, когда после перерыва правое большинство снова пошло по старому пути, терпение левых закончилось. Они снова начали делать заявления: или вы с нами, с трудовым народом, или нет, тогда всем ясно, какой состав Учредительного собрания мы имеем. Зачитав свою декларацию, левые эсеры высказались в более мягкой форме, чем большевики. В выступлении П. Сорокина звучали «компромиссные нотки». Он призывал депутатов заняться вопросом о земле, обращался к крестьянским депутатам всех без исключения фракций, подчеркивая, что «у нас с крестьянами никакой разницы нет», поэтому Учредительное собрание не может посягать на советскую власть, и должно пойти по пути упрочения «завоеваний Октябрьской революции и волеизъявления трудящихся классов»³³.

Левые эсеры покинули Таврический дворец. «Правда, мы не вышли из заседания вместе с большевиками, — писали в письме к избирателям казанские депутаты, — так как считали отказ от обсуждения советской декларации (Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. — С. С.) лишь формальным поводом к разрыву с большинством Учредительного собрания, но только, уже давши бой на разрешении одного из конкретных социальных вопросов жизни — по вопросу о мире, мы покинули зал заседания, но тем не менее единогласно заявляем вместе с другими истинными представителями народа, что в настоящее время Учредительное собрание в том виде, в каком оно предстало перед страной, уже изжито революцией и не нужно»³⁴. И хотя они подчеркнули, что разрыв был сделан во имя единства «револю-

ционного фронта демократии», но единства не было. Интересно, что казанские левые эсеры уже в середине ноября 1917 г. осознали, что никакого единого блока социалистов не будет, решительно поддержали решение ЦК ПЛСР о вхождении левых эсеров в состав Совнаркома. Их признанный лидер А. Л. Коллегаев стал наркомом земледелия в правительстве В. И. Ленина. В Поволжье среди левых эсеров и максималистов уже доминировала идея альтернативного левого советского блока без привлечения умеренных социалистов.

Учредительное собрание успело принять закон о земле, отменявший право собственности на землю, постановление о демократическом мире и объявило Россию демократической федеративной республикой³⁵. Однако эти акции не спасли «хозяина земли русской». Правые партии не могли защитить Учредительное собрание. Об этом вспоминал правый эсер, депутат Б. Ф. Соколов, подчеркивая в качестве непреложной истины, что это «неумение защитить Учредительное собрание» знаменовало собой глубочайший кризис русской демократии³⁶.

На третьем этапе левые эсеры еще более определенно одобрили разгон Учредительного собрания, называя его «анахронизмом»³⁷. «Мы одно утверждаем, — писал Б. Д. Камков, — взявшие в свои руки власть будут естественно укреплять эту власть и сделают максимум возможного, чтобы буржуазию сбить со всех ее позиций»³⁸. В январе 1918 г. Казанский Совет принял резолюцию левых эсеров по докладу К. Ю. Шнуровского. В ней Учредительное собрание квалифицировалось в качестве «центра притяжения всех контрреволюционных сил», а сама идея созыва внеклассового собрания оценивалась как исторический пережиток на фоне развертывавшейся мировой революции³⁹. Только социал-демократы интернационалисты еще не теряли надежду объединить все части демократии под сводами «всенародного Учредительного собрания»⁴⁰. А весной 1918 г. и они пересмотрели свою позицию, объявив Советы «сосредоточием народовластия».

В этих условиях левые социалисты быстро определились по отношению к органам местного самоуправления. Что касается большевиков, то они использовали их только на этапе взятия власти для укрепления своих позиций. После октября 1917 г. ни в каких других органах, кроме Советов, они не нуждались, хотя до января 1918 г. прямо об этом не заявлялось по тактическим соображениям: предстояли выборы в Учредительное собрание, следовало укрепить свое влияние в стране, «убедить» население в преимуществе советских организаций. В резолюции Симбирского Совета, предложенной большевиками 10 декабря 1917 г., говорилось о передаче власти симбирским Советам совместно с городскими и земскими самоуправлениями и демократическими организациями, «если таковые признают все декреты и распоряжения народных комиссаров»⁴¹.

В январе 1918 г. появились разъяснения НКВД о том, как поступать с органами местного самоуправления. 24 января вышло специальное постановление НКВД о необходимости их либо полного слияния с Советами, либо немедленного устранения, если они «не наши»⁴². В разряд «не наших» попадали все организации дооктябрьской России, а с их «ликвидаторов» снималась всякая ответственность за разгоны и роспуски. И хотя тот же НКВД давал указания на постепенность слома старых органов, по мере укрепления Советов, их ликвидация приняла неуправляемый характер. «Большевики только два месяца у власти, — писал тогда В. И. Ленин, — а шаг вперед к социализму сделан громадный... Разрушены почти до основания недемократические

учреждения в армии, в деревне, на фабрике. А иного пути к социализму, кроме как через такое разрушение, нет и быть не может»⁴³.

Среди левых социалистов наиболее непримиримые позиции к органам местного самоуправления занимали максималисты. «Учреждениями гнета и кабалы» они называли все думы и земства⁴⁴, настаивая на их немедленной ликвидации. Левые эсеры сначала заняли компромиссную линию, высказываясь за сохранение и Советов и земств. Осенью 1917 г., когда Временное правительство начало создавать волостные земства, левые эсеры разъясняли крестьянам, что двоевластия в деревне не будет, ибо земства являются административно-хозяйственными учреждениями, а волостные Советы крестьянских депутатов — организации общественно-политические. Если первые, как учреждения «всесословные, внеклассовые», должны стоять на страже всего населения волости, то вторые будут всецело защищать интересы трудового крестьянства. Поэтому и земства, и Советы должны существовать в деревне «по крайней мере до Учредительного собрания»⁴⁵. Став правившей партией, левые эсеры окончательно определили свою позицию, заявив, что Советам альтернативы нет, что все несоветские органы тянут революцию назад. Симбирские левые эсеры указывали, что увлечение разного рода «буржуазными представительными учреждениями», местными самоуправлениями «развратило социалистов», привело их к соглашательству с буржуазией⁴⁶. Такого же мнения придерживались пензенские левые эсеры. «Признание земств органом власти на местах — прикрытое признание опозоренной коалиции», — говорил Н. И. Тутенков, полемизируя с правыми эсерами⁴⁷. Социал-демократы интернационалисты полагали, что органы местного самоуправления и прочие демократические организации должны быть сохранены и органично включены в советскую систему.

Таким образом, левый советский блок, несмотря на разногласия по ряду вопросов о властных полномочиях, в целом укрепился в конце 1917 г. — начале 1918 г. В основе этого было признание Советов в качестве власти, которая является выразителем интересов трудового народа. На местах, в Поволжье в частности, тяга к единству левых сил на советской основе была ярко выраженной. Идея однородно-социалистического правительства быстро была снята с повестки дня. При этом лидировали максималистские настроения о концентрации всех властных полномочий в руках революционных советских органов, изоляции соглашателей — меньшевиков и эсеров и создания Советского правительства на чисто советской платформе, не исключая ни в коем случае из этого процесса большевиков. Только прочный советский левый блок представлялся левым партиям гарантом успеха надвигающейся мировой революции, предотвращения Гражданской войны, проведения революционных преобразований внутри страны и ликвидации диктаторских поползновений как справа, так и слева. Эта тактика левых советских партий доминировала и в первой половине 1918 г.

Библиографические ссылки

¹ См.: Альтернативы Октября : круглый стол «Петербургского исторического журнала» // Петербургский исторический журнал. 2017. № 4. С. 120 — 175 ; **Стариков С. В.** Левосоциалистическая альтернатива в Великой Российской революции 1917 — 1918 гг. // Там же. С. 161 — 165 ; **Калашников В. В.** Об альтернативах в развитии Русской революции 1917 года (историографические заметки) // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии» : сб. докл. СПб., 2013. С. 63 — 67.

² Голос рабочего. [Сызрань]. 1917. № 1. Временный выпуск.

- ³ См.: Протоколы 1-го съезда партии левых эсеров. М., 1918. С. 39.
- ⁴ Там же. С. 40.
- ⁵ Известия Пензенского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1918. 5 янв.
- ⁶ Протоколы 1-го съезда партии левых эсеров. С. 43.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 45.
- ⁹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль. 1918. М., 1958. С. 136.
- ¹⁰ См.: **Фельштинский Ю.** Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. М., 1992. С. 108.
- ¹¹ См.: Известия Сызранского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. 1917. 2 нояб.
- ¹² См.: Голос рабочего. [Сызрань]. 1917. 12 нояб.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: За землю и волю. [Казань] 1917. 10 нояб.
- ¹⁵ Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии : сб. док. и материалов. Пенза, 1957. С. 175.
- ¹⁶ Всероссийский Совет крестьянских депутатов. 1917 г. М., 1929. С. 242.
- ¹⁷ Протоколы 1-го съезда партии левых эсеров. С. 73.
- ¹⁸ Известия рабочих, крестьян и военных депутатов. [Пенза]. 1917. 23 дек.
- ¹⁹ Максималист. [Москва]. 1918. № 6. С. 16.
- ²⁰ Новая жизнь. [Петроград]. 1918. 21 янв.
- ²¹ См.: Крестьянская жизнь. [Казань]. 1918. 26 янв.
- ²² См.: Знамя революции. [Пенза]. 1918. 16 мая.
- ²³ **Блюменталь И. И.** Революция 1917 — 1918 гг. в Самарской губернии. Хроника событий. Самара, 1927. Т. 1. С. 193.
- ²⁴ См.: Задачи максимализма. М., 1918. Вып. 2. С. 8.
- ²⁵ Сущность максимализма. Самара, 1917. С. 7.
- ²⁶ Трудовая республика. [Самара]. 1918. 9 апр.
- ²⁷ См.: **Жуков А. Ф.** Идеино-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979. С. 73.
- ²⁸ Мулламур Вахитов: Жизнь и деятельность пламенного революционера-ленинца. Казань, 1985. С. 39.
- ²⁹ Известия рабочих, крестьян и военных депутатов. [Пенза]. 1917. 23 дек.
- ³⁰ Знамя революции. [Казань]. 1917. 3 дек.
- ³¹ Там же.
- ³² См.: Учредительное собрание. Россия. 1918 : стенограмма и др. док. М., 1991. С. 94 — 95.
- ³³ Там же. С. 117.
- ³⁴ Крестьянская жизнь. [Казань]. 1918. 25 янв.
- ³⁵ См.: Общее дело. [Москва]. 1918. № 1 — 2. С. 2 — 3.
- ³⁶ Цит. по: Российская конституанта // Родина. 1989. № 3. С. 21.
- ³⁷ **Камков Б. Д.** Две тактики // Наш путь. 1918. № 1. С. 10.
- ³⁸ Там же. С. 9.
- ³⁹ НА РТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.
- ⁴⁰ Новая жизнь. [Петроград]. 1918. 21 янв..
- ⁴¹ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (март 1917 г. — июнь 1918 г.) : сб. док. Ульяновск, 1957. С. 122.
- ⁴² См.: Триумфальное шествие Советской власти : док. и материалы. М., 1963. Ч. 2. С. 390.
- ⁴³ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 35. С. 191.
- ⁴⁴ См.: **Зверин А. А.** Как организовать Советскую власть на местах. Самара, 1918. С. 1.
- ⁴⁵ Известия Казанского губернского Совета крестьянских депутатов. 1917. 6 авг.
- ⁴⁶ См.: Известия Симбирского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 18 мая.
- ⁴⁷ Известия рабочих, крестьян и военных депутатов. [Пенза]. 1917. 23 дек.

Поступила 04.03.2019 г.

УДК 94(470.57)«1918»

А. О. Иванов

A. O. Ivanov

**СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА: К БИОГРАФИИ ОДНОГО
ИЗ ОРГАНИЗАТОРОВ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ
В СЕЛЕ БУРАЕВО* БИРСКОГО УЕЗДА УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ
В 1918 г.****

**THE FATE OF A MAN: TO THE BIOGRAPHY
OF ONE OF THE ORGANIZERS OF THE PEASANT UPRISING
IN THE VILLAGE OF BURAEVO OF THE BIRSK UYEZD
OF THE UFA GOVERNORATE IN 1918**

Ключевые слова: Уфимская губерния, Бураевское восстание, продовольственная политика, крестьянская элита, Гражданская война.

Статья посвящена описанию биографии и политической деятельности одного из руководителей антибольшевистского крестьянского восстания в с. Бураево в марте 1918 г. — Сахибзады Давлетшеевича Максудова по материалам источников, сохранившихся до настоящего времени. Кроме того, в статье рассматривается роль «крестьянской элиты» — людей, непосредственно способных поднять и поднимавших крестьян на антибольшевистские восстания, а также руководивших этими восстаниями.

Key words: the Ufa Governorate, the Buraevo Uprising, food policy, peasant elite, the Civil War.

The article is devoted to the description of the biography and political activity of Sakhibzada Davletsheyevich Maksyudov, who was one of the leaders of the anti-Bolshevik peasant uprising in the village of Buraevo in March, 1918, based on materials from sources that have survived to the present day. Furthermore, the role of the “peasant elite” — those people who were capable to raise and raised the peasants directly to the anti-Bolshevik uprisings, as well as led such uprisings, is considered in the paper.

События крестьянских восстаний в Уфимской губернии на начальном этапе Гражданской войны являют собой одно из «белых пятен» отечественной истории, прежде всего в ее региональном аспекте. До последнего времени эти восстания относились к своеобразным «местным легендам», покрытым толстым слоем различных мифов. Только перейдя вековой рубеж после тех событий, мы можем отчасти развеять информационный фон, созданный в угоду идеологии.

В данном случае, с одной стороны, открываются ранее не доступные материалы, что дает реальную картину российской истории, а с другой — многие документальные массивы сознательно либо ввиду чрезвычайных ситуаций были в разное время уничтожены. Не претендуя на абсолют и исключительность нашей точки

* В статье сохраняется официально-деловой вариант наименования села.

** Статья подготовлена в рамках выполнения внутривузовского гранта БГПУ им. М. Акмуллы по теме: «Крестьянство Уфимской губернии на начальном этапе Гражданской войны и интервенции в России (октябрь 1917 — июль 1918 гг.)».

зрения, мы можем попытаться восстановить отдельные факты биографии человека, информация о котором практически столетие хранилась под грифом «секретно». Необходимо отметить, что пытаясь осветить отдельные страницы биографий «народных вожаков» периода Гражданской войны надо понимать, что по многим из них достаточно сложно, а иногда вообще невозможно подобрать хоть какую-то информацию. Мы попытались внести свой скромный вклад в изучение низовой крестьянской элиты, аккумулировать и провести источниковедческий анализ документов по одному из ее «вожаков уездного масштаба» — С. Д. Максудову*.

Необходимо отметить, что в отечественной историографии в последние годы были опубликованы работы в рамках проекта «Народные вожаки. 1918 — 1922 гг.», посвященные выявлению потенциала низовой народной самоорганизации в период Гражданской войны в России¹. Идея проекта, который возглавил доктор исторических наук А. В. Посадский, заключалась в сборе информации о вожаках (атаманах) народных движений (восстаний) в коренных (славянских) регионах России различной идейно-политической направленности в 1918 — 1922 гг. Участников проекта интересовали также характер, масштабы и формы возглавляемых этими вожаками движений.

Однако география этого проекта не включала национальные окраины страны, в том числе в поле зрения исследований авторов не попали крестьянские восстания и их лидеры в Уфимской губернии в 1918 г. Между тем в 1918 г. на территории региона происходили многочисленные крестьянские восстания, вызванные социально-экономической политикой большевиков и во многом способствовавшие быстрому падению советской власти в губернии летом того же года.

Одним из таких крестьянских восстаний начального периода Гражданской войны стало восстание в с. Бураево Бирского уезда Уфимской губернии в марте 1918 г. Совместно с исследователем истории политических партий А. Н. Алдашовым в 2017 г. мы опубликовали статью об этом событии. Она была посвящена оценке историографии и источниковой базы вопроса². Анализ имеющейся исторической литературы, архивных материалов и периодической печати позволил реконструировать ход восстания. Отметим, что его описание — предмет отдельной статьи, вместе с тем особенностью данного антибольшевистского выступления было тесное переплетение требований социально-экономического характера с элементами требований национально-государственного (или «автономистского») характера. В ситуации глубочайшего кризиса Бураевский башкирский национальный Совет (Шуро) от 7 волостей пытался создать своеобразную «зону спокойствия» на отдельно взятой территории. 18 февраля 1918 г. Совет постановил признать хлеб, заготовленный Бураевским исполкомом для армии объемом 500 тыс. пудов и финансовые средства в размере 300 тыс. руб., принадлежавшими автономному району. Как отмечено в протоколе коллегиального заседания Бирской уездной продовольственной управы, в связи с этим член Бирской продуправы Соколов и эмиссар Жутеев составили теле-

* В данном случае необходимо сделать пояснение относительно написания его фамилии, имени и отчества. В проанализированной нами литературе встречаются следующие варианты написания: фамилии — Максютков или Максудов; имени — Сахибзада или Сахипзада; отчества — Давлетович или Давлетшеевич. Вместе с тем указанные разночтения в написании фамилии, имени и отчества относятся непосредственно к рассматриваемой нами персоналии.

грамму, в которой сообщалось: «...служащие терроризованы, бегут, часть арестована, местный Совет Народных Комиссаров безсилен помочь, ждем Ваших распоряжений, указывая, что если не будут приняты надлежащие меры, дело заготовки хлебов в уезде обречено на гибель»³ (сохранены стиль и грамматика оригинала).

Несмотря на противоречивость источников, следует признать, что восстание носило длительный характер и с первой попытки подавлено не было. Согласно информации, опубликованной в газете «Кюряш», в разгар событий в Бураево прибыл небольшой отряд Красной гвардии, которому мятежники оказали сопротивление и не согласились признать советскую власть. Неясно, какого характера сопротивление было оказано местными жителями, но далее в тексте газеты сообщается, что отряду красногвардейцев пришлось вернуться обратно. Опытный большевик, председатель Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Бирска, а в прошлом подпольщик И. С. Чернядьев решил выиграть время для подавления восстания, чтобы сформировать отряд, больший по численности. Начались переговоры, на которые приехали и представители из с. Бураево. И. С. Чернядьев, судя по тексту очерков А. Г. Лукманова, пытался объяснить крестьянам цель изъятия «излишков» хлеба и давил на крестьян. Тем временем к концу марта подошло подкрепление, сформировался более мощный отряд и выдвинулся в Бураево, уже не опасаясь сопротивления крестьян. В итоге к концу марта этот отряд пришел в Бураево, подавил сопротивление крестьян, восстановил советскую власть, изъяс хлеб и деньги, подготовленные для отправки в центр, арестовал наиболее активных участников восстания, хотя его руководителям (С. Максудову и Ш. Хамитову) удалось скрыться.

Факт того, что руководители восстания скрылись, упоминается на страницах солидного (по объему и составу содержащихся в нем материалов) сборника документов «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 г. — июнь 1918 г.)»⁴, а также в работах некоторых местных авторов⁵. Анализ региональной советской историографии позволяет сделать вывод о крайне однобокой оценке в ней личности С. Д. Максудова. Контекст, в котором рассматривалась его роль в восстании, сводился к тому, что он, наряду с Ш. Хамитовым был одним из лидеров восстания в Бураево, которым удалось скрыться от подоспевших на подавление восстания красноармейцев. Образы этих двух местных лидеров крестьян в советской региональной исторической и популярной литературе были представлены в роли «скрывшихся». На этом информация о них исчерпывалась, неизвестно, куда они «скрылись» и какова их дальнейшая судьба.

В постсоветской историографии фамилии непосредственных руководителей восстания в Бураево упоминаются в двух энциклопедических статьях Г. В. Мордвинцева в 1996 г.⁶ и 2005 г.⁷ Небольшая биографическая заметка о С. Д. Максудове была также опубликована в 1998 г. в сборнике, посвященном деятельности депутатов Государственной думы (1906 — 1917 гг.)⁸. Рассматриваемый сборник документов интересен еще и тем, что здесь впервые была помещена фотография С. Д. Максудова⁹ (эту фотографию в настоящей статье далее используем и мы).

Несколько позднее, в 2008 г. , у Г. Д. Иргалина вышла в свет небольшая статья в «Башкирской энциклопедии», где описываются отдельные факты биографии С. Д. Максудова¹⁰. Там тоже помещена его фотография, и по всей видимости, Г. Д. Иргалин заимствовал ее из указанного выше сборника документов и материалов. Отметим, что

в контексте описания событий в Бураево упоминание о Ш. Хамитове и С. Максюдове имеется в статье С. И. Хамидуллина и Р. С. Таймасова «Большая Башкирия»¹¹, а также в нашей статье, опубликованной в 2017 г.¹² Информация, проливающая свет на биографию другого лидера повстанцев в Бураево — Ш. Хамитова, нами не выявлена: в изученных источниках и литературе сведения о нем отсутствуют.

В советской и современной историографии о С. Д. Максюдове приводится неполная и отрывочная информация, однако необходимо дать ряд пояснений. Во-первых, говоря о советской историографии, нельзя забывать о ее крайней тенденциозности и о том, что само восстание в с. Бураево было названо «кулацким» или «буржуазно-националистическим»¹³. Вместе с тем вполне логично, что в ситуации отсутствия каких-либо источников и главенства идеологии невозможно было сказать что-то иное по поводу роли С. Д. Максюдова; во-вторых, о лидерах восстания в Бураево в советской историографии было известно лишь то, что именно С. Максюдов и Ш. Хамитов возглавили восстание, а после его подавления скрылись в неизвестном направлении; в-третьих, представляется весьма дискуссионной точка зрения, в соответствии с которой С. Максюдову и Ш. Хамитову, а также всем восставшим весной 1918 г. жителям с. Бураево приписывается то, что «бураевцы первыми в Уфимской губернии начали открытую войну против уфимских большевиков, выбивавших из сельчан последние запасы хлеба. Бураевский Башкирский автономный район на тот момент стал олицетворением мечты башкир Уфимской губернии о будущей Башкирской республике, для осуществления которой бураевцам пришлось проявить недюжинное мужество и веру в идею самоопределения своего народа»¹⁴.

С политической точки зрения сельчане выработали новую форму власти, которая фигурировала в документах под названием «Бураевское башкирское кантонство». По мнению С. И. Хамидуллина и Р. С. Таймасова, новая форма власти являлась прямым продолжением провозглашенной в ноябре 1917 г. башкирской автономии¹⁵, а национальный фактор в этом выступлении превалировал. Забегая вперед отметим, что, проанализировав ранее опубликованные, а также недавно рассекреченные документы, о которых речь пойдет ниже, мы пришли к иному мнению. Можно допустить, что определенные попытки сближения с только что провозглашенной башкирской автономией, несомненно, были. Вместе с тем, по нашему мнению, бураевскими крестьянами двигали не национальные мотивы, а вполне конкретная социально-экономическая ситуация в регионе, вызванная продовольственной политикой большевиков весной 1918 г.

Итак, обратимся к биографии человека, который волею обстоятельств оказался втянутым в кровавые перипетии внутригосударственного конфликта — Гражданскую войну 1917 — 1921 гг. Необходимо отметить, что недавно рассекреченные документы из фондов Национального архива Республики Башкортостан позволяют существенно дополнить некоторые факты биографии одного из организаторов восстания в с. Бураево весной 1918 г.

Сахибзада Давлетшеевич Максюдов родился в 1872 г. Конкретная дата рождения (день и месяц) в выявленных нами материалах отсутствует. Указанный год рождения можно вычислить по информации в статье С. И. Хамидуллина и Р. С. Таймасова, где приведены сведения о С. Д. Максюдове и его домохозяйстве из подворной карточки, которая заполнялась при проведении Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.¹⁶

Начальный этап биографии С. Д. Максудова по имеющимся источникам можно описать не полностью. Известно, что родился он в Асяновской волости Бирского уезда Уфимской губернии. Учился в медресе и Казанской 4-классной русско-татарской школе¹⁷. По другим данным, образование у С. Д. Максудова было низшее (окончил только медресе)¹⁸.

В исторической литературе С. Д. Максудов характеризуется как купец (или «бирский купец»)¹⁹, землевладелец²⁰, который занимался торговлей хлебом и кожами²¹. В 1902 г. он был избран гласным Бирского уездного земского собрания, состоял попечителем нескольких земских школ.

В 1906 г. С. Д. Максудов был избран в состав Первой Государственной думы в числе 25 депутатов-мусульман, представлявших мусульманские регионы страны. При открытии Думы на первом заседании присутствовали 5 депутатов из Уфимской губернии (А. Ахтямов, С.-Г. Джантюрин, С. Д. Максудов, К.-М. Тевкелев, Дж. Хурамшин)²².

По информации из статьи С. И. Хамидуллина и Р. С. Таймасова «Большая Башкирия», в период проведения Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. С. Д. Максудов проживал в с. Дюртюли Бирского уезда Уфимской губернии, татарин²³. По данным переписи, в его хозяйстве имелись 5 лошадей, 3 коровы, 3 теленка, 3 козы. Кроме того, он обладал и довольно большой недвижимой собственностью: 6 кружалоков, 3 паровые мельницы и 3 сушилки. Также необходимо отметить, что у С. Д. Максудова была большая семья (двое сыновей — 6 и 23 лет, жена — 40 лет, три дочери 10, 15, 17 лет), одна горничная (16 лет) и 2 кухарки (17 и 40 лет)²⁴.

В исторической и научно-популярной литературе указывается, что после восстания в Бураево С. Д. Максудов — один из организаторов — скрылся в неизвестном направлении. Отметим, что после событий весны 1918 г. уже в 1920-е гг. с. Бураево было взято под плотный политический контроль²⁵. Это отразилось и на активных участниках Бураевского восстания 1918 г.

Нами было выявлено архивное уголовное дело по обвинению С. Д. Максудова как участника антисоветских выступлений в 1918 г.²⁶ Судя по материалам дела, в 1918 г. он уехал во Владивосток, но эвакуироваться с белой армией по неизвестным причинам не смог. В дальнейшем работал в советских организациях Владивостока. Видимо, большевики придавали большое значение тому, чтобы все участники Бураевского восстания 1918 г. были осуждены. Только этим можно объяснить следующий факт: в октябре 1926 г. С. Д. Максудов был затребован следственными органами БАССР в республику из Владивостока и здесь осужден²⁷.

С нашей точки зрения, интересен документ, представляющий своеобразную стратегию выживания С. Д. Максудова — выписка из его письма на имя А. Д. Цюрупы от 6 июня 1927 г. (хранится в Национальном архиве Республики Башкортостан²⁸). Из этого документа следует, что весной 1918 г., как утверждает С. Д. Максудов, он выполнял функции председателя «Дюртюлинского исполкома по заготовке хлеба для Красной армии, где служил до 1-го июня 1918 года»²⁹. Таким образом, в период бураевского восстания С. Д. Максудов находился на противоположном берегу реки

Белой и не принимал в нем участия. Обращение к А. Д. Цюрупе вполне понятно, поскольку С. Д. Максудову была явно известна не только роль А. Д. Цюрупы в партии большевиков, но и его должность в качестве председателя Уфимской губернской продовольственной управы. Небезынтересно отметить, что в январе 1918 г. по предложению А. Д. Цюрупы незадолго до его назначения в Наркомат продовольствия РСФСР губернский исполнительный комитет совместно с губернской продуправой приняли решение «послать в упорствующие селения летучие революционные трибуналы с вооруженной силой»³⁰. Из документа следует, что у С. Д. Максудова нашлись защитники из с. Дюртюли (около 70 крестьян)³¹. Далее С. Д. Максудов утверждает, что ему удалось освободить из-под ареста белых некоего «начальника реквизиционного отряда, Бирского уезда тов. Преображенского... точно также для начальника Бирской уездной милиции тов. Филиппова и др.»³². Этот факт указывает на то, что С. Д. Максудов действительно находился в пределах Бирского уезда. Хотя, с его слов не ясно, в какое конкретно время. С. Д. Максудов нигде не называет точных дат, а, говоря об отъезде во Владивосток, не поясняет, зачем он туда поехал. Из письма видно, что он уехал во Владивосток в 1918 г., по пути «освободив» «тов. Преображенского» и «Филиппова»³³. Описывая свое пребывание во Владивостоке, С. Д. Максудов ссылается на то, что в 1923 г. «во время эвакуации был белыми арестован за агитацию среди войск, хотели меня увезти или расстрелять, но, благодаря одной даме, знакомой генерала Дитрихса*, по ее просьбе был освобожден в последний день». Здесь С. Д. Максудов допускает явную неточность. Он не мог не знать, что белые ушли из Владивостока в октябре 1922 г. Из предпоследнего абзаца документа видно, что у С. Д. Максудова, по его словам, было много возможностей покинуть территорию Советской республики, поскольку он занимался покупкой сельскохозяйственной продукции на территории Китая (видимо, в районе КВЖД), которая находилась в совместном советско-китайском управлении в 1920-е гг. Если он не остался в Китае, то, скорее всего, это было связано с невозможностью вывезти туда свою семью. Данный факт в завуалированной форме приводится в последнем абзаце письма³⁴.

Приведенный нами документ представляет собой набранный на пишущей машинке текст, скорее всего, это перепечатка рукописной версии письма С. Д. Максудова в адрес А. Д. Цюрупы. Такая тактика принесла свои плоды. Первоначально С. Д. Максудов был приговорен к расстрелу, и только благодаря амнистии к юбилею Октябрьской революции расстрел заменили десятью годами лишения свободы³⁵. В дальнейшем он был освобожден. Последний раз данные о нем фигурируют в запросе Татсоюза в Башглавсуд от 30 ноября 1929 г., причем опять в связи с его действиями против советской власти³⁶. Далее его судьба по имеющимся материалам не прослеживается.

Косвенным свидетельством пристального внимания советских властей БАССР к с. Бураево могут служить факты арестов местных жителей в январе-феврале 1930 г.³⁷ Анализ архивных уголовных дел показывает, что жители в ходе допросов при ответах на вопрос о деятельности до 1917 г. и в период Гражданской войны старательно избегали темы восстания 1918 г.

* Здесь ошибка. Имеется в виду Дитерихса.

Арестованных крестьян обвиняли в том, что в 1918 и 1920 гг. они участвовали в антисоветских восстаниях, в том числе в восстании «Черного орла». К началу 1920-х гг. все участники Бураевского выступления 1918 г. либо были арестованы, либо некоторое время, судя по материалам архивных уголовных дел, занимались откровенным бандитизмом³⁸. Стоит сказать, что многие участники Бураевского восстания 1918 г. не прекратили борьбу против советской власти даже после ее окончательного утверждения. Особенно ярко она проявилась с началом коллективизации, когда эти люди стали активно выступать против ее проведения, «...пытаясь задержать и сорвать движение коллективизации. Эта группировка была связана общей контрреволюционной деятельностью на протяжении всего периода существования Советской власти начиная с возникновения гражданской войны»³⁹.

Таким образом, восстание крестьян в Бураево 1918 г. не осталось без внимания советских властей. К этим событиям власти неоднократно возвращались в ходе репрессий в годы коллективизации и раскулачивания.

Рассмотренная нами биография С. Д. Максудова, безусловно, нуждается в дальнейшем документальном и информационном наполнении. Требуется выявление источников, которые позволили бы более подробно раскрыть его роль в бураевских событиях весны 1918 г. Наряду с этим мы попытались дополнить отдельные страницы биографии человека, который стал одним из «вожаков» крестьянского восстания в с. Бураево. Отсутствие документальных источников порождает в региональной историографии существенные расхождения при оценке бураевских событий и роли С. Д. Максудова в них. Из имеющихся сведений, весьма немногочисленных, можно установить, что крестьяне в Бураево не понимали и никак не могли понять социально-экономическую политику советской власти. Чтобы сохранить продовольствие и деньги, в селе было организовано «Бураевское башкирское кантонство», ставшее своеобразным отсылком к временам кантонной системы управления башкирским краем, когда у местного населения был значительный набор льгот, гарантированных государством. В такой сложной ситуации выбора оказался и С. Д. Максудов, на которого все советские авторы, освещавшие восстание в Бураево, указывали как на одного из организаторов. Личность этого человека вызывает интерес и с точки зрения выбора стратегии выживания в ситуации государственной катастрофы — Гражданской войны, а региональная историческая наука, безусловно, нуждается в дополнительной информации о его роли в Бураевском восстании.

Библиографические ссылки

¹ См.: Крестьянский фронт 1918 — 1922 гг. : сб. ст. и материалов / под ред. А. В. Посадского. М., 2013. 740 с. ; От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты : сб. ст. и материалов / сост. А. В. Посадский. М., 2014. 624 с. ; «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры : сб. ст. и материалов / науч. ред. А. В. Посадский. М., 2015. 856 с. ; Вожаки и лидеры Смуты. 1918 — 1922 гг. : биогр. материалы / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М., 2017. 592 с.

² **Иванов А. О., Алдашов А. Н.** Крестьянское восстание в селе Бураево Бирского уезда Уфимской губернии в марте 1918 г. (к оценке историографии и источниковой базы вопроса) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19, № 3 — 2. С. 357 — 365.

³ НА РБ. Ф. И-345. Оп. 2. Д. 43. Л. 74, 75.

⁴ См.: Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 г. — июнь 1918 г.) : сб. док. и материалов / под ред. З. А. Аминова и [др.]. Уфа, 1957. С. 413, 470.

⁵ См.: Советская Башкирия : ист. очерки / под ред.: Р. Г. Кузеева, А. И. Харисова, Б. Х. Юлдашбаева. Уфа, 1957. С. 68 — 69 ; **Аминев З. А.** Борьба за упрочение Советской власти в Башкирии (октябрь 1917 — июнь 1918 гг.) // Ученые записки БГУ. Уфа, 1957. Вып. 1. С. 102 — 103 ; **Его же.** Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917— 1919 гг.). Уфа, 1966. С. 215.

⁶ См.: **Мордвинцев Г. В.** Бураевское башкирское кантонство // Башкортостан : крат. энцикл. / гл. ред. Р. З. Шакуров. Уфа, 1996. С. 194.

⁷ См.: **Мордвинцев Г. В.** Бураевское восстание 1918 // Башкирская энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. М. А. Ильгамов. Уфа, 2005. Т. 1. С. 568.

⁸ См.: Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906 — 1917 гг. : сб. док. и материалов / сост. Л. А. Ямаева. Уфа, 1998. С. 295.

⁹ Там же. С. 295.

¹⁰ См.: **Иргалин Г. Д.** Максюттов Сахипзада Давлетович // Башкирская энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. М. А. Ильгамов. Уфа, 2008. Т. 4. С. 96.

¹¹ См.: **Хамидуллин С. И., Таймасов Р. С.** Большая Башкирия // Ватандаш. 2009. № 5. С. 82 — 83.

¹² См.: **Иванов А. О., Алдашов А. Н.** Указ. соч. С. 357 — 365.

¹³ См., например: **Аминев З. А.** Октябрьская социалистическая революция... С. 215 ; **Его же.** Борьба за упрочение Советской власти... С. 102 — 103.

¹⁴ **Хамидуллин С. И., Таймасов Р. С.** Указ. соч. С. 82.

¹⁵ Там же. С. 80.

¹⁶ Там же. С. 82.

¹⁷ Мусульманские депутаты Государственной думы России... С. 295.

¹⁸ См.: **Усманова Д. М.** Мусульманские депутаты в Государственной думе Российской империи. 1906 — 1917 : дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2004. С. 544.

¹⁹ Там же. С. 400.

²⁰ Там же. С. 544.

²¹ Мусульманские депутаты Государственной думы России... С. 295.

²² См.: **Усманова Д. М.** Указ. соч. С. 167.

²³ См.: **Хамидуллин С. И., Таймасов Р. С.** Указ. соч. С. 83.

²⁴ Там же.

²⁵ НА РБ. Ф. 378. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 — 75.

²⁶ НА РБ. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 2748.

²⁷ Там же. Л. 367 — 367 об.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 367.

³⁰ См.: Вперед. 1918. 31 янв. (13 февр.) ; **Кизин Ю. П.** Алексей Иванович Свидаерский. Уфа, 1971. С. 107 ; **Алдашов А. Н.** Общероссийские социалистические партии в Уфимской губернии в 1917 — 1922 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1997. С. 115.

³¹ НА РБ. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 2748. Л. 367.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 367 об.

³⁵ Там же. Л. 376, 388 об.

³⁶ Там же. Л. 410, 410 об.

³⁷ Архив УФСБ РФ по РБ. В-4174. Л. 17 — 17 об.

³⁸ Архив УФСБ РФ по РБ. В-14381. Т. 1. Л. 308 — 309 об.

³⁹ Архив УФСБ РФ по РБ. В-16347. Л. 57.

Поступила 04.03.2018 г.

УДК 94(47).084.3«1919/1920»

А. И. Лушин, Д. А. Савченко

A. I. Lushin, D. A. Savchenko

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1919 — 1920-х гг.

LITTLE-KNOWN PAGES OF THE SOVIET-POLISH WAR OF THE 1919 — 1920s

Ключевые слова: военно-политическое руководство, советско-польская война, Гражданская война, Польша, советская Россия.

В статье анализируются актуальные вопросы советско-польской войны 1919 — 1920-х гг., которые касаются тщательно скрываемых властями той и другой стороны ее малоизвестных страниц, нередко называемых «белыми пятнами». Рассматриваются различные версии датировки начала советско-польской войны; ее взаимосвязь с Гражданской войной в России и иностранной военной интервенцией; стратегические планы противоборствовавших сторон и итоги военного противостояния.

Key words: military and political leadership, the Soviet-Polish war, the Civil War, Poland, Soviet Russia.

The topical issues of the Soviet-Polish war of 1919 — 1920s, which concern the little-known pages, carefully hidden by the authorities of both sides and often called “white spots”, are analyzed in the article. Various versions of the dating of the beginning of the Soviet-Polish war, its relationship with the Civil War in Russia and foreign military intervention, as well as strategic plans of the opposing sides and the results of military confrontation are considered.

Советское историческое наследие, многочисленные неизвестные страницы взаимоотношений советской республики и ряда других стран на протяжении нескольких десятилетий служили эффективным инструментом идеологического воздействия на различные слои населения страны. Следует отметить, что существовавшие версии ряда исторических событий в значительной мере отражали вполне определенные цели правившей политической партии. Одной из таких малоизвестных страниц, или, как иногда принято говорить, «белым пятном», являются события периода советско-польской войны 1919 — 1920-х гг. Многие стороны этих событий, по-прежнему недостаточно изучены, несмотря на обилие новых архивных документов, и материалов, ставших доступными для исследователей с конца 1980 — начала 1990-х гг. и введенных в научный оборот в последние годы.

Вместе с тем многие проблемы этой войны интересовали и продолжают вызывать значительный научный и познавательный интерес, что в определенной мере вызвано необходимостью объективного комплексного исследования всех аспектов, связанных как непосредственно с Гражданской войной в России, так и с советско-польскими отношениями периода 1918 — 1921 гг. Эта война, как и ее последствия, к сожалению, и сегодня негативно влияют на ряд аспектов двухсторонних российско-польских отношений.

Следует заметить, что в отечественных публикациях первых лет советской власти, преобладало описание военных событий, и лишь незначительное отражение получили

собственно политические аспекты войны, ее причины, цели и задачи. Безусловно, появившимся в то время и позднее (с начала 1930-х гг. по конец 1980-х гг.) публикациям и иным материалам были присущи идеологически субъективные оценки и характеристики событий. В свою очередь, вопросы дипломатии и предыстории конфликта, события, предшествовавшие войне, отодвигались на второй план.

После распада СССР в распоряжении российских исследователей оказались ранее не доступные архивные материалы. Центр внимания российской историографии сместился в сторону проблематики, связанной с причинами и итогами советско-польской войны 1919 — 1920-х гг., стратегическими планами и дипломатической проблематикой противоборствовавших сторон. Особое внимание уделялось вопросам, связанным с положением и судьбой советских военнопленных.

Зарубежные публикации по данной проблеме в целом были лишены идеологической окраски, тем не менее в них отражалось, как правило, стремление отстаивать прежде всего национальные интересы.

Необходимо иметь в виду, что согласно имеющимся на сегодняшний день историческим данным, в 1919 — 1920 гг. РСФСР и Польша официально не объявляли друг другу войну. Кроме того, между ними в рассматриваемый период не было даже дипломатических отношений (несмотря на наличие в 1917 — 1920-х гг. различного рода дипломатических миссий с обеих сторон, так и не превратившихся в полноценные дипломатические представительства РСФСР и Польши). Не вызывает сомнения тот исторический факт, что советско-польская война завершилась 12 октября 1920 г. подписанием перемирия, а двухсторонний мирный договор был заключен лишь 18 марта 1921 г.

Изначально в советской, а затем и в российской историографии прочно укрепилось мнение что советско-польская война, началась в апреле 1920 г. Проблема заключается в том, что политическое и военное руководство РСФСР не рассматривало тогда события, связанные с военной конфронтацией в 1918 — 1919-х гг., предшествовавшие наступлению польской армии на Киев 25 апреля 1920 г., как широкомащтабную войну с Польшей. Данная точка зрения отразилась в вышедшем в 1964 г. втором томе сборника «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (совместное издание Академии наук СССР и Польской Академии наук). В него были включены 356 документов и 26 формализованных изложений содержания документов (именуемых, по-польски, «регестами»), касающихся ноября 1918 г. — апреля 1920 г. В предисловии к изданию сборника на русском языке, в частности, отмечалось: «...25 апреля 1920 года... принято считать началом войны буржуазно-помещичьей Польши с советскими республиками...»¹.

Мотивировка данной точки зрения объяснялась следующими вполне очевидными фактами.

1. В условиях продолжавшейся Гражданской войны в России в 1919 г. тогдашнему советскому политическому и военному руководству было крайне важно избежать полномасштабной конфронтации с Польшей на Западном фронте РСФСР.

2. Признание факта вовлечения в военные действия обеих сторон в первой половине — середине 1919 г. неизбежно предполагало необходимость интерпретации того, что на протяжении осени 1919 г. — зимы 1920 г. никаких активных военных действий на Западном фронте РСФСР не велось. Это в свою очередь позволило без особого риска передислоцировать значительное количество освободившихся дивизий РККА

на Южный фронт для нанесения решающего удара по армии генерала А. И. Деникина, оказавшегося для него роковым. Безусловно, подобный исход событий явился результатом неофициальных переговоров и консультаций между представителями противоборствовавших сторон. По проблемам двухсторонних отношений и сегодня, по-прежнему, мало официальных комментариев и документов. Вместе с тем есть косвенные подтверждения указанной версии, одним из которых выступает опубликованная в 1938 г. в Таллине монография бывшего русского генерала, военного историка Э. Г. фон Валя (*Ernest Karl Woldemar von Wahl*) с весьма характерным названием «Как Пилсудский погубил Деникина»². Конкретный материал, изложенный в публикации, (наряду с мемуарами генерала А. И. Деникина³ и упоминание автором о «тайном соглашении» между РСФСР и Польшей⁴ подтверждает неформальное содействие РККА со стороны Польши в целях разгрома армии А. И. Деникина и воспрепятствования воссозданию прежней российской государственности.

Стоит отметить при этом, что на том историческом этапе советская Россия представляла для Польши «меньшее зло», чем войска А. И. Деникина. Как известно, последний имел определенную «польскость» происхождения и его соратники, стремившиеся восстановить Россию в прежних границах, в той или иной мере, посягали на независимость вновь образованного польского государства.

Появившиеся после демонтажа мировой системы социализма иные интерпретации по вопросу датировки начала советско-польской войны были лишены идеологической составляющей, они основывались на вновь полученных архивных данных и в целом указывали на январь (в меньшей степени — февраль) 1919 г. как безусловное подтверждение начала военных действий противоборствовавших сторон — Польши и РСФСР.

В данном случае следует привести несколько примеров. Так, в частности, в монографии Н. Е. Какурина и В. А. Меликова «Война с белополяками 1920 г.», подготовленной на основе ряда польских источников, засвидетельствовано, что уже в январе 1919 г. части Западной армии РСФСР (а с 19 февраля 1919 г. Западного фронта) вступили в соприкосновение с регулярными воинскими подразделениями (легионерами) Польши⁵. Тем самым военные действия с Польшей стали фактически выходить за рамки спонтанных боевых локальных столкновений, хотя на протяжении лета и осени 1919 г. Западный фронт сохранял лишь второстепенное значение для РСФСР⁶.

Кроме того, российский исследователь А. В. Барынкин, наряду с тезисом: «...несколько лет военно-политического противостояния (с 1918 г.) ни одна из сторон официально так и не объявила войну друг другу»⁷, все же упоминает о том, что «...первые столкновения регулярных частей Красной армии и Войска Польского отмечались 4 января 1919 года»⁸. Данное утверждение совпадает с точкой зрения польских исследователей Норберта Михты и Збигнева Кумоса, согласно которой военное столкновение 4 января 1919 г. под Новой Вилейкой (ныне Минской области Белоруссии) между двумя регулярными армиями — Войском Польским и Красной армией — фактически означало начало советско-польской войны⁹.

По мнению профессора М. Н. Зуева, первым крупным столкновением частей РККА и польских легионеров является «Виленский конфликт», когда 5 января 1919 г. части РККА вытеснили польские части из Вильно (ныне г. Вильнюс)¹⁰. Предпосылки, появившиеся к 12 декабря 1918 г., когда польское правительство, исходя из своих

геополитических интересов о воссоздании прежней Речи Посполитой в границах 1772 г. («от моря до моря»), приняло решение об оккупации территории Литвы¹¹. Это в немалой степени предопределило позицию «начальника государства» Ю. Пилсудского о том, что «войну с Советами Польша начала еще в 1918 г.»¹².

Аналогичной точки зрения придерживаются известный белорусский исследователь А. П. Грицкевич, который упоминает о военном столкновении между подразделениями Западной стрелковой дивизии РККА в Вильно 5 января 1919 г.¹³, а также М. Мильтюхов, сообщаящий о фактах приближения к Вильно 3 января 1919 г. частей РККА, а также о том, что 6 января 1919 г. они вытеснили из Вильно польские части¹⁴.

Автор статьи «Бой за Вильнюс в январе 1919 года — начало польско-советской войны», польский историк, специализирующийся на проблемах новейшей военной истории Вольдемар Резмер затрагивает дискуссионную проблематику по поводу точной датировки начала советско-польской войны. При этом в отношении датировки окончания войны не имеется разногласий: ее окончание было задокументировано в Рижском мирном договоре 18 марта 1921 г. По мнению В. Резмера, началом советско-польской войны следует считать 4 января 1919 г., когда было зафиксировано первое вооруженное столкновение регулярных воинских подразделений обоих государств в районе Вильно. Оно было связано с попыткой Красной армии (силами 1-го Псковского полка) установить контроль над этим городом, который обороняли так называемые польские добровольческие отряды Виленской самообороны (под руководством командира Военного округа Литвы и Белоруссии генерал-майора Владислава Вейтко). Последний, кстати, являлся выпускником Николаевского инженерного училища в Санкт-Петербурге, служил в качестве офицера, а затем генерала императорской армии, принимал участие в Русско-японской и Первой мировой войнах. Был назначен на названную должность 8 декабря 1918 г. специальным указом Ю. Пилсудского. С этого момента «силы самообороны» стали рассматриваться Польшей как часть польских регулярных вооруженных сил¹⁵.

По мнению российских исследователей И. С. Яжборовской и В. С. Парсадановой, в результате занятия частями Западной армии РККА территории, примыкавшей к линии Белосток — Черемха — Брест — Ковель — Ровно (т. е. примерно до польских этнографических границ), фактически были заняты те белорусские земли, которые являлись объектом геополитических интересов Польши. Это якобы и привело к военному столкновению «...между войсками Советской России и Польши 28 января 1919 под Волковыском, примерно в 20 км от нынешней польско-белорусской границы»¹⁶.

В заключение об определении датировки советско-польской войны необходимо упомянуть точку зрения польского исследователя З. Карпуса, который в англоязычной публикации указывает период с февраля 1919 г. по 12 октября 1920 г. в заголовке одной из частей своей монографии¹⁷.

Несмотря на наличие ряда объективных свидетельств, о которых упоминают историки, ранее сложившиеся стереотипы восприятия исторических событий, в частности по проблематике датировки начала советско-польской войны, по-прежнему затрудняют определение однозначно унифицированной позиции по этому вопросу.

В начальный советский период отечественной историографии превалировала точка зрения, что советско-польская война являлась частью Гражданской войны в

России, а Польша была союзником государств Западной Европы, ранее объединившихся в рамках соглашений Антанты.

Документальным обоснованием подобной точки зрения служили речи, выступления и статьи военно-политического руководства страны. Так, нарком РККА Л. Д. Троцкий ввел в политический оборот термины «польское белогвардейское офицерство» и «польское белогвардейское кулачье»¹⁸, т. е. он считал войну с Польшей частью Гражданской войны и иностранной интервенции. И. В. Сталин, в частности, рассматривал войну с Польшей весной 1919 г. в рамках «первого комбинированного похода» Антанты, с участием А. В. Колчака, А. И. Деникина, Н. Н. Юденича, Польши и «смешанных англо-русских отрядов»¹⁹. Позднее, в 1924 г., первый помощник начальника штаба РККА Б. М. Шапошников, в годы советско-польской войны — начальник Оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета республики (РВСР), отстаивал точку зрения о том, что Польша являлась частью «белого движения». Употребляя такие определения, как «бело-польский фронт», «Белая Польша»²⁰, «армии белополяков»²¹. Все эти примеры — образцы политической риторики, которую руководство РСФСР сочло целесообразным применять в целях ведения агитационно-пропагандистской деятельности, рассчитанной, прежде всего, на собственное население.

В тоже время совершенно неверно увязывать события на польском фронте с какой-либо координацией действий с «белым движением» в рамках Гражданской войны. Как уже отмечалось, неофициальная координация имела место, но совершенно иного рода — между польским руководством и руководством РСФСР по вопросам снижения военной активности сторон на советском Западном фронте. Это была своего рода сделка, которая обернулась впоследствии катастрофой для белого движения в целом.

Руководители белого движения (прежде всего А. И. Деникин) никогда не питали иллюзий о получении поддержки со стороны политических элит бывших национальных окраин России, особенно от Польши, в целях восстановления «единой и неделимой» России. Наоборот, эта политика всячески препятствовала формированию единого антисоветского фронта для борьбы с большевиками.

Приведем ряд примеров, демонстрирующих отношение Польши к генералам белогвардейского движения из различных зарубежных публикаций. Например, американский профессор польского происхождения, историк П. С. Вандич утверждает, что «...Варшава не показала заинтересованности в организации антибольшевистского крестового похода. Помогать белым означало подвергать опасности собственную восточную программу, а отношение Антанты показывало, что русские интересы получают приоритет над польскими требованиями»²².

По мнению британского историка Н. Дэвиса, «...полное поражение Советов совсем не обязательно обернулось бы выгодой для Польши. Если бы Советский режим был бы заменен правлением Деникина, польская независимость была бы обеспечена еще меньше, чем при Советах»²³.

Польский историк Марек Корнат указывает, что премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж, решил создать новый порядок в Восточной Европе вместе с посланниками Владимира Ленина», а для этого использовал инструментарий внешней торговли — лозунг «мир через торговлю»²⁴.

Таким образом, вывод о том, что польско-советская война 1919 — 1920-х гг. чаще всего воспринималась на Западе как локальное столкновение двух государств был неслучаен. Для анализа реализации стратегических планов противоборствовавших сторон и итогов советско-польской войны 1919 — 1920 гг. можно в определенной мере использовать инструментарий, заимствованный из менеджмента, — SWOT-анализ, хотя это кажется не совсем корректным.

Практически как в 1920-е гг., так и гораздо позднее ни одна из сторон советско-польской войны не признала поражения. Содержательная оценка Рижского мира 1921 г. и действия советского правительства, подписавшего договор, многими исследователями, в том числе зарубежными, признаются конструктивными. В частности, английский исследователь Дж. Вейерс в монографии «Польша и Россия» отмечает, что заключенный мир «...был наиболее реальным из всего, что можно желать»²⁵.

Для РСФСР это военное противостояние также не было успешным. Война изначально трактовалась как «революционная», преследовавшая цель советизации Польши и соединения русской революции с революциями в странах Западной Европы. По мнению советского руководства, она в конечном счете должна была обеспечить не только сохранение советской власти в России, но и победу «всемирной пролетарской революции». Однако фактически эта война была проиграна: советизация Европы не наступила, вооруженные силы — РККА — понесли значительные потери (убитыми, ранеными и пленными), не удалось также восстановить прежние западные российские границы, были утрачены значительные территории, населенные этнически близким России населением — белорусами и украинцами. При этом пришлось смириться с выплатами контрибуций, а также с тем, что Польша стала своего рода «санитарным кордоном», отделявшим РСФСР от стран Западной Европы.

Кроме того, Польша наряду с балтийскими государствами и Финляндией «отгородила цивилизованный мир от большевистской угрозы с востока». С другой стороны, советская республика получила необходимую передышку для того, чтобы подавить внутреннюю «контрреволюцию», т. е. белое движение в России²⁶. Не случайно в отношении окончательных итогов советско-польской войны В. И. Ленин все же был в определенной мере оптимистичен. «...Мы, — заявил он 20 октября 1920 г. в секретном докладе на IX конференции РКП(б), — из войны вышли победителями. Мы в 1920 г. предложили польским помещикам и буржуазии мир на условиях более для них выгодных, чем те, которые они имеют сейчас»²⁷.

Не вызывает сомнений, что руководитель польского государства Ю. Пилсудский вполне адекватно представлял себе то обстоятельство, что единственным очевидным позитивным результатом этой войны явились сохранение независимости Польши и срыв попыток ее «советизировать». Одновременно его мечта создать новую процветающую федеративную Польшу в расширенных границах «от можа до можа» оказалась нереализованной. Несмотря на то, что новые восточные рубежи Польши стали включать западные территории Беларуси и Украины, в конечном счете эти приобретения сыграли роль своеобразного «троянского коня». В связи с этим целесообразно привести оценки сложившейся ситуации ряда отечественных исследователей. В частности, известный ученый, профессор С. Н. Полторак в монографии с достаточно эмоциональным названием «Победоносное поражение», отметил: «...в самих итогах этой войны для Польши была заложена основа трагедии 1939 — 1945 годов»²⁸.

Оценивая итоги советско-польской войны 1919 — 1920-х гг., И. В. Михутина делает вывод о том, что ее результаты создали «...почву для новых конфликтов и в ближайшие десятилетия тенью легли на советско-польские отношения. Ситуация взаимного недоверия, политической подозрительности, психологической неприязни получила трагическое разрешение в прологе Второй мировой войны»²⁹. А. С. Пученков делает продолжение: «...Польша пыталась и в дальнейшем играть на равных в большой европейской игре и была уничтожена более сильными хищниками, не рассчитав свои силы и возможности» и утверждает, что из-за имперских амбиций Польша повторила судьбу Речи Посполитой эпохи конца XVIII в., утратив в итоге свою государственность в 1939 г.³⁰

Таким образом, проблема неизвестных страниц истории советско-польской войны 1919 — 1920-х гг., несмотря на наличие значительного количества публикаций, по-прежнему является актуальной и требует дальнейших исследований.

Следует упомянуть о важном для историков теоретическом положении, выдвинутом О. Кеном и А. Рупасовым, которое применимо к проблематике советско-польской войны 1919 — 1920-х гг.: «История Советского Союза — во многом история восстановления, расширения и удержания статуса великой мировой державы. Неудивительно, поэтому, что специалисты по внешней политике СССР сосредоточивали свое главное внимание на его взаимодействии с великими державами, тогда как изучение советской политики в отношении „малых“ восточно-европейских государств 20 — 30-х гг. оказалось на периферии исследовательских интересов»³¹.

Адаптируя данное положение к реалиям сегодняшнего дня, можно лучше понять, почему предстоит провести еще немало исследований в отношении исторических событий прошлого советской России. При этом ряд моментов, связанных с историческим наследием советской эпохи, касающихся, в частности, пропаганды и реализации идей «всемирной пролетарской революции», истории отношений Польши с соседними государствами на начальном этапе существования РСФСР, требует всестороннего анализа и переосмысления. Это поможет уменьшить количество «неудобных» с политической точки зрения вопросов, к числу которых принадлежат и малоизвестные страницы советско-польской войны 1919 — 1920-х гг.

К сожалению, за пределами исследования осталась достаточно важная и малоизученная тема — численность военнопленных РККА, взятых в польский плен и погибших в концлагерях на территории Польши в ходе войны. Следует отметить, что указанная проблема является дискуссионной, поскольку точки зрения отечественных и зарубежных исследователей по вопросу численности таких военнопленных РККА расходятся, а методика ее подсчета обеими сторонами (прежде всего учеными) до сих пор не согласована и не унифицирована.

На фоне усиления современной международной политической напряженности и противостояния, антироссийской риторики и санкций, направленных на подрыв экономики России и ее влияния на мировую политику, участие Польши в антироссийской политике, уничтожение и осквернение памятников советским воинам, появление новых объективных зарубежных исторических исследований по вопросам, затронутым в настоящей публикации, лишенных политической составляющей, представляется маловероятным. Соответственно маловероятно и то, что в ближайшие годы можно рассчитывать на доступ к какой-либо новой информации для российских ученых, которая могла быть получена из польских архивов.

Библиографические ссылки

- ¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений». М., 1964. Т. 2. С. 8.
- ² См.: Валь Э. Г. Как Пилсудский погубил Деникина. Таллин, 1938. 82 с.
- ³ См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты : [в 5 т.] Париж ; Берлин, 1921 — 1926.
- ⁴ См.: Валь Э. Г. Указ. соч. С. 56.
- ⁵ См.: Какурин Н. Е., Меликов В. А. Война с белополяками 1920 г. М., 1925. С. 7.
- ⁶ Там же. С. 12.
- ⁷ Барынкин А. В. К вопросу о датировке советско-польской войны // Вестник Брянского университета. 2013. № 2. С. 11.
- ⁸ Там же. С. 12.
- ⁹ См.: Michta N., Kumoś Z. B. Niewypowiedzialna wojna 1919 — 1920 r. Warszawa, 2009. S. 38.
- ¹⁰ См.: Зуев М. Н. Ионов В. В., Симонова Т. М. Советская Россия и Польша. 1918 — 1920 гг. Советско-польское вооруженное противостояние 1918 — 1919 гг. Советско-польская война 1920 г. / под общ. ред. А. А. Кольтюкова. М., 2006. С. 36.
- ¹¹ См.: Jozef Pilsudski o panstwie i armii w swietle wspomnien i innych dokumentow. Warszawa, 1985. S. 37 — 38.
- ¹² Пилсудский Ю. 1920 год. М., 1926. С. 158.
- ¹³ См.: Грицкевич А. П. Западный Фронт РСФСР, 1918 — 1920: Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск, 2010. С. 40.
- ¹⁴ См.: Мюльтюхов М. И. Советско-польские войны: белый орел против Красной звезды М., 2004. С. 28.
- ¹⁵ См.: Rezmer W. Walki o Wilno w styczniu 1919 roku — początek wojny polsko-sowieckiej // EUROPA ORIENTALIS. Studia z Dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich. 2010. № 2. S. 73.
- ¹⁶ Яжборовская И. С., Парсаданова В. С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005. С. 146.
- ¹⁷ См.: Karpus Z. Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees Kept in Poland in 1918 — 1924 Adam Marszaek. Torun, 2001. 212 p.
- ¹⁸ Троцкий Л. Д. Советская Россия и буржуазная Польша: речь на митинге в Гомеле 10 мая 1920 года. Прага, 1920. С. 14.
- ¹⁹ Сталин И. В. Сочинения. М., 1947. Т. 4. С. 320.
- ²⁰ Шапошников Б. М. На Висле. К истории кампании 1920 года : с 12 схемами. М., 1924. С. 9.
- ²¹ Там же. С. 10.
- ²² Wandycz P. S. Polish-Soviet Relations 1917 — 1921. Cambridge, 1969. P. 126.
- ²³ Davies N. Heart of Europe. A short History of Poland. Oxford, 1987. P. 116.
- ²⁴ Kornat M. Pierwsza Zdrada Zachodu. Wokół Książki Andrzeja Nowaka // Kwartalnik Historyczny Rocznik. 2017. 1, CXXIV. S. 149 — 167.
- ²⁵ Weyers J. Poland and Russia. London, 1943. P. 16.
- ²⁶ См.: Пученков А. С. Даешь Варшаву!: из истории советско-польской войны 1920 г. // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 35.
- ²⁷ Ленин В. И. Политический отчет ЦК РКП(б) на IX конференции РКП(б) // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 39. С. 359.
- ²⁸ Полторац С. Н. Победоносное поражение: Размышления о совет.-польской войне 1920 г. в канун ее 75-летия. СПб., 1994. С. 217.
- ²⁹ Михутина И. В. Польско-советская война 1919 — 1920 гг. М., 1994. С. 248 — 249.
- ³⁰ Пученков А. С. Указ. соч. С. 36.
- ³¹ Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. Ч. 1. 1928 — 1934. СПб., 2000. С. 12.

Поступила 12.01.2015 г.

УДК 94(47)08(470.4/5)(093)

А. А. Иванов, А. Г. Иванов

A. A. Ivanov, A. G. Ivanov

ГОЛОД НАЧАЛА 1920-х гг. В МАРИЙСКОМ КРАЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

FAMINE OF THE EARLY 1920s IN THE MARI REGION: PROBLEM STATEMENT

Ключевые слова: марийский край, голод, источники, историография.

В статье на основе широкого круга исследований, вновь выявленных архивных и опубликованных источников, материалов периодической печати рассмотрена проблема изучения голода начала 1920-х гг. в марийской автономной области; установлен круг не исследованных ранее сюжетов, имеющих отношение к крупнейшей гуманитарной катастрофе первой половины XX в.; показаны историко-региональные аспекты причин голода, его характера и последствий; намечены перспективные направления дальнейших научных поисков.

Key words: the Mari region, famine, sources, historiography.

The problem of studying the famine of the early 1920s in the Mari Autonomous region is considered in the article on the basis of a wide range of studies, newly found archival and published sources, materials of the periodicals. The circle of previously unexplored cases related to the largest humanitarian disaster of the first half of the XX century is established, the historical and regional aspects of the causes of hunger, its nature and consequences are described, as well as the promising directions for further scientific research are outlined.

Голод первой половины 20-х гг. XX в. в Советской России и преодоление его последствий — крупнейшее в новейший исторический период социальное бедствие и одновременно комплекс мероприятий по его ликвидации — занимают особое место в отечественной истории по территориальному охвату (свыше 30 губерний европейской части будущего СССР), количеству пострадавшего населения и экономическому ущербу. Первый из трех «великих советских голодов», к которым принято относить также трагические страницы истории государства 1932 — 1933 гг. и 1946 — 1947 гг., оставил особый след в истории марийского края, как и множества других регионов Среднего Поволжья.

Память именно об этой социальной катастрофе наиболее полно и выразительно отразилась в синхронных публикациях современников, в официальном делопроизводстве государственных учреждений, в устной народной традиции и даже в этнографических источниках. По стечению обстоятельств именно очевидцы и участники тех событий внесли наибольший вклад в разработку этой проблемы в историко-краеведческой историографии¹. По историческим меркам, их материалы в качестве моментальных откликов на народную трагедию, совпавшую с моментом организационного оформления Марийской автономной области (МАО), не могут оставить равнодушным и современного читателя. «Неурожай был вызван целым рядом стихийных бедствий, которые имели место в Маробласти в лето 1921 года. Эти бедствия были настолько поразительны своими контрастами и исключительным

характером, — отмечали составители сборника „Голод в МАО“, — что казалось, что они сознательно посылаются какой-то сверхъестественной силой в наказание людям для непрямого поражения всякой (и хлебной) растительности и приближения голода». Далее: «Июнь месяц 1921 года был самый кошмарный: на небе ни тучки, солнце палит немилосердно, выжигает на земле все и вся, а в довершение всего вспыхивают лесные пожары, охватывая громадные пространства и образуя сплошное огненное море. Дым от пожаров наподобие туманов заслонял солнце, а пламя ночью зловещим светом освещало всю окрестность. Люди в страхе за свою жизнь и имущество метались в панике... Животные, предчувствуя что-то неладное, голосили на разные лады, усиливая ужас и наводя даже на несуетливых людей предчувствие чего-то рокового, неизбежного»².

Опубликованные в начале 1920-х гг. исследования, часто замечая роль документальных публикаций, ценны как сосредоточение значительного фактического материала, определяющего причины голода. Они, пережив ряд трансформаций в оценках, признаются большинством современных исследователей³. Стихийным бедствиям, как главной причине голода, первых лет образования автономии уделялось более или менее значительное внимание и в последующих исторических исследованиях⁴, а также в публицистике последних лет⁵.

Несмотря на наличие определенной историографии проблемы, считать ее изученной к настоящему времени преждевременно. Постоянно открывающиеся новые источники, в том числе по типовой и видовой принадлежности, требуют более тщательного их анализа, применения междисциплинарных подходов. Все это необходимо для выяснения ряда ключевых моментов, связанных с историей голода первой половины 1920-х гг. на территории современной Республики Марий Эл и в Средневолжском регионе в целом, в том числе окончательного определения его причин, хронологических границ, уточнения значения помощи пострадавшим от зарубежных благотворительных организаций, выяснения приблизительного количества погибших, заболевших, эвакуированных и т. д.

Первым и очень важным шагом в этом направлении должна стать публикация исторических источников. Имеющиеся на настоящий момент сборники документов⁶ и воспоминаний⁷, хрестоматии⁸, документальные подборки⁹ по истории марийского края пристального внимания данной задаче не уделяли. Тем не менее в них были опубликованы некоторые материалы о борьбе органов государственной власти и общественных организаций со стихийными бедствиями 1921 — 1922 гг., конфискации церковных ценностей на нужды голодающих, политическом и экономическом положении в вновь образованной автономии¹⁰. Очевидно, что данный пробел региональной археографии и историографии на основе комплексного подхода, с существенным уточнением хронологических рамок голода начала 20-х гг. XX в., его специфических особенностей в условиях национальной автономии и максимального учета доступных исторических свидетельств из фондов государственных, научных и личных архивов, рукописных фондов библиотек и научных учреждений будет в ближайшем будущем преодолен в одном из готовящихся к 100-летию образования Республики Марий Эл сборнике документов и материалов.

Голод и недоедание в широком смысле как социальные явления всегда были присущи истории человечества независимо от исторических эпох и территории проживания. Их происхождение, характер, последствия во многом и ранее и сейчас

определялись соотношением влияния уровня социально-экономического и социально-политического развития общества и природно-географического фактора. Для аграрных социумов, к каковым вплоть до второй половины XX в. относилась и Россия (СССР), периодические голодовки были обыденным явлением, частью повседневной жизни и крестьянского менталитета. Более того, к моменту революционных преобразований 1917 г. в отечественной экономической мысли уже прочно утвердилось положение о закономерности проявления такого рода социальных катаклизмов и системном характере их причин.

Вместе с тем известные до сих пор и, в особенности, вновь выявленные источники по истории марийского края как подтверждают известные ранее причины голода начала 1920-х гг. (а на этом разделе проблемы, как правило, в первую очередь было сосредоточено внимание историков), так и существенно уточняют и расширяют их номенклатуру. Еще в первые после провозглашения автономии годы основные из них были определены непосредственными участниками событий.

В публикациях современников к ним в первую очередь были отнесены ряд стихийных бедствий (заморозки, засуха, пожары) и последующие неурожаи 1920 — 1922 гг. Второй по значимости причиной голода назывался экономический ущерб, принесенный сельскому хозяйству Первой мировой и Гражданской войнами, так как они «были непосредственной причиной уничтожения запаса старых хлебов, который мог бы в неурожайный год прокормить голодное население в достаточной степени». Ущерб этот имел многоаспектный характер (упадок сельскохозяйственного производства, разруха на транспорте и в промышленности, разрыв экономических связей, прямые потери от военных действий и др.). При этом особо подчеркивалось негативное влияние советской продовольственной политики (продовольственной диктатуры 1918 — 1919 гг. и продовольственной разверстки 1919 — 1921 гг.), точнее — влияние ее непродуманного и непоследовательного характера на крестьянское хозяйство, поскольку «у многих трудящихся марийцев не осталось хлеба даже для своего питания». Третьей причиной катастрофического положения в народном хозяйстве автономной области была определена «некультурность населения»¹¹. Сейчас ни одна из названных причин сомнению не подвергается, требуется лишь их конкретизация и определенная структуризация. Однако в историографии 1930—1980-х гг. от части из них отказались по идеологическим соображениям. Голод рассматривался как результат технико-экономической отсталости, следствие разрухи, «вызванной империалистической войной, иностранной военной интервенцией и борьбой внутренней контрреволюции с Советской властью». Отдельная роль отводилась заморозкам, засухе, пожарам и прочим стихийным бедствиям¹².

Большинство современных исследователей, говоря о причинах голода, признают их, безусловно, комплексный характер, совокупность причинно-следственных связей. Выделение какого-либо одного фактора, приведшего к столь масштабной социальной катастрофе, только объективного (обстоятельств) или только субъективного (политики) свойства в свете доступных и вновь открываемых источников определенно не перспективно в историографическом плане.

В настоящее время можно выстраивать в некотором роде иерархию причин голода, размещая в разной последовательности последствия военных конфликтов, продовольственной разверстки и стихийных бедствий. Однако в любом случае необходимо учитывать региональную специфику, которая может ее как скорректировать,

так и конкретизировать и дополнить и не только при определении причин массовой голодовки местного населения в начале 1920-х гг.

Материалы по Марийской автономной области свидетельствуют, что зарождающийся уже с конца 1920 г. голод не сразу и не повсеместно превратился в действительно продовольственный кризис, и последствия его как для населения, так и для экономического, прежде всего, сельскохозяйственного развития молодого национально-государственного образования могли бы быть минимизированы, а сам он не растянулся бы до конца 1923 г. со всеми вытекающими последствиями (людские жертвы, экономический ущерб и др.). Можно выделить несколько усугубляющих возникшую трагедию моментов, в том числе откровенно волюнтаристский характер заготовительной политики продовольственных органов Вятской и Нижегородской губерний в кампанию 1920/21 хозяйственного года, их стремление максимально вывезти любые материальные ресурсы с территорий, отходящих МАО. Это обстоятельство не просто ухудшало продовольственное снабжение населения, но и создавало проблемы в будущем, вынуждая крестьян ликвидировать семенные запасы, которые теперь необходимо было ввозить, как и «продфураж» для проведения лесозаготовительных и лесосплавных работ, функционирования кустарной промышленности — едва ли не главных источников дохода двух третей населения области. В условиях отсутствия какой-либо транспортной инфраструктуры (ни одной шоссейной и железной дороги) в отдаленных уголках бывших Казанской, Вятской и Нижегородской губерний быстро ликвидировать опасный перекося зернового баланса было крайне сложно, в отдельные периоды просто невозможно, что и продемонстрировали последующие события.

Другой момент был связан с недооценкой приближающейся катастрофы, прежде всего в Центре, и в некотором роде пассивностью местных органов управления, особенно на кантонном и волостном уровнях и часто откровенно иждивенческими настроениями городского и сельского населения («население питает надежду на помощь со стороны государства»). Связь с Центральной комиссией помощи голодающим первоначально была слабой, руководящие указания не поступали, о них узнавали из газет. Таким образом, был упущен важный организационный момент по решению проблемы в комплексе в рамках существовавшей в то время вертикали власти. Плюс к этому низкий образовательный и вообще профессиональный уровень управленцев нового, советского, поколения, их исключительно бедственное (часто хуже, чем у окружающих крестьян) продовольственное положение, постоянный недостаток ресурсов в помголе и с большим запозданием пришедшая в автономию гуманитарная помощь из-за рубежа.

В тоже время следует признать, что вплоть до осени 1921 г. инициатива в организации помощи уже голодавшим и предотвращении возможной более существенной голодовки принадлежала именно местным учреждениям. На областном и кантонном уровнях были созданы первые чрезвычайные органы по борьбе с голодом, в том числе на общественных началах. Последнее обстоятельство ранее совершенно не было известно в историографии. Справедливости ради следует отметить, что именно благодаря вековой, генетической приспособляемости сельского населения к выживанию в экстремальных условиях число жертв было минимизировано в сложившейся обстановке и без какой-либо внешней помощи. Например, руководитель Мароблпродкома И. А. Шигаев, выступая на III пленуме

обкома РКП(б) в самый разгар голода (январь 1922 г.), отмечал по этому поводу: «Однако приходится и констатировать, что, несмотря на полное отсутствие хлеба, по нашим цифрам, и истекающий запас суррогатов, население держится. Это объясняется тем, что крестьяне в этом году с самого нового урожая чистый хлеб не употребляют, а употребляли его с большим количеством примеси суррогатов. Необходимо отметить, что картофель, урожай которого был во всей области выше среднего, потому послуживший почти главным предметом питания, весьма значительно облегчает положение населения. Но все же приходится заявить открыто, что размер бедствий, разгоревшихся в нашей области, чрезвычайно велик и последствия весьма грозны»¹³.

Это не единственные, основанные на вновь выявленных источниках, предлагаемые к рассмотрению составные элементы изучения голода в Марийской автономной области в начале 1920-х гг. На сегодняшний день известен как максимально полный комплект документации, освещающий деятельность чрезвычайных органов управления — комиссий по борьбе с голодом и комиссий по ликвидации последствий голода, так и документы Мароблракпода — учреждения, осуществлявшего в Марийской автономной области доставку и распределение продовольствия Американской администрации помощи (АРА), единственной, работавшей здесь зарубежной гуманитарной организации. При этом деятельность последней по спасению человеческих жизней еще только предстоит изучить новым поколениям исследователей, но то, что она оказалась максимально полезной в самый решающий момент (зима-весна 1922 г., а затем в меньшей степени присутствовала вплоть до лета 1923 г.), бесспорно. Организация питания детей в столовых АРА и знаменитый «маисовый» (кукурузный) паек для взрослых не только спасали от голодания, но и позволили в определенной степени сохранить от уничтожения семенной материал, жизненно важный для получения будущего урожая.

Окончательно не решен один из наиболее актуализированных и в исторических исследованиях, и в публицистике моментов, связанных с демографическими последствиями голода начала 20-х гг. XX в. в Марийской автономной области. Доступные исторические свидетельства не могут дать на него предельно точного ответа. Обычно исследователи ссылаются на цифры, опубликованные современниками событий, и отчетных документаций. Например, по данным Т. Ефремова, в МАО голодало 75 % населения, болело на почве голода 17 %, переселилось — 1,5 % и умерло 2 % населения (свыше 8 000 чел.)¹⁴. По данным областного отдела здравоохранения, с января по сентябрь 1922 года на почве голода скончалось 6 904 чел., из них абсолютное большинство приходилось на наиболее пострадавшие Сернурский и Краснококшайский кантоны¹⁵. Подобные подходы приняты и ведущими специалистами в сфере современной демографической истории Советской России¹⁶.

Работа с архивными материалами и опубликованными источниками на данном этапе пока еще не позволяет достоверно уточнить эти показатели. Несовершенство низового советского аппарата, находящегося в начале 1920-х г. в переходном состоянии, и низкая представительность медицинских учреждений, не справлявшихся со своими обязанностями, свидетельствуют о том, что жертв голода было значительно больше. Максимальный показатель умерших от «голодных болезней», зафиксированный в производственном плане работ Мароблпоследгола по состоянию на начало января 1923 г., был обозначен в 4 % от общего количества населения¹⁷.

Сколько это в абсолютных цифрах установить невозможно, так как статистика народонаселения и в целом по стране была несовершенна, тем более в чрезвычайных обстоятельствах.

Кроме того, многие смерти местных жителей просто не были зафиксированы. Тем более никто не вел учет пришлого населения, наводнившего автономную область. Например, в выдержке из отчета кантонной комиссии помощи голодающим (2 декабря 1922 г.) отмечалось: «Говорить о том, какие ужасы голода пережил Сернурский кантон Маробласти как один из наиболее пострадавших от неурожая, бесполезно, так как невозможно выразить словами те ужасы голода, какие приходилось наблюдать за этот поистине ужасный год... Так, например, во многих деревнях население вымирало целыми семьями, и не редкость было встретить целый ряд изб в деревне с заколоченными окнами за смертью семьи, или же с находящимися в них мертвецами, так как хоронить было некому... Люди, истощенные голодом, после бесцельного хождения из деревни в деревню в поисках куска хотя бы подобия хлеба падали на дороге, где и умирали, а в деревнях в сборных избах голодных трупов иногда скоплялось десятками, которых хоронили в общую могилу»¹⁸. При приблизительной численности населения МАО в 350 тыс. чел. на момент образования автономии этот показатель мог достигать примерно 15 тыс. умерших; с учетом беженцев — даже 20 тыс. чел. и более. Тем не менее заявлять о десятках тысяч жертв голода, без ссылок на достоверные источники (что наличествует в некоторых современных публикациях)¹⁹, преждевременно. Проблема требует дальнейшего изучения, в том числе с опорой на массовые статистические источники²⁰.

Таким образом, малоизученные или требующие уточнения исторические сюжеты голода начала 1920-х гг. в марийском крае, в том числе конфискация церковных ценностей для оказания помощи пострадавшим, крестьянские восстания и забастовки служащих и рабочих, повседневная жизнь населения в условиях социальной катастрофы в плане форм и способов выживания голодающих, их поведенческие стереотипы и стратегии, моральные и этические последствия голодовки и др. требуют как никогда объективных и взвешенных оценок.

Библиографические ссылки

¹ Голод в Марийской области в 1921 — 1922 гг. : сб. материалов о голоде. Краснококшайск, 1922 ; Годовой отчет Марийской областной комиссии помощи голодающим (август 1921 — август 1922 года). Краснококшайск, 1922 ; **Ефремов Т.** Голод в 1921—1922 гг. и его последствия : крат. очерк // 5 лет строительства МАО: 1-е марта 1921 — 1-е марта 1926 гг. Краснококшайск, 1926 ; **Смирнов И. Н.** К трехлетию МАО // Марийское хозяйство. 1924. № 3.

² Голод в Марийской области в 1921 — 1922 гг. С. 5, 57.

³ Голод в Средневолжском крае в 20 — 30-е годы XX века. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века : сб. док. Самара, 2014. Т. 1.

⁴ **Гришук И. Т.** Советская власть в борьбе со стихийными бедствиями в 1921 году в Марийской автономной области // Ученые записки Марийского государственного педагогического института им Н.К. Крупской. Йошкар-Ола, 1957. Вып. XV ; **Его же.** Борьба за восстановление народного хозяйства Марийской автономной области в 1922 — 1923 гг. // Там же. 1958. Вып. XXI ; **Хлебников А. В.** Деятельность органов государственной власти и государственного управления Марийской автономной области во время стихийных бедствий 1921 — 1922 гг. // История, археология, этнография мари. Йошкар-Ола, 1967.

⁵ См.: **Сануков К. Н., Григорьева Л. А.** Голод в Марийской автономной области в 1921 — 1922 гг. // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1996. Вып. 6 ; **Их же.** Американская помощь в борьбе с голодом в Марийской автономной области в 1922 г. // Там же. 2010 ; **Козлов Ф. Н.** Голод 1921 — 1922 гг. в Чувашии и помощь иностранных организаций // Центр и периферия. 2011. № 3. С. 18 — 25.

⁶ Из истории Марийской организации ВЛКСМ, 1919 — 1978 : сб. док. и материалов. Йошкар-Ола, 1978 ; Йошкар-Ола, 1584 — 1991 : док. и материалы по истории города. Йошкар-Ола, 1994 ; Исполнительная власть Республики Марий Эл. 1921 — 2008 : сб. док. : в 4 т. Йошкар-Ола, 2007. Т. 1. 1921 — 1938 ; Образование Марийской автономной области : сб. док. и материалов. Йошкар-Ола, 1966.

⁷ См.: **Кислицын Г. Н.** На деревенском сходе: воспоминания ветерана. Йошкар-Ола, 1979 ; Летопись полувека. Книга 50-летия Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1970.

⁸ См.: Наш край: хрестоматия по истории Марийской АССР, 1917 — 1984 гг. Йошкар-Ола, 1985.

⁹ См.: **Иванов А. А.** Голод 1921 — 1922 гг. и конфискация церковных ценностей в Марийской автономной области // Христианизация народов Среднего Поволжья и ее историческое значение. Йошкар-Ола, 2001 ; **Его же.** Переход к НЭПу в Козьмодемьянском кантоне Марийской автономной области (по материалам кантонного экономического совещания 1921 года) // Марийский архивный ежегодник 2008, 2009. Йошкар-Ола, 2008—2009 ; **Его же.** Марийская автономная область после перехода к нэпу (по материалам информационных сводок областной Чрезвычайной комиссии) // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 2012. Вып. 22 ; **Иванов А. А., Федяева Т. П.** Анкеты волполитпросветов о политическом положении в деревне Марийской автономной области (1921 год) // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 2014. Вып. 24.

¹⁰ См.: **Иванов А. А.** Аграрные преобразования в России в 1917 — начале 1920-х годов: источниковедческие очерки (по материалам Среднего Поволжья и Приуралья). Йошкар-Ола, 2010 ; **Его же.** Источники по истории крестьянства Среднего Поволжья и Приуралья конца XIX — первой трети XX века : в 2 ч. Йошкар-Ола, 2017. Ч. 1. Исследования.

¹¹ См.: Голод в Марийской области в 1921 — 1922 гг. С. 56 — 57.

¹² См.: История Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1987. Т. 2. Эпоха социализма (1917 — 1987). С. 84.

¹³ ГА РМ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 149.

¹⁴ См.: **Ефремов Т.** Голод в 1921 — 1922 гг. и его последствия: краткий очерк // 5 лет строительства МАО: 1-е марта 1921 — 1-е марта 1926 гг. Краснококшайск, 1926. С. 30 — 33.

¹⁵ Голод в Марийской области в 1921 — 1922 гг. С. 120.

¹⁶ Население Советского Союза. 1922 — 1991. М., 1993. С. 10.

¹⁷ ГА РМЭ. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 2. Л. 142 — 149.

¹⁸ Там же. Д. 10. Л. 24.

¹⁹ См.: **Сануков К. Н., Григорьева Л. А.** Американская помощь в борьбе с голодом в Марийской автономной области в 1922 г. С. 102.

²⁰ См.: **Иванов А. А.** Аграрные преобразования в России в 1917 — начале 1920-х годов ; **Его же.** Источники по истории крестьянства Среднего Поволжья и Приуралья конца XIX — первой трети XX века.

Поступила 08.11.2018 г.

УДК 94(47).084.3

О. А. Сухова

O. A. Sukhova

**СТАЛИНСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ В ПОИСКАХ НОВОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В 1930-х — НАЧАЛЕ 1950-х гг.*****STALIN PEASANTS IN SEARCH OF NEW
IDENTITY IN THE 1930S — THE EARLY 1950s**

Ключевые слова: крестьяне, сталинизм, социальная идентичность, 1930-е — начало 1950-х гг.

Статья посвящена анализу социального взаимодействия, коммуникативных практик, механизмов формирования новой идентичности в советской деревне 1930-х — начала 1950-х гг. Крестьянство рассматривается в качестве активного самоорганизующегося начала, субъекта конструирования новой политической реальности.

Key words: peasants, Stalinism, social identity, the 1930s — the early 1950s.

The article is devoted to the analysis of social interaction, communicative practices, mechanisms for the formation of a new identity in the Soviet village of the 1930s — the early 1950s. The peasantry is considered as an active, self-organizing beginning, the subject of construction of a new political reality.

Более четверти века назад научное сообщество российских историков-аграрников, казалось бы, обрело свою «религию» — крестьяноведение, в рамках которой носителем абсолютных истин, главным актором социальной практики, освященным исторической традицией, олицетворявшим силы добра и вступившим в последний бой со средоточием враждебных устремлений — с левиафаном-государством, становится крестьянство¹. Отдавая должное изящной метафоре, отметим, что ситуация начала 1990-х гг. все же мало напоминала тривиальную реинкарнацию народнических иллюзий. Возрождение связей исторического преемства, эмоционального родства с интеллектуалами пореформенного периода является, по сути своей, реакцией на длительное вынужденное подчинение официальной историографии, выдержанной в духе краткого курса и имевшей мало общего с научной методологией, стимулирующей теоретические исследования.

В этом отношении сетования В. Бабашкина на отсутствие теорий «среднего уровня», «неготовность соотносить результаты своих исторических поисков с уже разработанными такими историко-социологическими теориями»² отчасти оправданы. В свою очередь столь существенный по историческим меркам период кристаллизации теории и практики исследований задает вектор соответствующих поисков, определяет в качестве приоритетной задачу — разработать актуальный теоретико-методологический подход к изучению истории советского крестьянства.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-09-00125\18) «Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-е — начале 1950-х гг.».

Уже сегодня можно подвести некоторые итоги. Так, в контексте ключевой проблемы аграрной истории СССР — коллективизации Н. Г. Кедров выявил формирование четырех обособленных исследовательских стратегий. Первая и самая масштабная по количеству авторов и работ представлена разработкой конкретно-исторических исследований в рамках парадигмы, сформировавшейся в 1990-е гг. (В. А. Ильиных, С. А. Есиков, В. В. Кондрашин, Т. Д. Надькин)³. На наш взгляд, более точным критерием интеграции выступает разработка вопросов формирования политико-экономической системы сталинизма. В частности, в рамках проекта «История сталинизма» В. В. Кондрашин опубликовал ряд монографий, в том числе о хлебозаготовительной политике в годы первой пятилетки. Особенности и последствия национальной трагедии — голода 1932 — 1933 гг. автор исследует, выделяя в качестве основной причины практику хлебозаготовок. Особый драматизм ситуации в стране добавили проблемы, возникшие в аграрном секторе, и коллективизация пошла не по тому сценарию, что задумывали ее инициаторы. Мерилом социальных издержек послужили историческое наследие и природа утвердившегося сталинского режима. В этом же русле выдержана монография, посвященная истории создания политотделов МТС в 1933 — 1934 гг. Как отмечает автор, слабость административного ресурса наспех созданной системы, ставшая столь очевидной в условиях голодовки и угрожавшая тотальным экономическим коллапсом, потребовала введения карательных мер в отношении «организаторов расхищения общественной собственности и саботажа мероприятий партии и правительства»⁴. Роль кризисного управляющего, стабилизатора колхозной системы в сложный для страны период выполнили политотделы МТС, сформированные из кадрового корпуса ОГПУ и наделенные чрезвычайными полномочиями⁵.

Вторая стратегия выражена попытками создания работ по «квазисоциальной истории села» (С. И. Савельев, Г. Ф. Доброноженко, В. А. Бондарев). Создание конкретно-исторических исследований, заметно меняющих предметное поле анализируемой проблемы, привносит в него теоретические новации современности, в частности, рассматривая крестьянство как актор социальной действительности, а не как пассивный объект государственного диктата: изучение системы управления деревней (М. Н. Глумная); самоорганизация крестьянского сообщества (Т. В. Еферица) и т. д.⁶

Собственные работы, посвященные анализу социального взаимодействия, коммуникативных практик, механизмов конструирования новой идентичности посредством большевистской пропаганды, Н. Г. Кедров отнес к третьей исследовательской стратегии. Советская политическая пропаганда характеризуется автором не только как инструмент подчинения, включения крестьянства в социальный и культурный проект, но и как презентация доступных и санкционированных властями стратегий поведения в новой, непривычной ситуации, в том числе и для освобождения от традиционных этических запретов, в целях борьбы за выживание, сведения счетов, решения конкретных повседневных проблем, а также как определенный «символ веры», столь необходимый в процессе формирования гражданской идентичности⁷.

Четвертая стратегия предполагает встраивание концепции коллективизации в структуру более глобальных социальных процессов (вариативность трактовок эволюции аграрного строя России в XX в. представлена в исследованиях двух научных школ: новосибирской (В. А. Ильиных) и вологодской (М. А. Безнин, Т. М. Димони)⁸.

Действительно, современная научно-исследовательская программа исследований в области аграрной истории немыслима без применения модернизационной макро-теории (теории модернизации). Спровоцированная некогда крушением колониальных империй и поиском альтернатив коммунистической ориентации парадигма, объясняющая закономерности перехода от традиционного к индустриальному обществу (обществу модерна), к настоящему времени значительно эволюционировала, что повысило ее эвристическую ценность. Так, в числе наиболее значимых изменений исследователи отмечают: признание вариативности национальных моделей модернизации, отказ от идеи существования «центра modernity»; реабилитация значения традиционных институтов, способных стать факторами социальных изменений; признание зависимости эффективности модернистских программ от гармонии политических, экономических и социокультурных ценностей; рост внимания к конфликтам в процессе модернизации; отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации; осознание некорректности интерпретации модернизации как непрерывного процесса (акцент на циклическую, волнообразную природу модернизации); признание обусловленности модернизации внутренними и внешними ограничителями (в роли которых могут выступить социальные представления, ментальность и т. д.)⁹.

Существенной познавательной ценностью в процессе изучения крестьянского общества как самоорганизующейся системы, взаимодействия акторов государственной аграрной политики и культуры повседневности крестьянства, поведенческих стратегий и мотивации социальной активности обладает системный и синергетический подходы. Понятие целостности как отражения взаимосвязей элементов системы, введенное для понимания, в том числе и социальных процессов еще в середине прошлого века Л. фон Берталанфи¹⁰, не утратило свое значение и сегодня, что позволяет разработать научно обоснованную концепцию социальной истории советской деревни в 1930-е — начале 1950-х гг. Не меньшей значимостью для исследуемой проблематики обладает структурно-функциональная концепция Т. Парсонса, в рамках которой ключевыми характеристиками общества как системы выступает самоорганизация и стремление к восстановлению состояния равновесия¹¹.

Принципиальное значение имеет изучение крестьянского социума как самоорганизующейся системы, выступающей одновременно и объектом внешнего воздействия государственной экономической и социальной политики, и субъектом, творцом новой социальной реальности, находящейся в постоянном взаимодействии с внешней средой и обменивающейся с ней энергией и информацией. При этом отметим, что специфика содержания и методов аграрной политики ВКП(б) может быть прочитана как попытка обуздания спонтанных социальных реакций, не предусмотренных идеологией преобразований. С другой стороны, в контексте современной синергетики адаптационные поведенческие стратегии экстремальной повседневности, «жизни в катастрофе», формирующиеся в процессе коммуникации, предстают как механизм самопроизвольного возникновения упорядоченных структур, к рождению порядка из хаоса¹².

Концепция самоорганизации оказалась востребованной социальными и гуманитарными науками по мере утверждения синергетического подхода, открывшего новые горизонты исследований¹³. Эвристическая ценность подобных построений опреде-

ляется выделением и противопоставлением двух состояний социальных связей и взаимодействий: социальной самоорганизации как естественного порядка и социального управления, выступающего искусственным процессом, привносимым извне и задействованного в конструировании «человеческой природы»¹⁴. Социальная динамика при этом определяется возможностью трансформации определенных областей в системе социальных отношений (областей свободы, характеризующихся специфической пластичностью, допускающей восприятие новаций), что и программирует парадоксальную формулу осуществимости утопий¹⁵. На наш взгляд, рассматривая человеческое общежитие как социальную систему, важно учитывать ее неотъемлемую характеристику — тяготение к состоянию равновесия, что и предполагает наличие областей, отвечающих за адаптацию к вызовам извне, к изменениям и облегчающих восприятие нового.

Грандиозный проект социальной инженерии, объективно решавший задачи догоняющей модернизации в крестьянской стране, обнажил родовую основу объединения индивидов, их общежития — стремление к максимизации позитивных характеристик и минимизации отрицательных явлений общественной жизни¹⁶.

Начало активного обогащения отечественного крестьяноведения подобными новациями относится к началу 1990-х гг. и связано с работой теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», пятнадцать заседаний которого прошли под руководством В. П. Данилова и Т. Шанина в 1992 — 2000 гг. Собственно сама идея проведения семинара была обусловлена необходимостью дефиниции категории крестьянства (в контексте «моральной экономики», изучения структуры социальных связей и т. д.). В частности, на заседании 25 февраля 1994 г. состоялось обсуждение монографии известного американского социолога Р. Редфилда «Малое сообщество. Крестьянское общество и культура» (Чикаго, 1960)¹⁷. В свое время исследователь, которого сегодня справедливо называют основоположником современного крестьяноведения, наполнил концепцию социальной структуры малого сообщества отношениями соседства, партнерства, соперничества, иерархии и семейных отношений¹⁸. Характеризуя культуру крестьянского сообщества, Р. Редфилд пишет об ограниченной самодостаточности последнего: «Как крестьянское общество есть полубщество, так крестьянская культура есть полукультура», подчеркивая тем самым наличие в ней идей и ценностей внешнего происхождения¹⁹. Примечательным представляется тот факт, что, предваряя обсуждение книги Р. Редфилда, В. П. Данилов отметил синхронность появления исследовательского интереса к проблемам малого сообщества и в советской историографии — на примере дискуссии вокруг проблем общины, развернувшейся в 1960-х — 1970-х гг. отчасти с подачи С. П. Трапезникова, постулирующего коллективизацию как переход общины в высшую форму организации — в колхозы²⁰. К сожалению, после известных партийных решений 1969 г. возможности для методологического прорыва в советской историографии, накопившей к тому времени огромный опыт конкретно-исторических исследований, были свернуты.

Применительно к первым советским десятилетиям нельзя не отметить весьма эффективные адаптационные механизмы общины, прекрасно ужившейся с советами, существовавшей параллельно, и, по сути, прораставшей в систему новых органов власти. Деятельность сельских сходов, существовавших в 1920-е гг. параллельно с

сельсоветами, позволяет характеризовать социальное управление как «двоевластие». На примере Иваново-Вознесенской губернии подобная ситуация проанализирована в исследовании И. Н. Лозбенева. Старые традиции в лице сельских сходов, по мнению автора, во второй половине 1920-х гг. не просто выживали, но стали активно взаимодействовать с набиравшей силу советской системой. Важно признать, что и советское руководство в середине 1920-х гг. пошло на совмещение функций сельского схода и Совета. Эта структура управления была удобна, понятна не только крестьянству, но и государству, которое вносило значительный элемент организованности в работу местных органов власти²¹.

Уникальные перспективы применения концепции социальной самоорганизации, системы социальных коммуникаций складываются сегодня применительно к периоду сталинской модернизации и появления нового типа сообщества — колхозного крестьянства. Особенно продуктивным этот подход представляется при изучении «депо реакций» крестьянского мира на экстремальный и катастрофичный характер внешнего вмешательства в систему социальных отношений в деревне и возможности и перспективы обретения новой социальной идентичности.

Промежуточные итоги развития региональной историографии аграрной политики сталинизма подведены в исследовании В. А. Юрчёнкова²². По мнению известного исследователя, несмотря на неограниченные возможности для применения насилия, советское государство все же учитывало специфику региона, хотя бы путем регулирования сроков проведения коллективизации. Отмечается и такая региональная особенность социальных практик, как более масштабные «отливы» из колхозов в периоды ослабления государственного давления на деревню. Долговременным социальным последствием аграрной политики становится разрушение традиционно-крестьянского хозяйства²³.

С другой стороны, авторы фиксируют появление на первый взгляд утопического проекта — «потемкинской деревни», отлакированного советскими СМИ образа светлого будущего колхозной деревни²⁴. Образы «чумазных мазанок» сменяются белыми занавесками на окнах и цветами на подоконниках, нарочито значимым символом новой эпохи «потемкинского мира» становится музыка. Краснодарские колхозники за первые семь месяцев 1938 г., пишет Ш. Фицпатрик, приобрели более сотни комплектов оркестровых инструментов²⁵. Однако за пропагандистской шумихой и скепсисом самих колхозников относительно разительного несоответствия «парадной» и «черного входа» скрывается и нечто другое. По сути, это и есть та область свободы, где ковались новые возможности адаптации малого сообщества к вызовам индустриального мира. Предвосхищением этой новой системы связей, признанием встроенности крестьянского мира в советское государство было движение селькоров 1920-х гг. Подобные настроения фиксировались в информационных сводках ОГПУ, в ходе обсуждения проекта Конституции 1936 г. В числе приоритетных устремлений — желание обрести те же социальные блага, что и рабочие (нормированный рабочий день, право на отпуск, на пенсионное обеспечение и т. д.). Нет нужды доказывать поступательное и неуклонное проникновение города в культуру крестьянского сообщества уже в пореформенной России, набиравшее обороты по мере развития рыночных отношений, распространения научных знаний и технологий²⁶. Советский цивилизационный проект предполагал создание иной

идентичности, отнюдь с рынком не связанной, но точно соотносившейся с воззрениями крестьянства на культуру и цивилизацию. «Дыхание города» ощущалось в повсеместном распространении велосипедов, радиоприемников, патефонов²⁷. В подтверждение приведем выдержку из решения II сессии областного Совета Пензенской области 25 — 27 марта 1940 г.: «ОблЗО, директорам МТС и председателям колхозов в срок до 5 апреля приготовить для каждой тракторной бригады по два вагончика, один из которых оборудовать для политического и культурного обслуживания трактористов и трактористок. Снабдить эти вагончики библиотечками из политической и художественной литературы, журналами, радиоприемниками, музыкальными инструментами, шахматами и другими предметами культурного обслуживания»²⁸.

В долгосрочной перспективе, как пишет Л. Виола, колхоз, как и община, «оказался преградой для перемен; с одной стороны, он служил средством выживания крестьян, с другой — государственным механизмом контроля. Со временем он превратился в идеальный институт минимизации риска, какой всегда искали крестьяне»²⁹. По мере того как ослабевал натиск административного насилия, усиливались обыденные формы сопротивления, выступающие главным ресурсом адаптации. В конечном счете столкновение двух уровней цивилизации достигает своего равновесия. Колхозная система как утопический проект была переварена традиционной культурой и приспособлена для нужд крестьянского сообщества. Этот факт во многом объясняет сопротивление крестьянства политике реформирования колхозов в 1990-е гг.: Л. Виола справедливо отмечает, что крестьяне отреагировали на деколлективизацию враждебно и со значительным скепсисом³⁰. Система, против которой они так отчаянно боролись в 1930 — 1940-е гг., в последующие десятилетия превращается в ресурс для воспроизводства традиционной культуры, признаки которой сохраняются у сельского населения СССР, несмотря на близость обретения желаемого идеала — идентичности городских жителей. В этом случае крестьянство предстает в новой роли не жертвенного агнца, а активного самоорганизующегося начала, субъекта конструирования новой политической реальности.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Бабашкин В. В.** Крестьяноведение и история аграрных отношений в России // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 4. С. 328.

² Там же. С. 330

³ **Кедров Н. Г.** Российская историография коллективизации крестьянства: проблемы изучения // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 1 (4). С. 14.

⁴ **Кондрашин В. В., Мозохин О. Б.** Политотделы МТС в 1933 — 1934 гг. М., 2017. С. 49.

⁵ Там же. С. 280 — 281.

⁶ См.: **Кедров Н. Г.** Российская историография... С. 14

⁷ См.: **Кедров Н. Г.** Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы М., 2013. С. 248 — 249.

⁸ См.: **Кедров Н. Г.** Российская историография... С. 14.

⁹ См.: **Побережников И. В.** Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. 240 с.

¹⁰ См.: **Бергаланфи Л. фон.** Общая теория систем — обзор проблем и результатов // Системные исследования : ежегодник. М., 1969. С. 30 — 54.

¹¹ См.: **Парсонс Т.** О социальных системах М., 2002. 832 с.

¹² См.: **Лысак И. В., Басина Н. И.** Общество как саморазвивающаяся система: возможности применения системного и синергетического подходов к исследованию социальной реальности // Вестник ДГТУ. 2011. Т. 11. № 10 (61). С. 1896 — 1903.

¹³ См.: **Пигалев А. И.** Социальная самоорганизация, синергетика и конец истории // Мир психологии. 2011. № 2. С. 38 — 51.

¹⁴ Там же. С. 40 — 41.

¹⁵ Там же. С. 41.

¹⁶ См.: **Давыдов А. А.** К вопросу об определении понятия «общество» // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 12 — 23.

¹⁷ См.: Семинар 7. Обсуждение монографии: Редфилд Р. Малое сообщество. Крестьянское общество и культура. Чикаго, 1960 // Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В. В. Бабашкина. М., 2015. С. 317 — 362.

¹⁸ Там же. С. 326.

¹⁹ Там же. С. 336 — 337.

²⁰ Там же. С. 317 — 323.

²¹ См.: **Лозбенев И. Н.** «Местные Советы не понимают, что такое „лицом к деревне“...». Документы федеральных и региональных архивов о политических настроениях сельского населения в годы НЭПа // Вестник архивиста. 2013. № 2. С. 80 — 88.

²² См.: **Юрчёнков В. А.** Аграрная политика сталинизма в региональной историографии: опыт Мордовии // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 3 (31). С. 57 — 70.

²³ Там же. С. 67.

²⁴ См.: **Фицпатрик Ш.** Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня 2008. С. 16 ; **Хасянов О. Р.** «Потемкинство» и реальность послевоенной колхозной деревни на страницах советской печати // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2015. № 4 (19). С. 271 — 280.

²⁵ Там же. С. 295.

²⁶ См.: Семинар 7... С. 335.

²⁷ См.: **Фицпатрик Ш.** Указ. соч. С. 294.

²⁸ ГАПО. Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 268. Л. 5 об.

²⁹ **Виола Л.** Крестьянский бунт в эпоху Сталина : Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010. С. 291.

³⁰ Там же. С. 292.

Поступила 22.12.2018 г.

УДК 94(47).084.8

С. В. Митин

S. V. Mitin

УЧАСТИЕ КРЕСТЬЯН МОРДОВИИ В ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ ФРОНТУ И ОСВОБОЖДЕННЫМ ОТ ОККУПАЦИИ РАЙОНАМ

PARTICIPATION OF THE PEASANTS OF MORDOVIA IN PROVIDING ASSISTANCE TO THE FRONT AND AREAS LIBERATED FROM OCCUPATION

Ключевые слова: отчисление трудодней, помощь фронту, Фонд обороны, командно-административный режим, государственный заем, мобилизация, исполнительная власть, Советы, сельскохозяйственное производство, субботник, воскресник, колхоз, совхоз.

В статье рассмотрено участие сельского населения Мордовии в оказании помощи фронту в годы Великой Отечественной войны; показана вся многоплановость процесса по оказанию помощи фронту и освобожденным от оккупации районам.

Key words: deduction of workdays, assistance to the front, the Defense Fund, command and administrative regime, government loan, mobilization, executive power, the Soviets, agricultural production, voluntary Saturday, voluntary Sunday, collective farm, state farm.

The participation of the rural population of Mordovia in providing assistance to the front during the Great Patriotic War is considered in the article, as well as the whole diversity of the process for providing assistance to the front and areas liberated from the occupation is demonstrated.

С первых дней Великой Отечественной войны среди населения Мордовии возникло движение по оказанию помощи фронту деньгами, облигациями, ценными вещами и сельскохозяйственными продуктами. Это способствовало возникновению республиканского Фонда обороны страны.

Инициаторами создания данного фонда выступили рабочие совхоза «Красная Мордовия». Об этом было заявлено на митинге сразу после выступления И. В. Сталина от 3 июля 1941 г. Тогда впервые в Мордовии было предложено отчислять из месячной зарплаты однодневный заработок на укрепление обороны страны и Красной армии. В дальнейшем в летние месяцы 1941 г. Мордовский обком ВКП(б) настойчиво рекомендовал и другие формы участия тружеников тыла в функционировании народного Фонда обороны — внесение ценных вещей и украшений, денежных средств наличными, сдача облигаций уже оплаченных займов, организация субботников и воскресников, сдача сельскохозяйственных продуктов. В движении за создание Фонда обороны приняли участие практически все колхозы, совхозы и МТС республики. Например, работники Инсарской МТС в первые дни июля на собрании решили отчислять в Фонд обороны 2 % месячного заработка до окончания войны.

Широкое распространение получила сдача оплаченных облигаций. На 20 августа 1941 г. по всем районам республики их было сдано на сумму 2 млн 87 тыс. руб., а к 1 декабря 1941 г. было сдано облигаций на сумму более 8 млн руб.¹ Следует отметить, что внесенные облигации были в основном из займа, который проводился непосредственно перед войной (в первой половине июня). Практически все средства

от займа третьей пятилетки (деньги, оплаченные и сдаваемые населением облигации) пошли на нужды фронта.

Наряду с массовой сдачей облигаций в Фонд обороны, широкое развитие получила и другая форма помощи фронту — различные по величине отчисления от ежемесячного заработка. Однако отчисления трудодней у колхозников были несоизмеримы с отчислениями от денежных заработков. Известно, что после начала войны в колхозах Мордовии на трудодень стали выдавать зерна меньше, чем в мирное время. Стоимостное выражение трудодня было намного ниже суммы среднего однодневного заработка рабочего. Следовательно, эта форма помощи фронту со стороны крестьянства (хотя и несла в себе некоторую ценность) больше проявляла себя как патриотическое начинание, а не реально значимая помощь.

Говоря о сдаче наличных денег из собственных сбережений, необходимо отметить, что данный вид помощи не получил широкого распространения из-за отсутствия их у населения. Конечно, наличные деньги собирались, но в небольшом количестве — в среднем от 50 до 150 руб. Примеров сдачи крупных сумм немного. Например, в книге Т. В. Попкова приведен факт пожертвования в Фонд обороны 2 тыс. руб. Народным артистом МАССР В. Д. Зориным².

Наряду со сдачей в Фонд обороны наличных денег, население сдавало и украшения. В крестьянской среде украшений из драгоценных металлов и камней практически не было, сдавали в основном старинные национальные костюмы и украшения из серебра. Следует отметить, что сдача данных ценностей, в отличие от подписок на различные займы, происходила без всякого нажима со стороны властей.

Кроме того, крестьяне с первых дней войны в Фонд обороны стали сдавать крупный рогатый скот, свиней, овец и коз, птицу. В целом по республике на 1 декабря 1941 г. было сдано крупного рогатого скота — 63 головы, свиней — 39, овец и коз — 189 голов, а также — 57 816 литров молока³.

В первые месяцы войны получило распространение проведение различных субботников и воскресников, заработок от которых шел в помощь фронту. Впервые данное мероприятие было проведено 17 августа 1941 г. — это был общегородской воскресник в Саранске. На нем была оказана помощь и сельскому хозяйству: около 1 800 рабочих и служащих приняли участие в уборке урожая в колхозах Саранского района. Суть субботников и воскресников в сельской местности заключалась в обычной сельскохозяйственной работе; в МТС велась реставрация сельскохозяйственных машин. Кроме того, осуществлялся сбор лома черных и цветных металлов. Этим в основном занималась молодежь. Результаты данной работы были довольно значительными — к 1 января 1942 г. комсомольцами и несоюзной молодежью сельской местности было собрано более 3 тыс. т металлолома и 80 т лома цветных металлов⁴.

Второй всесоюзный воскресник, проведенный 7 сентября 1941 г., был комсомольско-молодежный. На данном мероприятии в сельской местности МАССР было заработано 91 658 трудодней, которые также были перечислены в Фонд обороны. До окончания войны на территории Мордовии было проведено 13 подобных мероприятий, преимущественно комсомольско-молодежных, на которых было заработано и перечислено на нужды фронта около 1 млн руб.⁵

Наряду с вышеперечисленными кампаниями по оказанию помощи фронту, развитие получила и массовая отправка различных посылок и подарков воюющим

бойцам Красной армии. Самой значительной и крупной являлась кампания по сбору теплых вещей и белья.

С первых дней войны началась отправка на фронт различных коллективных и индивидуальных посылок. Изначально это было инициативой простых граждан страны. С сентября — октября 1941 г. была развернута пропагандистская работа среди всех слоев населения. В Мордовии во всех районах стали организовываться сборные пункты. Наибольшее развитие данная кампания получила в 1942 г., когда к 23 февраля сельские труженики Мордовии отправили на фронт около полутора тысяч различных посылок и подарков. С 1943 г. по мере продвижения советских войск на запад количество посылок бойцам Красной армии несколько уменьшилось. К 25-й годовщине Октябрьской революции крестьянство Мордовии внесло свою лепту в общее количество подарков, отправив на фронт 17,5 т мяса, 2,7 т меда, 1,4 т масла, 17,8 т овощей и 52 тыс. яиц.

В связи с тяжелой военной обстановкой специально для передачи посылок организовывались делегации, которые на эшелонах отправлялись на фронт. Как правило, делегации направлялись в подшефные части и подразделения. У Мордовии их было две — 326-я стрелковая и 91-я Гвардейская стрелковая дивизии. За время войны из Мордовии на фронт было отправлено десять таких делегаций⁶.

Широкая кампания по сбору теплой одежды и белья для бойцов Красной армии в Мордовии началась после постановления Мордовского обкома ВКП(б) от 7 сентября 1941 г. По всем районам развернулась массово-агитационная работа среди населения, стали создаваться районные комиссии, а также комиссии в колхозах, совхозах и МТС для организации сбора теплых вещей. На 1 октября 1941 г. данные комиссии были созданы в 87 % всех колхозов. Всего по республике, не считая районных и городских, было создано 1 982 комиссии⁷.

Работа по сбору теплых вещей стала предметом пристального внимания партийных и советских органов. Примечательно, что в документах имеются свидетельства о фактах низкой активности некоторых коммунистов и руководителей. Например, «прокурор МАССР тов. Котомкин сдал негодную рубашку и носки летние, начальник управления связи тов. Попов и главный инженер пенькокомбината тов. Розанов совершенно ничего не сдали»⁸.

Кроме кампании по сбору теплой одежды для фронта, в Мордовии шло ее изготовление на различных предприятиях и в организациях. Следует отметить, что готовые вещи, собранные у населения, составляли меньшее количество по сравнению с вещами, изготовленными или переработанными из полуфабрикатов. Так, к 10 января 1942 г. по республике, не считая Саранска и Рузаевки, было собрано 220 полушубков и 1 570 пар валенок, а изготовлено соответственно 2 430 и 22 844⁹.

Действительно, пригодных к носке вещей у населения республики и в особенности у крестьян было мало. Часто в крестьянских семьях на несколько человек приходился один тулуп, одна пара валенок и т. д. Таким образом, многие крестьяне не могли сдать никаких теплых вещей. Из сел и деревень Мордовии поступали в основном полуфабрикаты: овчина, шерсть, различное сукно и ткани. Впоследствии из этих материалов полукустарные промышленные предприятия, имевшиеся почти в каждом районе, изготавливали необходимые теплые вещи.

Отметим, что за зиму 1941 — 1942 гг. в Мордовии было собрано, изготовлено и впоследствии отправлено на фронт теплой одежды больше, чем в последующие

военные зимы. В 1942 г. по республике было сдано 34 т шерсти, 22 тыс. овчин, 9,7 тыс. пар валенок, 2,7 тыс. полушубков, 14 тыс. пар рукавиц и перчаток. Цифры о поступлении теплой одежды и белья свидетельствуют о том, что за первые 16 месяцев войны — с сентября 1941 г. по январь 1943 г. было собрано, изготовлено более 80 % всей отправленной теплой одежды и 61 % теплой обуви¹⁰.

Размах кампании по сбору теплой одежды и белья с 1943 г. начал сокращаться. Это объяснялось тем, что государство уже само могло обеспечивать армию всем необходимым, в том числе одеждой и обмундированием.

Кампания по сбору теплой одежды и белья для Красной армии тем и отличалась от других видов помощи, что свое развитие она получила в самые тяжелые месяцы войны, когда катастрофическое начало войны застало армию неподготовленной — не только без вооружения и техники, но и без теплой одежды. Другие виды помощи фронту проходили в республике более равномерно — субботники и воскресники проводились регулярно, отчисления денег от трудодней и зарплат продолжались вплоть до окончания войны. Займы и лотереи распространялись среди населения каждый год (как в годы войны, так и после нее). Действительно, финансовая помощь всегда была необходима армии и солдатам, а потребность в теплых вещах от населения уже практически отпала к зиме 1943 — 1944 гг.

Помощь фронту в течении всей войны оказывалась и в виде государственных займов. После предвоенного займа 1941 г. первый военный заем был проведен в 1942 г. Он дал довольно высокие сборы. Данная кампания была шаблонной и ничем не отличалась от подобных кампаний и начинаний, проводившихся ранее. Как только 13 апреля 1942 г. по радио было объявлено о выпуске военного государственного займа, во всех населенных пунктах Мордовии были проведены митинги и собрания, на которых агитаторы призывали вносить деньги. В докладных отмечалось, что «трудящиеся встречали известие о выпуске займа с большим подъемом, колхозники с радостью и гордостью подписывались на займы»¹¹. Свидетельства современников, зафиксированные в документах, освещают трудности в проведении займа. Отметим, что для поступления денег в казну часто применялись и незаконные приемы «...на нашу семью наложили заем 500 рублей, а я подписывалась на 300, но им этого показалось мало, за что меня оштрафовали на 200 рублей. Приходили ломать замок, вот как действует наше начальство», или «Теперь на заем заставили насильно подписаться на 1 500 рублей и говорят, что, если не подпишешься, то хуже будет. Сколько ни бился, а все-таки подписал: а теперь просят все деньги сразу»¹².

Однако в основном крестьяне добровольно сдавали теплые вещи, отчисляли трудодни от своих символических заработков, участвовали в субботниках и воскресниках, сдавали продукты в Фонд обороны. Отметим, что наличные деньги крестьянам для погашения займа находить было очень трудно.

Методы, которые использовали местные власти для выполнения планов по погашению займа, конечно, приносили свои результаты, и в итоге из 30 районов республики в 26 планы по военному Государственному займу были выполнены и перевыполнены¹³.

Второй военный Государственный заем состоялся в 1943 г. в более короткие сроки и с применением жестких мер. Реализация займа в республике была завершена в течение 10 дней. Из общей суммы подписки, которая составляла 92 млн 883 тыс. руб., крестьянами Мордовии было внесено 51 млн 435 тыс. руб.¹⁴ Впослед-

ствии состоялись еще два военных займа. Третий принес наименьшее количество денег — 46 млн 066 тыс. руб. Четвертый состоялся в 1945 г. После реализации всех четырех займов в государственную казну поступило 250 млн 808 тыс. руб., из них около 96 млн было внесено крестьянами.

Кроме займов, по всей стране проводились денежно-вещевые лотереи. Следует отметить, что простые граждане охотнее приобретали лотереи, чем облигации различных займов. Однако проводившиеся лотереи приносили меньше средств по сравнению с займами. Например, во время проведения денежно-вещевой лотереи в 1942 г. было собрано 5 млн 161 тыс. руб. — это более чем в десять раз меньше сбора от займа того же года¹⁵.

Еще одним начинанием, получившим широкое распространение, была кампания по сбору средств на вооружение Красной армии. Первыми в Мордовии в ноябре 1941 г. ее поддержали. Уже через месяц все население республики приняло участие в данной кампании. Этот вид помощи не получил широкого распространения. В течение 1942 г. один раз происходил сбор средств на изготовление отдельных видов вооружения. Небольшим было и общее количество денег, сданных на эти цели — 3 млн 746 тыс. руб.¹⁶

В конце 1942 г. в Мордовии, как и по всей стране, развернулось довольно широкое движение по сбору средств на танковые колонны и эскадрильи самолетов. Речь шла о выпуске не отдельных танков, а целых колонн и авиаэскадрилий. В отличие от займов и отчислений по зарплате, сбор средств на вооружение Красной армии проходил чаще всего на добровольных началах. Денежные суммы на строительство пополнялись за счет довольно редких, но крупных индивидуальных взносов. Причем, как констатируют факты, самую крупную сумму денег на строительство внес простой мордовский крестьянин из колхоза «XVII партсъезд» А. Славкин — 40 тыс. руб.¹⁷

Кроме вышерассмотренных кампаний по оказанию помощи фронту, крестьяне Мордовии участвовали и в оказании помощи освобожденным от оккупации районам.

Немецко-фашистская оккупация причинила огромный ущерб народному хозяйству нашей страны. Отступая под ударами Красной армии, немецко-фашистские войска оставляли после себя пепелища сел и руины городов. И это на территории в 1 926 тыс. м², где проживало до войны 88 млн человек. Масштабы разрушений были невиданными¹⁸. Исходя из постановлений ГКО, СНК СССР, Совнарком МАССР и Бюро Мордовского обкома ВКП(б) 14 апреля 1942 г. приняли постановление «Об оказании помощи семенами, продовольственным зерном, скотом и деньгами населению, пострадавшему от немецких оккупантов». По всей Мордовии было организовано движение по оказанию помощи населению областей, которые были освобождены наступающей Красной армией. Наибольшая помощь в 1942 г. направлялась в Подмоскowie. Был создан специальный фонд помощи Подмоскowie.

В 1943 г. особенно ошутимая помощь от крестьян республики поступала на восстановление Сталинграда. Наряду с продовольственной помощью, оказывалась помощь и трудовыми ресурсами. Например, на восстановление Сталинградского тракторного завода из Мордовии было направлено более сотни человек сельского населения. В январе 1943 г. СНК МАССР принимает постановление «Об отправке автомашин в Воронежскую область для восстановления МТС и колхозов»¹⁹. Дело было поставлено настолько строго, что, несмотря на кризис в сельском хозяйстве республики, все пятьдесят автомобилей были отправлены в Воронежскую область.

Во второй половине 1943 г. началось плановое возрождение освобожденных районов страны. Стали предприниматься меры по возрождению разрушенных городов и сел, промышленности и транспорта, сельского хозяйства. Начались работы по восстановлению МТС и МТМ, происходила реэвакуация в освобожденные районы скота, находившегося с 1941 г. в колхозах Мордовии. Нередко крестьян обязывали закупать скот и направлять в освобожденные районы. Так, за 1943 — 1944 гг. крестьянами-колхозниками в обязательном порядке было закуплено и отправлено 2,8 тыс. овец и более 2 тыс. свиней²⁰.

В это же время различные восточные районы страны брали шефство над освобожденными областями. Так, Мордовия взяла шефство над Гомелем и четырьмя районами Гомельской области Белорусской ССР. Следует отметить, что помощь в Гомельскую и другие области шла из всех районов республики, причем, кроме реэвакуации и закупок скота, направлялась помощь продуктами питания, семенами, рабочей силой и т. д. В конце 1943 — начале 1944 гг. на Украину из Мордовии было направлено 50 трактористов, 100 тракторов, 60 тракторных плугов²¹.

Многогранная помощь, оказанная крестьянством Мордовии сражавшейся Красной армии и освобожденным от оккупации западным регионам СССР, способствовала приближению победы и более быстрому восстановлению различных отраслей народного хозяйства.

Библиографические ссылки

¹ НА НИИГН. И-1115. Л. 122.

² См.: **Попков Т. В.** Все для фронта, все для победы. Саранск, 1982. С. 47.

³ Архив Министерства сельского хозяйства МАССР. Итоги хозяйственного года за 1941 — 1945 гг. Ф. 1. Оп. 480. Д. 415. Л. 78.

⁴ ЦГА РМ. Ф. 956-П. Оп. 1. Д. 483. Л. 2.

⁵ НА НИИГН. И-1115. Л. 110, 112, 113.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 3. Д. 244. Л. 16.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ См.: Мордовия в годы Великой Отечественной войны : сб. док. Саранск, 1962. С. 291 — 292.

¹¹ НА НИИГН. И-1115. Л. 16.

¹² ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 2. Л. 429.

¹³ НА НИИГН. И-1115. Л. 132.

¹⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 2. Л. 5.

¹⁵ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 3. Д. 244. Л. 162.

¹⁶ НА НИИГН. И-1115. Л. 125.

¹⁷ Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1961. Т. 2. С. 341.

¹⁸ **Кузнецова Н. Ю., Минеева Е. К.** Помощь эвакуированным в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.) // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 34 — 39.

¹⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-288. Оп. 3. Д. 2. Л. 5.

²⁰ ЦГА РМ. Ф. 265-П. Оп. 3. Д. 334. Л. 139.

²¹ НА НИИГН. И-1115. Л. 160.

Поступила 05.02.2019 г.

УДК 94(470.345).084.9

А. А. Тарасов, М. Е. Прокина

A. A. Tarasov, M. E. Prokina

ЗАРОЖДЕНИЕ СВЕКЛОСАХАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ: 1950-е — НАЧАЛО 1960-х гг.

THE EMERGENCE OF SUGAR BEET PRODUCTION IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA: THE 1950s — THE EARLY 1960s

Ключевые слова: Республика Мордовия, пос. Ромоданово, сахарная свекла, свеклосеяние, свеклобаза, трест «Химмашстрой», трест «Цемстрой», УНР-1 «Сахстрой», ТЭЦ-4, сахарный завод, сахароварение, работники завода.

В статье рассматриваются некоторые страницы из истории возделывания сахарной свеклы на территории Республики Мордовия, строительства, пуска в эксплуатацию и первых лет работы Ромодановского сахарного завода; показано формирование опыта массового выращивания свеклы и производства сахарной продукции в регионе; проанализирован ход строительства, вскрыты проблемы в сооружении и работе перерабатывающего предприятия, обеспечении инженерно-технологическими кадрами и подготовке местных специалистов свеклосахарного производства; рассмотрено влияние данного промышленного объекта на экономические и социально-профессиональные процессы в пос. Ромоданово и окрестных населенных пунктах; отмечена роль инженерно-технического и директорского корпуса в становлении коллектива предприятия и налаживании производственного процесса.

Key words: the Republic of Mordovia, Romodanovo, sugar beet, beet-base, Khimmashstroy trust, Tsemstroy trust, UNR-1 Sakhstroy, CHP-4, sugar plant, sugar production, plant workers.

Some pages from the history of sugar beet cultivation in the Republic of Mordovia, construction, startup and the first years of operation of the Romodanovsky sugar plant are considered in the article; the formation of the experience of mass beet cultivation and sugar production in the region is demonstrated; the progress of construction is analyzed, as well as the problems in the construction and operation of the processing plant, in the provision of engineering and technological personnel and the training of local specialists in sugar beet production are revealed; the influence of this industrial facility on the economic, social and professional processes in Romodanovo and surrounding settlements is considered; the role of engineering and technical personnel and Directorate in the formation of the enterprise team and the establishment of the production process is noted.

В 1950-х — начале 1960-х гг. экономическое развитие нашей страны и ее регионов в значительной степени определялось спецификой складывавшейся модели управления народным хозяйством. Несмотря на то, что в государственной политике отдавался приоритет отраслям тяжелой индустрии (машиностроение, приборостроение, электроэнергетика, химия и др.), мощное развитие получили легкая и пищевая промышленность. В аграрном секторе наряду с «царицей полей» (кукурузой) увеличивались площади под возделывание и других не менее значимых технических культур, включая сахарную свеклу.

Следует отметить, что партийно-правительственные установки на расширение посевных площадей свеклы и численное увеличение сахарных заводов были определяющими на протяжении всей послевоенной истории. К тому же сахарозаводская

промышленность советского периода являлась одной из важнейших составляющих народного хозяйства страны. Производство сахара как важного «стратегического» и «социального» продукта имело в СССР огромное идеологическое значение, являясь одним из индикаторов уровня жизни населения. Особенно выделялся период семилетки (1959 — 1965 гг.), когда ставилась задача превзойти ведущие западные страны как по общему объему производства сахара, так и на «душу населения».

Вместе с тем в середине 1950-х гг. в стране вновь (как после Гражданской, так и Великой Отечественной войны) проявился дефицит белого сахара. Недостаточный уровень его производства сдерживал развитие кондитерской промышленности, создавал трудности в снабжении населения сахаросодержащей продукцией. В связи с этим необходимо было преодолеть такое состояние и обеспечить резкий прирост сахара. Для этого следовало более полно задействовать резервы существовавших предприятий, а также создать ускоренными темпами сырьевую базу для новых свеклосахарных заводов. Учитывая сложившееся положение, ЦК КПСС и Совет Министров СССР 18 мая 1956 г. приняли специальное постановление «О мерах по увеличению производства сахарной свеклы и выработки сахара», предусмотрев доведение производства сахарной свеклы в 1960 г. до 500 млн ц¹. 13 августа 1956 г. вышло постановление Совета Министров РСФСР «О строительстве сахарных заводов на территории России».

Благодаря реализованным мерам, уже в 1958 г. Советский Союз вышел на первое место среди всех сахаропроизводящих стран мира и удерживал эту позицию вплоть до 1991 г., уступив ее Индии². Только за три первых года семилетки (1959 — 1961 гг.) в нашей стране было введено в действие 33 новых свеклосахарных завода (в том числе Ромодановский сахарный завод в Мордовии), перерабатывавших 685 тыс. ц свеклы в сутки. Общая производственная мощность сахарной промышленности, включая прирост в результате реконструкции и расширения действующих предприятий, возросла почти на 1,5 млн ц свеклы в сутки, или на 50 % к мощности, имевшейся к началу семилетки³.

Во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. произошли заметные изменения в географии свекловодства. Появились новые районы свеклосеяния и сахароварения на территории Тульской, Орловской, Саратовской и Куйбышевской областей, а также в Башкирии, Татарии, Чувашии и Мордовии. Если в 1956 — 1960 гг. среднегодовая площадь посевов сахарной свеклы в России была равной 918 тыс. га, то за 1961 — 1965 гг. она выросла на 73 % и составила 1 586 тыс. га⁴.

Государство настойчиво ориентировало сельхозпредприятия на увеличение посевных площадей свеклы, иногда даже в ущерб другим культурам, в частности картофелю. Применялись различные меры для стимулирования ее выращивания, за что свеклосеющие хозяйства получали дополнительные ресурсы: новую технику, зерно, комбикорма, удобрения, а также продукцию свеклосахарного производства (сахар-песок, свекловичный жом, патоку-мелассу) и др.⁵

Как известно, в хозяйствах Мордовии сахарная свекла начала возделываться после Великой Отечественной войны. Так, в 1946 г. по системе Министерства пищевой промышленности Мордовской АССР было собрано всего 257 ц сладких корней⁶. Активный сдвиг в этом направлении произошел только после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, рассмотревшего вопросы по кардинальному подъему сельскохозяйственного производства. Уже в 1959 — 1964 гг. свекла вытеснила в

республике такие технические культуры, как подсолнечник, махорка и горчица⁷. Фабричное свекловодство распространилось в традиционных ранее коноплеводческих районах Мордовии: Атяшевском, Ардатовском, Ичалковском, Ромодановском, Чамзинском и др.⁸

Вместе с тем основной зоной свеклосеяния стал Ромодановский район, где рядом со станцией Красный Узел была организована Мордовская свеклобаза для приема и отправки железнодорожным путем выращенной и собранной продукции на сахарные заводы Пензенской, Воронежской, Рязанской и других областей. Два колхоза этого района «Заветы Ильича» и «Волна революции» развернули активное движение за получение высоких урожаев сладких корней⁹.

Зачинателем соревнования свекловодов на выращивании этой технической культуры стала П. В. Елизарова, которая в 1955 г. возглавила свекловодческое звено, а в 1964 г. — бригаду колхоза «Волна революции» Ромодановского района. Внедряя передовые технологии, ее коллектив добивался самых высоких в то время результатов урожайности сахарной свеклы в Мордовии¹⁰. В 1960 г. Елизаровой было присвоено почетное звание Героя Социалистического Труда. Знатного свекловода избирали депутатом Верховного Совета СССР 6-го созыва (1962 — 1966 гг.)¹¹. Так, в Ромодановском районе началось активное приобретение и распространение действенного опыта в массовом производстве сахарной свеклы, а также формирование передовых кадров и целых звеньев (бригад) по выращиванию этой культуры (А. М. Дотолевой, А. А. Лашиной, М. И. Паршиной и др.).

Особую актуальность приобретал вопрос о создании на территории Мордовии собственного перерабатывающего предприятия. Как известно, сахарное производство относится к отраслям пищевой промышленности непосредственно связанным с сырьевой базой. Низкая транспортабельность сахарной свеклы и высокая ресурсоемкость сахарного производства традиционно обуславливают размещение сахарных заводов в непосредственной близости от свеклосеющих хозяйств.

С учетом всего этого еще в середине 1950-х гг. начались изыскательские работы по выбору места для строительства сахарного завода. Уже изначально предполагалось построить перерабатывающее предприятие вблизи районного центра Ромоданово. В этой связи по инициативе Ромодановского райкома партии были проведены технико-экономические расчеты, подтвердившие реальную возможность обеспечения будущего предприятия местным сырьем за счет свеклы, выращиваемой колхозами Ромодановского и соседних районов северо-восточной части республики. Здесь также принималось во внимание наличие свеклобазы, филиала (автоколонны) Саранского грузового автотранспортного предприятия (АТП-1), а главное — узловой железнодорожной станции Красный Узел Горьковской железной дороги. Ромодановские коммунисты представили свои надлежащие обоснования Мордовскому обкому КПСС. Обком партии направил предложения в Москву, где они получили полное одобрение¹².

Была утверждена территория под строительство промышленного объекта, расположенная недалеко от пос. Ромоданово, примерно в полутора-двух километрах северо-восточнее станции Красный Узел (по направлению на Казань), с правой стороны от железнодорожного полотна. Осенью 1958 г. здесь началась большая ударная комсомольская стройка — возведение первого сахарного завода в Мордовии,

одной из крупных новостроек семилетки. Строились корпуса завода, ТЭЦ, закладывались жилые дома для работников будущего предприятия.

Сооружение завода велось строительными и монтажными организациями: генподрядчиком УНР-1 (Управление начальника работ № 1) «Сахстрой» строительного треста «Цементстрой» (п. Чамзинка Мордовской АССР) Совнархоза Мордовского экономического административного района и субподрядными организациями Министерства строительства РСФСР: УНР «Металлургпрокатмонтаж», УНР «Волгоэлектромонтаж», УНР «Промсвязьмонтаж», УНР «Промвентиляция», УНР «Теплоизоляция» и др.

Первая строительная организация на территории данного объекта — отдельный строительный участок под руководством ст. прораба Орехова — находилась в подчинении УНР-1 Рузаевского треста «Химмашстрой», сооружавшего заводы «Химмаш» (г. Рузаевка) и Саранский завод «Резинотехника», включая жилой микрорайон с одноименным названием «Химмаш». Затем к строительству сахарного завода подключился трест «Цементстрой», возводивший флагман тяжелой индустрии Мордовии — Алексеевский цементный завод и пос. Комсомольский. Под руководством бывшего главного инженера Ромодановского спиртового завода И. И. Науменко формируется строительная организация УНР «Сахстрой». Главным начальником стройки был назначен инженер-строитель А. В. Полунин.

Весной 1959 г. создается первичная партийная организация с секретарем партбюро С. С. Ферцевым, профсоюзный построечный комитет — с председателем В. А. Лабзиным и комсомольская организация, возглавляемая комсоргом П. Я. Ивченко. Однако вскоре освобожденным секретарем партбюро был избран Н. А. Просвирнин, ставший позже главным механиком завода, а председателем стройкома УНР-1 «Сахстрой» — каменщик А. Н. Семишин.

Основные работы по сооружению завода развернулись только в 1960 г. К тому времени на стройке работало более одной тысячи человек. На строительство объекта приходили в основном молодые люди (юноши и девушки), не имеющие специальности. В большинстве своем это были выходцы из сел и деревень. Как известно, Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 августа 1957 г. № 1112 «О вовлечении в промышленное и сельскохозяйственное производство молодежи, окончившей средние общеобразовательные школы» предусматривало наказание руководителей, отказывавшихся принимать на работу молодых людей, выпускников средних школ и подростков. Вместе с тем на стройку (чаще всего по направлению или договору) приезжали молодые и зрелые специалисты из других районов Мордовии и регионов страны.

На строительстве было много местной молодежи как из самого рабочего пос. Ромоданово, так и из окрестных сельских населенных пунктов: Ивановка, Каменка, Кочуново, Курган, Малые Березники, Садвинтрест (с-з «Ромодановский») и др. Приезжие строители были расселены (расквартированы) в Ромоданове (пос. Красный Узел, пос. РТС и др.), Ивановке, Каменке, новостройках поселка сахарного завода, а также в палаточном городке. На работу и обратно они добирались, как правило, пешком или на грузовых автомашинах. Работники из Рузаевки, Саранска, Малых Березников (железнодорожный разъезд Рейтарский), Чамзинки и Комсомольского чаще всего пользовались пригородными поездами.

Тридцать километров (четыре перегона) от пос. Комсомольского до новой стройки (и обратно) ежедневно в течение более одного часа преодолевала на поезде известная молодая героиня — крановщица Т. Н. Бибина (1939 — 1960 гг.), работавшая ранее на сооружении Алексеевского цементного завода, а потом — Ромодановского сахарного завода. Как известно, 20 мая 1960 г. ценой собственной жизни комсомолец — машинист башенного крана — во время урагана спасла на стройке от надвигавшейся смерти женщин и детей, удостоившись посмертно за проявленное мужество ордена «Знак Почета»¹³.

Следует отметить, что Т. Н. Бибиной пришлось осваивать в Ромоданове большой по тем временам башенный кран БК-5. Для того чтобы самостоятельно работать на такой технике, девушка прошла успешно стажировку у опытного крановщика А. Е. Теплякова. Ветеран сахарного завода с горечью вспоминал: «... 20 мая 1960 года поехал оформлять отпускные в Чамзинку. А когда приехал, то услышал страшную новость о героической гибели моей ученицы»¹⁴. К большому сожалению, на тот момент у башенных кранов отсутствовало ветрозащитное устройство, и это решение найдется только после трагической смерти Т. Н. Бибиной.

Сахарный завод строили много замечательных людей, ставших известными в нашей республике. Так, в возведении корпусов перерабатывающего предприятия принимала участие каменщица треста «Цемстрой» Е. В. Бурюкина (Пятайкина) (1928 — 2010 гг.) — кавалер ордена Трудового Красного Знамени (1971 г.), Герой Социалистического Труда (1974 г.), строившая также Алексеевский комбинат асбоцементных изделий, Саранский резиновый комбинат треста «Химмашстрой» и другие объекты на территории Мордовской АССР¹⁵.

Строителем сахарного завода (разнорабочим и бетонщиком) в 1960 — 1961 гг. был мордовский (мокшанский) поэт и прозаик, член Союза журналистов СССР (1962 г.) и Союза писателей России (1991 г.), заслуженный работник культуры РМ (1997 г.) М. С. Моисеев (1939 — 2012 гг.), окончивший в 1961 г. вечернее отделение Красноузенской средней школы Ромодановского района. Он являлся активным рабкором Ромодановской газеты «Колхозная стройка», республиканских газет «Мокшень правда» и «Советская Мордовия», где печатались очерки, репортажи, стихи и рассказы начинающего автора¹⁶. Его перу принадлежат статьи с воспоминаниями о Т. Н. Бибиной¹⁷.

В строительстве завода также принимал участие член Союза журналистов СССР (1980 г.), заслуженный работник культуры РМ (1997 г.) В. А. Чугунов (1936 г.) — уроженец Ромодановского района. «Заслуженный строитель МАССР» (1973 г.) и «Заслуженный строитель РСФСР» (1983 г.) И. И. Наumenко (1923 — 2001 гг.) — руководитель УНР «Сахстрой», продолжил после возведения сахарного завода работать старшим прорабом, начальником участка СУ-3 треста «Химмашстрой» (1962 — 1963 гг.), руководителем трестов «Коммунстрой» и «Мордовгражданстрой» (1963 — 1988 гг.)¹⁸.

Вместе с тем строительство завода шло крайне медленно и столкнулось с рядом проблем: низкая производительность труда, допущение брака, недостаток квалифицированных специалистов, отсутствие должной системы технического обучения и др.¹⁹ Впрочем, это было характерно для большинства строек страны, когда умения и навыки профессионального мастерства приходили со временем и формировались «методом проб и ошибок» непосредственно на рабочих местах.

Несмотря на огромные трудности и недостатки завод строился. Большой вклад в сооружение Ромодановского сахарного завода внесли бригады плотников С. Н. Тараканова, получившего в 1961 г. почетное звание «Заслуженного строителя МАССР», бетонщиков Н. Г. Пирогова, К. М. Толкушевой, каменщиков В. П. Потянова, П. П. Явкина и др. Бригада коммунистического труда Явкина боролась за присвоение ей в 1960 г. имени Т. Бибиной²⁰.

Росли и совершенствовались свое мастерство монтажники и строители: Н. М. Ведяев, И. Г. Перекрестов, Е. М. Прокин, А. Н. Ремезов, Н. С. Рудаков, А. Н. Семишин, А. В. Чашин и др. Рядовыми рабочими на стройке начинали бригадир бетонщиков, а позже — кровельщиков М. М. Пономарев и руководитель бетонно-растворного узла В. С. Новотрясов. От бетонщика до прораба третьего участка УНР-1 «Сахстрой» вырос П. А. Блохин, заочно окончивший строительный техникум. В то же время старший прораб этого участка П. К. Немов стал главным инженером УНР «Сахстрой». Таких примеров на стройке было немало²¹.

Как правило, возведение сахарных заводов сопровождается созданием мощного энергетического хозяйства, преобразованием сельских населенных пунктов в поселки индустриального типа или их новым строительством (например, поселка Ромодановского сахарного завода), а также решением кадровых вопросов: приглашением специалистов-сахарников из других регионов и организацией подготовки собственных кадров инженеров, технологов и представителей рабочих профессий сахарного производства.

Привлечение опытных управленцев, профессиональных кадров и особенно квалифицированных специалистов сахарной отрасли пищевой промышленности в нашей республике, как и во всей стране, реализовывалось путем подбора на стороне и последующего их перевода на новое место. К таковым относятся главный механик, а позже главный инженер Ромодановского сахарного завода Н. Ф. Поковский со своей женой Б. Л. Гриншпун — первым главным технологом предприятия; Т. И. Евлах, занявшая позже эту должность и ее муж Н. Г. Прекрасный — заместитель главного инженера завода; супруги: ст. теплотехник А. А. Гаврилов и Л. И. Соколова — заместитель главного технолога; главный механик Н. Е. Шевцов; начальник электроцеха завода В. И. Крицкий и др. В начале августа 1960 г. на Ромодановском сахарном заводе (по приглашению администрации) приступили к работе выпускники (инженеры и технологи) Жердевского техникума сахарной промышленности (г. Жердевка Тамбовской области)²².

Довольно серьезным являлся вопрос о подборе рабочих кадров для пуска завода. Уже в 1960 г. были организованы учебные курсы по специальностям. На предприятии без отрыва от производства было подготовлено 150 рабочих ведущих профессий. В целях получения производственных навыков 100 из них были направлены на действующие перерабатывающие предприятия. Так, на Льговском сахарном заводе (Курская область) прошли подготовку сатуратчики, сульфитатчики, рабочие механических фильтров, на Бековском и Заметчинском заводах (Пензенская область) — выпарщики и аппаратчики (в последующие годы отношения, связанные со стажировкой и обменом опытом с этими и другими заводами Приволжского треста сахарной промышленности (г. Пенза), еще более окрепли). В итоге, многие из вчерашних строителей были зачислены в кадровый штат работников сахарного завода: М. А. Алексашина, Л. А. Бабайцева (Асманова), А. И. Каштанов, А. И. Кулагин,

И. В. Макаров, В. А. Неверов, Н. В. Никишина (Болдова), В. С. Середин, Н. П. Святкин, Н. М. Смирнов, Б. А. Тюрин, Е. П. Прокина (Ширяева) и др.²³

Однако к установленному сроку (август 1961 г.) заводской штат работников был укомплектован только на 88,3 %: инженерно-техническим персоналом на — 46,0, служащими — на 54,17, штатными рабочими — на 86,97 и сезонными работниками на — 93,25 %²⁴. В связи с этим для освоения сахарного производства на завод были приглашены из Краснодарского края специалисты сахарного производства: аппаратчик, выпарщик, сатуратчик и основные ведущие работники завода, включая механика, энергетика, что способствовало созданию в целом работоспособного коллектива.

Первым фактическим директором данного предприятия стал М. С. Черной (1924 — 1973 гг.). Будучи инженером авиационного завода (г. Горький), он был направлен в 1953 г. на должность главного инженера Ромодановской МТС в целях укрепления сельского хозяйства Мордовской АССР. В сентябре 1960 г. Черному пришлось осваивать очередную «новую профессию» — директора строящегося Ромодановского сахарного завода и решать самые сложные проблемы нового производства. Директор много сил приложил, чтобы сплотить коллектив, подготовить специалистов. При нем был заложен современный поселок с клубом, магазином, столовой, баней, детским садом, яслями, 66-комнатным общежитием, 16-квартирными и 2-квартирными домами для рабочих и специалистов. В начале 1965 г. М. С. Черной был переведен в г. Саранск на должность главного инженера Мордовского автоуправления²⁵.

Активным его помощником был заместитель директора Э. А. Петерс (1907 — 1966 гг.), работавший ранее директором свеклобазы. С самого начала работы предприятия он уделял много внимания вопросам подготовки собственных кадров рабочих профессий через производственное обучение, политико-просветительским и культурно-массовым мероприятиям в рабочей среде.

На Ромодановской ТЭЦ - 4 директорский пост в 1961 г. занял В. Ф. Ермаков, до этого исполнявший обязанности начальника электростанции Энергетического участка (г. Рузаевка), в 1971 г. перешедший работать на Саранскую ТЭЦ — 2.

Благодаря стараниям заводской администрации (М. С. Черной, Э. А. Петерс, С. С. Ферцев и др.) в 1964 г. в поселке сахарного завода была построена и открыта средняя школа (на 320 ученических мест) для детей жителей самого поселка, а также окрестных населенных пунктов. В этой школе многие работники сахарного завода смогли получить через вечернюю форму обучения среднее образование.

11 сентября 1961 г. дала свой первый ток Ромодановская ТЭЦ, создав тем самым энергетическую базу для завода и его жилищного комплекса, а 16 октября был пущен в эксплуатацию Ромодановский сахарный завод (ныне ООО «Ромодановосахар»)²⁶. Вместе с тем завод приступил к работе в спешке и с массой недоделок. Приближалось открытие XXII съезда партии, поэтому было решено встретить партийный форум с рапортом о завершении строительства этого объекта. Для самих строителей и особенно коллектива предприятия все это обернулось значительными издержками и трудностями. Утвердившаяся традиция приурочивания пуска сахарных заводов страны к предстоящим важным политическим событиям при незавершенности окончательных работ, являлась наглядным свидетельством неадекватной практики партийно-правительственных органов СССР всех уровней в выборе средств дости-

жения поставленных целей. Возобладавшие авралы и штурмовщина при строительстве сахарных заводов логически приводили к негативным последствиям на долгие годы вперед. Случались частые простои предприятий, большие потери и выпуск нестандартной продукции.

Не стал здесь исключением и Ромодановский сахарный завод. Только за первый сезон сахароварения (1961 г.) невыполнение плана по переработке свеклы составило 75 тыс. ц и выработке сахара — 14 786 ц²⁷. Такие результаты в работе завода явились следствием низкого качества монтажа оборудования, а также слабой подготовленности кадров, отсутствием у них достаточной квалификации и профессионального опыта.

В то же время ввод в действие данного перерабатывающего предприятия способствовал становлению из вчерашних сельских парней и девушек местных кадров аппаратчиков, выпарщиков, вестонщиков, сатуратчиков, сульфитатчиков, слесарей, электриков и других специалистов — передового отряда рабочего класса пос. Ромоданово²⁸. В сезон сахароварения (сентябрь — январь) они являлись производственниками сахарной продукции (сахарниками), а в период подготовки — ремонтниками. Некоторые из работников начали получать профессиональное образование в Мелеузовском вечернем техникуме пищевой промышленности (Башкирия): В. Г. Касимова, М. М. Пономарев, И. А. Сурайкин и др.; студентами очной формы обучения Киевского технологического института пищевой промышленности (КТИПП) стали работницы завода Р. И. Антонова, Н. В. Фомина (Дригалова) и Л. Н. Шкавера; во Всесоюзный заочный институт пищевой промышленности (ВЗИПП, г. Москва) поступили учиться Ю. А. Новиков и Р. Н. Корбулатова (Курбакова).

При заводе было создано Бюро рационализации и изобретений (БРИЗ), куда только с июля 1961 по июль 1962 г. поступило 60 заявлений с рацпредложениями, 20 из которых были внедрены в производство. В результате этого завод получил экономическую выгоду в сумме 2 500 руб.²⁹ Однако в начале 60-х гг. на перерабатывающем предприятии многие рабочие не имели среднетехнического и даже среднего образования³⁰.

Следует заметить, что не все строители сахарного завода «изменили» своей профессии после его пуска. Одни из них остались при заводском стройучастке, который возглавил инженер-строитель И. А. Князьков и ЖКО (начальник И. А. Булдыгин). Другие перешли на работу в новую строительную организацию пос. Ромоданово — ремонтно-строительный участок (РСУ) — вместе с прорабом четвертого участка А. С. Тарасовым, ставшим его организатором и первым руководителем³¹. По мере завершения основных строительных работ завод покидали многие специалисты стройки: прорабы, мастера, техники, инженеры-строители (А. Ф. Квитанов, П. К. Немов, А. В. Полунин, И. Д. Стрелец, А. К. Эрлих и др.).

Ромодановский сахарный завод обслуживали в начале 1960-х гг. 13 свеклосеющих районов Мордовской АССР. Для приема, хранения и отгрузки свеклы на сахарный завод в Мордовии имелось 13 свеклопунктов³². В 1961 г. Мордовская свеклобаза впервые получила технику для укладки буртов сахарной свеклы (автоматические буртоукладчики производительностью 100 т/час)³³.

Ко второму сезону сахароварения (1962 г.) заводу следовало утеплить бурчаную, достроить отстойники транспортно-сточных вод и кагатные поля, частично механизировать погрузку известкового камня в газовую печь, изыскать средства и матери-

алы на строительство склада для семян, отладить отопительную систему заводских помещений, жилья и других объектов. Особые нарекания с начала сезона сахароварения вызывали нарушение правил хранения сахарной свеклы и неритмичная погрузка и отправка по железной дороге сладких корней из других свеклопунктов.

Вместе с тем годовой план по выпуску сахара за 1962 г. был выполнен на 100,7 %. Всего сахарному заводу по плану за сезон сахароварения этого года следовало переработать 788 тыс. ц свеклы (из них 120 тыс. ц было отдано Ромодановскому спиртовому заводу) и выработать 80 тыс. ц сахара. Фактически было переработано свеклы 667 447 ц и произведено 80 592 ц сахара³⁴.

Однако начало сезона сахароварения 1963 г. было связано с неудовлетворительной работой завода из-за проблем его механической части, а также неэффективным использованием рабочей силы на производстве³⁵. Но главным недостатком являлось то, что к 1964 г. завод так и не смог поднять производительность по среднесуточной переработке свеклы до 13 тыс. ц, доведя ее только до 10 — 11 тыс.³⁶ Причинами этого являлись частые остановки завода из-за механических поломок вследствие некачественного обслуживания и ухода за оборудованием. Вместе с тем в 1964 г. коллективом предприятия было выработано 137 380 ц сахара, что на 56 788 ц больше, чем в 1962 г.³⁷

Следует заметить, что сама сахарная свекла служит не только сырьем для производства сахара, но и отличным питательным кормом для сельскохозяйственных животных (включая ее «бой» и «хвостики»). Сюда же в полной мере относятся ботва (листья, стебли), а также такой промежуточный продукт свеклосахарного производства, как патока-меласса и его отход — свекольная стружка (жом). С учетом всего этого в 1963 г. в окрестностях Ромодановского сахарного завода (за железной дорогой) создается Межколхозное предприятие по откорму скота «Маяк» (превратившееся со временем в межрайонное объединение «Межрайживпром»), использующее для этих целей производимый жом.

Возделывание сахарной свеклы стало на многие годы серьезным испытанием для руководства и всего населения (включая организации, учреждения и учебные заведения, в том числе и школы) свекловодческих районов. С начала лета и до поздней осени шла «борьба за урожай». Технология возделывания была основана в основном на ручном труде, включая прополку, прореживание, сбор, очистку и погрузку сахарной свеклы. Это была огромная, тяжелая работа, и, конечно, трудно было добиться высоких результатов ее урожайности. В среднем по республике за 1961 по 1964 гг. она колебалась от 46 до 98 ц / га, но посевные площади были большие — от 16 до 19 тыс. га³⁸.

Как известно, производственная деятельность сахарных заводов, особенно построенных по технологии тех лет, оказывает неблагоприятное воздействие на окружающую среду. Уровень вредных выбросов этих перерабатывающих предприятий в атмосферу (окись углерода, оксиды азота, диоксид серы, аммиак) может превышать установленные предельно допустимые нормы, а сточные воды содержать значительное количество органических веществ. Такой ценный отход свеклосахарного производства, как фильтрационный осадок (дефекат), часто не находит практического применения в аграрной сфере и наносит ущерб природной среде при накоплении в отвалах. Это изначально относилось и к Ромодановскому сахарному заводу. Вместе с тем строительство экологически безопасных, технологически совершенных

(нерентабельных) сахарных заводов и их инфраструктуры оказало существенное влияние на экономический, демографический, культурный и социально-профессиональный облик многих регионов страны. Исключением не стала и Республика Мордовия, где ввод в эксплуатацию в 1961 г. Ромодановского сахарного завода привел к появлению и последующему становлению новой (свеклосахарной) отрасли пищевой промышленности в регионе, а также соответственно рабочего класса и технической интеллигенции, обслуживающих эту отрасль.

Библиографические ссылки

¹ См.: Постановление Совета Министров СССР от 26 марта 1956 г. // О мерах по увеличению производства сахарной свеклы и выработки сахара. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 мая 1956 г. : справ. парт. работника. М., 1957. С. 168 — 175.

² **Спичак В. В., Остроумов В. Б.** Развитие сахарной промышленности в России. Курск, 2010. С. 140. URL: https://vk.com/doc-88881169_437304318 (дата обращения: 07.07.2018).

³ Сахарная промышленность СССР. URL: <http://agro-portal24.ru/spravochnik-saharnika/7040-saharnaya-promyshlennost-sssr.html> (дата обращения: 07.07.2018).

⁴ См.: **Спичак В. В., Остроумов В. Б.** Указ. соч. С. 141.

⁵ **Калиничева Е. Ю.** Факторы устойчивого развития свекловодства в Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 42. С. 23 — 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-ustoychivogo-razvitiya-sveklovodstva-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 07.07.2018).

⁶ См.: **Пыков А. М.** Пищевая промышленность Мордовской АССР в послевоенный период (1946 — 1950 годы) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. № 1. С. 124.

⁷ **Задкова Т. Ю.** Колхозная деревня Мордовии в середине 1950-х — первой половине 1960-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005. URL: <http://www.lib.uar.ru/diss/cont/64794.html#contents> (дата обращения: 07.07.2018).

⁸ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 1. Д. 272. Л. 7, 8.

⁹ См.: **Костров К. А., Комлев А. Я.** Высокие урожаи сахарной свеклы в колхозе «Заветы Ильича» Ромодановского района Мордовской АССР. Саранск, 1957. 12 с. ; **Елизарова П. В.** Слово и дело: [беседа Героя Социалистического Труда П. В. Елизаровой с писателем И. Антоновым об успехах свекловодов колхоза «Волна революции» Ромодановского района Мордовской АССР] // Дружба народов. 1960. № 8. С. 16 — 23.

¹⁰ См.: **Елизарова П. В.** По примеру Владимира Светличного / П. В. Елизарова, депутат Верховного Совета СССР, Герой Соц. Труда, звеньевая колхоза «Волна революции» Ромоданов. района; [Запись М. Грошева]. Саранск, 1962. 47с. ; **Филин М.** Люди большой души: в звене Героя Социалистического Труда П. В. Елизаровой // Советская Мордовия. 1961. 29 сент.

¹¹ Герой Социалистического Труда Елизарова Прасковья Васильевна — звеньевая колхоза «Волна революции» Ромодановского района Мордовской АССР. URL: http://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=24098 (дата обращения: 07.07.2018).

¹² См.: **Герасимов А. И.** Ромоданово. Саранск, 1981. С. 160 — 161 ; Ромоданово: история и судьбы : ист. и современность Ромодан. р-на в очерках, воспоминаниях, фотографиях / [сост. Т. И. Судына]. Саранск, 2005. С. 118 — 120.

¹³ Бибина Татьяна Николаевна. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бибина,_Татьяна_Николаевна (дата обращения: 07.07.2018).

¹⁴ **Тепляков А. Е.** Я был наставником Тани Бибиной // Победа. 2001. 4 июля.

¹⁵ Герой Социалистического Труда Бурюкина (Пятайкина) Екатерина Владимировна. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=24160 (дата обращения: 07.07.2018).

¹⁶ Моисеев Михаил Степанович. URL: [3www.lib.e-mordovia.ru/Library/?Char=&id=9](http://www.lib.e-mordovia.ru/Library/?Char=&id=9) (дата обращения: 07.07.2018).

¹⁷ См.: **Моисеев М.** Она будет жить вечно: из воспоминания о Татьяне Бибиной // Колхозная стройка. 1960. 4 декабря ; **Его же.** Совершала ли подвиг Таня Бибина? // Советская Мордовия. 1993. 10 июня.

¹⁸ См.: **Глазкова А. И., Роголева Л. Н.** Науменко Иван Иванович // Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 83.

¹⁹ См.: **Тарасов А. А., Прокина Е. М.** Ромодановский сахарный завод: 1957 — 1961 гг. // Центр и периферия. 2018. № 2. С. 73 — 79.

²⁰ См.: **Александрова Р.** Знамя бригады // Молодой ленинец. 1960. 7 августа ; **Явкин П.** Сердце Тани // Там же.

²¹ См.: **Науменко И., Просвирнин Н.** Наш ответ на заботу партии // Советская Мордовия. 1961. 24 окт.

²² См.: Навстречу юбилею сахарников. Они были первыми: Бабайцевы // Победа. 2001. 4 июля.

²³ ЦГА РМ. Ф. 2767-П. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: К 40-летию юбилею. Черной Михаил Семенович: первый директор сахарного завода // Победа. 2001. 15 июня.

²⁶ См.: Хроника событий. URL: <http://mognovse.ru/nqm-hronika-sobitij.html> (дата обращения: 07.07.2018).

²⁷ ЦГА РМ. Ф. 2767-П. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.

²⁸ См.: **Ширяев А.** В смене инженера Ульянова // Советская Мордовия. 1961. 23 ноября ; **Герасимов А. И.** Указ. соч. С. 162.

²⁹ ЦГА РМ. Ф. 2767-П. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.

³⁰ Там же. Л. 93.

³¹ См.: **Тарасов А. А., Прокина М. Е.** К истории Ромодановского ремонтно-строительного участка Республики Мордовия (1963 — 1973) // Инновации в образовательном процессе : материалы науч.-практ. конф. (Саранск, 15 нояб. 2017 г.). Саранск, 2017. С. 92. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/191862512/> (дата обращения: 07.07.2018).

³² См.: К 40-летию юбилею сахарного завода. Немного истории // Победа. 2001. 27 июня.

³³ См.: Советская Мордовия. 1961. 10 сент.

³⁴ ЦГА РМ. Ф. 2767-П. Оп. 1. Д. 12. Л. 99.

³⁵ Там же. Л. 83, 84.

³⁶ Там же. Л. 105.

³⁷ См.: К 85-летию района. Годы созидания // Победа. 2013. 5 июля.

³⁸ См.: Есть 150 тысяч пудов сахарной свеклы! // Советская Мордовия. 1961. 8 окт. ; **Петерс Э.** Подарок свекловодов Родине // Советская Мордовия. 1961. 26 окт.

Поступила 28.08.2018 г.

УДК 94(470.345).084.9«1954/1964»

*С. А. Ивлиев, Т. Н. Кадерова**S. A. Ivliev, T. N. Kaderova*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФСОЮЗОВ МОРДОВСКОЙ АССР В 1954 — 1964 гг.

THE MAIN DIRECTIONS OF PRODUCTION ACTIVITIES OF TRADE UNIONS OF THE MORDOVIAN ASSR IN 1954 — 1964

Ключевые слова: профсоюзы, Мордовская АССР, социалистическое соревнование, производственные совещания, рационализаторы и изобретатели, коллективные договоры.

В статье рассматривается работа профсоюзов МАССР по привлечению трудящихся к решению производственно-хозяйственных задач. Основное внимание уделяется таким формам, как социалистическое соревнование, постоянно действующие производственные совещания, коллективные договоры, рационализаторство и изобретательство.

Key words: the trade unions, the Mordovian ASSR, socialist competition, production meetings, innovators and inventors, collective agreements.

The article deals with the work of trade unions of the Mordovian ASSR to attract workers to the solution of production and economic tasks. The main attention is paid to such forms as socialist competition, permanent production meetings, collective agreements, innovation and invention.

Права и функции профсоюзов, содержание их практической деятельности в 1954 — 1964 гг. определялись законодательными актами государства, решениями и документами КПСС. Специального закона, закрепляющего права и полномочия профсоюзов, не было до конца 1980-х гг. До этого юридическую базу, устанавливающую роль и место профсоюзов в регулировании общественных отношений, определяли Конституция СССР, конституции союзных и автономных республик, а также Основы законодательства СССР и союзных республик о труде, кодексы законов (КЗоТ) союзных республик, положения о правах профсоюзного комитета и другие нормативные акты.

Государство своим законодательством направляло деятельность профсоюзов прежде всего на решение производственных, хозяйственных задач. В соответствии со статьей 96 Основ законодательства СССР и союзных республик о труде профессиональным союзам предоставлялось право участвовать в разработке и реализации государственных планов экономического и социального развития, в решении вопросов распределения и использования материальных и финансовых ресурсов, вовлекать рабочих и служащих в управление производством¹.

«Необходимость проведения этой работы — как отмечает М. А. Филимонов, — обосновывалась определенной теорией. Была сформулирована так называемая „двуединая задача“ профсоюзов: прежде всего, профсоюзы должны защищать права и интересы трудящихся, но они ничего не смогут сделать в этой области, если не будет развиваться производство, укрепляться дисциплина труда, расти его производительность. Отсюда делался вывод: исходя из интересов трудового человека, первейшим

долгом профсоюзов должна быть забота о подъеме производства. Опираясь на законодательство, теоретические установки, партийные и государственные органы стремились в полной мере использовать потенциальные возможности профсоюзов, особенно когда требовалось обеспечить новый подъем производства, „расшить узкие места“ в экономике. В этих условиях перед профсоюзами ставились задачи усилить свою работу по мобилизации масс, развитию их трудовой активности и широкой самостоятельности (т. е. безвозмездного труда), укреплению трудовой дисциплины и повышению на этой основе производительности труда»².

Откликаясь на эти призывы, профсоюзы использовали многие формы привлечения трудящихся к решению производственных, хозяйственных задач. Важными из них были социалистическое соревнование, постоянно действующие производственные совещания, коллективные договоры, научно-техническое творчество трудящихся. Все они получали стимулы к дальнейшему и последовательному развитию, от пятилетки к пятилетке становились все более массовыми и представительными.

В решении вопросов хозяйственного и социально-культурного строительства в рассматриваемый период значительная роль принадлежала социалистическому соревнованию.

Под руководством профессиональных союзов проходила организация социалистического соревнования, переросшая в широкое общественное движение за коммунистический труд. В июле 1955 г. президиум Мордовского областного совета профсоюза принял постановление о социалистическом соревновании в честь XX съезда КПСС. Поводом для него послужило решение рабочих, инженерно-технических работников и служащих Ардатовского светотехнического завода, которые обязались выполнить план пятой пятилетки к 1 октября 1955 г., выпускать продукцию отличного качества. Было принято решение повысить производительность труда по сравнению с 1954 г. на 20 %, снизить себестоимость продукции на 10 %³. Президиум Мордовоблсовпрофа одобрил этот почин и предложил «всем обкомам союзов, фабрично-заводским, рабочим и местным комитетам профсоюзов обсудить на рабочих собраниях инициативу коллектива Ардатовского светотехнического завода и широко развернуть социалистическое соревнование за встречу XX съезда партии новыми производственными победами каждым предприятием, цехом и бригадой»⁴. При этом указывалось, что «профсоюзные организации совместно с хозяйственными руководителями должны систематически обсуждать на рабочих собраниях, производственных совещаниях вопросы, связанные с ходом выполнения обязательств, взятых в честь съезда»⁵. Первые итоги социалистического соревнования в честь XX съезда КПСС были подведены в январе 1956 г. Было отмечено, что «Ардатовский светотехнический завод, Саранская ТЭЦ имени Тельмана, пенькокомбинат, ремонтный завод и другие предприятия с честью выполнили взятые социалистические обязательства»⁶. Коллектив Ардатовского светотехнического завода пятилетний план выполнил к 3 сентября 1955 г., а годовой план — к 13 ноября. Производительность труда выросла на 20,1 %, себестоимость продукции снижена против плана на 12,9 %, заводом получено 2 455 тыс. руб. прибыли, в том числе сверхплановой — около 595 тыс. руб. Коллективом пенькокомбината пятилетний план был выполнен к 15 октября 1955 г., годовой план — к 8 декабря. Производственный план 1955 г. по выпуску валовой продукции был выполнен на 107,1 %. Производительность труда составила 104,5 % к плану, себестоимость продукции снизилась на 20 %. Было выпущено

сверхплановой продукции 411 тонн; за счет экономии сырья комбинат выработал дополнительно продукции на сумму 2 500 тыс. руб. и получил сверхплановой прибыли 1 511 тыс. руб.⁷

Вопросы материального и морального стимулирования всегда находились в центре внимания профсоюзных органов, и от этого во многом зависел успех трудового соперничества. Так, за достигнутые успехи в социалистическом соревновании в 1955 г. профорганизациями крупных промышленных предприятий истроек были занесены в Книгу почета 117 чел., на Доску почета — 395 чел., присвоено звание «Лучший по профессии» — 661 чел., звание «Бригада отличного качества» — 46 бригадам. Президиумом облсовпрофа за досрочное выполнение пятилетних планов были награждены Почетными грамотами облсовпрофа 228 чел.⁸ В 1957 г. более 3 500 передовых рабочих, инженерно-технических работников и служащих были занесены на Доску почета, более 600 человек — в Книгу почета, 56 бригадам присвоено звание «Бригада отличного качества», свыше 1 300 рабочим — звание «Лучший по профессии». Почетными грамотами облпрофсовета были награждены 436 передовиков производства, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета МАССР — 62 чел., грамотами ВЦСПС — 33 чел., 30 чел. профактива — орденами и медалями СССР⁹. В 1958 г. 29 профсоюзных активистов и лучших производственников были удостоены орденов и медалей Советского Союза, 262 чел. награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета МАССР, 450 — Почетными грамотами областного Совета профсоюзов, 1 500 рабочим присвоено звание «Лучший по профессии»¹⁰. В рассматриваемый период звания Героя Социалистического Труда в Мордовии были удостоены С. Е. Нуждин (1958 г.), Ф. Г. Кондренков (1959 г.), П. В. Елизарова (1960 г.). Правительственные награды получили и трудовые коллективы предприятий, организаций, колхозов и совхозов, города и республика в целом. Так, в декабре 1965 г. за достижение высоких показателей в развитии народного хозяйства Президиум Верховного Совета СССР наградил Мордовскую АССР орденом Ленина.

При максимальной поддержке профсоюзных организаций в ходе социалистического соревнования в этот период получило развитие и окрепло движение за коммунистический труд. Оно возникло в канун XXI съезда КПСС и нашло активную помощь и поддержку партийных, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных организаций. Движение за коммунистический труд стало массовым, о чем свидетельствуют следующие цифры: в 1960 г. за звание «Ударник коммунистического труда» соревновались 1 936 чел., в 1964 г. — 20 108¹¹; в 1961 г. в соревновании за звание «Коллектив коммунистического труда» принимала участие 921 бригада цехов, участков, отделов предприятий, в 1964 г. их количество возросло до 2 908¹²; звание «Ударник коммунистического труда» в 1960 г. было присвоено 128 чел., в 1961 г. — 454, в 1962 — 2 584, в 1963 г. — 4 780, в 1964 г. — 8 296 чел.¹³

Однако, по мнению М. А. Филимонова, «у этих показателей есть и обратная сторона. Они свидетельствуют о серьезных недостатках в развитии трудовой активности людей. Необоснованные требования к организаторам на местах (поголовный охват, процентомания в движении за коммунистическое отношение к труду, множественность инициатив и починов, часто повторяющих друг друга) порождали приписки, „липовые“ отчеты, очковтирательство. На бумаге достигался почти стопроцентный охват соревнованием, в жизни наблюдались невыполнение производственных

планов, норм выработки, дефицит ряда товаров и услуг, что вело к разрушению важнейших завоеваний соревнования. Большой вред наносила уравниловка, нарушение принципов материального и морального стимулирования соревнующихся»¹⁴. В выступлении секретаря Саранского горкома КПСС Е. А. Вовка в январе 1958 г. на собрании актива Мордовского обкома КПСС указывались недостатки в деятельности профорганизаций по руководству социалистическим соревнованием и подчеркивалось, что «до сих пор не изжит формализм в подведении итогов соревнования. В городе нередко договоры заключаются формы ради. При оценке результатов не учитываются такие важные вопросы, как борьба за культуру производства и рабочего места, за чистоту в цехах и на территории»¹⁵.

Важным средством расширения производственно-массовой деятельности профсоюзов, вовлечения большего числа работников к решению производственно-хозяйственных задач являлись производственные совещания. Принимая во внимание роль производственных совещаний в развитии производства и привлечении трудящихся к его управлению, Совет Министров СССР и ВЦСПС сочли целесообразным превратить их в постоянно действующие производственные совещания (ПДПС). Совместным постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС от 9 июля 1958 г. было утверждено Положение о постоянно действующем производственном совещании. В 1958 г. в Мордовии действовало 114 ПДПС, в 1960 г. — 243, в 1962 г. — 314, в 1963 г. — 337¹⁶. На их заседаниях в 1960 г. было принято к исполнению более 3 тыс. предложений, из которых около 2,5 тыс. выполнено. За 1960 — 1962 гг. на производственных совещаниях было внесено более 9 тыс. предложений и рекомендаций, в 1963 г. — около 5 тыс., направленных на улучшение организации труда и производства, большая часть которых была внедрена в производство¹⁷.

В 1962 г. в работе ПДПС принимали участие 11 тыс. чел., в 1963 г. — 13 тыс.¹⁸ В республике было немало примеров их заметной деятельности и активного влияния на работу предприятий истроек. Эффективной была работа ПДПС Саранского консервного комбината, пенькового комбината, Уметского комбината стандартных домов, экскаваторного завода, объединения «Светотехника», цементного завода, Медпрепаратов и «Дубитель» и др.¹⁹

В отчете председателя Мордовоблсовпрофа И. В. Осипова на VI Мордовской областной межсоюзной конференции профсоюзов (1960 г.) отмечалось, что «на большинстве предприятий производственные совещания сумели правильно занять свое место в решении производственных вопросов, мобилизации коллективов на досрочное выполнение установленных планов»²⁰. Однако в докладе также прозвучало, что «неудовлетворительная работа производственных совещаний на ряде предприятий объясняется недооценкой их роли и неправильным отношением отдельных руководителей и ФЗМК к столь важной и доступной форме коллективного руководства предприятием»²¹.

Значительное место в деятельности профсоюзов в рассматриваемый период отводилось вопросам последовательного развития и повышения эффективности массового технического творчества трудящихся.

Регулярно проводились республиканские научно-практические конференции рационализаторов и изобретателей, смотры внедрения новой техники на предприятиях. Эта работа способствовала усилению вклада рационализаторов и изобретателей в повышение технического уровня производства. Если в 1955 г. в МАСОП было 75 предприятий, где имелись рационализаторы, то в 1956 г. их стало 87. В 1955 г.

насчитывался 651 чел. рационализаторов, в 1956 г. — уже 804²². В 1957 г. в республике в рационализаторском движении участвовало около 1 000 чел., которые внесли более 1 500 рационализаторских предложений. Из них было внедрено 900 с общей экономической эффективностью в 4 млн руб. В 1958 г. количество рационализаторов стало уже 1 600 чел., число внедренных предложений достигло 1 300, они дали экономию 9 млн 600 тыс. руб. в год. Если в первом полугодии 1958 г. в рационализаторской деятельности приняло участие 880 чел., то в первом полугодии 1959 г. число рационализаторов увеличилось до 1 200 чел.²³

Среди предприятий республики ведущее место в развитии рационализаторского движения занимал Саранский электроламповый завод, который в социалистическом соревновании среди предприятий совнархоза завоевывал призовые места. Число рационализаторов на электроламповом заводе в первом полугодии 1959 г. увеличилось в 2,5 раза, число поступивших предложений — в 2,0 раза, а экономическая эффективность от внедрения рационализаторских предложений — более чем в 3,0 раза по сравнению с тем же периодом 1958 г.²⁴ На ТЭЦ-2 в 1960 г. число рационализаторов достигло 126 чел., или каждый четвертый работающий — рационализатор²⁵.

Значительных успехов в развитии массового изобретательства и рационализации добились и другие предприятия, и стройки Мордовии. Так, в первом квартале 1959 г. на предприятиях Управления строительства и промстройматериалов Мордовского совнархоза по сравнению с последним кварталом 1958 г. количество рационализаторов увеличилось в 3,0 раза, число внедренных предложений в 1,3 раза, а их экономическая эффективность — в 1,2 раза²⁶.

В мае 1958 г. было разработано и утверждено совместное постановление Мордовского совнархоза и областного профсоюза совета профсоюзов «Об условиях социалистического соревнования рационализаторов и изобретателей», проведен конкурс на лучшее рационализаторское предложение среди предприятий совнархоза, а также среди комсомольцев и молодежи. В августе этого же года состоялась первая республиканская конференция изобретателей и рационализаторов. Кроме того, было проведено совещание молодых новаторов производства города Саранска. Областной Совет рационализаторов и изобретателей организовал двухдневный семинар председателей первичных организаций общества и работников бюро изобретательства и предприятий истроек совнархоза²⁷.

Успех рационализаторского движения в Мордовии зависел от организации этой работы со стороны Мордовского совнархоза. Однако в этом деле совнархоз проявлял недостаточную настойчивость. Например, в 1958 г. из выделенных на рационализацию и изобретательство 160 тыс. руб. он израсходовал лишь 60 тыс., или 37,5 %. Это привело к тому, что вышестоящие организации ассигновали на эти цели в 1959 г. только 140 тыс. руб. При наличии неиспользованных средств совнархоз не объявил ни одного конкурса, направленного на экономию основных и вспомогательных материалов, электроэнергию и топлива, повышение производительности труда и т. д. Все это в итоге отрицательно сказалось на развитии рационализаторского движения в республике²⁸.

Анализ проводимой рационализаторами и изобретателями работы свидетельствовал о значительном вкладе новаторов производства в развитие экономики республики. В то же время творческий потенциал инженеров, рабочих-новаторов использовался далеко не полностью. Тысячи предложений поборников техническо-

го прогресса признавались ежегодно конструктивными, но оставались не внедренными. Статистика подтверждала, что быстрее и в более полном объеме внедрялись рацпредложения и изобретения, дававшие быструю отдачу, решавшие частные задачи производства. Предложения, требовавшие коренной перестройки технологического процесса, лежали годами, поскольку внедрение их вынуждало предприятие идти на риск невыполнения плана, что было чревато серьезными последствиями²⁹.

Рост творческой активности новаторов объективно требовал совершенствования организационных форм, усиления руководства массовым техническим творчеством трудящихся. 17 января 1958 г. Президиум ВЦСПС принял постановление о создании Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). Общество стало строиться по территориально-производственному принципу. Его основой стали первичные организации ВОИР на предприятиях, стройках, в МТС и совхозах. Общество стало работать под руководством профсоюзов. Его выборные органы проводили свою работу: на предприятиях — под руководством ФЗМК, в республике — областного совета профсоюзов. Центральный Совет ВОИР работал под руководством ВЦСПС³⁰.

В 1960 г. около 3 тыс. рабочих, ИТР и служащих республики работали в 70 первичных организациях ВОИР. За 1958 — 1960 гг. ими было внесено более 5,5 тыс. предложений, экономический эффект составил 23,5 млн руб.³¹ В 1960 г. решением ВОИР был создан специальный рационализаторский фонд семилетки. Изобретатели и рационализаторы республики обязались внести в фонд семилетки 20 млн руб. за счет экономии от внедрения их предложений. Взятые обязательства были перевыполнены³².

В августе 1961 г. совместно с Совмином МАССР и Совнархозом было принято постановление «О проведении месячника-смотра массового внедрения в производство предложений рационализаторов и изобретателей в достижении наибольшего процента подсчета экономии»³³. После этого решения от внедренных рацпредложений и изобретений сэкономлено свыше 1,2 млн руб.³⁴

В 1963 г. было создано 10 общественных конструкторских и технологических бюро и групп экономического анализа, 10 бюро технической информации, 5 советов новаторов и 35 творческих бригад, в работе которых на общественных началах принимало участие свыше 2,5 тыс. чел. В этих бюро, группах, советах в свободное от работы время безвозмездно разрабатывали и решали многие важные производственные задачи: снижение себестоимости продукции, экономия сырья, электроэнергии и т. д.³⁵

В решении задач технического прогресса большую роль играли научно-технические общества. К 1960 г. в Мордовии насчитывалось 8 отраслевых научно-технических обществ, которые имели 108 первичных организаций и объединяли в своих рядах 2 500 ученых, инженеров, техников и рабочих — новаторов производства³⁶.

Научно-технические общества и ВОИР призваны были развивать творческую инициативу рабочих и служащих, активно привлекать их к разработке вопросов новой техники, технологий, комплексной механизации и автоматизации, модернизации действующего оборудования³⁷.

Благодаря творческому союзу рабочих и инженерно-технических работников в 1961 — 1965 гг. на предприятиях республики было установлено 77 механизирован-

ных поточных и 58 автоматических линий. В результате производительность труда за годы семилетки повысилась на 58 %³⁸.

V пленум Мордовоблсовпрофа в июле 1964 г. постановил: «Профсоюзным органам совместно с хозяйственными органами необходимо принять меры к обеспечению условий труда для творческой работы новаторов производства, созданию экспериментальных мастерских, лабораторий, цехов, где изобретатели и рационализаторы могли бы проверить свои творческие замыслы, изготовить опытные образцы инструментов, механизмов, приборов.

Предложить комитетам профсоюзов, советам и правлениям ВОИР и НТО обеспечить усиления общественного контроля за внедрением в народное хозяйство рационализаторских предложений, изобретений и рекомендаций НТО, выделять для осуществления контроля активных новаторов, квалифицированных специалистов, способных вскрывать и добиваться устранения фактов бюрократизма и волокиты в рассмотрении и внедрении прогрессивных начинаний»³⁹.

Первичные профсоюзные организации, наряду с правовой инспекцией, обладали правом контроля за применением трудового законодательства. Их полномочия в этой области определялись положением о правах профсоюзного комитета и другими законодательными актами. В них были предусмотрены общие правила, которые обязаны выполнять все хозяйственные руководители. Например, сверхурочные работы и привлечение отдельных рабочих и служащих к работе в выходные дни могли производиться лишь с разрешения профкома, без его предварительного согласия рабочие и служащие не могли быть уволены по инициативе администрации, только по согласованию с профкомом принимались на работу подростки и т. д.

Однако, как отмечалось на многих профсоюзных конференциях, пленумах и заседаниях президиумов профсоюзных органов, некоторым профсоюзам не доставало активности и твердости в защите прав и интересов трудящихся. Проводимый правовой инспекцией труда Мордовоблсовпрофа анализ показал, что многие увольнения по инициативе администрации были произведены с нарушениями трудового законодательства, без должного контроля со стороны профсоюзных комитетов.

Из доклада ревизионной комиссии VII Мордовской межсоюзной конференции профсоюзов в 1962 г. следовало, что «в 1961 г. поступило 630 жалоб и заявлений, из них 207 по труду и заработной плате, 237 по жилищным вопросам, 96 — неправильного увольнения. В этом же году народными судами МАССР рассмотрено 1 445 трудовых дел, о восстановлении на работу 299 дел, из которых 102 были удовлетворены, рабочие и служащие были восстановлены на работе»⁴⁰. «Рост жалоб и неправильное их разрешение на местах, — указывалось в докладе, — во многих случаях свидетельствует о том, что Совет профсоюзов плохо проводит работу по подготовке профсоюзного актива и не занимается изучением причин, породивших жалобы»⁴¹. «Ряд ФЗМК допускают неправильное разрешение трудовых споров, в результате чего рабочие и служащие вынуждены обращаться за разрешением споров в народные суды» — отмечалось в докладе ревизионной комиссии VIII Мордовской межсоюзной конференции профсоюзов в июне 1963 г.⁴²

О многочисленных нарушениях законодательства свидетельствовали и письменные обращения граждан в вышестоящие профсоюзные органы. Как правило, в большинстве письменных заявлений содержались справедливые требования членов профсоюзов. Так, в 1956 г. директор Шингаринского торфпредприятия уволил беременную

работницу, которая не получила поддержки профорганизации в восстановлении ее на работе и была вынуждена обратиться в Мордовоблсовпроф. Совет профсоюзов дал указание немедленно восстановить ее как незаконно уволенную⁴³.

Одной из важных форм производственно-массовой работы профсоюзов являлись заключение и исполнение коллективных договоров. С 1935 по 1947 гг. они не заключались. Пленум ВЦСПС в феврале 1947 г. принял постановление, в котором обязал фабрично-заводские комитеты в течение марта — апреля 1947 г. заключить договоры на всех предприятиях, каждые три месяца проводить массовые проверки выполнения колдоговорных обязательств⁴⁴. Коллективные договора являлись одним из практических выражений локального метода регулирования трудовых отношений рабочих и служащих.

В рассматриваемый период профсоюзы огромное внимание уделяли заключению и контролю за выполнением колдоговоров. В 1954 г. колдоговора заключили 213 предприятий республики, в 1962 г. — 235, в 1963 г. — 255. На Алексеевском цементном, кабельном, экскаваторном, Ардатовском светотехническом заводах завкомы профсоюзов установили строгий контроль за их выполнением, привлекали к участию в контроле профсоюзный актив, что позволило коллективам стать передовыми предприятиями республики⁴⁵. Однако, как отмечалось в докладе председателя Мордовоблсовпрофа на VII Мордовской областной межсоюзной конференции профсоюзов, «на многих предприятиях и в первую очередь на Атяшевском заводе „Автозапчасть“, Саранском инструментальном и других заводах коллективные договоры выполняются неудовлетворительно, особенно обязательства администрации по улучшению условий труда и быта рабочих и служащих»⁴⁶.

С 1958 г. облсовпроф ежегодно проводил семинары-совещания по практике разработки и заключения колдоговоров. С этого же года регистрация коллективных договоров предприятий промышленности, строительства и организаций, находящихся в ведении Совнархоза Мордовского экономического административного района, осуществлялась облсовпрофом совместно с Совнархозом. Организации республиканского подчинения регистрировали колдоговора в обкомах профсоюзов и своих республиканских министерствах и ведомствах. Регистрация колдоговоров предприятий российского и союзного подчинения осуществлялась ЦК профсоюзами и соответствующими министерствами⁴⁷.

Таким образом, используя разнообразные формы производственно-массовой работы, принимая участие в решении вопросов организации труда, профсоюзы привлекали трудящихся в управление производством, вносили свой значительный вклад в развитие народного хозяйства.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Справочник профсоюзного работника М., 1978. С. 32.
- ² **Филимонов М. А.** Деятельность профсоюзов Башкортостана в 1905–2000 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Уфа, 2003. С. 334.
- ³ ЦГА РМ. Ф. 6271-П. Оп. 2. Д. 100. Л. 110.
- ⁴ Там же. Л. 111.
- ⁵ Там же. Л. 112.
- ⁶ Там же. Оп. 2. Д. 126. Л. 25.
- ⁷ Там же. Л. 25 – 27.

- ⁸ Там же. Л. 30 – 32.
- ⁹ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 4. Д. 74. Л. 47 — 48.
- ¹⁰ ЦГА РМ. Ф. 6271-П. Оп. 3. Д. 186. Л. 22.
- ¹¹ За коммунистическое отношение к труду : сб. док. и материалов о бригадах коммунист. труда на промышлен. предприятиях Мордовии (1958 — 1970 гг.). Саранск, 1975. С. 235.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ **Филимонов М. А.** Указ. соч. С. 343.
- ¹⁵ Советская Мордовия. 1958. № 9. С. 2.
- ¹⁶ ЦГА РМ. Ф. 6271-П. Оп. 3. Д. 75. Л. 24 ; Д. 186. Л. 22 ; Оп. 4. Д. 101. Л. 76 ; Д. 140. Л. 14.
- ¹⁷ Там же. Оп. 4. Д. 91. Л. 25 ; Д. 140. Л. 14.
- ¹⁸ Там же. Д. 101. Л. 76 ; Д. 140. Л. 14.
- ¹⁹ Там же. Д. 91. Л. 25 ; **Меркушина Т. В.** Из истории профсоюзов Мордовии. События. Факты. Документы. Люди. Саранск, 2004. С. 183.
- ²⁰ ЦГА РМ. Ф. 6271-П. Оп. 3. Д. 186. Л. 22.
- ²¹ Там же. Д. 186. Л. 23.
- ²² Из истории профсоюзов Мордовии. 1918 — 1978 гг. : док. и материалы. Саранск, 1979. С. 220.
- ²³ См.: **Шабалов В. Г.** Рационализаторы Мордовии в борьбе за технический прогресс. Саранск, 1960. С. 22.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ ЦГА РМ. Ф. 6271-П. Оп. 3. Д. 186. Л. 24.
- ²⁶ **Шабалов В. Г.** Указ. соч. С. 23.
- ²⁷ Там же. С. 25.
- ²⁸ Там же. С. 31.
- ²⁹ См.: **Филимонов М. А.** Указ. соч. С. 350.
- ³⁰ См.: Производственно-массовая работа профсоюзов : сб. офиц. материалов. М., 1979. С. 141.
- ³¹ ЦГА РМ. Ф. 6271-П. Оп. 3. Д. 186. Л. 24.
- ³² Там же.
- ³³ **Меркушина Т. В.** Указ. соч. С. 199.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ ЦГА РМ. Ф. 6271-П. Оп. 3. Д. 104. Л. 16 ; Оп. 5. Д. 78. Л. 14.
- ³⁶ Там же. Оп. 3. Д. 186. Л. 25.
- ³⁷ Там же. Л. 26
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Оп. 5. Д. 24. Л. 85 — 86.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 4. Д. 91. Л. 54 — 55.
- ⁴¹ Там же. Л. 55.
- ⁴² Там же. Д. 140. Л. 66.
- ⁴³ Там же. Оп. 2. Д. 136. Л. 45 — 46.
- ⁴⁴ Профсоюзы СССР. Документы и материалы. 1953 — 1963. М., 1963. Т. 4. С. 475 — 476.
- ⁴⁵ ЦГА РМ. Ф. 6271-П. Оп. 2. Д. 91. Л. 19 ; Оп. 4. Д. 140. Л. 16.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 2. Д. 91. Л. 19.
- ⁴⁷ См.: **Меркушина Т. В.** Указ. соч. С. 194.

Поступила 14.11.2018 г.

УДК 67/68:(470.345)

А. В. Биряева, Ю. Н. Сушкова

A. V. Biryayeva, Yu. N. Sushkova

МОРДОВСКИЙ СОВНАРХОЗ: РАЗВИТИЕ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1957 — 1962 гг.

MORDOVIAN SOVNARKHOZ: THE DEVELOPMENT OF LIGHT INDUSTRY IN 1957 — 1962

Ключевые слова: совнархоз, легкая промышленность, развитие, план, модернизация, технология, инициатива, соцсоревнование, конкуренция, административно-командная система, взаимовыручка, обмен опытом, ассортимент, сырье.

В статье ставится задача рассмотреть, как предприятия легкой промышленности, включенные в совнархоз мордовского экономического административного района, справлялись в 1957 — 1962 гг. с ежегодными плановыми задачами по выработке валовой продукции; отмечаются проблемы выполнения плана по ассортименту и качеству продукции.

Key words: Sovnarkhoz, light industry, development, plan, modernization, technology, initiative, socialist competition, administrative and command system, mutual assistance, share of experience, assortment, raw materials.

The article aims to consider how the light industry enterprises as a part of the Sovnarkhoz of the Mordovian administrative district coped with the annual planned tasks for the development of gross output during 1957 — 1962; the problems with the implementation of the plan for the assortment and quality of products and observed.

Во второй половине 1957 г. все предприятия легкой промышленности совнархоза работали над составлением производственных планов и обязательств социалистического соревнования в честь достойной встречи внеочередного XXI съезда КПСС. В соответствии с планом развития народного хозяйства Мордовской АССР в годы семилетки (1959 — 1965 гг.) легкая промышленность совнархоза должна была увеличить производство в валовом исчислении в 3,1 раза. Если в 1958 г. выработка продукции должна была составить 312,5 млн руб., то в 1965 г. — 959,6 млн руб. Рост производства волокна должен был составить 23,1 %, в том числе длинного волокна — 59,5 %. В натуральном показателе это 8 тыс. т¹.

Увеличение производства в основном предполагалось осуществить за счет модернизации действующих и строительства новых (Темниковского и Торбеевского) пенькозаводов. После выхода Постановления Совета Министров РСФСР от 20 марта 1958 г. № 271 «О мерах по ликвидации отставания в развитии льняной и пенькоджутовой промышленности», 29 марта вышеуказанного года Мордовский совнархоз издал распоряжение, в котором руководители Саранского пенькового комбината обязывались в 1958 — 1960 гг. осуществить строительство нового цеха по производству канатов и провести реконструкцию действующего производства. Предполагалось установить 124 прядильных веретена. На это выделялось 15,1 млн руб. В 1961 г. завод должен был выпустить 2 930 т канатных и 15 тыс. 850 т шпагатно-веревочных изделий².

Рост продукции по бумажной фабрике «Красная роза» не планировался, однако на предприятии намечалось строительство цеха по производству картонных изделий для саранских электролампового завода и завода медицинских препаратов. На заводе дубильных экстрактов было запланировано строительство цеха древесно-волоконистых плит, что увеличило бы объем валовой продукции предприятия на 30 млн руб. «Кроме того, в планах управления легкой промышленности совнархоза было строительство Саранского ткацкого комбината, который по достижению проектной мощности должен был производить 35 млн м шелковых тканей в год (на предприятии намечалось установить 3 тыс. ткацких станков), и Саранской мебельной фабрики, изготавливающей ежегодно изделий на 8 млн руб.»³.

План 1957 г. по выпуску валовой продукции Саранский пенькокомбинат выполнил к 7 декабря. Рост производства составил 5,5 % к уровню 1956 г. Коллектив получил 3 038 тыс. руб. сверхплановой прибыли. На 1 309 тыс. руб. против плановой была снижена себестоимость изготовленной продукции, сэкономлено 288,5 т сырья. В целом в 1957 г. предприятия Управления легкой промышленности совнархоза выработали валовой продукции на 275 097 тыс. руб., в том числе шерстяной — на 29 089 тыс. руб., пенько-джутовой — на 198 007 тыс. руб. и произвели первичную переработку пенькового сырья на 47 038 тыс. руб.⁴.

Коллективы заводов и фабрик обязались досрочно выполнить план 1958 г. Так, Атяшевский пенькозавод рассчитывал завершить годовую производственную программу к 24 ноября, Дубенский — к 28 декабря, Инсарский — к 1 декабря, Кочкуровский — к 20 октября, Краснослободский — к 20 декабря, Сабаевский — к 15 октября, Старошайговский — к 22 октября, Чамзинский — к 25 декабря, Саранский — к 11 декабря, бумажная фабрика «Красная Роза» — к 9 декабря, Ширингушская суконная фабрика — к 9 декабря, завод «Дубитель» — к 11 декабря⁵.

В целом в 1958 г. предприятиями Управления легкой промышленности Мордовского совнархоза было выработано валовой продукции на 295 млн 900 тыс. руб., а с плановыми заданиями успешно справились 10 из 12 предприятий, за исключением Дубенского и Чамзинского пенькозаводов⁶. Наиболее высокий прирост валовой продукции дали Саранский пенькокомбинат, Атяшевский, Кочкуровский, Сабаевский пенькозаводы, а также суконная и бумажная фабрики. Однако многие предприятия не выполнили плановых заданий по ассортименту.

Следует отметить, что в рассматриваемый период широкое распространение получил такой вид производственной деятельности, как социалистическое соревнование, где также поощрялось проявление инициативы. Организуемое администрацией предприятия, партийным бюро (комитетом) и профсоюзами социалистическое соревнование имело целью легитимизировать централизованное партийно-государственное планирование производства в трудовых коллективах путем составления встречных планов и борьбы за их выполнение, что вполне вписывалось в административно-командные методы управления народным хозяйством⁷. В связи с этим уместен вопрос: можно ли считать социалистическое соревнование конкурентной борьбой? Вероятно, победа в производственной гонке означала возможность получить нормальное фондируемое снабжение, полностью реализовать произведенную продукцию, повысив имидж завода. Однако в условиях социалистического строя и тоталитарного режима у конкуренции есть две особенности — это взаимовыручка и обмен опытом, что позволяет использовать достижения одного предприятия в

народном хозяйстве на территории всей страны. Вместе с тем в условиях дефицита товаров легкой промышленности конкурентная борьба сглаживалась, не имела той остроты, что в условиях развитой рыночной экономики. К тому же административно-командная система, государственная таможенная политика, направленная на поддержку собственного производства, обеспечивала сбыт даже низкокачественной продукции группы «Б», которая не выдерживала конкуренции с иностранной. Время от времени в этой плановой системе случались сбои, и тогда выработанная продукция годами лежала на складах предприятий. Совместным постановлением Совета Министров МАССР и областного Совета профсоюзов на каждые 5 лет, с разбивкой по кварталам и годам по каждому предприятию регулярно принимались условия социалистического соревнования, а также повышенные социалистические обязательства к юбилеям КПСС и СССР.

Мордовским совнархозом совместно с профсоюзом были разработаны условия проведения социалистического соревнования, в соответствии с которыми победителями считались коллективы заводов и фабрик, добившиеся наилучших показателей по реализации выпускаемой продукции, выполнению плана поставок товаров и внутрисистемных поставок, снижению себестоимости товарной продукции и выполнению плана по прибыли, производству валовой и товарной продукции в заданном ассортименте, улучшению качества, освоению новых изделий, повышению производительности труда, рациональному использованию фонда заработной платы, внедрению инновационной техники, комплексной механизации и автоматизации труда, распространению передового опыта, выполнению плана капитального строительства, состоянию охраны труда и техники безопасности, выполнению планов по рационализации и изобретательству, подготовке кадров и повышению их квалификации, использованию в производстве местного сырья и кондиционных промышленных отходов.

Была разработана система премирования, которая предполагала вознаграждение победителям в социалистическом соревновании. Так, директору, главному инженеру, техническому руководителю и бухгалтеру предприятия полагалось от 30 до 50 % месячного оклада. Из коллективных премий 60 — 70 % направлялось на индивидуальное премирование рабочих, инженерно-технических работников, служащих, а остальное — на улучшение культурно-бытового обслуживания промышленно-производственного персонала⁸. Однако сумма премии зависела от количества работающих на фабрике или заводе, а не от прибыли производства, что не стимулировало заинтересованность рабочих в росте производительности труда.

Итоги социалистического соревнования подводились ежеквартально и ежегодно в совместных постановлениях Совета Министров Мордовской АССР, президиума областного Совета профсоюзов, президиума обкома отраслевого профсоюза и совнархоза. Так, в 1957 и 1958 гг. передовиком в социалистическом соревновании с Ленинградской фабрикой «Нева» был коллектив Саранского пенькокомбината, получивший переходящее Красное знамя Совета Министров РСФСР и ВЦСПС⁹.

В связи с 25-летием Саранского пенькокомбината 13 октября 1961 г. Мордовский совнархоз и президиум областного Совета профессиональных союзов за высокие показатели в социалистическом соревновании наградили 13 работников предприятия значком «Отличник социалистического соревнования РСФСР», 12 — почетными грамотами. Среди них были мастер А. И. Дудорова, столяр Н. П. Котлов,

прядильщица А. И. Селиверстова, электромонтер Е. С. Зайцева, начальник отдела кадров А. А. Соколова¹⁰.

На предприятиях для производственных нужд вырабатывали электроэнергию. Так, в 1957 г. Атяшевский пенькозавод выработал 280 тыс. кВт·ч, Дубенский — 240 тыс., Инсарский — 280 тыс., Краснослободский — 290 тыс., Кочкуровский — 180 тыс., Сабаевский — 160 тыс., Старошайговский — 200 тыс. и Чамзинский — 200 тыс. кВт·ч¹¹. Кроме того, Ширингушская суконная фабрика, завод «Дубитель» и Темниковская бумажная фабрика «Красная роза» за пределы своих предприятий поставили электроэнергию и пара на 391 тыс. руб.¹² Ежегодно пенькозаводы для отопления и производственных нужд заготавливали дрова и торф. Например, в 1957 г. Атяшевский, Дубенский и Краснослободский заводы заготовили соответственно по 300 м³, 150 и 150 м³ дров¹³. В целом добыли и убрали 64 тыс. т кускового торфа, вывезли 2 тыс. м³ деловой древесины и 5 тыс. м³ дров. Более того, ряд предприятий производил пиломатериал. В 1957 г. изготовили 500 м³ этой продукции¹⁴.

Для лесозаготовительной деятельности предприятиям выделялся лесосечный фонд 2-й группы и давались порубочные билеты. В связи с этим в начале года областной комитет КПСС и Совет Министров МАССР принимал совместные постановления. До каждого предприятия доводили месячный план и дневные нормы вырубki.

31 декабря 1958 г. правление Госбанка СССР обратилось в правительство СССР с письмом о принятии мер по улучшению работы заводов по первичной переработке конопли и льна и обеспечении сохранности сырья на предприятиях. Критике были подвергнуты Дубенский, Старошайговский и Чамзинский пенькозаводы Мордовского совнархоза¹⁵.

Решением партийно-исполнительной власти республики колхозы были обязаны сдать на пенькозаводы оставшуюся коноплю урожая 1958 г., а также пересмотреть в сторону увеличения принятые планы ее посевов на 1959 г. В колхозах Мордовии началось строительство мочильных ям и водоемов. Районные партийные функционеры стали вести разъяснительные беседы о большом народнохозяйственном значении выращивания конопли, что позволило в 1958 г. пеньковым заводам Мордовского совнархоза выработать 6,5 тыс. т волокна¹⁶.

Бумажная фабрика «Красная роза» произвела 2 тыс. 250 т промокательной и 550 т оберточной бумаги, завод «Дубитель» изготовил 2 100 т экстракта, в том числе — 1 200 тыс. т дубового и 900 т ивового¹⁷. Ширингушская суконная фабрика выработала 900 тыс. м шерстяных тканей, в том числе 726 тыс. м бобрика¹⁸. Отметим, что предприятие получало сырье от фабрик по первичной обработке шерсти Семипалатинского (Казахская ССР), Горьковского и Казанского (РСФСР) совнархозов. Однако шерсть поставлялась с перебоями и не всегда соответствовала запланированному ассортименту, цене и фондам.

В марте 1960 г. чиновники управления провели проверку работы Ширингушской суконной фабрики, во время которой были вскрыты значительные нарушения технологии производства сукна. Приказом начальника управления легкой промышленности Мордовского совнархоза А. Г. Скворцова руководителям фабрики предписывалось разработать меры по повышению качества производства сукна, укомплектовать лабораторию тремя квалифицированными сотрудниками и закупить необходимые приборы и реактивы¹⁹. Еще в мае 1959 г. руководители предприятия и председатель Мордовского совнархоза Е. А. Веселовский просили Госплан РСФСР разрешить им

производить драп марки «Арктика» и «Октябрь» вместо шинельного сукна²⁰. Для этого было необходимо новое оборудование. Этот вопрос был решен в 1960 г.

На многих предприятиях рост средней заработной платы опережал рост производительности труда. Это была негативная тенденция. Так, на Кочкуровском пенькозаводе это опережение составляло 1,4 %, а на Дубенском — 2,7 %²¹.

Большие надежды на решении этой проблемы в целом возлагались на подключение к высоковольтной сети Куйбышевской ГЭС. Отметим, что после завершения строительства Куйбышевского гидроузла в 1958 г. основная часть гидроэлектроэнергии начала поступать в Москву (61 %), меньшая — в Поволжье (Куйбышев, Саратов) и на Урал (39 %) ²².

Планы по заготовке сырья в основном не выполнялись. Руководители заготовительных отделений часто нарушали финансовую дисциплину, в том числе и Постановление Совета Министров СССР от 15 января 1949 г. № 153 «О введении кассовых операций», а также порядок списания товарно-материальных ценностей. Не все приемщики-сортировщики на заготовительных пунктах вели книги складского учета, а колхозам за своевременную поставку сырья часто выплачивались завышенные премии. Не взималась плата за услуги, оказанные рабочим и служащим принадлежащим заводам транспортом. Нарушения выявлялись в ходе документальной ревизии финансово-хозяйственной деятельности заготовительных отделений, которая осуществлялась периодически бухгалтером-ревизором. По ее итогам управление легкой промышленности совнархоза издавало приказы.

В ходе проверок вскрывались факты поставок некачественного сырья предприятиям, в том числе и за пределы Мордовской АССР.

В феврале 1959 г. правительство МАССР и совнархоз обратились в Госплан РСФСР с просьбой выделить бумажной фабрике вискозный шелк (ворс) для производства велюра и средства (ссуду Госбанка СССР) для организации производства кровельного шифера мощностью до 100 тыс. м² в год. Отметим, что такой опыт непрофильного производства начал распространяться по стране по инициативе Ярославского кожаного завода. Кроме того, просили помочь начать производство 100 тыс. м² в год термоизоляционных твердых плит на Чамзинском пенькозаводе²³.

27 февраля 1959 г. было принято распоряжение № 42 Мордовского совнархоза «Об организации новых производств и цехов по переработке отходов легкой промышленности Мордовского совнархоза», в котором Саранскому пеньковому комбинату рекомендовали увеличить производство и улучшить качество кестролитовых плит в 1,5 — 2,0 раза²⁴. В целом в 1959 г. было выпущено валовой продукции на 4,7 % больше, чем в 1958 г.

Дальнейшее развитие текстильной промышленности предусматривалось в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 ноября 1959 г. № 1313 и в Постановлении Совета Министров РСФСР от 3 января 1960 г. № 6. Отметим, что к этой отрасли в Мордовском совнархозе относились все предприятия, за исключением бумажной фабрики и завода «Дубитель».

В целях изучения спроса населения предприятиям разрешили изготавливать пробные партии новых тканей и трикотажных изделий по временным техническим условиям на сумму не более 500 тыс. руб. (для каждой партии) и продавать их по розничным ценам, утвержденным совнархозами по согласованию с местными торговыми организациями.

Учитывая поддержку Госплана РСФСР в организации производства обоев в Мордовской АССР и большой спрос на них как в республике, так и в граничащих с ней областях, 30 октября 1959 г. вышло распоряжение Мордовского совнархоза № 394 «Об организации производства обоев на бумажной фабрике „Красная Роза“ управления легкой промышленности», в котором предписывалось с 1960 г. начать выпускать 1 млн 200 тыс. кусков обоев в год за счет уменьшения изготовления товарной оберточной бумаги²⁵.

План по производительности труда в целом по Управлению легкой промышленности Мордовского совнархоза был реализован на 103,5 %, вместе с тем Ширингушская суконная фабрика выполнила данное производственное задание только на 98,3 %, бумажная фабрика — на 96,2, Инсарская лентоткацкая фабрика — на 70, Рузаевская трикотажная фабрика — на 98,9, Краснослободский пенькозавод — на 92,2 % и Дубенский пенькозавод — на 95,7 %. Предприятиями было произведено 13 млн кВт·ч.²⁶

На 1962 г. Саранскому пеньковому комбинату было запланировано выработать 11 635 т крученых изделий, в том числе 3 260 т сердечника, 2 780 т. шпагата, 1 620 т веревки, 755 т кабельной пряжи и 3 220 т товарной пряжи. Данная производственная программа была выполнена. Отметим, что одной из проблем на ряде предприятий управления легкой промышленности Мордовского совнархоза было низкое качество вырабатываемой продукции. Это вынудило чиновников аппарата совнархоза 27 марта 1959 г. принять распоряжение № 85 о проверке качества выпускаемой продукции на 14 предприятиях, в том числе на Саранском пенькокомбинате, заводе «Дубитель», Старошайговском и Чамзинском пенькозаводах.

Вопросы качества вырабатываемой продукции были обсуждены и на совместном заседании секции легкой промышленности технико-экономического совета Мордовского совнархоза и пленума комитета профсоюза рабочих легкой и текстильной промышленности областного совета профсоюзов, которое состоялось 22 декабря 1960 г. Участники заседания обратились к руководителям Всероссийского совета народного хозяйства с просьбой обеспечить в 1961 г. поставку белой целлюлозы марок «БО» и «БР» на бумажную фабрику, так как на предприятии было устаревшее оборудование.

Таким образом, в целом в исследуемый период Управление легкой промышленности Мордовского совнархоза справлялось с ежегодными плановыми заданиями по выработке валовой продукции, однако были проблемы с выполнением плана по ассортименту и качеством продукции. В начале 1960-х гг. наметился спад (в сравнении с предыдущим пятилетием) прироста производства бумаги и шерстяных тканей. Пенькозаводы не успевали перерабатывать конопляную тресту, оставляли сырье про запас. Накопление сырья происходило и по причине того, что руководители предприятий старались переработать в первую очередь сырье нового урожая. Это вело к его порче и к исключению предприятия из списка Госбанка СССР на предоставление ссуды (как предприятия, имеющего финансовые затруднения).

Заводы и фабрики Управления легкой промышленности Мордовского совнархоза не обеспечивали потребности населения по основному ассортименту необходимых товаров широкого потребления, поэтому они завозились в республику из других регионов страны. По кооперированным поставкам управление легкой промышленности Мордовского совнархоза отгружало чесаную пеньку Горьковскому совнархозу и Оршанскому льнокомбинату Белорусской ССР. Продукция Ширин-

гушской суконной фабрики поставлялась на Куйбышевскую, Самарскую, Витебскую, Бобруйскую швейные фабрики, Абаканскую, Джамбульскую и Красноярскую торговые базы. Болдовское районное заготовительное отделение отгружало волокно на Ленинградскую фабрику «Канат». Однако качество поставляемой продукции не всегда удовлетворяло покупателя, как и вырабатываемая продукция на ряде заводов. Транспортная база заводов и фабрик была развита слабо и не отвечала потребностям отрасли, поэтому для решения производственных проблем в административном порядке привлекался транспорт автобазы. Развитие легкой промышленности в 1957 — 1962 гг. позволило обеспечить рабочими местами значительную часть городского и сельского населения Мордовской АССР.

Библиографические ссылки

- ¹ ЦГА РМ. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 10. Л. 188.
- ² Там же. Д. 6. Л. 37 ; Д. 10. Л. 188.
- ³ Там же. Д. 10. Л. 188.
- ⁴ Там же.
- ⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 10. Л. 188.
- ⁶ Там же. Д. 36. Л. 9 ; Д. 33. Л. 188.
- ⁷ См.: **Сагателян И. Г.** Советская промышленность: проблемы соревнования и мотивация труда (1960 — 1970 гг). М., 2001. С. 35
- ⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 36. Л. 10.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Д. 115. Л. 186 — 187.
- ¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 2. Л. 71
- ¹² Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 232.
- ¹³ Там же. Оп. 3. Д. 3. Л. 23.
- ¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 93.
- ¹⁵ Там же. Д. 47. Л. 17.
- ¹⁶ Там же. Д. 10. Л. 189.
- ¹⁷ Там же. Д. 33. Л. 6.
- ¹⁸ Там же. Д. 10. Л. 189.
- ¹⁹ Там же. Д. 77. Л. 31.
- ²⁰ Там же. Д. 47. Л. 149.
- ²¹ Там же. Д. 10. Л. 187.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Д. 36. Л. 157.
- ²⁴ Там же. Л. 156.
- ²⁵ Там же. Л. 275.
- ²⁶ Там же. Д. 115. Л. 235 — 236.

Поступила 14.02.2019 г.

УДК 327.2(571.6)

А. Б. Дрякин

A. B. Dryakin

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В НАЧАЛЕ XXI в.

ENERGY POLICY OF RUSSIA ON THE KOREAN PENINSULA IN THE EARLY XXI CENTURY

Ключевые слова: энергетические ресурсы, дипломатия, энергетическая безопасность, Азиатско-Тихоокеанский регион, Россия, Корея, Япония, Китай.

В статье на основе анализа истории дипломатических отношений России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в 2000 — 2015 гг. рассматриваются возможности и перспективы сотрудничества России в сфере энергетики с такими странами, как КНДР, Южная Корея, КНР и Япония; проанализировав документы и публикации в иностранных СМИ, делаются выводы о взаимовыгодности расширения энергетического взаимодействия между всеми странами региона и Россией; анализируются исторические и политические проблемы, мешающие достигнуть договоренностей в данной сфере.

Key words: energy resources, diplomacy, energy security, the Asia-Pacific region, Russia, Korea, Japan, China.

Based on the analysis of the history of diplomatic relations of Russia with the countries of the Asia-Pacific region in 2000 — 2015 the possibilities and prospects for Russian energy cooperation with North Korea, South Korea, China and Japan are considered in the article; having analyzed the documents and publications in foreign media it is concluded that the expansion of such cooperation between all countries of the region and Russia is mutually beneficial; historical and political problems that prevent to reach agreements in this sphere are also analyzed.

Анализ энергетической политики России в Восточной Азии невозможен без рассмотрения российских проектов на Корейском полуострове. Инициатива совместного проекта газопровода, который должен соединить Россию и Южную Корею обсуждается еще с 1990-х гг., в то время как подписание меморандума о взаимопонимании по этому вопросу между Республикой Корея и Россией состоялось в 2008 г. Ожидалось, что это станет новым этапом в развитии проекта российско-корейского газопровода. Тем не менее риски, связанные с политическим режимом в КНДР и ее военной политикой, завели обсуждения газопровода в тупик.

Строительство газопровода поддерживали не только корейское правительство, но и страны-соседи в регионе, стремящиеся к стабильным поставкам энергоресурсов, а также к более стабильной политической ситуации в регионе. Иными словами, вероятно, переговоры о строительстве газопровода могут положительно сказаться на политических отношениях между двумя Кореями.

Тем не менее в настоящее время в регионе активно развиваются альтернативные корейскому проекты строительства трубопроводов. Не следует также забывать о существующем проекте российско-китайско-корейского трубопровода, который, согласно предварительным договоренностям, должен доставлять российский газ в

Республику Корея через территорию Китая и Желтое море, минуя территорию Северной Кореи. Этот проект является более затратным, с финансовой точки зрения, однако может оказаться более жизнеспособным ввиду политической ситуации в КНДР.

Независимо от стратегических планов Китая проект газопровода, безусловно, был очень привлекателен для Республики Корея, цель которой состоит в обеспечении бесперебойных поставок энергоносителей. Однако в России до сих пор не существует однозначного мнения относительно целесообразности российско-корейского проекта в основном из-за того, что Россия не готова нести столь крупные финансовые обязательства в одиночку без привлечения сторонних капиталов, в первую очередь, китайского.

Энергетические ресурсы являются стратегическим товаром, который охватывает не только экономические интересы государств, но и являются важнейшим элементом их дипломатии и политики в сфере безопасности. Нефть и природный газ, необходимые для устойчивого экономического развития и обеспечения энергетической безопасности, подчас являются поводом для конкуренции между странами-импортерами энергоресурсов.

Северо-Восточная Азия является одной из основных арен крупных потребителей энергоресурсов. В 2010 г. энергоресурсы, потребляемые Южной Кореей, Японией и Китаем, составили 27 % от общемирового объема (США, Европейский Союз и Россия соответственно составили 19 %, 14 % и 6 %), и эта доля неуклонно растет. Хотя динамика экономического роста ослаблена в Корее и Японии с 2000-х гг., экономика Китая развивается стремительно. Северная Корея угрожает региональной безопасности, концентрируя свои провокационные действия в ядерной и энергетической сферах, предпринимая шаги, направленные на дестабилизацию ситуации в регионе. В результате, страны Северо-Восточной Азии во многом воспринимают нарушения в поставках энергоресурсов в качестве ключевого фактора, который может угрожать их национальной безопасности. Другими словами, нефть и газ имеют большее значение для Северо-Восточной Азии, чем для других регионов, а страны Северо-Восточной Азии придают важное значение обеспечению энергетической безопасности. В таких условиях конкуренция за поставки энергоресурсов может преобладать над сотрудничеством. Кроме того, отсутствие институтов, призванных расширять сотрудничество стран в сфере энергетики и координировать их действия в условиях политической нестабильности (КНДР), безусловно, замедляет взаимодействие в сфере энергетики.

Борьба за поставки природного газа в регионе может с каждым годом усиливаться. Доля природного газа в энергетическом балансе по прогнозам возрастет до 25 % к 2035 г., и ожидается, что она превысит долю природного угля к 2030 г. Спрос на природный газ растет в Китае, крупнейшем потребителе энергии, а также в Японии в качестве замены для ядерной энергетики после аварии на Фукусимской АЭС¹.

С другой стороны, Россия как поставщик природного газа может также способствовать развитию конкуренции среди импортеров энергоносителей с целью получения экономических и политических выгод. В результате, это может привести к конфликтам в будущем за доступ к источникам энергии в Северо-Восточной Азии.

В этом контексте особое значение приобретает российско-корейский проект газопровода.

Российско-корейский газопровод во многом политический проект, который является важным элементом в решении северокорейской ядерной проблемы и улучшении межкорейских отношений, которые, по умолчанию, находятся в состоянии военной конфронтации. Это означает, что расширение диалога по денуклеаризации, в частности перезапуск шестисторонних переговоров и укрепление доверия между двумя Кореями на основе экономического диалога, станут важным условием для успешного выполнения проекта. Другими словами, условием для реализации проекта российско-корейского газопровода является успех в нормализации межкорейских отношений. По данным Долгосрочной дорожной карты по проекту российско-корейского сотрудничества в сфере сжатого природного газа, подписанной 9 сентября 2011 г., Россия и Южная Корея объявили о соглашении относительно начала поставок природного газа к апрелю 2012 г., и о запуске строительства трубопровода с сентября 2013 г., поставки по которому должны были быть запущены в 2017 г.² Однако этот план так и остался лишь планом на бумаге. Российско-корейский проект трубопровода, который Ким Чен Ир так активно поддерживал, застыл из-за рисков со стороны Северной Кореи, ряда провокаций, которые последовали за смертью Ким Чен Ира.

Нынешняя ситуация на Корейском полуострове свидетельствует о том, что инициативы по энергетическому сотрудничеству структурно ограничены. Российско-корейский трубопровод может быть беспроигрышной стратегией при условии взаимного сотрудничества между Южной Кореей, Россией и Северной Кореей, но внешняя политика Северной Кореи и политические решения делают возможность такого сотрудничества минимальной. Что еще более важно, политика соседних государств, направленная на использование задержки в российско-корейском энергодиалоге как возможность для активизации своих энергетических интересов, также заслуживает внимания.

В первую очередь речь идет о политике Китая, чье потребление энергоресурсов растет стремительными темпами, а вопрос об обеспечении энергетической безопасности стоит на повестке дня. Китай произвел 94,5 млрд м³ природного газа в 2010 г., а на нужды экономики ушло 110 млрд м³, что явно иллюстрирует дефицит 15,5 млрд м³. Ожидается, что Китай будет потреблять 300 — 400 млрд м³ природного газа в 2020 г.³

В результате Китай активно расширяет инвестирование в энергетический сектор в Центральной Азии (Туркменистан, Казахстан и Узбекистан), России и Мьянмы в целях безопасного обеспечения потребностей своего внутреннего спроса на природный газ. Одновременно Китай построил газопроводы внутри страны с запада на восток с целью создания инфраструктуры для доставки природного газа потребителям внутри страны. В последнее время трубопроводы в Центральной Азии, проходящие через Туркменистан, Узбекистан и Казахстан, постепенно подключаются к внутрикитайской трубопроводной системе, что частично позволяет реализовать некоторые цели энергетической стратегии Китая в сфере природного газа. Активно завершаются проекты, связанные с российскими трубопроводами. Сотрудничество в газовой сфере между Россией и Китаем в настоящее время, безусловно, находится в активной стадии.

Китайская инициатива в отношении российско-корейского проекта газопровода сводилась к тому, что из проекта надо исключить КНДР. Китай был недоволен результатом переговоров на высшем уровне с Ким Чен Иром, когда тот еще был у власти. По мере того, как усиливались северокорейские опасения по поводу чрезмерной зависимости от Китая, вполне вероятно, что в Китае негативно воспринимались инициативы КНДР по вовлечению России в качестве нового партнера в целях поддержания политического баланса с Китаем. Активное расширение участия России на Корейском полуострове, вероятно, шло вразрез с политическими интересами Китая, который обеспечивал себе геополитические и геоэкономические преимущества, например, благодаря приобретению порта Раджин, а также расширению экономического сотрудничества с Северной Кореей.

Китай предложил российско-китайский проект газопровода в Южную Корею по дну Желтого моря в качестве альтернативы проекту российско-корейского газопровода. Расстояние между Вэйхай, конечной точкой этого трубопровода, и острова Пэннёндо составляет 174 км, а расстояние до Сеула — 380 км, что делает его протяженность значительно меньше, чем вести 700 км по северокорейской части.

Это предложение было рассмотрено во время встречи председателя Китайской национальной нефтегазовой корпорации Цзян Цзэминя и генерального директора Корейской национальной нефтяной корпорации Кан Юнг Вона в августе 2011 г. Данное предложение в определенной степени отражало энергетическую стратегию китайского правительства. Председателю Цзян Цзэминю, назначенному главой Комитета по контролю и управлению государственным имуществом Китая, было поручено курировать крупные государственные предприятия.

Российская позиция относительно проекта строительства газопровода с Южной Кореей также претерпела ряд изменений, особенно в последние годы, когда стратегия развития Дальнего Востока и стремление расширять свое влияние в АТР выходят на первый план.

Прежде всего Южная Корея и Россия находятся в противоречии, поскольку одна является поставщиком, а другая — импортером. Россия имеет выгодное положение поставщика и стремится расширять свои энергетические связи со странами региона. Южной Корее приходится конкурировать с соседними Китаем и Японией за приобретение газа, а Россия имеет возможность выбора. Проект российско-корейского трубопровода в этих условиях может вновь стать актуальным в условиях, когда Россия явно стремится расширять влияние в регионе.

Россия, в свою очередь, стремится к созданию конкурентной среды для импортеров газа, завершается проект трубопровода «Восточная Сибирь — Тихий океан». Кроме того, развиваются и СПГ-проекты во Владивостоке. Таким образом, развитие проекта с Кореей также является важным элементом по диверсификации российского экспорта энергоносителей в регионе.

Принимая во внимание последние российские энергетические стратегии, направленные на расширение взаимодействия с крупными потребителями газа в Северо-Восточной Азии, российско-корейский проект газопровода, вероятно, будет расширен вместе с проектом СПГ во Владивостоке, который ведется вместе с Японией.

Расширение японского фактора после катастрофы на Фукусиме в 2011 г. привело к увеличению импорта нефти и СПГ в качестве альтернативы ядерной энергети-

ке. Япония импортирует большую часть своего СПГ из Индонезии, Малайзии и Австралии, а также оказывает активное содействие развитию газовых месторождений по всему Сахалину в сотрудничестве с Россией в рамках своей политики диверсификации поставок энергоресурсов⁴.

Япония занимает сложную позицию по отношению к российско-корейскому проекту газопровода. Трубопровод является предпочтительным по сравнению с русско-китайско-корейским проектом, если его рассматривать в качестве диверсификации маршрутов поставки природного газа. Однако для Японии проекты, направленные на развитие российского Дальнего Востока более привлекательны.

Развитие российского Дальнего Востока и Сибири рассматривается Японией в качестве возможности восстановления своей экономики Японии. Политика нового либерально-демократического правительства партии Абэ направлена на внутреннее экономическое возрождение страны наряду с расширением экономических связей с Россией, особенно в районе Дальнего Востока. Это активно прослеживается в рамках стратегии развития, названной «Японская стратегия возрождения — Япония возвращается»⁵.

Улучшение инвестиционного климата, расширение сотрудничества в области инфраструктуры, сельского хозяйства, технологий, здравоохранения являются основными элементами Стратегии⁶. Кроме того, Япония договорилась с Россией о строительстве инвестиционной платформы с участием Японского банка международного сотрудничества для поддержки японских предприятий на территории России. Намерение Японии быть вовлеченной в активное развитие Дальневосточного региона подкрепляется укреплением российско-японских экономических связей⁷.

В связи с этим российско-корейский проект газопровода рассматривается с японской точки зрения как не первостепенный. Тем не менее он все еще может быть предпочтительнее проекта российско-китайско-корейского трубопровода с учетом диверсификации маршрутов поставок энергоресурсов. Япония настаивает на инвестировании в разработку и импорт российского природного газа для обеспечения стабильных маршрутов поставок энергоносителей. Запасы сырой нефти и природного газа на морских месторождениях острова Сахалин принесут особенно большие выгоды для Японии.

Следует отметить, что проект российско-корейского газопровода имеет смысл для Японии в качестве маршрута поставок российского природного газа. Япония планирует проект строительства газопровода для поставок российского СПГ с Сахалина в Японию по дну моря. В связи с этим российско-корейский газопровод можно рассматривать как выгодное для Японии средство диверсификации маршрутов поставок.

Во-вторых, Япония всегда настороженно относилась к расширению связей между Россией и Китаем. Конкуренция между Японией и Китаем за российские минеральные ресурсы усиливается. Китайская национальная нефтегазовая корпорация подписала контракт с Роснефтью на покупку 743 тыс. баррелей сырой нефти в день. Экспортная мощность газопровода Сахалин — Хабаровск — Владивосток (СХВ) составит 8 млрд м³, начать поставки в Китай по нему «Газпром» планирует уже в 2020 г.».

В частности, сотрудничество в энергетической сфере с Китаем усилилось, когда китайские фирмы и банки решили принять участие в разработке месторождений угля на востоке России и во время российско-китайских переговоров на высшем уровне в 2013 г., в то время как Роснефть договорилась о расширении экспорта нефти в Китай в 3 раза. В соответствии с соглашениями между президентом России В. В. Путиным и генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином, китайские кредиты Роснефти в обмен на долгосрочные поставки нефти будут выделены, что позволит Китаю обогнать Германию в качестве импортера российской нефти. Однако более значимым фактом является то, что положение Китая в качестве крупнейшего импортера нефти из России было таковым, что две страны вышли за пределы отношений «экспортер-импортер» и договорились о совместных разработках арктического региона с КННК.

В ходе встречи на высшем уровне между лидерами Южной Кореи и России, проходившей 2 ноября 2011 г., главы двух стран приняли решение относительно конкретных планов по проекту строительства трубопроводной системы, которая должна будет проходить через Северную Корею. Согласно достигнутым договоренностям, начать строительство газопровода следовало в сентябре 2013 г. Его маршрут должен был проходить из российского Владивостока через Северную Корею в Южную Корею. Строительные работы должны были быть завершены в декабре 2016 г., а поставки газа по нему начаться в январе 2017 г.⁸ Это была не первая попытка поиска путей сотрудничества по вопросу о строительстве газопровода, который бы соединял три страны.

Данный проект, очевидно, имеет высокую экономическую ценность. Если три страны смогут найти оптимальное решение для преодоления всех трудностей и начать работу над проектом, то с экономической точки зрения Южная Корея, Северная Корея и Россия могут достичь взаимовыгодного сотрудничества, в котором все страны будут в выигрыше. Северная Корея может заработать на ежегодных транзитных сборах в размере 150 млн долл., в то же время получить прибыль от расходов на оплату труда и региональное развитие, участвуя в строительстве трубопровода, и одновременно решить свои проблемы дефицита электроэнергии путем создания газогенерирующих электростанций в районах, где будет проходить трубопровод.

Россия может получить экономическую прибыль путем выхода на стабильный газовый рынок и политические преимущества за счет усиления своей роли в регионе, а также создать благоприятную почву для расширения проекта по экономическому развитию Дальневосточного региона и получить доступ на новые экспортные рынки Южной Кореи, Китая и Японии.

Южная Корея может обеспечить стабильные поставки газа по ценам 30 — 70 % ниже, чем СПГ из Владивостока и расширить сотрудничество в энергетическом секторе. Таким образом, этот проект мог быть прибыльным и выгодным для всех трех стран-участниц.

Тем не менее, несмотря на очевидные экономические выгоды, которые сулило всем сторонам участие в строительстве трубопровода, запуск строительства так и не состоялся во многом из-за политического курса КНДР, а также из-за высокой стоимости проекта и необходимости привлечения крупных инвестиций. Однако

проект не был забыт. В марте 2015 г. стало известно, что президент России В. В. Путин пригласил северокорейского лидера на празднование 70-летней годовщины Победы. Этот шаг имел важнейшее политическое значение — в ходе визита планировалось возобновление переговоров относительно трехстороннего проекта строительства газопровода через территорию Северной Кореи⁹. В ноябре 2017 г. в ходе работы 8-й Азиатской конференции международного дискуссионного клуба «Валдай» о перспективной возможности строительства газопровода на Корейском полуострове говорил заместитель министра иностранных дел Российской Федерации Игорь Моргулов¹⁰. Очевидно, что практической реализации столько масштабного энергетического проекта препятствует нестабильная политическая обстановка на Корейском полуострове.

Библиографические ссылки

¹ **Hoon B.** Policy Approach to the Russo-Korean Gas Pipeline // Northeast Asian Economic Research. Vol. 23. No. 4. Northeast Asia Economic Association of Korea. 2011. P. 96 — 97.

² Gazprom and Kogas sign Roadmap on project for pipeline gas supply to Korea // Gazprom News. 2011. September, 15. URL: <http://www.gazprom.com/press/news/2011/september/article119263> (дата обращения: 15.12.2018).

³ Korea Gas Plan targets China // Radio Free Asia. 2011. September, 5.

⁴ **Fujiyama M.** Task for Financing the Cost of LNG Thermal Power Fuel // Business & Economic Review. 2012. September, 15. P. 22.

⁵ The Asahi Shimbun. 2013. April, 29.

⁶ New Growth Strategy: Japan is Back // Prime Minister of Japan and his Cabinet Official Website. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/saikou_jpn.pdf (дата обращения: 15.12.2018).

⁷ The Asahi Shimbun. 2013. April, 30.

⁸ Форум «Диалог Россия — Республика Корея» // Официальный сайт Президента России. 2011. 2 ноября. URL: <http://kremlin.ru/catalog/countries/KR/events/13303> (дата обращения: 15.12.2018).

⁹ **Энгдалл У.** Что стоит за приглашением Путина Ким Чен Ыну? // Чучхе Сонгун. 2015. 18 марта. URL: http://juche-songun.ru/joomla/index.php?option=com_content&view=article&id=2077:2015-03-18-07-24&catid=1:latest-news&Itemid=50 (дата обращения: 15.12.2018).

¹⁰ Большое Евразийское партнерство и инициатива «Девяти мостов». Как будут работать новые правила игры? // Официальный сайт Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2017. 27 ноября. URL: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/evraziyskoe-partnerstvo-initsiativa-devyati-mostov> (дата обращения: 15.12.2018).

Поступила 04.03.2019 г.

УДК 94(47)«17/18»

Е. Н. Кемаев, С. В. Видяйкин

E. N. Kemaev, S. V. Vidyaykin

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ИСТОРИЧЕСКОГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ГОРОДА САРАНСКА XVII — XVIII вв.

TO THE ISSUE OF BOUNDARIES OF THE HISTORICAL CULTURAL LAYER OF THE XVII — XVIII CENTURIES IN SARANSK

Ключевые слова: Саранск, культурный слой, памятник археологии, границы культурного слоя, историческая часть города.

В статье поднимается вопрос о необходимости выделения исторического культурного слоя г. Саранска XVII — XVIII вв. как памятника археологии. Кроме того, предпринята попытка установить его границы по данным археологических и исторических источников.

Key words: Saransk, cultural layer, monument of archeology, the boundaries of the cultural layer, historical part of the town.

The issue of the necessity to distinguish the historical cultural layer of the XVII — XVIII centuries in Saransk as a monument of archeology is raised in the article. In addition, an attempt is made to establish its boundaries on the basis of archaeological and historical sources.

В современной российской повседневности мы все чаще сталкиваемся с понятием «гражданское общество». В процессе построения реально функционирующего гражданского общества одним из приоритетных направлений является воспитание гражданской ответственности составляющих его индивидов. Представляется, что неотъемлемой составляющей в данной сфере должно стать формирование в массовом сознании бережного отношения к объектам историко-культурного наследия народов Российской Федерации. Осознанию гражданского единства может способствовать трансляция знаний об общности исторических судеб народов, проживающих на территории России. К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время сохранность археологических объектов в ряде случаев вызывает серьезные опасения в силу разрушения культурного слоя под воздействием природных факторов (выветривание, вымывание половодьем и т. п.), при ведении хозяйственных работ (строительство, распашка), в результате разграбления «черными копателями». В связи с этим эффективность взаимодействия государственных структур, представителей научного сообщества и рядовых граждан по сохранению памятников истории и археологии вполне может служить одним из реальных индикаторов уровня развития гражданского общества, как регионального, так и в целом российского.

На данный момент на территории городского округа Саранск известно 14 памятников археологии, относящихся к различным хронологическим эпохам. Лишь один из них включен в Реестр объектов культурного наследия РМ как памятник федерального значения — «Оборонительная черта XVII в.»¹ (находится в восточной части города, проходит вдоль ул. Циолковского и по территории Макаровского леса).

В Перечень выявленных объектов культурного наследия включены следующие памятники археологии: Поселение Макаровское 1. Эпоха бронзы (расположенно к

северо-востоку от с. Макаровка)²; Поселение Макаровское 2. Эпоха бронзы (на северо-западе от с. Макаровка)³; Поселение Саранское 1. Эпоха бронзы (между г. Саранском и с. Макаровка)⁴; Поселение Саранское 2. Эпоха бронзы (у поселения Саранское 1, на южном берегу оврага, выходящего в долину р. Тавлы)⁵; Курган Грибоедовский (к северо-востоку от с. Грибоедово)⁶; Курган Пушкинский. Эпоха бронзы (к северо-востоку от северной окраины д. Пушкино)⁷; Курган Танеевский (к северо-востоку от д. Танеевка)⁸; Курганная группа Куликовская. Эпоха бронзы (к востоку от с. Куликовка)⁹; Курганная группа Макаровская. Эпоха бронзы (к северо-востоку от с. Макаровка)¹⁰; Поселение ул. Сызранская (к западу от ул. Сызранской)¹¹.

Кроме того, на территории городского округа Саранск расположены памятники археологии, выявленные в ходе археологических изысканий, но не включенные ни в какой перечень: Поселение Саранское 3 (эпоха бронзы), расположенное к юго-востоку от завода «Центролит»¹²; Инзерский острог (XVII в.), в районе ул. Курской¹³; Поселение у ул. Степная (XVII — XVIII вв.), расположенное к юго-западу от ул. Степная¹⁴.

Мероприятия по мониторингу состояния названных объектов археологического наследия не имеют систематического характера. Кроме того, не установлены должным образом, и соответственно не зафиксированы на кадастровой карте границы памятников, что влечет за собой существенные затруднения в реализации практических мероприятий по обеспечению их сохранности. Весьма показательным является тот факт, что в 2017 г. отделом государственной охраны объектов культурного наследия Республики Мордовия были возбуждены 8 административных дел, из них 5 — по ч. 1 ст. 7.13 КоАП (нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия, нарушение режима использования земель в границах территорий объектов культурного наследия, несоблюдение ограничений, установленных в границах зон охраны объектов культурного наследия) и 3 — по ч. 18 ст. 19.5 КоАП (невыполнение в установленный срок законного предписания органа, осуществляющего государственный надзор за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия) в отношении как юридических, так и физических лиц. Только по двум административным делам суд согласился с доводами истца, в остальных случаях он прекратил административные дела за отсутствием события правонарушения или за отсутствием состава правонарушения.

В октябре 2015 г. экспедиция НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия проводила разведочные исследования на участке нижнего течения р. Тавлы в пределах городского округа Саранск. Были обследованы 3 археологических памятника — поселения Саранское 1 и Саранское 2, а также у ул. Степной. По результатам полевых археологических работ можно сделать вывод о плохой сохранности культурного слоя. Основным фактором разрушения выступает хозяйственная деятельность, поскольку площадь поселений активно распахивается. Именно на пашне и прокапываемых приусадебных участках был получен практически весь объем подъемного материала. В целом сохранность культурного слоя на обследованных памятниках следует охарактеризовать как фрагментарную. Непотревоженными остаются лишь отложения, залегающие на глубине, в ямах (хозяйственных, от жилищ). Для их выявления требуются предварительное согласование с хозяйствующими собственниками и большой объем земляных работ.

Для решения проблемы с обеспечением сохранности объектов археологического наследия необходимы практические мероприятия. Наряду с комплексным обследованием всех известных памятников с фиксацией текущего состояния современными техническими средствами (что требует целевого финансирования), значительным достижением могло бы стать официальное оформление в качестве объекта археологического наследия исторического культурного слоя г. Саранска.

В связи с этим отметим, что в настоящее время в сфере сбережения историко-культурного достояния имеет место тенденция перехода от обеспечения сохранности отдельных памятников к комплексному подходу, в рамках которого археологическое, историческое и архитектурное наследие рассматривается в рамках единого культурного ландшафта. Перспективность подобного подхода успешно подтверждается международной практикой: «The Declaration of Amsterdam» (1975); «Charter for the Conservation of Historic Towns and Urban Areas» (1987), «The Valletta Principles for the Safeguarding and Management of Historic Cities, Towns and Urban Areas» (2011). Отечественная нормативно-правовая база также закрепляет особый статус за рядом категорий объектов, в частности Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (ст. 56.4, 57 — 60) определяют особые требования к обеспечению государственной охраны исторических поселений, историко-культурных заповедников, достопримечательных мест.

Успешным примером практической реализации комплексного подхода к сохранению археологического достояния являются выделение границ исторических культурных слоев городов и закрепление за ними статуса объектов культурного наследия. Культурный слой Нижнего Новгорода находится на государственной охране как памятник археологии¹⁵. В Казани на государственную охрану как достопримечательные места поставлены «Культурный слой исторического центра города Казани XI — XVIII веков», «Культурный слой слобод Заречья города Казани XV — XVIII веков», «Культурный слой Кизической слободы XVII — XVIII веков», «Культурный слой Ново-Татарской слободы города Казани XVII — XVIII веков»¹⁶.

Согласно ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. особым видом объектов культурного наследия являются объекты археологического наследия, под которыми в законе понимаются частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным или одним из основных источников информации о последних являются археологические раскопки или находки. Под культурным слоем понимается слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий археологические предметы.

В 2017 г. вышла в свет книга «Археологическая карта России. Республика Мордовия», в которой исследователь А. А. Беговаткин выделил в качестве еще одного памятника археологии исторический культурный слой г. Саранска XVII в.¹⁷ Он связан с постройкой в 1641 г. крепости на пограничной Белгородско-Симбирской оборонительной черте Московского государства. О расположении крепости и прилегающих слобод можно судить на основании обнаруженного И. Д. Ворониным в Российском государственном архиве древних актов плана г. Саранска, составлен-

ного в ходе генерального межевания 1782 — 1789 гг. В примечаниях к плану указано: «В том городе (Саранске) старинная четверугольная крепость, обнесенная с трех сторон земляным валом, местами ныне уже обвалившаяся, с четвертой укрепляется речкою Саранкою»¹⁸.

План г. Саранска 1785 г., также опубликованный И. Д. Ворониным¹⁹, является пунктирной копией первого, на которую нанесена сетка проектируемой застройки улиц, которая была реализована к 20-м гг. XIX в. (см.: План города Саранска 1824 г.²⁰). Картографический анализ показывает, что исторически сложившаяся планировка города складывалась на хронологическом отрезке, который ограничивается серединой XVII — XVIII вв., она отчасти соотносится с современной планировкой центральной части города, однако, необходимо отметить, что точность картографического материала XVIII — XIX вв. не высока и в определенной части условна.

Историческая часть г. Саранска располагалась на левом и правом берегах Саранки. Хронологически наиболее ранними являются располагавшиеся на левобережье крепостные сооружения, а также Стрелецкая (в районе Иоанно-Богословской церкви), Казачья (в пределах современных проспекта Ленина, улиц Б. Хмельницкого, Рабочей, Советской, Л. Толстого и Коммунистической) и Пушкарская (на участке р. Инсар между старым и новым мостами) и линией современной железной дороги) слободы. Далее, к северу от Пушкарской слободы, восточную границу исторической части города (XVII — XVIII вв.) следует соотносить с современной железной дорогой, поскольку в конце XIX в. при строительстве железнодорожных путей в этом районе под них отводили в основном непригодные для жилой застройки участки земли²¹. Восточнее, в затопляемой водой низине, город в XVII — XVIII вв. не расширялся. Наиболее ранние упоминания об освоении данной территории относятся к XIX в. (ул. Заводская / Новозаводская, ныне ул. Рабочая)²².

Северо-восточная граница исторической части города соотносится с улицей Васенко (прежнее название — Тихвинский выгон). Историческое название улице было дано по находившейся вблизи Тихвинской церкви и располагавшемуся здесь же Тихвинскому кладбищу²³. Кладбищенская во имя Тихвинской иконы Божьей Матери церковь занимала территорию 1,2 тыс. кв. саженей и находилась примерно в том месте, где сейчас располагается Саранский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ул. Васенко, д. 3). Построена она была из камня в 1797 г. Решением обласполкома церковь была закрыта в 1930 г. и тогда же снесена. За церковью находилось здание Анастасьевской богадельни, построенной в 1873 г. Оно представляло собой двухэтажное каменное строение. В настоящее время в этом здании (проспект Ленина, д. 48а) располагается гостиница «Епархиальная»²⁴. Восстановление точных границ Тихвинского кладбища и прилегавшей застройки на основании имеющихся сведений не представляется возможным.

Тихвинский выгон и Тихвинское кладбище располагались за Поташным оврагом (в настоящее время засыпан), который находился на участке между современными улицами Терешковой и Федосенко, и выступал в конце XVIII в. естественной границей основной части городской застройки на севере. Западная граница, города тянулась по линии вдоль современной улицы Ботевградской и доходила до речки Саранки²⁵.

С конца 70-х гг. XVII в. территория Саранска начала расширяться в южном направлении, в правобережной части. Появилась Переведенная Стрелецкая слобода,

разраставшаяся вдоль дороги на г. Пензу (ныне ул. Московская) и на запад вдоль берега Саранки. Второй новой слободой стала Посадская, располагавшаяся также вдоль берега Саранки (ныне ул. Старопосадская)²⁶.

Сопоставление картографического материала XVIII в. (План 1785 г.) с современной планировкой города позволяет провести западную границу исторической части города от Саранки в южном направлении вдоль современной улицы Николаева до ее пересечения с улицей Республиканской (историческое название Ярмарочная), выступавшей на рассматриваемом хронологическом отрезке южной окраиной городской застройки. Вплоть до начала XX в. на протяжении Ярмарочной улицы был застроен только северный порядок, южнее находилось кладбище, Царь-константиновская церковь постройки 1789 г., ярмарочная площадь²⁷. Восстановление точных границ кладбища на основании имеющихся сведений не представляется возможным.

Юго-восточная граница исторической части города в XVII — XVIII вв. расширялась вдоль дороги на Пензу и соотносилась с современной улицей Московской. Историческое наименование улицы (Трехсвятская) было дано по построенной в 1761 г. каменной (вместо прежней деревянной) Трехсвятительской церкви²⁸. К югу от Ярмарочной (современная Республиканская) улицы восточная граница городской застройки проходила ориентировочно в районе современной улицы Мордовская (историческое название Планская) до современной улицы А. Невского (историческое название Проломный переулок). На востоке, судя по Плану 1785 г., городская застройка ограничивалась пойменными старицами реки Инсар, т. е. доходила до затопляемой водой низины, что позволяет соотнести ее с современной железной дорогой.

Юго-восточная окраина города, судя по Плану 1785 г., ориентировочно находилась в пределах современных улиц Куйбышева, Горького и Чехова.

К сожалению, систематического археологического изучения культурного слоя города, не проводилось. Некоторые данные мы можем почерпнуть лишь из археологических изысканий С. П. Вернера и В. Н. Шитова.

В 1941 г. С. П. Вернер проводил осмотр следов крепости и вала оборонительной черты на территории г. Саранска. В траншее, вырытой для проведения городского водопровода, на ул. Гражданская на глубине 1 м был обнаружен культурный слой, содержащий фрагменты керамики, характерной для XVIII в., мощностью до 2 м²⁹.

В 2003 г. на перекрестке улиц Советской (бывшей Базарной) и Большевицкой (ранее — Ильинской) было начато строительство саранского кафедрального собора. Эта территория также является частью исторического центра города. Поблизости, с восточной стороны, располагался Ильинский монастырь, основанный в конце XVII в., в 60-х гг. XVIII в. преобразованный в Петропавловский (снесен в 1931 г.). Поэтому в июле и августе 2003 г. сотрудники НИИГН проводили здесь охранные археологические работы. На их первом этапе на месте строительства был заложен раскоп площадью 20 м². В результате было установлено, что толщина городского культурного слоя здесь составляет 1,1 — 1,3 м. Верхние напластования (0,6 — 0,7 м) с большим количеством строительных остатков датировались находками монет и других предметов 1920 — 1990-ми гг. Ниже залегал слой, датируемый в основном XVIII — XIX вв. В числе находок из этого слоя были монеты 1758, 1778, 1819, 1840 гг. Кроме того, обнаружены фрагменты посуды — гончарной, стеклянной (да-

же с клеймом 1814 г.), фаянсовой (в том числе фабрики Петра Фомина), печные изразцы, железные ножи, гвозди, замки, подковы и др.³⁰

На следующем этапе охранные археологические работы проводились в процессе сооружения котлована на месте строительства собора. В ходе выемки грунта землеройной техникой проводилась зачистка обнажений культурного слоя. Было установлено, что на большей территории культурный слой сильно нарушен и переотложен. Важным результатом явилось обнаружение участка с непотревоженным слоем, относящимся к XVII в. В нем были найдены фрагменты гончарной посуды горшковидной формы с характерным наплывом на внутренней стороне венчика и орнаментацией прочерченными линиями. Здесь же были обнаружены железное калачевидное кресало, стержневидный слиток свинца, кованые гвозди и серебряная монета, чеканенная при Алексее Михайловиче не ранее 1663 г.³¹

Таким образом, материалы, полученные в ходе полевых археологических (крайне незначительных по объему) работ, соотносятся со сведениями, обнаруженными в архивных источниках.

На основании вышеизложенного считаем, что предполагаемая граница исторического культурного слоя г. Саранска XVII — XVIII вв. может быть проведена следующим образом: от места впадения р. Саранки в р. Инсар на север вдоль левого берега Инсара до моста через него (соединяет ул. Коммунистическая и Вогоградская) — в западном направлении до железнодорожных путей — на север вдоль железнодорожных путей до станции «Саранск 1» — в северо-западном направлении до гостиницы «Епархиальная» (проспект Ленина, д. 48а) — в юго-западном направлении до перекрестка ул. Васенко и Большевицкая — на юг по ул. Большевицкая до пересечения с ул. Федосеенко — на запад по ул. Федосеенко до пересечения с ул. Пролетарская — в юго-западном направлении до перекрестка ул. Терешковой и Ботевградская — на юг по ул. Ботевградская до р. Саранки — на запад вдоль правого берега Саранки до ул. Николаева — на юг по ул. Николаева до пересечения с ул. Республиканская — в восточном направлении до перекрестка ул. Республиканская и Мордовская — на юг по ул. Мордовская до пересечения с ул. А. Невского — на восток по ул. А. Невского до пересечения с ул. Куйбышева — на юг, по ул. Куйбышева до пересечения с ул. Горького — на восток по ул. Горького до пересечения с ул. Чехова — на север по ул. Чехова, до пересечения с ул. А. Невского — в восточном направлении до железнодорожных путей — на север вдоль железнодорожных путей до р. Саранки — в восточном направлении, вдоль правого берега Саранка, до ее впадения в р. Инсар.

Юридическая фиксация исторического культурного слоя г. Саранска XVII — XVIII вв. как объекта археологического наследия, по нашему мнению, могла бы способствовать активизации охранных археологических работ на территории городского округа Саранск. В таком случае строительные организации были бы вынуждены более ответственно относиться к требованиям, установленным федеральным законодательством в части необходимости проведения историко-культурной экспертизы на месте будущего строительства (подавляющее большинство из них ограничивается в ходе проектных работ получением справки из Министерства культуры, национальной политики, туризма и архивного дела Республики Мордовия об отсутствии на интересующих их участках памятников археологии, включенных в реестр). Полученные в ходе археологических изысканий сведения о характере и мощности

культурного слоя, о распространении и датировке древнейших отложений на территории исторической части г. Саранск позволили бы составить комплексное представление об истории города в XVII — XVIII вв.

Библиографические ссылки

¹ См.: Реестр объектов культурного наследия РМ. URL: <http://www.mktrm.ru/assets/files/po%20kulture/reestr-okn2017.docx> (дата обращения: 29.01.2018).

² См.: Объекты, включенные в перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенные на территории г. о. Саранск, Ардатовского муниципального района, Атяшевского муниципального района. URL: <http://www.mktrm.ru/assets/files/Ukazy/234.pdf> (дата обращения: 29.01.2018).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Выявленные объекты культурного наследия Республики Мордовия. URL: <http://www.mktrm.ru/assets/files/po%20kulture/viyavlennie.docx> (дата обращения: 29.01.2018).

¹² См.: Археологическая карта России. Республика Мордовия / сост. А. А. Беговаткин. М., 2017. С. 119.

¹³ Там же. С. 123 — 124.

¹⁴ См.: **Давыдов С. Д., Кемаев Е. Н., Пронин А. С.** Археологические разведки в Мордовии в 2013 — 2015 гг. // Центр и периферия. 2016. № 1. С. 121.

¹⁵ См.: Перечень объектов культурного наследия Нижегородской области, имеющих регистрационный номер в едином государственном реестре объектов культурного наследия народов Российской Федерации // Правительство Нижегородской области : офиц. сайт. URL: <https://government-nnov.ru/?id=175429> (дата обращения: 10.12.2018).

¹⁶ См.: Перечень объектов культурного наследия Республики Татарстан. Комитет Республики Татарстан по охране объектов культурного наследия : офиц. сайт. URL: http://okn.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1616803.xlsx (дата обращения: 10.12.2018) ; Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан № 79 «Об отнесении к объектам культурного наследия регионального (республиканского) значения в виде достопримечательного места культурного слоя города Казани» от 15 февраля 2010 г. URL: <http://base.garant.ru/8159842/> (дата обращения: 10.12.2018).

¹⁷ См.: Археологическая карта России. Республика Мордовия. С. 125 — 127.

¹⁸ Цит. по: **Воронин И. Д.** Саранск : историко-док. очерки. Саранск, 1961. С. 26.

¹⁹ См.: **Воронин И. Д.** Указ. соч. С. 80 — 81.

²⁰ Там же. С. 96 — 97.

²¹ См.: **Нечаев А. Г.** Крепости XVI — XVII веков в междуречье Суры и Мокши. Саранск, 2015. С. 94 — 100.

²² См.: **Куклин В. Н.** Биографии саранских улиц. Саранск, 1983. С. 223.

²³ Там же. С. 24.

²⁴ **Бахмустов С., Лаптунов В.** Разорванное ожерелье. Саранск, 1991. С. 156 — 160.

²⁵ Там же. С. 102.

²⁶ См.: Археологическая карта России. Республика Мордовия. С. 127.

²⁷ **Куклин В. Н.** Указ. соч. С. 227.

²⁸ Там же. С. 193.

²⁹ Вернер С. П. Дневник Археологической экспедиции Центрального музея Мордовской АССР за 1941 год // НА НИИГН при Правительстве РМ. И-60. Л. 83 — 88.

³⁰ Шитов В. Н. Отчет об охранных археологических работах в Саранске в 2003 г. // Текущий архив отдела археологии НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ.

³¹ Там же.

Поступила 01.12.2018 г.

УДК 39:930«17/19»

Т. Н. Охотина

T. N. Okhotina

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО У МОРДВЫ В СОЧИНЕНИЯХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ И РОССИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVII — XIX вв.

HUNTING AND FISHING OF THE MORDVINS IN THE WORKS OF THE WESTERN EUROPEAN AND RUSSIAN TRAVELERS OF THE XVII — XIX CENTURIES

Ключевые слова: западноевропейские путешественники, российские исследователи, охота, рыболовство, источники.

В статье рассматриваются труды западных путешественников и российских исследователей XVII — XIX вв.; делается попытка их анализа как этнографического источника при изучении таких традиционных для мордвы занятий, как охота и рыболовство.

Key words: Western European travelers, Russian researchers, hunting, fishing, sources.

The works of Western travelers and Russian researchers of the XVII — XIX centuries are considered in the article; an attempt to analyze them as an ethnographic source in the study of such traditional occupations of the Mordvins as hunting and fishing is made as well.

Одним из основных источников изучения различных сторон жизни мордовского народа до середины XIX в. являются дошедшие до нас письменные свидетельства зарубежных и российских исследователей.

В XVII в. интерес иностранцев к Российскому государству усиливался, что было связано с развитием довольно близких дипломатических отношений с Западной Европой в результате войн с Польшей, Швецией и Турцией. Помимо дипломатов, в Россию и ее различные регионы хлынул поток купцов и наемников. Возросло число «заморских гостей» и в Среднем Поволжье¹. Круг интересов иностранных путешественников не ограничивался исследованием региона с точки зрения богатых природных ресурсов и возможностей экономического и политического сотрудничества с Россией, но и включал в себя изучение обычаев, быта, нравов, традиций народов его населяющих. Этим и объясняется интерес этнографов к дошедшим до нас письменным свидетельствам западноевропейских путешественников.

А. А. Гераклитов, с именем которого связана разработка тематики изучения иностранных источников по истории мордовского народа, оценивая сочинения конца XVII в., писал: «Свидетельства эти вообще мало обращали на себя внимания историков, а специально в интересах мордовских и вовсе не привлекались. По содержанию своему они не богаты и для истории мордвы в собственном смысле прибавляют мало существенного к тому, что мы уже знаем по данному вопросу. Но кое-что можно извлечь из них с этой стороны. В бытовом же отношении, хотя перед нами опять-таки отдельные штришки, они могут быть, думается, использованы более широко и плодотворно, особенно потому, что относятся ко времени, от которого бытового мордовского материала (не считая археологического) совсем не имеется»².

Такие видные ученые XX — начала XXI вв., как А. А. Гераклитов, Н. Ф. Мокшин, В. А. Юрчёнков³ и др. занимались изучением трудов западноевропейских путешественников XVII — XVIII вв., связанных с историей и культурой мордовского народа. Так, Н. Ф. Мокшиным впервые был проанализирован процесс накопления зарубежными и российскими учеными и путешественниками историко-этнографических знаний о мордовском народе, начиная с раннего средневековья вплоть до конца XX в., и представлена его периодизация⁴. Особый вклад в изучение западной литературы об истории и культуре мордовского народа и края внес В. А. Юрчёнков. В монографическом исследовании «Взгляд со стороны» им проводится всесторонний анализ источников и детальная разработка проблемы возникновения национальных традиций восприятия мордовского народа в VI — XVIII вв. в Западной Европе, подробно рассматривается историография данного вопроса. Позднее В. А. Юрчёнков защитит докторскую диссертацию по теме «История мордовского края в западной историографии XIII — XIX вв.». Рассматривая отдельные стороны жизни мордовского этноса, к трудам западноевропейских путешественников обращались и другие ученые⁵.

При изучении традиционных занятий мордвы — охоты и рыболовства, перед нами встал вопрос, как они отражены в трудах западных и российских путешественников, описывающих мордву в XVII — XIX вв., и могут ли они служить источником для исследования по данной теме. К сожалению, у многих авторов XVII в. сведения об этих видах деятельности отсутствуют или весьма фрагментарны. Прежде всего авторы упоминают о том, что мордва платила дань мехами и добывала диких зверей и птиц на продажу. Так, шведский посол Петр Петрея де Эрлезунд, характеризуя прошлое и современное ему политическое состояние мордовского народа, писал: «они... платят дань московитянам разными мехами, какие есть там, например, рысьими, куньими, волчьими, беличьими и горностаевыми». Описывая хозяйственный уклад мордвы, он указывал, что «в лесах у них водятся разные звери, птицы», «домашнее содержание и пищу получают от скота, диких зверей и птиц и продают московитянам свои выделенные меха, получая от них за это все необходимое: муку, водку, сукно, соль и тому подобные товары»⁶. Бывший подъячий Польского приказа Григорий Карпович Котошихин, описывая систему управления народами Среднего Поволжья, среди денежных сборов, которые брались «с русских посадских и с крещенных и некрещенных татар и мордвы, и черемисы погодно», указывает и на сбор «с ловель звериных, с лисиц и с куниц и с горностаев и с белки, звериной рухлядью»⁷. В 1665 г. на русский язык была переведена подготовленная в Риме «Космография», в которой также говорится о дани, которую платила мордва различными зверями:

«(Царство Российское) иматъ же под собою Сибирскую землю и царства: Казанское и Астраханское и к сим принадлежащие народы татарские, нагайские и колмыцкие, черкасские, черемисские, мордва, иных народов не мало и сих имут во всяком повиновении, с них же и дань емлют серебром, и коньми, и зверьми различными...»⁸. Последнее могло иметь место только в том случае, если зверовой промысел в крае был достаточно развит. О мордве, как народе изобилующим мехами, говорит и поляк Яков Рейтенфельс, живший в России в 1671 — 1673 гг. и написавший «Сказании о Московии» (1680 г.): «А мордва — тоже обширная область и изобилует разного рода мехами»⁹.

Эти данные свидетельствуют, что в XVII в. охота составляла очень важную статью в хозяйстве мордвы: бортные ужожи и лесные вотчины с их зверем и птицей составляли главную драгоценность мордвина, который мехами платил дань, обменивал их на другие товары и т. д.

С XVIII в., особенно после открытия Российской академии наук в 1725 г., началось более углубленное изучение всех народов России, в том числе и мордвы¹⁰. Исследованием мордовского народа занимались такие крупнейшие ученые России, как В. Н. Татищев, Г.-Ф. Миллер, П. И. Рычков, М. В., Ломоносов, П. С. Паллас, И. И. Лепехин, Н. П. Рычков, И. П. Фальк, И.-Г. Георги и др. Большинство наблюдений и выводов, сделанных ими, основывались на непосредственных экспедиционных материалах, собранных из первых рук, что определило их достоверность и непреходящую ценность как важного источника по мордовской этнографии.

Многие из этих исследователей отмечали, что «в лесах, где живет мордва, водилось много различного зверя: лисиц, куниц и др.»¹¹. В то же время И. Георги констатировал, что охота у мордвы не сильно развита: «...к звериному промыслу не столько они (мордва) прилепляются, как упомянутые народы (черемис, чуваш — Т. Н.)»¹².

В 1768 г. П. С. Паллас, возглавивший одну из академических экспедиций, обследовавших Среднее и Нижнее Поволжье, Заволжье оставил весьма подробные сведения о мордовской части своего маршрута¹³. В частности, для нас представляет интерес составленный П. С. Палласом список рыб, встречавшихся в реке Сура: «Здесь есть всякая в Волге находящаяся мелкая рыба, в том числе попадаетея иногда и чехоня нарочитой величины. Сомов и стерлядей ловят только весной во время водополья. Язи здесь также как в Волге, очень велики... Сверх того, здесь есть... сапа, синтепа и тарань. Белуг и осетров здесь не ловят. Но в некоторых речках верхней гористой страны реки Суры водятся фореллы или крошицы»¹⁴. Описывая Арзамасский уезд, ученый отмечает, что «в здешнем Мордовском озере находится великое множество рыбы, которая увидев закинутую сеть, почти вся уходит в омут»¹⁵.

Характеризуя хозяйственные занятия мордовских крестьян, П. С. Паллас отмечает приверженность их к земледелию, указывает различные традиционные занятия в том числе и охоту: «Живущие в лесистых странах ходят зимою и на звериные промыслы»¹⁶. Им также упомянуты некоторые способы охоты у мордвы (собаками, силками, наметами): «Ходящие на охоту мужики ищут сих зверков (горностаев) собаками, также ловят западнями или силками, которые ставят у их нор, да и приманивают падалищем»; «Из обыкновенной дичины находится здесь множество тетерек и рябчиков, и во всю зиму ловят их силками и наметами»¹⁷.

Наиболее подробное описание способов рыбной ловли и охоты оставил И. И. Лепехин в «Дневных записках путешествия по разным провинциям Российского госу-

дарства в 1768 — 1769 гг.». Ученый указывает на распространенность охоты у мордвы в отличие от соседних народов. Так, описывая Курмышский уезд, он писал: «Равномерно пространные и густые леса, также обширные озера, Пашково и Конное, Иваново, Плоское, Кривое, Самыгино, служат спокойным прибежищем разным зверям, как-то выдрам или порешинам, норкам, волкам, медведям, лисам, зайцам, куницам и горностаям, ласкам и белкам: ибо никто кроме малаго числа мордвы, живущей в Курмышском уезде, за зверями не ходит»¹⁸. Отмечая широкое использование мордвой различного рода ловушек, используемых при охоте, И. И. Лепехин дал подробное описание некоторых из них (кулиома, ловчие ямы, «садок», кляпцы, перевесы и др.). Так, по свидетельству ученого, мордва для поимки волка зимой рыла в поле глубокую яму треугольной формы. Посередине ямы врывали столб так, чтобы его верхний конец аршина на два возвышался над дном. На конце прилаживали колесо, а на него привязывали живого поросенка. Отверстие ямы покрывали тонким хворостом и соломой и посыпали снегом. На голос поросенка прибегали волки и падали в яму¹⁹. Кроме того, иногда использовали «садок». Для поимки медведя устраивались ловушки также в виде ямы с боковыми входами. Над центром ямы на подпорках укреплялся большой груз. Как только медведь дотрагивался до приманки, груз обрушивался и придавливал зверя²⁰. На зайцев и лисиц ставили кляпцы, птиц ловили переметом²¹. И. И. Лепехин отметил интересную примету: мордва дымом плакун-травы окуривала ружье, чтобы никакой колдун его заговорить не смог²².

Что касается рыболовства, то И. И. Лепехин описывал различные способы рыбной ловли (бреднем, помцами, переметами, волокушами, заколами и городьбой), используемые мордвой. Однако в то же время отмечал, что рыболовство среди мордвы не было широко развито. Например, он писал «В реку Суру, которая устьем своим впадает в Волгу, заходит всякая рыба, какою и Ока изобилует; однако или по бедности, или от нерадения жителей никаких порядочных рыбных промыслов не отправляется»²³ или «По реке Черемшану, где живут татары, мордва и чуваша, рыбных промыслов почти совсем не отправляется, включая только, когда бывает водополье»²⁴. При убывании воды мордва ловит рыбу городьбой. Ученый подробно описывает этот процесс: «Через всю реку поперек вколачивают колья, которые укрепляют поперешными шестами, и для большей крепости к сопротивлению водного стремления ставят чрез четыре или пять кольев упорки, т. е. вскозь противу стремления воды вбитые колья. С самого дна реки почти до поверхности воды вбитые колья переплетают широкими лыками, или привязывают нарочно сделанные решетчатые рогожи, оставляя одно место по средине городьбы порожнее наподобие ворот. В воротах опускается сеть, сделанная рукомом, попадает, идущая с верху с убывающей воды, рыба <...> Солить сию рыбу у них не в потреблении, но они ее вялят, выдержав прежде сутки в крепком росоле, или, как они говорят, тузлуке»²⁵.

С середины XIX в. в России создавались специальные научные общества и учреждения, проводившие этнографические исследования: Русское географическое общество с отделением этнографии (1845 г.), Общество любителей естествознания при Московском университете (1864 г.), преобразованное в 1867 г. в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии; Общество археологии, истории и этнографии (1878 г.) при Казанском университете. В 1883 г. в Гельсингфорсе начало свою деятельность Финно-угорское общество. Ими были организованы несколько экспедиций, исследующих мордву, собраны важные этнографические,

антропологические и лингвистические материалы, в том числе по охоте и рыболовству. Большинство исследователей отмечают мордву как хороших охотников. Так, Минх, описывая с. Оркино Петровского уезда Саратовской губернии, писал: «В этих лесах, кроме другой дичи, водились медведи, и крестьяне часто ходили на них охотой. Между мордвой и теперь есть охотники, которые с ружьями, а больше с дубинками ходят на лис и зайцев; на Покров же (1 октября), чуть не половина села выходит с раннего утра в лес, и там криком, шумом, гамом и собачьим лаем выгоняют дичь, убивая ее ружьями и палками»²⁶. Путешественник и публицист Н. Прозин отмечал: «Редкий мордвин не охотник; почти у каждого из них найдется в доме ружье и запас дрови. Они имеют верный глаз и стреляют изумительно метко»²⁷. Автор подробно описывал, как искусно мордвин охотился на птиц и знал особый способ охоты на медведя с помощью рогатины. В. Ауновский также указывал на то, что «мордва с незапамятных времен занималась земледелием, лесными промыслами, звериной охотой и рыбной ловлею»; «держала часто борзых собак, охотилась на дичь и зайцев и летом, и зимою на лыжах, и славилась отличным умением стрелять»²⁸. Кроме ружей, из орудий лова он упоминает еще тенета. Описывая охоту мордвы, В. Ауновский отмечал их удивительное терпение и неутомимость: «Иногда же, по несколько часов сидят в кустах, или в чаще камыша, почти по пояс в воде, ожидая приближение дичи, и в случае неудачи, переходят на другое место»²⁹. П. И. Мельников (Печерский) писал, что после усмирения бунта Степана Разина правительство усилило меры предосторожности: «У нея [мордвы] отбирали оружие, запрещали иметь даже луки и стрелы, запретили звериную охоту»³⁰.

И. Н. Смирнов в историко-этнографических очерках, посвященных мордве, указывал, что еще в XVII в. охота и пчеловодство составляли важную статью в хозяйстве мордвы. При этом отмечал, что в течении XVIII — XIX столетий сокращение лесной площади «низвело охоту в одних местах на степень второстепенного промысла, в других — обратило в приятное воспоминание»³¹. И. Н. Смирновым описаны и некоторые обычаи, совершаемые при рыболовстве, например, — отпускание первой рыбы³².

В. Н. Майнов, рассматривая обычное право мордвы, указал некоторые правила рыбной ловли: «Озерами и реками пользуются сообща, т. е. ловят рыбу все поодиночке, причем, однако строго воспрещается: лучение рыбы, отравы, заставы и мелкаячнейные сети»³³. Кроме того, ученый отметил совместное владение неводом: «Только по Мокше да по Суре случалось нам встречать „шабровые“ невода, которые, как и все общие вещи, носят название „марсякс“ („вместное“»³⁴. Говоря об охоте, он писал, что «по правилам мордвы, добыча птицы и зверя, должна делаться с разумом, а не зря, чтобы и другим досталось». Им также был зафиксирован обычай не дарить таких предметов, от которых можно ждать какой-либо напасти. Например, мордвин не может подарить нож, ружье, порох, пулю»³⁵.

Таким образом, традиционные для мордвы охота и рыболовство нашли отражение в сочинениях западноевропейских и российских путешественников XVII — XIX вв. В записях иностранных путешественников XVII в. говорится о лесных вотчинах с различными зверями и птицами, имеющих важное значение для мордовского народа, о дани мехами и о мехах как товаре для обмена. О рыболовстве данных практически нет. С XVIII в. информация об охоте и рыбной ловле становится более пространнее. Исследователи обращают внимание на ихтиологию рек и фауну лесов,

на способы охоты и рыболовства, дают подробное описание промыслового инвентаря и т. д. С середины XIX в. исследователи отмечают, что охота и рыболовство у мордвы не имеют промыслового значения (за редким исключением), а используются в основном для личных нужд.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Шкердина Н. О.** Социокультурные аспекты духовной и материальной жизни народов Среднего Поволжья (по сведениям западноевропейских авторов XVI — XVIII вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004. С. 73.

² **Герасимов А. А.** Избранное : в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1. С. 148.

³ См.: **Герасимов А. А.** Указ. соч. ; **Мокшин Н. Ф.** Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993. 240 с. ; **Юрчёнков В. А.** Взгляд со стороны : очерки. Саранск, 1995. 288 с.

⁴ **Мокшин Н. Ф.** Указ. соч.

⁵ **Мокшина Е. Н.** Историография религиозной жизни мордовского народа // Регионоведение. 2012. № 4. С. 164 — 170 ; **Шкердина Н. О.** Указ. соч.

⁶ История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал и обнародовал в Лейпциге 1620 г. Петр Петрей де Ерлезунд / пер. с нем. А. Н. Шемякина. М., 1867. XII. С. 28 — 29.

⁷ **Котошихин Г. К.** О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 91.

⁸ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 1. С. 178.

⁹ **Рейтенфельс Я.** Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905. С. 208.

¹⁰ См.: **Мокшин Н. Ф.** Указ. соч. С. 81

¹¹ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1939. Т. 3, ч. 1. С. 131.

¹² **Георги И. -Г.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей : в 4 ч. СПб., 1799. Ч. 1. С. 148.

¹³ См.: **Юрчёнков В. А.** Указ. соч. С. 200.

¹⁴ **Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. Ч. 1. С. 116 — 118.

¹⁵ Там же. С. 81.

¹⁶ Там же. С. 32.

¹⁷ Там же. 197, 199.

¹⁸ Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году : в 4 ч. СПб., 1771. Ч. 2. С. 98.

¹⁹ Там же. С. 32.

²⁰ Там же. С. 31.

²¹ Там же. С. 34.

²² Там же. С. 73 — 74.

²³ Там же. С. 96.

²⁴ Там же. С. 154.

²⁵ Там же.

²⁶ Цит. по: **Шахматов А. А.** Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910. С. 694.

²⁷ **Прозин Н.** Картины мордовского быта (1864 г.) // Мордва Российской империи. Саранск, 2014. С. 170.

²⁸ **Ауновский В.** Этнографический очерк мордвы-мокши // Мордва Российской империи. Саранск, 2014. С. 318.

²⁹ Там же.

³⁰ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы (1867 г.) // Мордва Российской империи. Саранск, 2014. С. 51.

³¹ Смирнов И. Н. Мордва : ист. -этнограф. очерк. Саранск, 2002. С. 118.

³² Там же. С. 71.

³³ Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. Саранск, 2007. С. 235.

³⁴ Там же. С. 234.

³⁵ Там же. С. 227.

Поступила 18.12.2018 г.

УДК 39:745.51

Е. В. Кандрина

E. V. Kandrina

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ БЫТОВЫХ ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИХ РЕМЕСЕЛ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF HOUSEHOLD WOODWORKING CRAFTS ON THE TERRITORY OF MORDOVIA

Ключевые слова: деревообрабатывающие ремесла, традиционное бытовое ремесло, резьба по дереву, плетение из ивы и лыка, берестяные изделия.

В статье на основе ряда публикаций, проведенных исследователями, а также полевого материала автора отражены основные этапы и особенности развития деревообрабатывающих ремесел на территории Мордовии, в том числе на современном этапе; рассмотрены основные виды резьбы, традиционно применявшиеся для создания необходимых в хозяйстве и быту предметов, особенности изготовления утилитарных бытовых предметов из бересты, лыка, ивового прута, которые со временем помимо хозяйственного назначения приобрели художественную ценность; проанализированы проблемные аспекты и перспективы развития деревообрабатывающих ремесел на территории Мордовии.

Key words: woodworking crafts, traditional household craft, wood carving, willow and bark weaving, birch bark products.

The main stages and features of the development of woodworking crafts on the territory of Mordovia, including at the present time, are observed on the basis of a number of publications of researchers and own field materials of the author. The main types of wood carving, traditionally used to create the necessary household items, features of production of utilitarian household objects from birch bark, bark, wicker, which, in addition to their household purposes, got artistic value over time are considered as well. The analysis of problem aspects and development prospects of woodworking craft activities on the territory of Mordovia is made.

Каждое ремесло и промысел имеют историю возникновения и развития. Одни из них с течением времени прекращают свое существование, другие, не утрачивая своей актуальности, продолжают развиваться и приобретают новые формы. К сохра-

нившимся и продолжающим свое развитие бытовым ремеслам на территории современной Мордовии можно отнести: резьбу по дереву, гончарство, плетение из лозы и лыка, ткачество, валяние, традиционную вышивку, шитье элементов национального костюмного комплекса (мокшанского и эрзянского) с учетом специфики территории его бытования.

Ремесло — это мелкое производство промышленных изделий, основанное на ручном труде, предшествовавшее крупной промышленной индустрии и частично сохранившееся наряду с ней. Ремесла в процессе исторического развития прошли три стадии — домашнее, на заказ и для реализации на рынке¹. В словарях даются следующие определения понятия «ремесло»: «профессиональное занятие — изготовление изделий ручным способом»², «требующая специальных навыков работа по изготовлению каких-либо изделий ручным, кустарным способом»³. Изучением особенностей бытования и развития ремесел на территории мордовского края занимались многие исследователи, историки, этнографы и краеведы. К настоящему времени накоплен значительный материал, характеризующий отдельные особенности традиционного уклада различных видов бытовых ремесел, в том числе деревообрабатывающих. Особое место среди таких исследований занимают работы А. С. Лузгина, Н. П. Макушина, В. Н. Мартыанова, И. И. Фирстова, Л. И. Никоновой и др. Однако ввиду того, что в исследовательской литературе недостаточно освещена динамика процессов, происходящих в области декоративно-прикладного творчества на рубеже XX — XXI вв., практически отсутствует систематизация и характеристика деятельности резчиков, не раскрыты связи творчества мастеров с исконными традициями, становится актуальным изучение особенностей бытования ремесла на современном этапе. Это в свою очередь позволит исследовать степень сохранности народной традиции прошлого и перспективы развития народных ремесел Мордовии на примере деревообрабатывающего ремесла. В статье впервые на примере работы с деревом как наиболее распространенным материалом, повсеместно используемым в народной среде, рассматриваются особенности развития традиций бытовых ремесел на современном этапе.

Следует отметить, что ремеслами занимались с целью изготовления необходимых предметов быта, либо с целью добывания средств к существованию. Бытовые ремесла разнообразны по своей творческой направленности. Изделия изготавливаются своими руками, прежде всего из природных материалов, причем решающее значение для ремесла имеют уровень личного мастерства ремесленника и индивидуальный характер производства⁴. Данный вид деятельности сформировался из домашнего ремесла, когда изготавливались необходимые бытовые вещи как для своей семьи, так и для нужд односельчан⁵. Как вид искусства народные бытовые ремесла развивались часто в зависимости от трансформации культурных традиций, смены исторических формаций, изменения политического строя и экономической ситуации в стране.

Однако неизменными на протяжении всей истории существования ремесел остаются факторы, представляющие собой основу для возникновения, стабильного бытования и развития ремесел, а при благоприятных условиях для зарождения промыслов. К таким факторам следует отнести: наличие сырьевой базы (доступность, объем и качество сырья); совершенствование технологий обработки матери-

ала и создания изделия; выработку художественного образа создаваемых изделий; необходимость и возможность их применения в хозяйстве; наличие точек сбыта.

С целью более глубокого изучения проблемных аспектов бытования и перспектив развития бытовых ремесел на территории республики необходимо проанализировать влияние вышеописанных факторов относительно каждого сохранившегося вида ремесла.

Одним из самых распространенных занятий среди мастеров мордовского края была и остается обработка дерева. Прежде всего это связано как с доступностью самого материала, так и сравнительной простотой применяемых способов в работе с ним. Прочность и природная красота текстуры дерева позволили мастерам нарабатывать достаточно широкий круг технических и художественных приемов обработки древесины.

Существует несколько видов резьбы, каждый из которых соответствует своему бытовому, практическому назначению. Домовая резьба (глухая, прорезная, накладная) служит для оформления домов, отличается монументальностью, выполняется плотницким инструментом, резцами или лобзиком. Объемная резьба используется для изготовления долбленной посуды, игрушки, скульптуры. Основным инструментом для нее служат плоские и полукруглые стамески различного радиуса и сечений. Для декора утвари используется контурная, геометрическая, плоскорельефная, трехгранно-выемчатая резьба, которую мастер наносит резакон с небольшим косо срезанным лезвием. Особое место занимает фрезерование — обработка на токарном станке⁶.

Специфика вышеуказанных технических приемов заключается в особенности обработки материала. Так, глухая (барельефная) резьба образует на поверхности своеобразный рельеф, при нанесении которого на плоскости сохраняется одна и та же глубина фона и выступающих форм рисунка, при этом формы орнамента остаются плоскими, создавая фон, а края заваливаются к фону, благодаря чему резьба становится рельефной и создает игру света и тени в разных плоскостях. Этот прием широко использовался в орнаменте домового резьбы Ардатовского, Большеберезниковского, Дубенского и Торбеевского районов, население которых в прошлом участвовало в промыслах, связанных с судоходством и судостроением⁷. А. С. Лузгин, описывая ремесла резчиков с Виндрей, упоминал: «...артель этих мастеров стали работать по деревням, занимаясь строительством крестьянских изб, перенося корабельную резьбу на оформление домов»⁸. О данной технике в своей работе упоминает Н. П. Макушин⁹.

В технике глухой резьбы обычно исполняются композиции с растительным орнаментом, изображениями птиц, животных. Резные бордюры из цветочных розеток, дубовых и пальмовых листьев украшали карнизы и фронтоны домов, а композиции с вазонами — ставни. Распространение данного стиля архитектурного убранства датируется последней четвертью XIX в. Это подтверждается тем, что нередко мастера вырезали дату своей работы, вплетая ее в орнаментальную ленту на карнизе дома. С угасанием в конце XIX в. судового промысла¹⁰, резчики использовали навыки корабельной резьбы при строительстве и оформлении домов. Работа мастеров-резчиков ценилась очень высоко, их услугами мог воспользоваться небольшой круг очень состоятельных крестьян. В XX в. технология корабельной резьбы в селах Мордовии была утрачена.

В начале XX в. широкое распространение в отделке домов получили пропильная и накладная резьба, относящиеся к виду плоскорельефной резьбы. Ее особенностью является то, что фон вынут полностью, поэтому рисунок получается сквозным и напоминает кружево. В накладной резьбе декоративные элементы пропиловки накладываются на доску-основу. Данный тип резьбы использует широкий набор орнаментальных мотивов: растительный, зооморфный, антропоморфный, геометрический.

В сравнении с рельефной резьбой плоскорельефная резьба требует меньше времени для исполнения и предполагает использование мастером готовых шаблонов. Тем не менее архитектурный декор в сельской местности, как правило, подчинялся художественной традиции, устоявшейся в каждом из ареалов, соответствовал принятому типу жилища. Отделкой дома занимались местные плотники либо мастера из соседних сел. Мастеровитые плотники-резчики и поныне имеются в каждом районе Мордовии.

Дерево было основным материалом для изготовления домашней утвари. У населения Мордовии наиболее древним приемом в изготовлении посуды, различного назначения емкостей было долбление, относящееся к объемному виду резьбы. Миски, чаши, ковши, ложки выполнялись из цельного массива дерева способом выборки. Кухонную и столовую посуду в основном изготавливали из яблони, а в целях гигиены ее не украшали резным орнаментом, поэтому главным выразительным признаком была форма изделия. Небольшие долбленные кадки из липы служили для хранения сыпучих продуктов, для замешивания теста, взбивания масла, на них иногда мордовские резчики наносили родовые метки (знак собственности)¹¹. Во многих селах были мастера, которые изготавливали домашнюю утварь на заказ.

Возникновение токарных станков дало новые возможности для изготовления посуды и ее тиражирования. Форма чашек стала более совершенной, появились миски с бортиком для ложек, поставцы с крышкой, чаши на ножке. Токарная посуда стала появляться на ярмарках, а само ремесло заняло свое место в перечне промыслов. К основным центрам бытования ремесла относятся с. Айкино Большеберезниковского района, д. Желтоногово Краснослободского района, д. Лесное Плуksово Темниковского района, с. Дмитриев Усад Атюрьевского района, с. Челмодеевский Майдан Инсарского района¹². Из токарных изделий большим спросом пользовались инструменты для прядения — веретена и самопрялки. Однако с распространением дешевой посуды из глины, фаянса и металла, токарная посуда становилась менее популярной. В ремесле стала утрачиваться преемственность поколений, терялись секреты мастерства. На сегодняшний день на территории республики пытаются восстановить этот вид ремесла, например, в с. Куракино Ардатовского района, с. Паньжа Ковылкинского района, с. Адександровка Лямбирьского района, с. Сабур-Мачкасы Чамзинского района.

К одному из древних и распространенных видов орнаментальной обработки дерева относится геометрическая резьба. Одной из самых простых форм геометрической резьбы является контурная техника, когда рисунок на плоскость наносится карандашом и выбивается специальным резакom. При этом изображения, выполненные в данной технике, напоминают четкий графический рисунок, а применение различных видов порезок и сочетание прямых, кривых, спиралевидных и иных линий

позволяют достичь большого разнообразия форм. Данный вид также включает трехгранно-выемчатую и ногтевую резьбу.

Геометрической резьбой оформлялись женские рабочие инструменты (донца прялок, рубели, вальки, некоторые детали ткацкого стана). Особую область художественного творчества представляет резьба на свадебных эрзянских сундуках «парь», выдолбленных в форме кадки из липы. Известные по музейным коллекциям образцы сундуков XVIII — XIX вв. сохранили примеры сложных орнаментальных композиций, выполненных различными приемами геометрической резьбы¹³. К сожалению, с изменением жизненного уклада, появлением в мордовских домах новых форм утвари, исчезновением вековых липовых рощ, изготовление традиционных сундуков в конце XIX в. прекращается. Вместе с этим утрачивается не только технология резьбы, но и само понимание сакральной сути предмета, смыслового содержания орнамента.

Как показывает история, ремесла Мордовии, связанные с обработкой дерева, в прошлом были частью российской художественной традиции. В техническом оснащении в приемах резьбы мордовских и русских мастеров наблюдаются общие черты либо признаки заимствования. У каждого народа, даже в культуре разных локальных ареалов, ощутима связь с древними пластами традиции, которая отражает мифологические и религиозные представления.

Сегодня утраченные традиционные ремесла, связанные с деревообработкой, привлекают внимание профессиональных и самодеятельных мастеров. Прежде всего это связано с доступностью материала и технических средств его обработки; с возможностью получать доход от выполненных заказов и т. д. Потомственным резчикам работа с деревом позволяет воплотить самобытную культуру предков в современных предметах быта.

Следует отметить, что резьбой по дереву издавна занимались и продолжают заниматься на территориях богатых лесом, а именно в Ардатском, Дубенском, Инсарском, Zubovo-Полянском, Ичалковском, Большеберезниковском, Рузаевском, Темниковском, Кочкуровском, Кадошкинском, Краснослободском, Старошайговском, Атяшевском, Большеигнатовском, Торбеевском, Ромодановском и Чамзинском районах республики.

В настоящее время одной из перспективных областей в работе с деревом является выполнение архитектурного декора для индивидуального жилья. Как правило, молодые мастера обучаются у мастеров старшего поколения. Например, изготовлением резных наличников в с. Мамонгино Ковылкинского района занимается В. С. Кечин; фронтоны, наличники, беседки, табуреты и мини-лавочки создает Ф. И. Кадеров из с. Старая Теризморга Старошайговского района [ПМА: Ф. И. Кадеров].

Отметим, что ремесла, связанные с обработкой дерева, некогда обеспечивающие быт крестьянства, сегодня переживают второе рождение: мастер, используя старую технологию, выполняет обновленные вариации утвари. Таковы изделия бондарей А. А. Уварова из с. Редкодубье Ардатского района и О. В. Букова из с. Большие Березники Большеберезниковского района, пользующиеся спросом у покупателей и крупных заказчиков [ПМА: А. А. Уваров].

Популярность у резчиков (В. В. Витюк с. Морга Дубенского района; А. В. Мионов с. Куракино Ардатского района; В. Т. Суняйкин г. Саранск) приобретает работа

с природными наростами в технике долбления. Работая с материалом, мастера учатывают природную красоту дерева, которую умело вписывают в образ задуманных изделий, благодаря чему они приобретают художественную ценность и эстетичность, что значительно повышает их стоимость на рынке сувенирной продукции.

Комплекс технических приемов — скульптурная, геометрическая, трехгранно-выемчатая резьба, используется в игрушке и сувенирной утвари, создаваемых мастерами из с. Подлесная Тавла Кочкуровского района. Более сорока лет ремесло резчиков этого села претендует на статус народного художественного промысла.

Отдельного внимания заслуживают изделия из бересты. Береста как легкий и экологически чистый материал нашла широкое применение в изготовлении посуды и домашней утвари. Из нее изготавливали различные туеса для хранения продуктов и солений. Емкости получались прочными, легкими, непромокаемыми. Благодаря этим свойствам в такой посуде продукты и вода долго не портились¹⁴.

В селах Мордовии в числе распространенной утвари были коробка (э. «кептерь»), «сшитые» из коры вяза, луба, бересты, технология изготовления которых в конце XX в. была утрачена. Восстановление традиции работы с берестой и корой вяза принадлежит В. Н. Ширманову* и А. И. Занкину**.

Необходимо отметить, что ремесло сохраняет свою самобытность и аутентичность на современном этапе как в отношении заготовки материала, так и способов его обработки. Бересту собирают в конце весны, после этого просушивают и прессуют под гнетом. Далее нарезают на полосы определенной длины. Для изготовления изделия береста распаривается в горячей воде, от чего становится мягкой и податливой. Особое эстетическое значение для берестяных изделий имеет их внешний вид, оформление которого полностью зависит от художественного вкуса и умения мастера. Создавая образ будущего изделия, мастер наносит теснение, украшает орнаментальным узором или выкладывает объемный узор из лычек.

Подходы к работе с материалом у каждого мастера индивидуальны. Например, В. Н. Ширманов, чтобы придать лычкам эластичность и гладкость использовал подсоленное масло; для создания объемного этнического орнамента — особенности самого материала (береста с одной стороны матовая бело-розового оттенка, а с другой блестящая, темно желтая)¹⁵.

Особым художественным вкусом отличаются работы А. И. Занкина. Его туеса, шкатулки, фруктошницы в виде птиц и коней, подносы, братины, макеты храмов и многое другое сочетают в себе разнообразие форм и богатую декоративную отделку, выполненную в сочетании техник — сквозной резьбы, тиснения, росписи, тонировки, раскраски, выжигания¹⁶.

Изделия А. И. Занкина пользуются спросом не только на территории республики, но за ее пределами. Они являются ценными экспонатами на межрегиональных, всероссийских и международных выставках.

* В. Н. Ширманов — актер, заслуженный артист МАССР (1980) и РСФСР (1992), уникальный мастер берестяных дел, член Союза художников РФ. Его изделия из бересты отмечены дипломами на всероссийских и региональных выставках.

** А. И. Занкин — заслуженный художник Республики Мордовия, член Союза художников России.

Помимо берестяных изделий в каждом хозяйстве было множество предметов сплетенных из ивового прута, лыка и луба. Производство таких изделий делилось на три вида: корзиночно-плетеночный, лубяно-плетеночный и решетный¹⁷. Из неочищенных прутьев ивы изготавливали кузова для уборки картофеля, короба для перевозки овощей, ложкарницы, корзины для сбора ягод и грибов, большие корзины с крышкой для хранения пуха и шерсти. Из луба и лыка изготавливали рассевальники для посева хлебов, кошело, корзины, иногда кузова для переноски мелкого корма для животных, разнообразные решета, полотна для которых выделяли из липового лыка. Такие изделия делались на заказ и приобретались крестьянами на ярмарках. К основным центрам бытования ремесла в начале XX в. относились: с. Редкодубье и Кученяево Ардатовского района, д. Орловка Атяшевского района, с. Казеевка Инсарского района, с. Козловка и Паньжа Ковылкинского района, с. Шишкеево Рузаевского района, с. Лемдэй Старошайговского района. Сегодня во многих районах республики можно встретить мастеров, искусно владеющих техникой плетения бытовых предметов из ивовых прутьев. На выставках ярмарках и республиканских фестивалях у потребителей пользуются спросом изделия П. М. Ганичева (с. Ичалки Ичалковского района), И. И. Бисяева (с. Подгорное Конаково Темниковского района), П. В. Фролова (с. Старая Качеевка Теньгушевского района), А. В. Мусина (с. Новое Кочелаево Атюрьевского района) и др.

Помимо изделий утилитарного значения, созданных из неочищенных прутьев, признание получили корзины, вазы, кузовки и т. д. из очищенных прутьев ивы, которые в зависимости от времени сбора имеют разные оттенки, а при умелом их сочетании придают изделиям эстетичный вид и художественную ценность. Такие изделия создают: М. А. Митрошин (г. Рузаевка Рузаевского района), Т. И. Цыпкайкина и Н. Ф. Бигачева (с. Сабаево Кочкуровского района), Н. И. Васькин (с. Новый Усад Краснослободского района), А. А. Тимченко (с. Русские Полянки Краснослободского района), Н. С. Зайкин (с. Арбузовка Инсарского района).

До 40-х г. XX в. самым распространенным видом обуви сельского населения были лапти. Это ремесло бытовало в доме каждого крестьянина. Издавна лапти плелись из лыка. Материал заготавливали в весенний период, как правило, всей семьей, собирая с молодых липок луб. По технологии изготовления мордовские лапти значительно отличались от русских. Мордовские лапти были косога плетения, имели носок трапециевидной формы, двойную пятку и специально свитые петли из лыка по бокам и сзади для обор¹⁸. Наряду с лаптями из пяти лычек, выплетались семерички из семи очень узких лычек, которые получались более красивыми и прочными. Начинали заплетать лапоть с задней части. Работу производили с помощью специальной колодки (по нужному размеру) и кочедыка. Наиболее крупное скопление мастеров-лапотников было зарегистрировано в с. Кученяево Ардатовского района, с. Судосево Большеберезниковского района и др.¹⁹

На сегодняшний день заготовкой лыка и изготовлением лаптей для сбыта и на заказ занимаются самобытные мастера (С. С. Глухов г. Рузаевка и Н. П. Родькин с. Старая Теризморга Старошайговского района, А. В. Мусин с. Новое Качаево Большеигнатовского района, И. М. Пиксайкин г. Саранск). В прошлом традиционно незаменимая вещь в быту лапти и сегодня пользуются спросом. Их приобретают в качестве сувенира или подарка; ими для создания аутентичного самобытного образа дополняют свой костюм фольклорные коллективы; лапти без бортов при-

обретаются в качестве домашней или банной обуви. Однако объем заказов невелик и имеет стихийный характер [ПМА: С. С. Глухов].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что ремесла, связанные с деревообработкой, издавна играли важную роль в хозяйстве крестьян мордовского края, а изделия из дерева являлись неотъемлемой частью их бытового уклада. Сегодня интерес к данному материалу и изделиям из него возрастает. Однако современные мастера находятся в более сложных условиях, поскольку для многих ремесло является дополнительной деятельностью относительно основного заработка. Многие резчики сталкиваются с проблемой качества материала, который часто приходится заказывать, что повышает стоимость изделий. Кроме того, основным вопросом для мастера остается поиск точек сбыта. Немаловажным является художественный образ создаваемых изделий. Наиболее привлекательными для покупателей и туристов являются этнические образцы, содержащие в себе особую ценность традиционной формы и орнамента. Однако для создания таких изделий требуются знания, которые передаются в традиции наставничества, либо могут быть получены при глубоком изучении этнографического материала. Кроме того, на современном этапе граница между понятиями «промысел» и «ремесло» достаточно размыта, поскольку эти экологически привлекательные предметы быта скорее дань традиции, чем необходимость, в связи с чем изменилось направление спроса. В отличие от прошлых столетий значительно изменился объем ручного труда в изготовлении изделий для бытовых нужд.

Современное состояние ремесел и промыслов можно рассматривать с точки зрения таких категорий, как сохранение и вторичное использование исконной традиции. В процессе развития принимают участие как потомственные носители культуры, проживающие на исторической территории бытования ремесел, так и мастера, получившие профессиональные знания в учебных заведениях, реконструирующих традицию.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 235.
- ² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 552.
- ³ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М., 2006. Т. 2. С. 547.
- ⁴ См.: Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1975. Т. 22. С. 7.
- ⁵ См.: Фирстов И. И. Основные виды кустарных промыслов в пореформенной Мордовии // Материальная и духовная культура мордвы в XVIII — XX вв. Саранск, 1978. С. 27. (Тр. ; вып. 62).
- ⁶ См.: Макушин Н. П. К вопросу о резьбе по дереву у мордвы-эрзи Мордовской МАССР // Исследования по археологии и этнографии Мордовской МАССР. Саранск, 1970. С. 171. (Тр. ; вып. 39).
- ⁷ См.: Лузгин А. С. Жизнь промыслов. Саранск, 2001. С. 154.
- ⁸ Лузгин А. С. Промыслы Мордовии. Саранск, 1993. С. 55.
- ⁹ См.: Макушин Н. П. Указ. соч. С. 170.
- ¹⁰ См.: Лузгин А. С. Жизнь промыслов. С. 154.
- ¹¹ См.: Рогачев В. И. Семейные знаки народов Поволжья (на примере знаков собственности эрзи и мокши). Саранск, 2003. С. 56.
- ¹² См.: Лузгин А. С. Жизнь промыслов. С. 213.
- ¹³ См.: Крюкова Т. А. Мордовское народное изобразительное искусство. Саранск, 1968. С. 77.

¹⁴ См.: Лузгин А. С. Промыслы Мордовии. Саранск, 1993. С. 97.

¹⁵ Там же. С. 99.

¹⁶ См.: Занкин А. «Берестяная сказка»: каталог персон. выст. произведений. Саранск, 2009. С. 7.

¹⁷ См.: Охотина Н. Т., Акимова З. И., Князькова Л. П. Хозяйственная деятельность и промыслы мордвы // Народы Мордовии : историко-этнограф. исслед. Саранск, 2012. С. 178.

¹⁸ См.: Никонова Л. И. Мордва Саратовской области : в 2 ч. Ч. 1. : Петровский район // Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2009. С. 55.

¹⁹ Охотина Н. Т., Акимова З. И., Князькова Л. П. Указ. соч. С. 182.

Полевой материал автора

Глухов Сергей Сергеевич, 1984 года рождения, г. Рузаевка Рузаевского района Республики Мордовия, записи 2019 г.

Кадеров Федор Иванович, 1947 года рождения, с. Старая Теризморга Старошайговского района Республики Мордовия, записи 2019 г.

Уваров Андрей Анатольевич, 1981 года рождения, с. Редкодубье Ардатовского района Республики Мордовия, записи 2019 г.

Поступила 20.03.2019 г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 332.1:339.137.2

Л. В. Марабаева, О. А. Соколов, И. А. Горин
L. V. Marabaeva, O. A. Sokolov, I. A. Gorin

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ УРОВНЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР*

MODERN METHODS TO ASSESS THE LEVEL OF THE REGIONAL ECONOMY COMPETITIVENESS: ANALYTICAL REVIEW

Ключевые слова: конкурентоспособность, региональная экономика, методика, модель, метод, рейтинг, показатели, интегральный показатель, оценка, анализ, управление.

В статье представлены результаты исследования современных методик оценки уровня конкурентоспособности региональной экономики. Систематизированы наиболее известные методические разработки российских и зарубежных специалистов. Определены их особенности, обусловленные авторскими подходами к выбору систем оценочных показателей и частных методических инструментов, и условия применения.

Key words: competitiveness, regional economy, methodology, model, method, rating, indicators, integral indicator, assessment, analysis, management.

The results of a study of modern methods of assessing the level of competitiveness of the regional economy is represented in the article. The most well-known methodical developments of Russian and foreign specialists are systemized. Their features, determined by the author's approaches to the choice of systems of evaluation indicators and private methods, as well as application conditions are defined.

Решение проблем формирования эффективной инфраструктуры инновационной деятельности, обеспечивающей реальное повышение инновационной активности регионов, тесно связано с состоянием региональных экономик в целом и уровнем их конкурентоспособности. Этим обусловлена актуальность развития методических

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), научный проект № 18-410-130007 р_а «Исследование влияния инновационной инфраструктуры на повышение конкурентоспособности региональной экономики» (конкурс проектов 2018 года фундаментальных научных исследований, проводимый РФФИ совместно с Республикой Мордовия).

подходов к оценке уровня конкурентоспособности региональной экономики, позволяющих получить необходимую информацию для разработки управленческих решений по обеспечению стратегического инфраструктурного развития инновационной деятельности субъектов Российской Федерации¹.

Сегодня в зарубежной и российской практике используется ряд методик оценки уровня конкурентоспособности региональной экономики. В российской практике можно выделить следующие:

- методика расчета интегрального показателя оценки конкурентоспособности регионов (Л. И. Ушвицкий, В. Н. Парахина);
- методика оценки конкурентоспособности территорий на основе сочетания рангового метода и модели измерения потенциала региона (Б. М. Гринчель, Н. Е. Костылева);
- методика рейтинговой оценки конкурентоспособности региона (В. В. Салихов, В. В. Печаткин, С. А. Саблина);
- методика интегральной оценки конкурентоспособности регионов (В. В. Меркушов);
- методика оценки конкурентоспособности с учетом специфики региона (А. В. Антохина);
- методика оценки конкурентоспособности регионов на основе расчета общего индекса (Н. И. Ларина, А. И. Макаев);
- рейтинг конкурентоспособности регионов России IRPEX;
- рейтинг развития регионов PPP.

Из зарубежного методического инструментария наиболее известны:

- метод Европейской комиссии;
- модель Всемирного экономического форума;
- метод Евразийского института конкурентоспособности.

Рассмотрим их подробнее с точки зрения практической применимости в российской региональной практике.

Методика Л. И. Ушвицкого и В. Н. Парахиной предусматривает проведение расчета интегрального показателя (коэффициента) конкурентоспособности региона на основе определения значений показателей трех групп, характеризующих:

- 1) наличие и эффективность использования региональных ресурсов;
- 2) уровень жизни населения;
- 3) инвестиционную привлекательность и инвестиционную активность региональной экономики.

Авторы рассматривают конкурентоспособность региона как совокупность трех составляющих: обеспечиваемой населением (что обуславливается достижением высокого уровня его жизни); обеспечиваемой производством (обуславливается эффективностью функционирования региональной экономической системы); региональных финансов (что обуславливает инвестиционную привлекательность территории)².

В соответствии с методикой Б. М. Гринчель и Н. Е. Костылевой для оценки рассчитываются 23 показателя, комплексно отражающие все ключевые аспекты «жизнедеятельности» региона, — его социально-экономическое положение, географические и природно-климатические характеристики и др., а также состояние регионального потенциала по элементам (производственный, ресурсный, кадровый, финансовый и др.). Оценка проводится с помощью рангового метода и моделей измерения потенциалов регионов³.

В. В. Салихов, В. В. Печаткин и С. А. Саблина предлагают использовать в качестве информационно-аналитической базы проведения рейтинговой оценки конкурентоспособности региональной экономики официальные статистические данные и рассчитанные на их основе показатели. Данная методика базируется на применении метода многофакторного корреляционно-регрессионного анализа с использованием линейной модели. Совокупность показателей, рассчитываемых в соответствии с нею, делится на 2 блока: показатели, характеризующие способность производства товаров в условиях конкуренции с другими регионами; показатели, характеризующие способность региона удовлетворять потребности собственного населения⁴.

Подход В. В. Меркушова к проведению интегральной оценки конкурентоспособности региональной экономики отличается выделением уже трех систем показателей, а именно: экономического потенциала региона; региональной эффективности; конкурентных преимуществ региона. Интегральная оценка проводится на основе использования непараметрических методов статистического анализа⁵.

А. В. Антохина предложила методический подход к оценке конкурентоспособности региона, основанный на системных расчетах ряда показателей, также объединенных в три группы. Первую группу составили показатели, отражающие общий уровень регионального экономического развития (валовой региональный продукт на душу населения, объем промышленного производства на душу населения, объем розничного товарооборота на душу населения, объем сельскохозяйственного производства на душу населения, объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство» на душу населения, объем перевозок железнодорожным и автомобильным транспортом на душу населения, объем экспорта товаров и услуг на душу населения). Во вторую группу включены показатели, отражающие уровень жизни населения региона (средняя заработная плата на душу населения, уровень занятости населения, доля населения, имеющего доход выше прожиточного минимума, объем платных услуг на душу населения, обеспеченность жильем на душу населения, продолжительности жизни населения). Наконец, показатели третьей группы — это показатели инвестиционной привлекательности региона (инвестиции на душу населения, сальдированный финансовый результат в расчете на душу населения)⁶.

Методика оценки конкурентоспособности регионов на основе определения общего индекса Н. И. Лариной и А. И. Макаева, по сути, также предполагает расчет совокупности частных показателей с последующим агрегированием полученных результатов в интегральный показатель, отражающий конкурентную позицию исследуемого региона. Подход соответствует известным методикам определения странового рейтинга, адаптированным к условиям региональных оценок, что нашло отражение в соответствующем наборе предложенных авторами показателей⁷.

Важной составной частью методической базы оценки конкурентоспособности региональной экономики являются рейтинговые инструменты. Один из них — Рейтинг конкурентоспособности регионов России IRPEX — был разработан Институтом региональной политики и впервые представлен в 2008 г. Основу определения рейтинга составляют результаты оценки 130 факторов, влияющих на конкурентоспособность региональной экономики, — экономических, социальных, территориальных и др. Оценки проводятся с помощью сравнительного (горизонтального) метода. В конечном счете регионы в соответствии с полученным рейтингом распределяются по следующим группам: лидеры; относительно благополучные; средняя

группа; отстающие; проблемные. Особое значение результаты Рейтинга конкурентоспособности регионов России IRPEX имеют для принятия стратегических решений по управлению ими, в том числе в части развития их конкурентных преимуществ и возможностей, снижения производственных, инвестиционных, социальных и других рисков в условиях динамичной рыночной среды с целью повышения стабильности и устойчивости региональных социально-экономических систем.

Рейтинг развития регионов PPP был предложен ОАО ТРК «Петербург — Пятый канал». Он представляет собой список регионов, проранжированных по уровню развития, — от самого развитого до самого отстающего. Рейтинг составляется при участии авторитетных экспертов в области региональной экономики, регионоведения и т. п., оценивающих положение регионов по 15 статистическим показателям, отражающим ситуацию в экономике, социальной сфере, а также состояние социально-экономической инфраструктуры. Оценка проводится с использованием сравнительного (горизонтального) метода.

Представленные рейтинги иллюстрируют общие возможности использования этого инструмента для проведения сравнительной оценки конкурентоспособности региональных экономик, например в пределах страны или группы регионов.

На наш взгляд, существенно расширяют возможности исследуемых оценок зарубежные методики. Так, Модель Всемирного экономического форума основана на выявлении более 50 факторов и показателей, отражающих ситуацию по отдельным элементам, определяющим конкурентоспособность регионов. В соответствии с особенностями Модели факторы оцениваются «в разрезе» двух субиндексов:

- оценка конкурентоспособности предприятий;
- оценка бизнес-климата региона или государства.

Этим обусловлены возможности ее использования для оценки конкурентоспособности как отдельных регионов, так и национальных экономик.

Метод Европейской комиссии предусматривает оценку конкурентоспособности регионов по четырем основным индикаторам — экономике, демографии, образованию, рынку труда. Особенностью метода можно считать проведение не только количественных, но и качественных оценок — например, с помощью методики бенчмаркинга, предусматривающей проведение сопоставлений базовых показателей исследуемого региона в области качества, особенностей и эффективности социально-экономических процессов с аналогичными показателями регионов-конкурентов.

Также примером комплексного использования количественных и качественных оценок является Метод Евразийского института конкурентоспособности, предполагающий расчеты более 10 показателей регионального развития (например, уровень среднедушевого валового регионального продукта, численность населения, богатство кластерных портфелей, бизнес-климат и др.). Так, в части качественных оценок исследуется наличие у регионального руководства стратегии опережающего развития и партнерства с бизнесом и др.

В систематизированном виде рассмотренные методики представлены в таблице.

Проведенный критический обзор наиболее известных современных методик оценки конкурентоспособности региональной экономики позволяет сделать ряд выводов.

Российские специалисты в основном предлагают методические инструменты, сопоставимые по набору базовых показателей и ориентированные именно на региональные потребности в проведении оценок конкурентоспособности экономических

Таблица

Содержательные характеристики российских и зарубежных методик оценки конкурентоспособности региональной экономики

Методика и ее авторы	Основные характеристики методики
1	2
<i>Российские методики</i>	
Методика расчета интегрального показателя оценки конкурентоспособности регионов (Л. И. Ушвицкий, В. Н. Парахина)	Интегральный показатель (коэффициент) конкурентоспособности региона рассчитывается на основе значений трех групп показателей (показатели наличия и эффективности использования региональных ресурсов; показатели уровня жизни населения; показатели инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности региональной экономики)
Методика оценки конкурентоспособности территорий на основе сочетания рангового метода и модели измерения потенциала региона (Б. М. Гринчель, Н. Е. Костылева)	Оценка проводится по 23 показателям, комплексно отражающим ключевые характеристики региона (социально-экономические, географические, природно-климатические и др.), а также состояние регионального потенциала по элементам (производственный, ресурсный, кадровый, финансовый и т. п.)
Методика рейтинговой оценки конкурентоспособности региона (В. В. Салихов, В. В. Печаткин, С. А. Саблина)	На основе данных официальной статистики рассчитываются показатели, объединенные в 2 блока (показатели способности производства товаров в условиях конкуренции с другими регионами и показатели способности региона удовлетворять потребности собственного населения). Методика базируется на применении метода многофакторного корреляционно-регрессионного анализа с использованием линейной модели
Методика интегральной оценки конкурентоспособности регионов (В. В. Меркушов)	Интегральная оценка проводится по результатам расчета 3 систем показателей — экономического потенциала региона, региональной эффективности, конкурентных преимуществ региона. Для оценки используются непараметрические методы статистического анализа
Методика оценки конкурентоспособности с учетом специфики региона (А. В. Антохина)	Оценка проводится на основе системных расчетов 3 групп показателей (показатели общего уровня регионального экономического развития; показатели уровня жизни населения региона; показатели инвестиционной привлекательности региона)
Методика оценки конкурентоспособности регионов на основе расчета общего индекса (Н. И. Ларина, А. И. Макаев)	Интегральный показатель рассчитывается на основе совокупности частных показателей, отражающих конкурентную позицию исследуемого региона. Подход соответствует известным методикам определения рейтинга стран, адаптированным к региональному уровню
Рейтинг конкурентоспособности регионов России IRPEX	Рейтинг определяется по результатам оценки 130 факторов, влияющих на конкурентоспособность региональной экономики (экономических, социальных, территориальных и др.). Для оценки используется сравнительный (горизонтальный) метод. В соответствии с полученным рейтингом регионы распределяются по группам — лидеры, относительно благополучные, средняя группа, отстающие и проблемные

Окончание таблицы

1	2
Рейтинг развития регионов PPP	Рейтинг определяется по 15 статистическим показателям регионального развития (экономика, социальная сфера, социально-экономическая инфраструктура), составляется на основе экспертных оценок путем сравнительного (горизонтального) метода и имеет форму списка регионов, проранжированных по уровню развития — от самого развитого до самого отстающего
<i>Зарубежные методики</i>	
Модель Всемирного экономического форума	Модель формируется на основе значений более 50 факторов и показателей конкурентоспособности регионов, и включает 2 «субиндекса»: оценку конкурентоспособности предприятий и оценку бизнес-климата региона или государства
Метод Европейской комиссии	Оценка конкурентоспособности регионов проводится по четырем основным индикаторам: экономике, демографии, образованию и рынку труда. Метод основан на сочетании количественных и качественных оценок (например, бенчмаркинга)
Метод Евразийского института конкурентоспособности	Рассчитывается более 10 показателей регионального развития (уровень среднедушевого валового регионального продукта, численность населения, богатство кластерных портфелей, бизнес-климат и др.). Метод предусматривает проведение количественных и качественных оценок

систем. Зарубежная методическая база в большей степени носит универсальный характер и ориентирована не только на региональные, но и на страновые, а также на межгосударственные сравнительные оценки. Это подтверждается не только содержательными и информационно-аналитическими особенностями представленных в данном исследовании методик и методов, но и другими методами и показателями, применяемыми в рассматриваемых и более широких целях и, по сути, основанных на аналогичных принципах и подходах, например: Индекс деловой конкурентоспособности IMD, Индексы WEF, Рейтинг журнала Economist, Рейтинг С. Анхольта и др.

Поэтому, выбирая из существующих или разрабатывая собственный методический подход к проведению оценок конкурентоспособности региональной экономики, важно учитывать не только его практические возможности в проведении достоверных расчетов по совокупности показателей ее состояния и потенциала, но и получения обоснованных выводов об устойчивости и стабильности региона как хозяйственного субъекта РФ. Это обстоятельство имеет особое значение для принятия стратегических решений региональными органами управления в соответствии с национальными социально-экономическими приоритетами.

Библиографические ссылки

¹ См.: Марабаева Л. В., Горин И. А., Соколов О. А. Использование таксонометрических методов для оценки конкурентоспособности инновационной инфраструктуры региона // Системное управление. 2014. № 2 (23). С. 11 ; Барабанов А. С. Управление региональной конкурентоспособностью : монография. Вологда, 2014. 160 с.

² См.: Ушвицкий Л. И., Парахина В. Н. Конкурентоспособность региона как новая реалья: сущность, методы оценки, современное состояние // Сборник научных трудов Сев-Кав. ГТУ. Экономика. Владикавказ, 2005. № 1. С. 1 — 20.

³ См.: Гринчель Б. М., Костылева Н. Е., Смирнова А. Е. Повышение конкурентоспособности территорий как обобщающая задача стратегического развития // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2002. № 2. С. 3.

⁴ См.: Печаткин В. В., Салихов С. У., Саблина В. А. Рейтинговая оценка конкурентоспособности регионов России / Ин-т социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН. Уфа, 2004.

⁵ См.: Меркушов В. В. Интегральная оценка уровня конкурентоспособности региона // Межрегиональные экономические сопоставления : сб. ст. М., 2004. С. 24 — 38.

⁶ См.: Антохина А. В. Методика оценки конкурентоспособности региона // Символ науки : междунар. науч. журн. 2017. № 4. С. 26 — 29.

⁷ См.: Ларина Н. И., Макаев А. И. Кластеризация как путь повышения международной конкурентоспособности страны и регионов // Эко 2006. № 10. С. 2 — 26.

Поступила 13.03.2019 г.

УДК 658.338.2

Л. И. Зинина, А. А. Прокофьева

L. I. Zinina, A. A. Prokofeva

РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССНОГО ПОДХОДА К УПРАВЛЕНИЮ ПРЕДПРИЯТИЕМ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ*

DEVELOPMENT OF THE PROCESS APPROACH TO THE MANAGEMENT OF THE ENTERPRISE IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A BALANCED SCORECARD

Ключевые слова: процессное управление, оптимизация бизнес-процессов, управленческие бизнес-процессы, методы, подходы и инструменты воздействия, стратегические цели, сбалансированная система показателей, стратегическое и оперативное управление, стратегия развития.

В статье рассматривается развитие концепции процессного подхода к управлению отечественными предприятиями с применением перспективного инструмента стратегического управления — системы сбалансированных показателей, основанной на причинно-следственных связях между стратегическими целями, отражающими их параметрами и факторами получения планируемых результатов.

Key words: process management, business processes optimization, management business processes, methods, approaches and instruments of influence, strategic goals, a balanced scorecard, strategic and operational management, development strategy.

The article deals with the development of the concept of a process approach to the management of domestic enterprises using a balanced scorecard as a promising instrument for strategic management, which is based on causal relationships between strategic goals, reflecting their parameters and factors for obtaining planned results.

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-05-00066.

Создание комплексной системы управления предприятием во многом обусловлено стратегией его развития и продуманного управления бизнес-процессами, обеспечивающего инновационное конкурентоспособное воспроизводство и эффективность инвестиций.

Концепция процессного управления в отечественной практике признана, и начиная с 90-х гг. XX в. создаются с учетом ее требований более совершенные организационные структуры, но усилия по осуществлению инновационно-стратегических решений в области менеджмента процессов (в частности, с использованием ИТ) далеко недостаточны и пока не приводят к доминированию процессной ориентации. Это тем более актуально, если учитывать интенсивное развитие в стране образовательного направления «Бизнес-информатика», в рамках которого должна осуществляться подготовка бакалавров и магистров по управлению бизнес-процессами и ИТ-менеджеров.

Совершенствование бизнес-процессов предполагает трансформацию всех видов исходных ресурсов, интеллектуального потенциала в необходимые продукты, товары, услуги для общественного потребления, удовлетворения запросов клиентов, но при этом в качестве приоритетного критерия выступает достижение социально-экономического эффекта (сокращение издержек, максимизация объемов производства, прибыли, рост рентабельности, абсолютных и относительных параметров, метрик бизнес-процессов). Общеизвестно, что для этого необходимы разнообразные методы и средства. Не останавливаясь на природе бизнес-процессов, следует подчеркнуть, что их совершенствование основано, прежде всего, на целесообразных и конструктивных изменениях, предусматривающих количественный и качественный анализ, стратегическое и оперативное планирование индикативного характера, разработку новых моделей (схем) организации работы, привлечение ограниченных ресурсов, внедрение более актуальных для предприятия бизнес-процессов, мониторинг результатов выполнения бизнес-процессов, их непрерывное дальнейшее улучшение. Это объективная потребность любой компании в целях усиления ее конкурентных преимуществ, обеспечения интенсивного типа воспроизводства, экономического роста, разработки и реализации инновационно-стратегических решений.

Многочисленные формулировки сущности бизнес-процессов и толкование предпосылок к их совершенствованию свидетельствуют о том, что зарубежные и отечественные авторы рассматривают их преимущественно как последовательность операций (действий, событий), выполняющихся с участием сотрудников, технологий, информационных ресурсов (потоков) для достижения желаемого (ожидаемого) результата, создания координированных условий с целью более конструктивного и оперативного решения возникающих проблем¹. В соответствии с этим принципы процессного подхода к управлению предприятием следующие:

- наличие базовых ресурсов, необходимых для создания ландшафта бизнес-процессов;
- цепочка отлаженных действий, преобразующих ресурсы в ожидаемый результат;
- результат как готовый к потреблению продукт;
- целесообразная взаимосвязь процессов и востребованность процесса внутренним или внешним потребителем;
- структуризация, документирование и стандартизация процесса;

- анализ и контроль процесса в рамках его границ и ключевых показателей (параметров, метрик);
- ответственность владельца за процесс в целом и его исполнителей за конкретную составную часть, операцию, действие;
- сочетание формальных и неформальных процессов;
- целенаправленное стимулирование процессно-ориентированного мышления руководителей и членов коллектива (команды);
- четкое выделение всех ключевых элементов процесса (входы, выходы, ресурсы, владелец, потребители, поставщики, показатели, в том числе стоимостные, технические, технологические, качества, удовлетворенности клиентов, временные).

Исходя из этого, совершенствование (оптимизацию) бизнес-процессов необходимо рассматривать как реализацию комплекса гармонично сочетающихся методов, подходов и инструментов, позволяющих обеспечить рост стоимости предприятия, эффективность его деятельности на базе получения таких преимуществ, как оценка возможностей непрерывного улучшения качества процессов, ликвидация барьеров между функциональными службами (подразделениями), ориентированность на результативность, концентрация усилий организационных структур, минимизация вертикальных взаимосвязей, устранение (слияние, исключение) не востребуемых процессов, сокращение издержек и непроизводственных затрат, высокая вероятность синергетического эффекта бизнес-процессов, оперативное реагирование на воздействие внутренних и внешних факторов, реальность внедрения механизма постоянного улучшения бизнес-процессов, отладка цикла управления бизнес-процессом (определение процесса → анализ процесса → реализация изменений → мониторинг процесса → оптимизация процесса).

В современных экономических реалиях предполагаются различные схемы, этапы, стадии, механизмы совершенствования бизнес-процессов зарубежных и отечественных компаний. На наш взгляд, заслуживает внимания и наиболее для этого предпочтительна концепция экспертов Гарвардского университета, предполагающая менеджмент сложных бизнес-процессов осуществлять по шестиступенчатой модели (схеме)².

1. Планирование.
2. Анализ.
3. Редизайн.
4. Привлечение ресурсов.
5. Внедрение.
6. Непрерывное совершенствование.

На первом этапе основными задачами являются выявление проблемных областей в управлении бизнес-процессами и выделение (выбор) из них наиболее приоритетных для дальнейшего улучшения. При этом должны быть определены границы целесообразных изменений, сформирована профессиональная проектная группа по выработке организационно-управленческих решений и плана улучшения бизнес-процессов (менеджеры, ответственные, пользователи, эксперты, руководство), представляющая новые знания в IT-менеджменте.

На данном этапе по рекомендациям Harvard Group необходимо выяснить: насколько очевидны и актуальны проблемы по формированию стоимости, качества и своевременного выполнения бизнес-процессов; имеет ли место изменение внешних (внутренних) условий, требующих улучшать тот или иной бизнес-процесс, рыночные

позиции конкурентов, модернизированные технологии, предпочтения потребителей; ожидается ли принятие новой корпоративной стратегии в развитии предприятия, обуславливающей кардинальные изменения требований к параметрам выполнения бизнес-процесса.

На втором этапе рекомендуется: а) построить схему (модель) организации работы в рамках конкретного бизнес-процесса (выделенного на первом этапе для оптимизации) и задокументировать ее; б) исследовать модель или схему процесса для идентификации его проблемных сторон; в) провести анкетирование участвующих лиц, сотрудников, клиентов для выяснения их позиции в оценке данного процесса; г) оценить практику других предприятий-конкурентов в организации улучшаемого процесса; д) консолидировать идеи по совершенствованию процесса.

При этом целесообразно построить как макросхему процесса с отображением приоритетных элементов бизнес-процесса, так и его функциональную (пошаговую) схему (границы процесса, идентификация действий каждого сотрудника, распределение ответственности, конкретные операции и их последовательность и взаимосвязь, стандартизированные решения).

Необходимо выяснить следующие аспекты проблемы: а) когда и как нарушается процесс (прерывается, останавливается, задерживается); б) при каких условиях проявляется неудовлетворенность ходом процесса; в) какие составляющие процесса приводят к неприемлемым результатам; г) какие составляющие процесса приводят к чрезвычайным издержкам и т. д.

На третьем этапе совершенствования бизнес-процессов происходит внесение целесообразных изменений в их организацию, а именно:

- формирование сущности и содержания обновляемого (изменяемого) процесса (возможности снижения издержек, времени цикла, точность и качество работы, предвосхищение ожиданий клиентов и т. д.);

- тестирование идей проектной группы (команды), выявление их конструктивизма с оценкой будущих параметров (метрик) и дизайна процесса (сценарный подход, компьютерная симуляция, деловая игра);

- оценка воздействия предлагаемых (внедряемых) процедур на решение бизнес-проблем (вклад в бизнес) и связи с бизнес-стратегией предприятия (учитывать преимущественно организационные аспекты — структура, персонал, клиенты, IT-системы и их модификацию);

- регламентация и документирование нового проекта (дизайна) рекомендуемого бизнес-процесса (можно с использованием функциональной схемы);

- изучение мнений, отзывов заинтересованных сторон и корректировка содержания обновленного бизнес-процесса в случае его неодобрения с позиций достижения ожидаемых результатов (какие потенциальные проблемы могут возникнуть?).

При этом целесообразно построить как макросхему процесса с отображением приоритетных элементов бизнес-процесса, так и его функциональную (пошаговую) схему (границы процесса, идентификация действий каждого сотрудника, распределение ответственности, конкретные операции и их последовательность и взаимосвязь, стандартизированные решения и т. д.).

Для планирования процедуры редизайна следует выяснить: именно для какого процесса он целесообразен и по каким причинам (какие сложности в его функционировании); какие масштабы, задачи и цели должны быть в совершенствовании

бизнес-процессов; что именно необходимо подвергнуть изменениям и в каком аспекте (операции, действия, компоненты, условия); как будет оцениваться успешность совершенствования бизнес-процессов (критерии)?

На четвертом этапе оценку редизайна проблемных бизнес-процессов целесообразно проводить с позиций учета ресурсных возможностей в реализации новой модификации процесса, что предполагает взаимодействие IT-подразделений, специалистов по управлению персоналом, финансового отдела и других функциональных служб.

Определение условий и объемов привлечения дополнительных ресурсов должно осуществляться с позиции оценки масштабов изменения процесса. При этом требуется обосновать по необходимости модификацию служебных обязанностей сотрудников в части повышения их ответственности и учета загруженности их повседневной работой (особенно участников проектной группы) за обеспечение надежности и экономических результатов внедряемого процесса, определение состава и функций группы специалистов, привлечение более компетентных сотрудников и IT-специалистов, владеющих методологией процессного подхода и способных к самомотивации.

Кроме того, на данном этапе необходимо решение таких актуализирующихся в процессе совершенствования бизнес-процессов вопросов, как приобретение нового оборудования, технологий (в том числе программных средств, реализующих целевые инструменты обеспечения новой версии бизнес-процессов), расширение производственных площадей (мощностей), привлечение кредитных ресурсов, переквалификация (или замена) части персонала, наделение менеджеров и владельцев процесса специальными полномочиями, введение новых критериев оценки трудозатрат и их эффективности, изменение должностных инструкций. Следовательно, должна быть сформирована устойчивая и желаемая производственная инфраструктура.

Пятый этап совершенствования бизнес-процессов, по мнению экспертов, как наиболее сложный, предполагает использование его в повседневной практике предприятия. Так, Harvard Group рекомендует при этом двухстадийное действие: 1) исследование противодействующих внедрению факторов; 2) внедрение модернизированных процессов в действующую практику³. Из барьеров внедрения усовершенствованных бизнес-процессов чаще всего отмечаются: а) сопротивление персонала, не осознающего выгоду нововведений; б) сопротивление руководителей, не желающих изменять привычные условия и методы работы из-за реализации обновленного бизнес-процесса; в) отсутствие авторитетной административной поддержки нововведений из-за их кардинальности и непредсказуемости.

Следовательно, эффективная организация внедрения усовершенствованного бизнес-процесса должна сопровождаться наряду с широким информированием о преимуществах демонстрацией его перспективных параметров и влияния на результативность бизнеса, апробацией бизнес-процесса с последующей оценкой его эффективности, выявлением экономических, организационных и инфраструктурных проблем и возможностей перехода на новую организационно-управленческую модель функционирования.

На завершающем шестом этапе улучшения бизнес-процессов доминирующая задача — обеспечение их устойчивости, надежности и качества на базе создания системы непрерывного мониторинга всех составляющих бизнес-процесс компонентов. При этом обязательным условием являются: а) выявление проблемных ситуа-

ций, выработка и реализация конструктивных мер по их устранению (ослаблению); б) сравнение текущих (фактических) параметров, показателей бизнес-процессов с планируемыми их абсолютными (или относительными) значениями и оценка отклонений (погрешностей); в) корректировка показателей эффективности бизнес-процессов и их результатов (при необходимости); г) выявление соответствия заданных показателей, задач, целей и данных по функционированию контролируемого и анализируемого бизнес-процесса (возможно с использованием специальной матрицы) с акцентом на параметры качества, временные характеристики, удовлетворенности клиентов, стоимостные показатели (их по мере проявления новых ситуаций и обстоятельств следует пересматривать, например, при усилении конкуренции, трансформации микроэкономических условий совершенствовании технологической платформы, достижении весомых результатов).

Менеджмент совершенствования бизнес-процессов должен включать процедурную модель по построению единой (целостной) структуры процессов, предполагающей: 1) разработку стратегии реорганизации процессов; 2) детализацию процессов с их идентификацией на подвиды (основные, вспомогательные, управленческие, развития).

Формирование макроструктуры бизнес-процессов должно осуществляться в соответствии с долгосрочной стратегией компании. При этом И. Беккер и другие авторы выделяют⁴:

- рыночно-ориентированный подход, эффективность которого определяется формированием конкурентных преимуществ компании в привлекательной отрасли (а в качестве стратегических альтернатив определяются минимизация издержек и дифференциация продукции;

- ресурсно-ориентированный подход, в котором усилен акцент на анализ внутреннего состояния компании и соответствующей отрасли, доминирует стратегия оптимального использования и развития ресурсной составляющей, а также предусматривается включение (достижение) ключевых компетенций, способ разработки производства и сбыта продукции, невозможный для повтора конкурентами, ориентация на обеспечение долговременной рентабельности;

- комбинированный подход, объединяющий как доминирование интересов клиентов, так и оптимизацию использования внутренних ресурсов.

Исходя из вышеизложенного методологического исследования сущности и содержания совершенствования бизнес-процессов, рассмотрим вопрос о формировании и использовании системы сбалансированных показателей (ССП) в качестве прогрессивного инструмента развития процессного управления в условиях отечественных предприятий.

Система сбалансированных показателей, являясь инструментом стратегического и оперативного управления, позволяет увязать стратегические цели компании с бизнес-процессами и осуществлять контроль за реализацией ее общей стратегии. Интеллектуальный капитал и информационные технологии в условиях динамично развивающейся экономики приобретают все большее значение, делая ССП особенно актуальной⁵.

Из различных факторов производства информация приобретает ключевое значение и рассматривается в качестве ведущего двигателя будущего успеха. Наиболее значимым и востребованным ресурсом, создающим серьезные конкурентные преимущества, становится информатизация.

На современных производственных предприятиях внедрение ССП происходит на локальном уровне. Предприятия среднего и малого бизнеса изначально пытаются внедрить систему управления предприятием и систему повышения эффективности сотрудников путем разработки КРІ. Крупному бизнесу внедрить систему управления, основанную на стратегии развития, достаточно сложно, так как масштаб таких предприятий предполагает большое количество показателей, требующих изучения и обобщения.

После определения стратегических показателей высокого уровня и ключевых операционных показателей встает задача представления информации. Все показатели деятельности предприятия должны быть согласованы и персонифицированы для разных пользователей.

ССП является одной из самых популярных и удачных технологий, позволяющих использовать (как финансовые, так и нефинансовые) измерения на пользу всей компании (рисунок).

В классическом варианте концепции ССП представляет собой всю информацию, необходимую руководителю для принятия решений, и разбивается на четыре взаимосвязанных блока, называемых «перспективами»:

- 1) «Финансы / Экономика»;
- 2) «Рынок / Клиенты»;
- 3) «Бизнес-процессы»;
- 4) «Инфраструктура / Сотрудники».

В системе ССП финансовые показатели считаются «поздними» (когда реагировать уже поздно), а показатели, относящиеся к перспективам «Рынок / Клиенты», «Бизнес-процессы» и «Инфраструктура / Сотрудники», рассматриваются как «ранние» (есть возможность своевременно отреагировать).

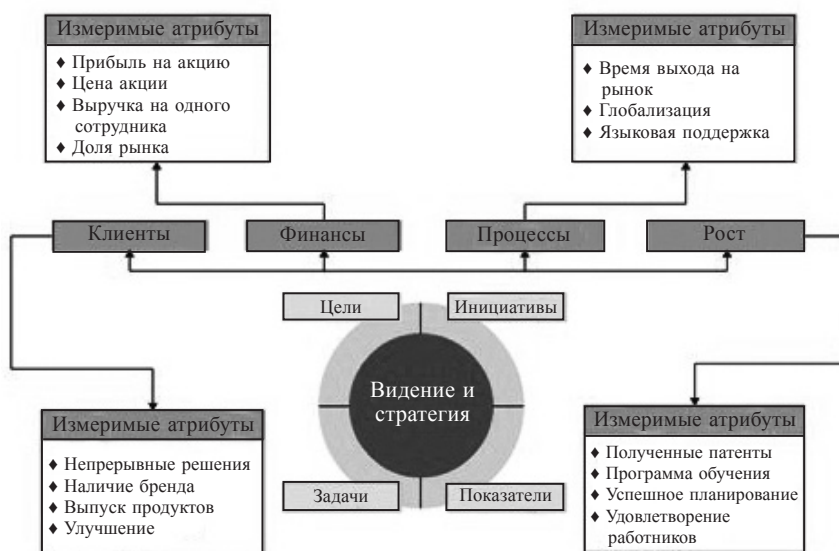

Рисунок. Система сбалансированных показателей

Четыре блока в рамках модели ССП имеют стратегическую причинно-следственную связь, в которой сплоченные в единую команду квалифицированные и мотивированные сотрудники, используя развитую инфраструктуру, включающую информационные системы, оборудование, технологии, обеспечивают необходимое системе качество бизнес-процессов.

Отлаженные бизнес-процессы (низкий процент брака, быстрая обработка и выполнение заказа клиента, качественная сервисная поддержка) обеспечивают удовлетворенность клиентов, достижение конкурентных преимуществ и успех компании на рынке. В свою очередь, маркетинговые успехи предприятия, служат залогом его финансовых успехов.

Обратная связь модели ССП представлена следующим образом. Причины неудовлетворительных значений финансово-экономических показателей находятся блоке «Рынок / Клиенты», неудовлетворенность клиентов означает наличие проблем в блоке «Бизнес-процессы», а корни проблем с бизнес-процессами следует искать в блоке «Инфраструктура / Сотрудники»⁶.

Как и любая другая из современных разработанных систем менеджмента ССП при неправильном использовании может вызвать нежелательные последствия. В то же время она остается одним из наиболее эффективных и простых подходов, позволяющим непрерывно оценивать возможности основных бизнес-процессов предприятия в соответствии со стратегическими задачами.

Для решения проблем, связанных с автоматизацией внедрения ССП, может быть использован программный продукт Business Studio. После завершения этапа внедрения ССП действует как концепция менеджмента, а не только как система показателей⁷.

Алгоритм разработки ССП включает пять основных шагов (таблица).

1. Определение стратегических целей (в общей сложности от 15 до 25).
2. Установка оценок для каждой стратегической цели (переход от качественной оценки (достигнута либо не достигнута) к количественной (измерение степени достижения цели).
3. Определение плановых значений оценок.
4. Составление списка стратегических инициатив, призванных способствовать достижению каждой из целей.
5. Объединение различных стратегических целей при помощи причинно-следственной диаграммы, которая называется картой стратегии (в целом представляет собой гипотетическую модель сегмента бизнеса).

Внедрение ССП в российских компаниях имеет специфику, которая в значительной степени влияет на ее успешную реализацию. Применяя стратегию на практике, предприятия сталкиваются со множеством проблем: действия сотрудников идут вразрез со стратегическими целями; инициативы, идущие от низшего уровня управления, не совпадают с видением высшего руководства. В связи с этим использование данной концепции в системе стратегического управления отечественными компаниями, ее разработка и формирование имеют большие перспективы и заслуживают внимания не только ученых, но и практиков.

Российский автор А. Федосеев модифицировал концепцию BSC в вариант трехзвенной ССП. Вместо четырех контролируемых областей (финансы, клиенты, внутренние бизнес-процессы, обучение персонала) российским предприятиям предлагается внедрение трехосной модели (внутренние процессы, внешние процессы,

Таблица

Алгоритм разработки Системы сбалансированных показателей

№ п/п	Шаг	Проводимые мероприятия
1	2	1
1	Формулировка стратегической цели (этап стратегического планирования)	Декомпозиция стратегии компании на конкретные стратегические цели, детально отображающие различные стратегические аспекты с учетом следующих критериев: 1) цели должны быть измеримыми; 2) на достижение целей можно влиять; 3) цели приемлемы для различных групп людей и согласованы с общей целью компании. Анализ институциональной среды, тенденций развития рынка, конкурентов, предложенных сценариев работы компании на ближайшие три года. Формирование миссии и стратегии на основе полученных аналитических данных
2	Определение функциональных целей (построение стратегической карты)	Проецирование стратегической цели на функциональные направления в соответствии со следующими условиями: — необходимость и достаточность; — привязка ко времени; — согласованность по времени; — согласованность по иерархии управления; — измеримость
3	Определение ключевых факторов успеха (KSF, КФУ)	Отбор показателей как измерителей успеха для каждой функциональной цели
4	Определение ключевых показателей эффективности (КПЭ, KPI), построение дерева КПЭ	Выбор подходящих показателей для целей каждой из перспектив на стратегической карте в оптимальном соотношении: 1) финансы — 4 — 5 показателей (22 %); 2) клиенты — 4 — 5 показателей (22%); 3) внутренние бизнес-процессы — 8 — 10 (34); 4) обучение и развитие — 4 — 5 показателей (22 %). Проверка возможности показателей расчета с требуемой периодичностью (т. е. возможность сбора и обработки соответствующей информации и затраты на это). Разработка процедур и информационных схем, с помощью которых будут рассчитываться эти показатели. Установка для каждого выбранного КПЭ количественного значения (диапазон значений): — минимальное (нижняя граница); — плановое (удовлетворительное значение, позволяющее выйти на бюджетные показатели); — «вызов» (ориентир для компании, достижение которого крайне желательно и возможно при благоприятном развитии событий). Группировка КПЭ на: — индикативные (которые не должны ухудшаться, т. е. важно контролировать нижнюю границу); — мотивационные (для которых важно достижение планового значения и даже его превышение). Построение дерева КПЭ, отражающего взаимосвязь и взаимовлияние показателей, а также их принадлежность тому или иному подразделению или лицу

Окончание таблицы

5	Разработка планов мероприятий и инициатив, разработка бюджетов	Сравнение имеющихся возможностей и требований развития. При их расхождении реализация действий, направленных на устранение «разрывов». Формирование бюджетов исходя из предложенного пакета проектов
---	--	--

финансы), в которой определены все существующие и возможные в дальнейшем области управления бизнесом. В варианте Р. Каплана и Д. Нортон в контуре управления используется цепочка «цели — показатели — задачи-инициативы»⁸. Он предлагает отказываться от показателей, не имеющих количественного выражения, т. е. избавляется от всего не формализуемого и видит ее в урезанном виде «цели — показатели — задачи-инициативы».

В каком варианте внедрять концепцию ССП в российских реалиях — решать самим компаниям, от этого не меняется ее основное назначение, заключающееся в усилении стратегии бизнеса, ее формализации, проведении и донесении до каждого сотрудника компании, обеспечении мониторинга и обратной связи с целью отслеживания и генерации организационных инициатив внутри структурных подразделений.

Исследование теории и практики совершенствования бизнес-процессов позволяет констатировать необходимость улучшения следующих аспектов в данной области.

1. Деятельность по совершенствованию бизнес-процессов необходимо рассматривать с позиций системной и всеобъемлющей модернизации предприятия (а не как выполнение единичных экономико-технологических решений) и акцентировать внимание на стратегическое содержание предлагаемых изменений (бизнес-стратегию), разработку системы сбалансированных показателей, выделение ключевых (критических) факторов развития, создание новых видов деятельности (бизнеса), совершенствование (адаптацию) ИКТ и ИС, переоценку производственной инфраструктуры, в том числе IT-инфраструктуры, формирование эффективной IT-стратегии.

2. Концентрировать усилия не на отдельных операциях бизнес-процесса, а предусматривать развитие предприятия с позиций создания цепочки добавленной ценности, учитывая при этом возможности раскрытия основных резервов по снижению производственно-сбытовых издержек, обеспечению качества, мотивации персонала и стимулирования роста потребностей клиентов по приоритетным бизнес-процессам (5 — 6 процессов), а также стабилизации их конкурентоспособности (в том числе при усилении присутствия конкурентов).

3. Совершенствование бизнес-процессов следует рассматривать с позиций обеспечения их инновационного содержания (инноватики процесса) с использованием возможностей когнитивной аналитики, нового знания как в разработке новых видов продуктов, так и инструментов управленческого воздействия менеджеров. Это обуславливает необходимость определения центров ответственности с учетом оптимизации деятельности владельцев бизнес-процессов с оценкой степени регламентации их конкретных операций.

4. Оценку эффективности бизнес-процессов следует осуществлять в условиях определенности и неопределенности на основе инструментов оптимизационного экономико-математического моделирования с отражением информационных, материальных и финансовых потоков.

При формировании ландшафта бизнес-процессов предприятия ИТ-менеджеры призваны управлять ИТ-процессами и совершенствовать их, оценивая информационные процессы по форме и содержанию как целесообразную трансформацию информации, ИС и ИКТ, ИТ-отрасли, а также осуществлять идентификацию, документирование, структурирование, декомпозицию и математическую формализацию бизнес-процессов в ИТ-сфере⁹. Это должно учитываться и при построении элементов ИТ-стратегии предприятия с отражением следующих элементов: инновационные цели; связь с бизнес-стратегией; использование концепции ИТ BSC; создание цепочки ценностей для ИТ-сферы и ИТ-подразделений; устранение ИТ-рисков; финансовое обеспечение ИКТ; ориентация на цели и возможности конкурентов; структура ИТ-издержек и инвестиций в информационные активы; создание и достижение конкурентных преимуществ в формировании архитектуры предприятия (в том числе информационной, архитектуры приложений), управлении ИТ-ресурсами, организации ИТ-процессов.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Андерсен Б.** Бизнес-процессы. Инструменты совершенствования. М., 2003. 274 с. ; **Блинов А.** Реинжиниринг бизнес-процессов. М., 2010. 322 с. ; **Варзунов А. В., Торосян Е. К., Сажнева А. П.** Анализ и управление бизнес-процессами. М., 2016. 112 с. ; **Галямнина И. Г.** Управление процессами. М., 2013. 304 с. ; **Ширяев В. И.** Управление бизнес-процессами. М., 2009. 464 с.

² См.: Руководство по улучшению бизнес-процессов / Harvard Business School. М., 2015. С. 132.

³ Там же.

⁴ См.: Менеджмент процессов / под ред. Й. Беккера. М., 2007. 384 с.

⁵ См.: **Щёлкова В. А., Щёлкова С. Г.** Повышение эффективности работы производственного предприятия путем разработки и внедрения сбалансированной системы показателей BSC // Проблемы и перспективы экономики и управления : материалы III междунар. науч. конф. СПб., 2014. С. 223 — 225.

⁶ См.: **Синявина М. П., Магрицкий В. А., Лопатин М. В.** Опыт использования BSC-модели для создания системы показателей эффективности малого предприятия // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2009. № 3 (79). С. 194 — 198.

⁷ См.: BUSINESS STUDIO : офиц. сайт. URL: <https://www.businessstudio.ru/wiki/docs/v4/doku.php/ru/bsc/technology> (дата обращения: 29.03.2019).

⁸ См.: **Иткулов С. Г., Фролова Т. В., Коробейникова Е. В.** Механизм внедрения KPI и BSC на предприятии // Управление экономическими системами. 2015. № 5 (77). С. 80 — 96.

⁹ См.: **Авдошин С. М., Песоцкая Е. Ю.** Информатизация бизнеса. Управление рисками. М., 2011. 176 с. ; **Зинина Л. И., Прокофьева А. А.** Инструментальные методы совершенствования бизнес-процессов // Вестник НГИЭИ. 2019. № 1 (92). С. 80 — 96 ; **Лобанова Н. М., Алтухова Н. Ф.** Эффективность информационных технологий. М., 2016. 237 с. ; **Селетков С. Н.** Управление информацией и знаниями компании. М., 2017. 208 с. ; **Ширяев В. И.** Указ. соч.

Поступила 19.03.2019 г.

УДК 316.346.32-053.9

Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова, Л. А. Абелова
 L. N. Lipatova, V. N. Gradusova, A. A. Abelova

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ: ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ И МАСШТАБ ПРОБЛЕМ

THE QUALITY OF OLDER PEOPLE LIFE: APPROACHES TO THE ASSESSMENT AND THE SCALE OF PROBLEMS

Ключевые слова: демография, население, продолжительность жизни, пожилые люди, пенсионеры, качество жизни, социальное самочувствие, среднедушевые доходы, пенсия, бедность.

В статье анализируются основные социально-экономические индикаторы качества жизни пожилых людей в РФ, выявляются наиболее проблемные регионы, предлагаются меры по его повышению.

Key words: demography, population, life expectancy, the elderly, pensioners, quality of life, social well-being, average per capita income, pension, poverty.

The main social and economic indicators of the quality of older people life in the Russian Federation are analyzed in the article, the most problematic regions are identified and measures to improve it are suggested.

Продолжительность жизни, наверно, единственный показатель, комплексно отражающий социально-экономическую ситуацию в стране. По его динамике, не обращаясь к другим индикаторам, можно судить о правильности курса государственной политики в названной сфере. Увеличение продолжительности жизни людей — большое достижение государства. Не случайно данный показатель используется при оценке уровня развития медицины, экономики и страны в целом. Вместе с тем это ставит перед государством более масштабные и сложные задачи по обеспечению достойных условий жизни пожилых людей, внесших вклад в развитие страны¹.

Статистика показывает, что продолжительность жизни в России в последние годы устойчиво возрастает после резкого падения вследствие социального эксперимента начала 1990-х гг. В конце 1980-х гг. этот показатель в России превышал 70 лет, а в 1994 г. был ниже 64 лет. С 1993 по 2006 г. (за исключением 1997 и 1998 гг.) российские мужчины в среднем даже не доживали до пенсии (табл. 1).

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет

Годы	Все население			Городское население			Сельское население		
	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1958 — 1959	67,91	62,99	71,45	67,92	63,03	71,48	67,84	62,86	71,30
1961 — 1962	68,75	63,78	72,38	68,69	63,86	72,48	68,62	63,40	72,33
1965 — 1966	69,50	64,32	73,41	69,44	64,59	73,14	69,14	63,32	73,49

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1966 — 1967	69,45	64,16	73,49	69,45	64,50	73,24	68,97	63,13	73,52
1967 — 1968	69,34	63,92	73,54	69,37	64,33	73,31	68,91	62,77	73,56
1968 — 1969	69,06	63,46	73,50	69,12	63,95	73,23	68,53	62,01	73,58
1969 — 1970	68,81	63,15	73,39	68,97	63,57	73,32	68,23	62,11	73,20
1970 — 1971	68,93	63,21	73,55	68,51	63,76	73,47	68,13	61,78	73,39
1971 — 1972	68,95	63,21	73,60	69,33	63,94	73,66	67,88	61,36	73,26
1972 — 1973	68,88	63,21	73,49	69,33	64,02	73,60	67,61	61,07	73,02
1973 — 1974	68,90	63,16	73,58	69,38	64,08	73,67	67,40	60,62	73,07
1974 — 1975	68,60	62,78	73,41	69,16	63,80	73,53	66,79	59,68	72,80
1975 — 1976	68,13	62,32	73,03	68,75	63,41	73,22	66,14	58,85	72,38
1976 — 1977	67,95	62,00	73,11	68,53	63,14	73,21	65,75	58,18	72,36
1977 — 1978	67,85	61,83	73,17	68,49	63,11	73,28	65,51	57,69	72,49
1978 — 1979	67,72	61,66	73,11	68,17	62,46	73,17	66,32	59,62	72,61
1979 — 1980	67,54	61,45	73,00	68,04	62,28	73,09	65,99	59,31	72,39
1980 — 1981	67,61	61,53	73,09	68,09	62,39	73,18	66,02	59,30	72,47
1981 — 1982	68,01	61,99	73,47	68,50	62,81	73,54	66,33	59,67	72,84
1982 — 1983	68,25	62,27	73,63	68,72	63,10	73,67	66,54	59,83	73,04
1983 — 1984	67,93	62,00	73,31	68,43	62,87	73,38	66,11	59,41	72,70
1984 — 1985	68,08	62,31	73,32	68,59	63,13	73,42	66,26	59,77	72,63
1985 — 1986	69,26	63,83	73,99	69,61	64,46	74,00	67,86	61,76	73,55
1986 — 1987	70,13	64,91	74,55	70,32	65,38	74,44	69,09	63,21	74,40
1988	69,90	64,80	74,43	70,09	65,37	74,20	68,72	62,71	74,37
1989	69,57	64,21	74,47	69,89	64,75	74,49	68,45	62,60	74,19
1990	69,20	63,79	74,27	69,58	64,39	74,35	67,92	62,00	73,89
1991	69,01	63,46	74,27	69,39	64,06	74,33	67,73	61,70	73,87
1992	67,89	62,02	73,75	68,20	62,48	73,80	66,87	60,67	73,45
1993	65,14	58,91	71,88	65,42	59,25	71,97	64,28	57,94	71,51
1994	63,98	57,59	71,18	64,24	57,88	71,29	63,17	56,75	70,82
1995	64,64	58,27	71,70	64,84	58,48	71,76	64,06	57,70	71,50
1996	65,89	59,75	72,49	66,31	60,22	72,70	64,67	58,44	71,85
1997	66,64	60,75	72,89	67,19	61,43	73,10	65,10	58,94	72,29
1998	67,02	61,30	72,93	67,46	61,82	73,13	65,77	59,90	72,32
1999	65,93	59,93	72,38	66,39	60,41	72,65	64,62	58,63	71,55
2000	65,27	59,00	72,20	65,65	59,38	72,40	64,18	57,99	71,55
2001	65,29	58,96	72,34	65,66	59,34	72,50	64,20	57,90	71,79
2002	64,95	58,68	71,90	65,40	59,09	72,18	63,68	57,54	71,09
2003	64,86	58,56	71,86	65,37	59,02	72,21	63,42	57,29	70,86
2004	65,31	58,91	72,36	65,87	59,42	72,73	63,77	57,56	71,27
2005	65,37	58,92	72,47	66,10	59,58	72,99	63,45	57,22	71,06
2006	66,69	60,43	73,34	67,43	61,12	73,88	64,74	58,69	71,86
2007	67,61	61,46	74,02	68,37	62,20	74,54	65,59	59,57	72,56
2008	67,99	61,92	74,28	68,77	62,67	74,83	65,93	60,00	72,77
2009	68,78	62,87	74,79	69,57	63,65	75,34	66,67	60,86	73,27
2010	68,94	63,09	74,88	69,69	63,82	75,39	66,92	61,19	73,42

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
2011	69,83	64,04	75,61	70,51	64,67	76,10	67,99	62,40	74,21
2012	70,24	64,56	75,86	70,83	65,10	76,27	68,61	63,12	74,66
2013	70,76	65,13	76,30	71,33	65,64	76,70	69,18	63,75	75,13
2014	70,93	65,29	76,47	71,44	65,75	76,83	69,49	64,07	75,43
2015	71,39	65,92	76,71	71,91	66,38	77,09	69,90	64,67	75,59
2016	71,87	66,50	77,06	72,35	66,91	77,38	70,50	65,36	76,07
2017	72,70	67,51	77,64	73,16	67,90	77,96	71,38	66,43	76,66

Составлена по: Демографический ежегодник России. 2002 : стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. С. 105 ; Российский статистический ежегодник : стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 96.

К уровню конца 1980-х гг. по продолжительности жизни России удалось вернуться только в 2012 г., а по отдельным категориям населения (все сельское население и мужчины) — в 2013 г. На восстановление этого важнейшего индикатора социально-экономической ситуации в стране ушли долгих 18 лет. Тем не менее, принимая во внимание провал начала 1990-х гг. (к 1994 г. страна была отброшена лет на 45 назад — в годы послевоенной разрухи и нищеты), специалисты считают это значительным достижением государства².

Один из важных факторов увеличения продолжительности жизни — улучшение материальных условий жизнедеятельности людей. Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни в России демонстрируют рост — номинально среднедушевые денежные доходы россиян за 2000 — 2017 гг. увеличились в 13,8 раза, но статистика зафиксировала их снижение в реальном исчислении в 2014 — 2017 гг. (табл. 2).

Таблица 2

**Отдельные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения
Российской Федерации**

Показатель	2000	2005	2010	2013	2014	2015	2016	2017
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств (в текущих ценах): млрд. руб.	3 813,5	12 455,0	27 962,0	44 449,0	48 515,0	50 096,0	51 972,0	55 163,0
% к ВВП	52,3	57,3	59,8	60,8	61,3	60,1	61,0	60,2
% к предыдущему году	105,9	110,8	104,3	104,3	101,7	91,7	97,5	102,6
на душу населения, руб.	26 014	86 784	19 5744	30 9735	33 2086	342 168	35 4334	375 657
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.	2 281	8 088	18 958	25 928	27 767	30 467	30 747	31 477

Окончание табл. 2

Реальные располагаемые денежные доходы, % к предыдущему году	112	112	106	104	99	97	94	98
--	-----	-----	-----	-----	----	----	----	----

Составлено по: Россия в цифрах : крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 115 — 119.

Стали лучше жить и российские пенсионеры: за 2010 — 2017 гг. средний размер назначенных пенсий увеличился в 1,8 раза, их реальное содержание — на 44,4 %, но соотношение среднего размера назначенных пенсий с величиной прожиточного минимума немного ухудшилось (табл. 3).

Таблица 3

**Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни пенсионеров
в Российской Федерации**

Показатель	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Средний размер назначенных пенсий (2000 г. — с учетом компенсации), руб.	694,3	2364,0	7 476,0	8 203,0	9 041,0	9 918,0	10 786,0	11 986,0	12 391,0	13 304,0
Реальный размер назначенных пенсий, % к предыдущему году	128,0	110,0	135,0	101,2	104,9	103,0	101,0	96,0	97,0	104,0
Соотношение среднего размера назначенных пенсий с величиной прожиточного минимума, %	76	98	165	163	177	165	163	151	153	160

Составлено по: Российский статистический ежегодник : стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 137 ; Россия в цифрах. 2018. С. 115 — 119.

Перечень разрабатываемых отечественной статистикой показателей, характеризующих ситуацию в этой сфере, мал, и отражают они в основном уровень доходов пенсионеров. Для характеристики качества жизни пожилых людей в России можно использовать еще несколько разрабатываемых Росстатом показателей, касающихся занятости и безработицы, уровня жизни, образованности, заболеваемости (отдельными болезнями). Показателей несколько. А россиян в этом возрасте на 1 января 2018 г. было 37 363 тыс. чел., или 25,4 % населения страны³. Вероятно, что многие из них нуждаются в помощи. Это требует внесения изменений в систему националь-

ного статистического учета и выделения статистики качества жизни пожилых людей в отдельное направление.

Статистика показывает, что россияне в пенсионном возрасте неплохо образованы: более 30 % имеют высшее и незаконченное высшее образование, но это в 1,5 — 2,0 раза меньше, чем в других категориях взрослого населения. Отчетливо проявляется тенденция к снижению удельного веса лиц с высшим образованием по мере повышения возраста. Примечательно, что людей, не имеющих образования, в старших возрастных категориях (за исключением группы 70 лет и старше) меньше, чем среди современной молодежи (табл. 4). Это говорит о необходимости внесения изменений в систему общего образования в стране, включая усиление контрольных функций со стороны соответствующих служб.

Таблица 4

Уровень образования населения по возрастным группам
(по данным микропереписи населения 2015 г.), чел.

Возраст, лет	Указавшие уровень образования	На 1 000 чел. соответствующего возраста, указавших уровень образования, приходится лиц							
		имеющих профессиональное образование			имеющих общее образование				не имеющих образования
		высшее	неполное высшее (незаконченное высшее)	среднее	среднее (полное)	основное (неполное среднее)	начальное	дошкольное	
Все население в возрасте 6 лет и более	1 992 713	231	25	361	160	91	78	46	8
20 — 24	112 808	239	142	350	210	51	4	—	4
25 — 29	168 378	409	44	362	132	46	4	—	3
30 — 34	166 184	401	31	372	139	49	5	—	3
35 — 39	156 372	357	22	403	152	59	4	—	3
40 — 44	146 584	315	17	456	158	49	3	—	2
45 — 49	135 579	282	16	500	161	36	3	—	2
50 — 54	158 461	243	13	513	188	38	3	—	2
55 — 59	175 050	215	11	511	206	52	4	—	1
60 — 64	151 608	201	10	485	209	86	8	—	1
65 — 69	113 435	205	10	448	195	123	18	—	1
70 и более	206 730	137	7	278	146	232	191	—	9

Составлено по: Российский статистический ежегодник. 2018. С. 181.

О состоянии здоровья российских пенсионеров лучше других показателей говорит тот факт, что в начале 2018 г. более 21 % было признано инвалидами⁴. Иными словами, требуются усиление контроля над соблюдением условий труда, а также особый подход к организации системы здравоохранения пожилых людей, развитие

надомного медицинского обслуживания, создание условий для жизнедеятельности лиц с ограниченными возможностями здоровья. Пока в России эти проблемы далеки от решения.

Об обострении проблем социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов в стационарных организациях говорит тот факт, что численность проживающих в них превышает число мест на 20 тыс. чел. (табл. 5). Еще 3,0 тыс. пожилых россиян по состоянию на 1 января 2018 г. ожидали очереди для помещения в эти организации.

Таблица 5

Стационарные организации социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов (на конец года)

Показатель	2000	2010	2015	2016	2017
Количество организаций для граждан пожилого возраста и инвалидов-взрослых, ед.	1 132	1 475	1 293	1 277	1 307
В них:					
мест, тыс.	232	249	254	257	263
проживающих, тыс. чел.	212	245	251	253	283

Составлено по: Российский статистический ежегодник. 2018. С. 220.

Об условиях проживания в таких организациях мы узнаем из новостей, связанных с трагическими случаями (часто в них случаются пожары и др.), хотя статистика утверждает, что организации для престарелых и инвалидов находятся в хорошем состоянии: только 0,1 % — в аварийном, 0,6 — в ветхом состоянии, 1,6 % требуют реконструкции⁵. Необходимо усиление контроля над их деятельностью со стороны вышестоящих организаций и общественных объединений.

Не известно точное число бездомных пожилых людей. Нет полной информации о функционировании домов ночного пребывания, социальных приютов, столовых для бездомных. Хотя это тоже задача социального государства и важнейший индикатор его эффективности. Для преодоления (уменьшения масштабов) этого тяжелого социального явления предлагается использовать показатель социализации граждан, оказавшихся в состоянии депривации, при оценке результативности деятельности органов социальной защиты.

Анализ структуры занятых по возрастным группам показывает, что, удельный вес лиц пенсионного возраста среди работающих женщин в РФ за 2000 — 2017 гг. увеличился с 8,5 до 14,7 %, мужчин — остался на уровне 5,2 %. Уровень занятости граждан пенсионного возраста повышается в соответствии с общей тенденцией (табл. 6).

После повышения границы пенсионного возраста следует ожидать уменьшения доли работающих пенсионеров, особенно мужчин, в структуре занятого населения и повышения уровня их занятости. Заработная плата работающих граждан пенсионного возраста существенно ниже, чем у других возрастных категорий (табл. 7), что делает необходимым усиление контроля над соблюдением трудового законодательства со стороны государства.

Таблица 6

Уровень занятости женщин и мужчин пенсионного возраста, %

Возраст	2008		2009		2016		2017	
	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щины	Муж- чины	Жен- щины	Муж- чины
Всего	58,5	68,3	57,6	67,5	60,4	71,6	60,1	71,5
В том числе в возрасте, лет: 55 — 59	47,8	73,9	48,1	70,9	52,4	75,8	52,0	75,5
60 — 72	13,3	23,4	14,4	23,5	18,6	27,1	17,3	26,5

Составлено по: Женщины и мужчины России. 2010 : стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 114 ; Женщины и мужчины России. 2018 : стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 107.

Таблица 7

Средняя начисленная заработная плата женщин и мужчин по возрастным группам в 2017 г. (по данным выборочного обследования организаций за октябрь), руб.

Пол	Всего	В том числе в возрасте, лет									
		20 — 24	25 — 29	30 — 34	35 — 39	40 — 44	45 — 49	50 — 54	55 — 59	60 — 64	65 и старше
Все работники	38 609	32 259	40 827	43 653	43 420	41 312	38 962	36 328	34 315	31 949	32 199
Женщины	32 658	28 854	34 500	34 303	35 180	34 699	33 716	31 525	30 465	28 269	28 148
Мужчины	45 558	35 389	46 062	52 453	53 310	50 556	46 530	42 997	38 623	36 304	37 102

Составлено по: Женщины и мужчины России. 2018. С. 138 — 139.

Среди безработных женщин в России за 2000 — 2017 гг. лиц в пенсионном возрасте стало на 0,6 п. п. больше (соответственно 2,9 и 3,5 % на начало и конец рассматриваемого периода), среди неработающих мужчин — на 0,5 п. п. больше (соответственно 2,8 и 3,3 %)⁶.

Средняя продолжительность поиска работы безработными мужчинами уменьшилась с 11,2 мес. в 2000 г. до 8,0 мес. в 2017 г. Следует заметить, что в возрасте 45 — 59 лет поиск работы занимает больше времени. У женщин картина примерно такая же: в 55 — 59 лет трудоустроиться проще, чем в 40 — 54 года. Скорее всего, это объясняется тем, что на пенсии, как правило, люди используют любую возможность подработать⁷.

В связи с указанным много людей старшего поколения заняты в теневом секторе экономики, зачастую работают в плохих условиях, нередко их труд сопряжен с риском для здоровья. В таком случае надо активизировать работу по понуждению предпринимателей к легализации экономической деятельности (табл. 8).

Повышение экономической активности лиц старших возрастных категорий, с одной стороны, свидетельствует о том, что все большее число россиян сохраняют работоспособность и готовы трудиться и по достижении пенсионного возраста. С другой стороны, это может быть связано с необходимостью дополнительного дохода из-за низкой пенсии. Познакомившись с методикой Росстата по определению ве-

Таблица 8

**Распределение женщин и мужчин в возрасте 15 — 72 лет,
занятых в неформальном секторе, по возрасту в 2017 г.**

Возраст	Женщины	Мужчины	Распределение по полу, %	
			Женщины	Мужчины
На основной работе				
Занято, всего				
тыс. чел.	5 868	7 447		
%	100,0	100,0	44	56
В том числе в возрасте, лет:				
15 — 19	1,4	1,4	44	56
20 — 29	21,9	23,4	42	58
30 — 39	27,8	29,2	43	57
40 — 49	24,6	23,3	45	55
50 — 59	18,9	18,4	45	55
60 — 72	5,4	4,3	50	50
На дополнительной работе				
Занято, всего,				
тыс. чел.	422	516		
%	100	100	45	55
В том числе в возрасте, лет:				
15 — 19	0,3	0,1	58	42
20 — 29	14,8	19,1	39	61
30 — 39	26,9	30,2	42	58
40 — 49	31,7	24,2	52	48
50 — 59	22,5	22,7	45	55
60 — 72	3,8	3,7	45	55

Составлена по: Женщины и мужчины России. 2018. С. 109.

личины прожиточного минимума и индекса базовой инфляции, мы считаем, что работать на пенсии большинство россиян заставляет бедность. Однако статистическое ведомство считает иначе. Так, по оценке Росстата, пенсионеров среди бедного населения немного — 7,4 % (табл. 9).

Таблица 9

**Распределение общей численности малоимущего населения
по половозрастным группам, %**

Год	Все обследованное малоимущее население	В том числе						
		Дети до 16 лет	Женщины, лет			Мужчины, лет		
			16 — 29	30 — 54	55 и старше	16 — 29	30 — 54	60 и старше
1	2	3	4	5	6	7	8	9
2000	100	24,4	12,3	21,4	9,3	10,6	18,2	3,8
2005	100	21,8	13,3	21,2	9,2	12,3	18,7	3,5
2010	100	25,5	13,3	20,3	7,5	11,7	19,2	2,5

Окончание табл. 9

1	2	3	4	5	6	7	8	9
2011	100	26,3	12,7	20,3	7,5	11,5	19,0	2,7
2012	100	27,3	12,2	20,1	7,6	11,1	19,0	2,7
2013	100	34,5	10,8	20,0	5,1	8,5	19,6	1,5
2014	100	35,6	10,5	19,9	4,7	9,2	18,7	1,4
2015	100	35,4	9,9	20,0	5,5	9,1	18,5	1,6
2016	100	37,5	8,8	19,6	5,6	7,8	18,9	1,8

Составлено по: Женщины и мужчины России. 2018. С. 171.

Хотя в других статистических изданиях ведомство публикует иные данные, и эти показатели значительно выше: 12,0 % по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и 20,8 % по всем обследованным домашним хозяйствам (табл. 10).

Таблица 10

Распределение малоимущего населения по половозрастным группам по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, % от общей численности малоимущего населения

Показатель	2000	2010	2014	2015	2016	Справочно: все обследованные домашние хозяйства (2016)
Дети до 16 лет:	24,4	25,5	28,7	28,8	29,9	19,7
до 1 года	0,5	1,2	1,2	1,2	1,2	0,8
1 — 6 лет	5,7	10,1	10,5	10,2	11,2	7,2
7 — 15 лет	18,2	14,2	17,0	17,4	17,5	11,7
Молодежь от 16 до 30 лет	22,9	24,9	21,2	20,6	19,1	16,6
Мужчины от 31 до 59 лет	18,2	19,3	19,0	19,2	18,9	21,4
Женщины от 31 до 54 лет	21,4	20,3	20,4	20,2	20,1	21,5
Мужчины 60 лет и более	3,8	2,5	3,1	3,2	3,5	5,2
Женщины 55 лет и более	9,3	7,5	7,6	8,0	8,5	15,6

Составлено по: Российский статистический ежегодник. 2018. С. 156.

Даже при максимальном значении показателя, по версии Росстата, считать пенсионный возраст фактором риска бедности нельзя, поскольку в составе населения граждане этой возрастной категории составляют более 25 %.

Более наглядно характеризует масштабы бедности пенсионеров другой показатель, согласно которому доходы ниже величины прожиточного минимума в 2016 г. имели 4,2 % женщин и 3,2 % мужчин пенсионного возраста. А в 2013 и 2014 гг. этот индикатор был и того меньше (табл. 11). Поверить в это сложно.

Еще сложнее представить, что на 3 низкодоходные группы в децильном распределении граждан пенсионного возраста приходится значительно меньшая доля —

Таблица 11

Удельный вес численности женщин и мужчин с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от численности населения соответствующей группы

Год	Все население	Женщины в возрасте, лет			Мужчины в возрасте, лет		
		16 — 29	30 — 54	55 и старше	16 — 29	30 — 59	60 и старше
2000	29,0	31,2	33,4	21,5	26,5	27,7	19,6
2005	17,8	18,9	20,0	12,1	17,5	16,9	11,5
2010	12,5	13,6	13,8	6,4	12,0	12,1	5,4
2011	12,7	13,6	14,0	6,3	12,0	12,2	5,6
2012	10,7	11,6	11,9	5,3	10,2	10,3	4,7
2013	10,8	11,5	9,4	2,9	9,2	8,5	2,1
2014	11,2	13,0	9,9	2,9	11,2	8,6	2,1
2015	13,3	16,7	13,4	4,4	15,0	11,2	3,1
2016	13,3	15,3	12,9	4,2	13,9	11,2	3,2

Составлено по: Женщины и мужчины России. 2018. С. 171.

среди мужчин — 24,6 %, женщин — 24,5 %, чем в других возрастно-половых группах, за исключением мужчин в возрасте 30 — 59 лет — 24,2 % (табл. 12). Для обеспечения достоверности данных статистического учета необходимо внести изменения в методики и снизить субъективизм оценок.

Таблица 12

Распределение численности женщин и мужчин в зависимости от возраста и величины среднедушевых денежных доходов в 2016 г. (по данным выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах), %

Показатель	Все обследованное население	Население в возрасте, лет					
		16 — 29	16 — 29	30 — 54	30 — 59	55 и старше	60 и старше
		Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
1	2	3	4	5	6	7	8
Все обследованное население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе по 10%-м группам населения:							
первая (с наименьшими доходами)	10,0	11,5	10,2	9,4	8,3	3,8	3,0
вторая	10,0	10,1	9,6	9,1	8,2	8,5	8,5
третья	10,0	9,1	8,8	8,4	7,7	12,2	13,2
четвертая	10,0	8,9	8,9	8,6	8,1	12,8	13,8
пятая	10,0	9,4	9,6	9,2	8,8	12,2	12,7
шестая	10,0	9,9	9,8	10,1	9,8	11,0	10,7

Окончание табл. 12

1	2	3	4	5	6	7	8
седьмая	10,0	10,8	10,4	10,6	10,6	10,2	10,3
восьмая	10,0	10,2	11,1	11,0	11,6	10,3	10,0
девятая	10,0	9,8	10,2	11,5	12,6	10,5	9,6
десятая (с наибольшими доходами)	10,0	10,3	11,4	12,1	14,3	8,5	8,2

Составлено по: Женщины и мужчины России. 2018. С. 173.

Таким образом, отечественная статистика рисует вполне благоприятную картину о жизни пожилых людей в России. Однако международные исследования показывают другое. Позиции нашей страны в рейтинге по Индексу качества жизни пожилых людей (*The Global AgeWath Index*) низкие. При формировании рейтинга социальное и материальное благополучие граждан в возрасте старше 60 лет оценивается по следующим параметрам: гарантированный доход, благоприятная окружающая среда, качество здравоохранения и условия для самореализации. Последнее исследование изучило ситуацию в 2015 г. в 96 странах, по которым имеются международно сопоставимые статистические данные и на которые приходится около 90 % населения мира в возрасте 60 лет и старше.

Согласно указанному докладу, РФ занимает 65-е место (между Беларусью и Парагваем) с индексом 42 % от идеального уровня. Это в 2 раза и более меньше, чем в странах, лидирующих по индексу качества жизни пожилых людей. В первой пятерке самых комфортных стран для пожилых людей значатся Швейцария (90 % от идеального уровня), Норвегия (89), Швеция (84), Германия (84) и Канада (84 % от идеального уровня). Из числа республик, входивших ранее в СССР, опережают РФ по индексу качества жизни пожилых людей Эстония (20-е место), Грузия (28-е), Латвия (35-е), Армения (40-е), Киргизия (49-е), Литва (60-е), Таджикистан (61-е) и Белоруссия (64-е место).

Примечательно, что Китай, в котором проживает больше всего в мире людей старше 60 лет (201,3 млн чел., или более 14 % общей численности населения страны), занимает в этом рейтинге более высокие позиции — 48-е место. Не все слагаемые благополучной жизни пожилых людей изменяются равномерно. Так, пока уровень доходов пожилых китайцев остается низким (для сравнения: Китай — 72-е место, Россия — 37-е). Однако по качеству социального обслуживания, несмотря на значительную численность граждан пожилого возраста, Китай занимает 28-е место в мире. Справедливости ради следует заметить, что по сравнению с данными предыдущего доклада Китай сильно ухудшил позиции. В 2013 г. по Индексу качества жизни пожилых людей он занимал 35-ю строку рейтинга, в то время как наша страна опустилась до 78-й⁸.

Невысокое положение России в мировом рейтинге, по мнению специалистов, обусловлено низким уровнем материального обеспечения, благоприятности среды, вовлеченности старшего поколения в общественную жизнь, а также низким состоянием здоровья пожилых людей. При этом положительную динамику в решении этих вопросов отмечают и эксперты *Help Age International* — в 2013 г. наша страна

занимала 78-ю строку в рейтинге по *The Global AgeWath Index*, расположившись между Лаосом и Непалом и уступая всем государствам бывшего СССР⁹.

Итак, тенденция старения населения, характеризующая мировую демографическую динамику, делает необходимым проведение научных исследований, охватывающих различные аспекты качества жизни и социального благополучия пожилых людей, а также требует от государственного аппарата своевременного внесения необходимых изменений в социально-экономическую политику, адекватных масштабу проблем в данной сфере.

Президент РФ В. В. Путин поставил задачу — добиться увеличения средней продолжительности жизни россиян к 2030 г. до 80 лет. С этим связан ряд проблем, требующих корректировки государственной социальной политики, в первую очередь в сфере занятости, здравоохранения и социального обеспечения. Осложняет ситуацию то, что процесс старения населения в нашей стране идет быстро. Если удельный вес категории в возрасте, старше трудоспособного, в 2002 г. составлял 20,5 %, то в 2017 г. он превысил 25,0 %¹⁰. Продолжительность жизни россиян увеличилась с 63,98 года в 1994 г. до 72,7 года в 2017 г., что требует безотлагательных мер по созданию условий для благополучной старости.

Однако отсутствие точных данных о масштабах, характере и причинах проблемы не позволяет разработать эффективный инструментарий для ее решения. К сожалению, статистическая информация о жизни пожилых россиян крайне скудна. Материалы министерств и ведомств не всегда доступны исследователям. Для улучшения ситуации в этой сфере необходимо внести изменения в национальную систему статистического учета. В этой работе неизбежны трудности, поскольку до сих пор не существует какого-либо эталона, с помощью которого можно было бы оценить, насколько благоприятны условия жизни для пожилых людей.

Наиболее часто цитируются результаты исследования качества жизни и благополучия пожилых людей, проводимого по методике, разработанной международной неправительственной организацией *Help Age International*. Оценка проводится ежегодно с 2013 г. на основе статистических данных, получаемых от национальных институтов и международных организаций, которые собираются и анализируются в Фонде Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА). По итогам оценки по каждой стране рассчитывается Индекс качества жизни пожилых людей (*Global AgeWath Index*) и формируется рейтинг.

Методика оценки включает 13 показателей, отобранных путем опроса не только экспертов и политиков, но и самих пожилых людей. Показатели сгруппированы в 4 блока.

1. Материальная обеспеченность (доступ к достаточному уровню дохода и способность использовать его самостоятельно для того, чтобы удовлетворить основные потребности в более старшем возрасте). Включает в себя охват пенсионным доходом, уровень бедности в пожилом возрасте, относительное благосостояние пожилых людей и ВВП на душу населения.

2. Состояние здоровья (наступление старости связано с физической слабостью, а также с риском плохого состояния здоровья и инвалидности). Включает в себя состояние здоровья, продолжительность жизни после 60 лет и психологическое благополучие.

3. Образование и занятость (элементы способности к преодолению проблем и характеристики способностей пожилых людей). Включает в себя уровень занятости, уровень образования и продолжительность активной жизни после 60 лет.

4. Хорошие условия (пожилые люди хотят иметь свободу выбора жить независимой и самостоятельной жизнью). Включает в себя социальные связи, физическую безопасность, гражданские свободы и доступ к общественному транспорту.

По каждому блоку выставляется оценка в баллах — от 1 до 100. Общий индекс рассчитывается как среднее геометрическое четырех субиндексов и показывает, насколько ситуация близка к идеальной.

На основе такой методики предлагается проводить рейтингование регионов России. Пока можно только выделить из них наиболее проблемные, где удельный вес населения старше пенсионного возраста превышает среднее по стране значение. В 2018 г. таких регионов в стране было 44. Наиболее сложная ситуация сложилась в Рязанской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Новгородской, Псковской и Пензенской областях. В перечисленных субъектах федерации удельный вес населения старше пенсионного возраста составляет 30 % и более¹¹. Быстро стареет и население Республики Мордовия: еще в 2010 г. доля населения в пенсионном возрасте составляла 23 %, в 2018 г. показатель приблизился к 28 % (табл. 13).

Таблица 13

Удельный вес населения пенсионного возраста в Республике Мордовия,
(на 1 января), %

Показатель	1979	1989	2000	2010	2015	2016	2017	2018
Все население	18,0	20,7	22,3	23,2	26,0	26,6	27,1	27,7
Городское	11,9	14,7	17,4	20,7	24,3	24,8	25,0	25,5
Сельское	23,3	28,6	29,6	26,9	28,6	29,5	30,5	31,4

Составлено по: Приволжский федеральный округ (краткие итоги переписей населения) : стат. сб. Саранск, 2001. С. 20 ; Мордовия : стат. ежегод. / Мордовиястат. Саранск, 2010. С. 59 — 61 ; Мордовия : стат. ежегод. / Мордовиястат. Саранск, 2016. С. 59 — 66 ; Мордовия : стат. ежегод. / Мордовиястат. Саранск, 2018. С. 59 — 62.

Специалисты, выявляя особенности демографического развития Мордовии, особо подчеркивают, что ситуация осложняется тем, что 37 % населения проживает в сельской местности, где организовать достойные условия для лиц старшего возраста сложнее¹². А сельское население старше городского, и потребность в медицинском и социальном обслуживании выше. В 7 из 22 сельских районов Мордовии удельный вес населения в пенсионном возрасте превышает 33 %, а в Большеберезниковском, Дубенском и Темниковском районах — 35 %.

Небогатые субъекты федерации, каких в РФ большинство, самостоятельно не смогут изменить ситуацию. Для обеспечения достойной старости необходимо разработать федеральную программу, предусматривающую: поэтапное повышение пенсий до уровня, достаточного для удовлетворения основных потребностей пожилых людей; формирование системы здравоохранения, отвечающей запросам старшего поколения; создание благоприятных условий проживания; обеспечение возможности образования и посильной занятости для лиц старшего возраста.

Библиографические ссылки

¹ См.: Савинов Л. И., Бистяйкина Д. А., Соловьева Т. В. Старение населения и новые задачи социальных служб // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 2. С. 155 — 165.

² См.: Липатова Л. Н., Игнатьева М. В. Человеческий потенциал экономического развития: федеральный и региональный аспекты // Регионология. 2014. № 3 (88). С. 127 — 134 ; Липатова Л. Н., Модин Е. В. Социально-демографические факторы экономической безопасности // Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты. Саранск, 2015. С. 363 — 371 ; Липатова Л. Н., Бирюков И. Г., Игнатьева М. В. Динамика и основные факторы человеческого развития в России // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 1. С. 94 — 104 ; Липатова Л. П., Градусова В. Н., Фадеев В. Ю. Развитие народонаселения 1990-е — 2000 гг. // Там же. 2013. № 2. С. 7 — 18.

³ См.: Российский статистический ежегодник : стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 84.

⁴ См.: Женщины и мужчины России. 2018 : стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 65.

⁵ См.: Российский статистический ежегодник. 2018. С. 220.

⁶ Там же. С. 124.

⁷ Там же. С. 128.

⁸ См.: Гуманитарная энциклопедия / Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/news/2013/10/10/6300> (дата обращения: 25.02.2019).

⁹ См.: Рейтинг стран мира по показателю качества жизни пожилых людей // Гуманитарная энциклопедия / Центр гуманитарных технологий, 2006 — 2018 (последняя редакция: 25.08.2018). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-age-wath-index/info> (дата обращения: 25.02.2019).

¹⁰ См.: Россия в цифрах. 2018. С. 77.

¹¹ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 : стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 47 — 53.

¹² См.: Липатова Л. Н., Сивиркина Н. Н. Демографическая динамика как фактор формирования трудового потенциала АПК Республики Мордовия // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 2. С. 114 — 128 ; Липатова Л. Н., Фадеев В. Ю. Региональные особенности демографического развития // Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты. Саранск, 2015. С. 70 — 77 ; Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Абелова Л. А. Демографические факторы формирования трудового потенциала Мордовии // Вестник Мордовского университета. Серия: Социологические науки. 2010. № 2. С. 196 — 202 ; Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Солдатов А. А. Социально-экономические факторы воспроизводства трудового потенциала Мордовии // Там же. С. 202 — 208 ; Их же. Воспроизводство трудового потенциала Мордовии в современных условиях // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 3. С. 7 — 13.

Поступила 04.02.2019 г.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82-3:811.511.152

М. М. Золотаева
M. M. Zolotaeva

ТИПОЛОГИЯ И СВОЕОБРАЗИЕ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. И. БРЫЖИНСКОГО

TYPOLOGY AND ORIGINALITY OF FANTASTIC WORKS BY M. I. BRYZHINSKY

Ключевые слова: автор, произведение, фантастика, научная фантастика, типология, своеобразие, оригинальность.

В статье рассматриваются фантастические произведения известного мордовского прозаика М. И. Брыжинского, характеризуются образы главных героев, проводятся параллели между его рассказами, повестью и другими произведениями мировой литературы.

Key words: author, work, fiction, science fiction, typology, specificity, originality.

The fantastic works of the famous Mordovian prose writer M. I. Bryzhinsky are considered in the article, the images of main characters are characterized, as well as the parallels between his stories and other works of world literature are drawn.

Фантастическое является древнейшей и неотъемлемой составляющей искусства, которое обладает стремлением к широкому использованию условных форм отображения действительности, создает свою систему фантастических образов, присутствующую во всех областях, где находит применение механизм моделирования. В литературоведении существуют две точки зрения на фантастику: одни определяют ее как жанр литературы и иных видов искусства, другие называют художественным приемом¹.

Общепринятая классификация фантастических произведений в настоящее время отсутствует, что во многом обусловлено нечеткостью определения самого термина. Вместе с тем в исследованиях нередко встречается выделение научной, боевой, юмористической, любовной и социальной фантастики, фэнтези, мистики и ужасов².

В мордовской литературе первые попытки создания произведений научной фантастики предпринимал в 1940-е гг. В. К. Радаев, однако успехом они не увенчались. По мнению литературоведов, автору не хватило художественного воображения³.

В связи с этим освоение жанров фантастики мордовскими писателями целесообразно датировать концом 1960-х — началом 1970-х гг., когда были опубликованы рассказ В. М. Левина «Форст докторть экспериментонза» («Эксперименты доктора Форста», 1969) и повесть Н. И. Учватова «Сюра мархта шйитан» («Черт с рогами», 1973). Более активно фантастические произведения стали создаваться в 1990-е гг.: Н. И. Учватов «Взорванный остров» (1991), А. П. Тяпаев «Тяште лангонь алашат» («Звездные кони», 1991), М. С. Моисеев «Пяльди вармат» («Вихри», 1993), А. С. Тикшайкин «Кеменце пингестэ инже» («Гость из десятого века»), «Пчелы» (2000) и др.⁴

В последние два десятилетия созданием фантастической литературы активно занимается известный прозаик, народный писатель Республики Мордовия Михаил Иванович Брыжинский. На сегодняшний день им опубликовано семь подобного рода произведений. Хотя они весьма занимательные и разные по своим идейно-художественным и эстетическим особенностям, до настоящего времени не стали объектом пристального внимания мордовских литературоведов. Исключением из этого следует признать статью А. М. Каторовой и М. В. Агафоновой⁵.

Цель нашего исследования — восполнить указанный пробел, установить типологические и индивидуально-авторские черты фантастической прозы М. Брыжинского.

Итак, первый фантастический рассказ писателя «Эксперимент»⁶ (второе название — «Идам ды Эва») был опубликован в 2001 г. Данное произведение достаточно полно проанализировано А. М. Каторовой и М. В. Агафоновой с точки зрения определения присущей ему специфики фантастической образности. Подчеркнем, однако, что авторы не ставили перед собой задачи установить, к какому типу фантастической литературы относится данный рассказ. В «Эксперименте» М. Брыжинский повествует об оригинальном способе происхождения на земле флоры, фауны и самого человека. В его трактовке все на Земле (в рассказе она показана как планета под номером 24352) было создано путем эксперимента, осуществленного представителями более развитой цивилизации. Тем не менее первых искусственно созданных людей (био-пару) автор нарекает Адамом и Евой (Идам ды Эва), что ассоциируется у читателя с представлением о божественном происхождении человечества.

В аспекте христианства и ислама все сущее на земле, в том числе человека, создал Всевышний (Бог, Аллах). В мифологии же часто встречается образ Демиурга — творца, создателя Вселенной, преобразующего хаос в порядок. Так, в мифах мордвы (эрзи и мокши) творцом всего предстает верховный бог Инешкипаз, Чам-пас или Шкай; одна из славянских легенд гласит, что существовал когда-то бог Род — прародитель всего живого и сущего. М. Брыжинский в своем рассказе отошел от мифологической и религиозной трактовки происхождения человека и всего живого на земле, поведав читателю историю о Создателях-экспериментаторах, которые по своему разумению устраивают жизнь на других планетах. Главные герои Идам и Эва, живущие в далекой Галактике на большой планете Рой, создают флору и фауну, моделируют далеких предков человека, размещают их на планете, в которой угадывается Земля. Изображение жизни за пределами Солнечной системы, перемещение героев в космосе на энерголетах позволяют отнести рассказ «Эксперимент» к разряду научно-космической фантастики. Об этом свидетельствует также насыщение рассказа научной терминологией (преимущественно из области физики и биологии) и авторскими неологизмами, указывающими на новые открытия и изо-

бретения. Кроме того, с точки зрения «реализации авторской идеи — предостеречь человечество от проведения разрушительных экспериментов»⁷, рассказ «Эксперимент» подобен таким фантастическим произведениям мировой литературы, как «Остров доктора Моро» Г. Уэллса и «Франкенштейн, или Современный Прометей» М. Шелли.

Не менее интересна повесть М. И. Брыжинского «Ёвкужо» («Остров»)⁸, написанная в жанре приключенческой фантастики и тесно связанная с актуальными вопросами современной жизни. Это произведение можно сравнить с таким подвидом приключенческой литературы, как «робинзоада», распространившимся после выхода книги «Робинзон Крузо» Д. Дефо и изображающим перипетии выживания человека (одного или нескольких) на необитаемом острове.

Главный герой повести «Ёвкужо» Максим попадает на необитаемый остров, где неожиданно встречается с двумя цивилизациями, первая из которых представлена похожими на людей существами (йети, снежный человек), у которых нет будущего: *Эдь сынъгак... кодат а кодат — ломанть. Кадык икеле пелькстэме..., ды эдь те тарадось ломанень, аволь идем ракишань, аволь обезьяганонь* [Брыжинский, т. 2, с. 356] («Ведь и они... какие-никакие — люди. Пусть без будущего, но ведь эта ветвь человека, не дикого животного, не обезьяны»)*; *Те племанть икеле пельксээ — кулома. Тевесь аволь сеньсэ, покш сон эли вишкине. Ёмавтсынзе инцестэсь. Истямо аволь пек покш стадасонть-племасонть верест, арсема, умок уш човорявьс, ды весе сынъ теевсть малавикс раськекс...* [Там же, с. 360] («Будущее этого племени — смерть. Дело не в этом, большое оно или малое. Погубит их инцест. В таком небольшом стаде-племени кровь, надо думать, давно уже перемешалась, и все они стали близкими родственниками...»). Вторая цивилизация — это живущие в воде существа. Здесь автор прибегает к описанию другой пространственной организации повествования. Он показывает, что водные существа достигли более высокого уровня развития, чем люди, такого, которого человеку уже никогда не достичь: *Минекентень [цивилизациянтень] — зярыя сядот тежат иеть. Малав пель миллион* [Там же, с. 391] («Нашей [цивилизации] — сотни тысяч лет. Приблизительно полмиллиона»); *Минь содасынек весементь, мезенк ули. Весе тынк содамочинк, ерокчинк, теевксэнк* [Там же, с. 389] («Мы знаем все, что у вас есть. Все ваши знания, умения, творения»). Причина этого — постоянные войны среди людей, уничтожение себе подобных и разрушение установленного миропорядка, что повторяется из века в век: *Бути тыньгак маштовлиде... удемстэ молиця толкунтнэнь марямо-чарькодеме, сестэ авольть уле салавань арсеманк, конат кандыть зыян эстенк жо. Ды эрявлиде овсе лиякс. Кемемак. А манчемат, а вейке вейкенъ маштнемат, а войнат — ансяк вейсэнъ лезэс важодема* [Там же, с. 397] («Если и вы могли бы... из мозга идущие послы слышать и понимать, тогда не было бы у вас тайных мыслей, которые вредят самим. И вы жили бы совсем по-другому. Поверь мне. Ни обмана, ни убийств, ни войны — только работа на всеобщее благо»).

Цивилизация, живущая в воде, в отличие от людей, никогда не уничтожает себе подобных, а помогает, в том числе людям. Их главная цель — создавать новое, не

* Здесь и далее подстрочный перевод автора.

превращать сотворенное в развалины, что и обуславливает такой высокий уровень развития: *Минек цивилизациясь секс пачкодськак истя васов — зярдояк эзинек истожса эсь прянок. Тынденк истя а мерят* [Там же] («Наша цивилизация потому достигла таких высот — мы никогда не уничтожали себе подобных. О вас такого не скажешь»). Люди только говорят о гуманизме, призывают любить друг друга, а сами думают, как свалить с ног, уничтожить тех, кому внушают мысль о любви к себе подобным. Таким образом, по версии автора, настоящими гуманистами являются те, которые живут под водой.

Повествование в произведении ведется от первого лица, с использованием лексики, позволяющей раскрыть внутренний мир героя, его моральные качества, дать оценку происходящим событиям. Отсутствие специфических художественных приемов и пафоса в изложении, лаконичность и конкретика добавляют достоверности произведению. Вместе с тем наложение научной терминологии иногда затрудняет восприятие текста. События передаются в хронологическом порядке. Сюжетная линия разделяет текст на две части: жизнь главного героя дома и период выживания на острове.

Поместив своего героя на необитаемый остров, автор показывает, как благодаря энергии, духовной силе, трудолюбию, смекалке и оптимизму человек находит пути для решения возникших проблем. Чтобы выжить, надо было добывать еду, без специальных инструментов и приспособлений обустроить жилище. В этом отношении Робинзону Крузо повезло больше, поскольку на берегу он нашел топоры, ножи и даже ружье, у Максима же ничего не было: *Сынст жо — овсе мезесткак, кодамояк кедьенкост. Натой салмуксест арась... Тарадсто тейсь [Максим] шуш, эйзэнзэ масторов пурнась тарадкестэ ды тикшиестэ эчке ацавкс...* [Там же, с. 330] («У них же — совсем ничего, никаких орудий. Даже иголки не было... Из веток сделал [Максим] шалаш, внутри него постелил из веточек и травы постель»). Находчивость и умение главного героя автор подчеркивает постоянно: *Мейле кавто чинь перть вишканьгавтсь [гrotов] совамо тарканть: стявтнесь пезэмкст ды кершинзе-кодынзе тарадсо... Мейле сайсь мель ды натой пурнась кенкшень кондямояк. Сырьксэнзэ сюлмсизе лианасо, кершизе чова тарадсо ды поводизе истя жо лианасто поназь пиксэн кенки петькельс...* [Там же, с. 333] («В течение двух последующих дней уменьшал вход [в гrot]: поставил колья и обвязал их ветками... Затем соорудил даже подобие двери. Раму обвязал лианой..., связал тонкими ветками и повесил на дверную петлю, сплетенную также из лианы...»).

Изоляция от общества и общественных стереотипов помогают раскрыть в герое лучшие качества его личности. Автор показывает, что в сложных условиях для человеческого счастья и достижения гармонии достаточно простых вещей: *Бажамовто-мельтеме эрямс а кода. Лиясто жо уцяскавокс улемантень саты овсе аламось. Ансяк маштома питнень путомо сенень, мезесь эряви течи, ней вана. Те кармияк сюпавчикс... а вана Максимнень ды Джулиянень неень эрямосост а ёвтавиксэшка сюпавчикс ульнесть ванькс ведь марто лисьмапрясь ды окоиники сырэмтезь толось* [Там же, с. 336] («Без цели-устремления жить нельзя. Иногда для счастья достаточно малого. Надо только уметь ценить то, что нужно сегодня, сейчас. Это и будет богатство... а вот для Максима и Джулии сейчас безмерным счастьем были родник с чистой водой и наконец-то разоженный огонь»). Подчеркнем, что Джулия — это молодая девушка-итальянка, которую Максим встретил на необитаемом острове.

Большое внимание автор уделяет беседам главного героя с представителем более развитой цивилизации, постановке важных нравственных, этических вопросов. Диалоги имеют преимущественно научный характер: о Времени, проблемах в области биологии, физики, астрономии, о прошлом, настоящем и будущем человечества. По мнению Нур Бэра (так зовут представителя развитой цивилизации), люди обречены на гибель, и в этом виноваты сами: *Ней вана истожатадо эсенк цивилизациянк... Пек човоринк-стакалгавтынк эрямонк... Ушодови хаос... Ломантне ёмить... Тынсь чумотне* [Там же, с. 421,422] («Теперь вот уничтожаете свою цивилизацию... Очень усложнили свою жизнь... Начнется хаос... Люди исчезнут... Виноваты сами»). Получается, что люди работают не над созданием нового, что поможет человечеству в дальнейшем развиваться, а на уничтожение уже созданного: *Тынк сехте паро превтне важсодить янгамонт ды калавтоманть лангс* [Там же, с. 397] («Ваши самые лучшие умы работают на разрушение и разлом»).

М. Брыжинский в «Эксперименте» и «Ёвкужо» говорит о том, что люди несовершенны, враждебны, у них преобладает стремление к разрушению над созиданием. Хотя человечество и достигло определенного уровня развития, оно не понимает, что своими делами лишь уничтожает себя и свою планету. В рассказе «Эксперимент» люди уничтожили планету; в повести «Ёвкужо» главного героя предупреждают о том, что люди неизменно погибнут и этому ничто не сможет помешать: *Зыян карми аволь ансяк мода лангсо эриятнненень, весе планетантень* [Там же, с. 421] («Беда случится не только с жителями земли, но и со всей планетой»). Автор в своих произведениях пытается предостеречь людей от самоистребления, заставить задуматься о будущем, не уничтожать себе подобных, да и всю планету в целом. С учетом выявленных нами художественно-эстетических особенностей повесть «Ёвкужо» следует отнести к разновидности социально-приключенческой фантастики.

В настоящее время произведения, связанные с уничтожением жизни на земле, очень популярны. В них, как правило, речь идет об ухудшении (или разрушении) условий человеческого существования по причине бездумной хозяйственной деятельности людей, природных катаклизмов, инопланетных вторжений. М. Брыжинский же идет дальше: он предупреждает человечество, которое из-за своей жадности, злобы, стремления к безграничной власти и славе, желания овладеть всем миром может уничтожить всю планету.

В рассказе «Нуцъкинентъ варштамо»⁹ («Проведать внучку») элементы фантастики встречаются в последних двух частях. В первой части описывается ничем особенным не примечательная жизнь наших современников. Гриша и Даша вырастили двух дочерей, которые вышли замуж и покинули родной дом. После рождения внучки Даша поехала в Москву помогать дочери, Гриша остался в деревне вести хозяйство. Соскучившись, решил проведать родню и случайно увидел жену с другим мужчиной. После возвращения из города Гришу одолела жажда мести, он отправился убивать, однако не смог этого сделать и погиб под колесами автобуса.

Фантастические картины возникают во второй части рассказа. Интересным является момент попадания героя на тот свет и его путь до «места назначения». Здесь можно заметить сходство с содержанием исследования Моуди Реймонда «Жизнь после жизни», в котором рассказывается о людях, переживших клиническую смерть. Люди во время клинической смерти видели со стороны свое тело, всех окружающих, некогда умерших людей, потом попадали в черную пустоту, летели, затем наблюда-

ли яркий свет, который нес спокойствие, умиротворение, и исходящий от него голос, задающий вопросы. В рассказе М. Брыжинского погибший главный герой также видит себя со стороны, потом поднимается на небо, оказывается в темноте, встречает умерших людей, которые сопровождают его вплоть до того, как он предстает перед Иерархами.

Попав на тот свет, Гриша расплачивается за свои неблагоприятные действия, хотя никого не убил, но желал этого. Автор высказывает мысль о том, что ни у кого нет права решать, жить человеку или нет: «...*кодамо ули прават саемс ломанень ойме, конань аволь тон казык?.. Те — нежить...*» [Брыжинский, т. 1, с. 485] («...какое имеешь право лишать человека жизни, которую не ты подарил?.. Это — грех»). Таким образом, в рассказе поднимается важный нравственный вопрос — ответственность за свои поступки.

Главный герой, попав на тот свет, оказывается в восьмом круге. Здесь напрашивается сравнение с «Божественной комедией» Данте Алигьери, где автор, помимо детального описания ада, много внимания уделяет его обитателям. В каждом круге свои грешники и предназначенные для них муки. В рассказе М. И. Брыжинского не говорится, есть ли другие круги ада, какие грешники там, какие муки испытывают, описываются лишь обитатели восьмого круга, куда попал герой: «...*конатнестэ ливтить сяткинеть, сетнень кадовсть мода лангсо эли апак прядо покш тевест, эли апак пандо кежест. Ды сынь кодаяк а оймавить тень кувалма. Конатне олазь-сэнть, сетне стувтызь икелень эрямост ды тевест. Кой-конат жо оласть истя, мик эль содавитькак, якить, теке сулейть. Нетнень аламонь-аламонь ылтить лия уровеньс* [Там же, с. 483] («...от которых исходили искорки, у тех на земле остались незавершенные дела или неотмщенное зло. Из-за этого они никак не могут успокоиться. Некоторые были бледно-голубыми, эти забыли свою прежнюю жизнь и дела. Третьи настолько выцвели, что их не узнать, ходят, как тени. Их понемногу провожают на другой уровень»).

Оригинальным в рассказе является присутствие в восьмом круге неких Иерархов, которые решают, куда и к кому отправляться попавшим на тот свет. К ним можно даже обращаться с просьбами. Так, герой три раза предстает перед ними с просьбой отправить его обратно на землю, чтобы попросить прощения у жены и увидеть внуку. В итоге они разрешают: Гриша видит внуку со своей женой, но сказать ничего не может, так как вернулся с того света в виде цветка, растущего на клумбе. Здесь можно провести параллель с философией буддизма, где важное место занимает вопрос реинкарнации, представляющей собой религиозно-философское представление о переселении, перевоплощении души человека после смерти. В кого переселится душа, зависит от причинно-следственных связей или закона кармы. В рассказе М. И. Брыжинского за это отвечают Иерархи, именно они решают, возвращать героя на землю или нет, и в каком облики. Таким образом, наличие в рассказе «Нуцькиненть варштамо» элементов мистики («совокупности явлений и действий, связывающих человека с тайным существом и силами мира, независимо от условий пространства, времени и физической причинности») позволяют отнести данное произведение к разновидности фантастики-мистики.

В процессе исследования мы пришли к следующим выводам. М. И. Брыжинский на сегодняшний день освоил такие модификации фантастической литературы, как научно-космическая (рассказ «Эксперимент»), социально-приключенческая (повесть

«Ёвкужо») и фантастика-мистика (рассказ «Нуцкиненть варштамо»). Доказательством выделения первой разновидности (научно-космической фантастики) является то, что основной сюжет рассказа «Эксперимент» разворачивается на планете Рой, находящейся за пределами Солнечной системы, и в космическом пространстве. Именно там герои Идам и Эва конструируют флору и фауну, а также потомков людей, которых затем размещают на планете 24352. Повесть «Ёвкужо» на основе того, что повороты фантастического сюжета служат способом выражения суждений автора о судьбах человечества, способствуют предостережению людей от самоистребления, следует отнести к разновидности социально-приключенческой фантастики. Наконец, по причине того, что в рассказе «Нуцкиненть варштамо» фантастическое содержание определяется описанием мистических событий и образов, показом героя на том свете и его встречи с Иерархами, которые отвечают за перевоплощение души человека после смерти, его разновидность рационально обозначить как фантастику-мистику.

Повествование в произведениях М. И. Брыжинского ведется сочным народным, вместе с тем насыщенным специальной терминологией языком, позволяющим показать животрепещущие проблемы, раскрыть внутренний мир героев и дать морально-нравственную оценку происходящим событиям.

Библиографические ссылки

¹ Фантастика. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/4694 (дата обращения: 23.12.2018).

² Фантастика — жанры, поджанры, краткая характеристика к ним. URL: <https://mir-fantastiki.ru/stati/fantastika-zhanry-podzhany-kratkaya-kharakteristika-k-nim.html> (дата обращения: 23.12.2018).

³ См.: **Самошкин С. А.** Мордовская детская литература. Саранск, 1970. С. 54.

⁴ См.: Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 84 — 85.

⁵ См.: **Каторова А. М., Агафонова М. В.** Специфика фантастической образности в рассказе М. Брыжинского «Эксперимент» // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 4 (48). С. 181 — 186.

⁶ См.: **Брыжинский М. И.** Эксперимент : фантастикань евтнема // Сятко. 2001. № 2. С. 24 — 51.

⁷ **Каторова А. М., Агафонова М. В.** Указ. соч. С. 184.

⁸ См.: **Брыжинский М. И.** Ёвкужо: повесть // М. И. Брыжинский. Кочказь произведеният : кавто томсо. Саранск, 2013. Т. 2. С. 309 — 458. Далее ссылки в тексте: [Брыжинский, т. 2, с.].

⁹ См.: **Брыжинский М. И.** Нуцкиненть варштамо // М. И. Брыжинский. Кочказь произведеният. Т. 1. С. 463 — 487. Далее ссылки в тексте: [Брыжинский, т. 1, с.].

Поступила 27.03.2019 г.

УДК 81'378:811.511.152

Л. А. Гурьянова
L. A. Guryanova

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. И. БРЫЖИНСКОГО КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКА ЭРЗЯ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

ARCHAIC WORDS IN THE WORKS BY M. I. BRYZHINSKY AS A REFLECTION OF THE LANGUAGE OF THE ERZYA OF PAST YEARS

*Каждое слово есть представитель понятия,
бывшего в народе: что было выражено словом, то было в жизни;
чего не было в жизни, для того и не было слова...*

И. И. Срезневский

Ключевые слова: архаизм, историзм, лексика, современный литературный язык, синоним, общеупотребительная лексика.

В статье рассматривается устаревшая лексика, использованная М. И. Брыжинским в произведениях в основном для воссоздания исторического прошлого мордовского народа.

Key words: archaism, historicism, vocabulary, modern literary language, synonym, common vocabulary.

Archaic words used by M. I. Bryzhinsky in his works mainly to recreate the historical past of the Mordovian people are considered in the article.

Современные общественные трансформации оказывают воздействие на языковую ситуацию, отличительной чертой которой являются быстрые изменения, происходящие на разных уровнях языковой структуры. Больше всего изменениям подвержена лексика — самая подвижная часть языка. В целом словарный состав живого национального языка находится в постоянном движении: появляются новые слова, выходят из употребления старые. Это длительный процесс, поэтому одновременно в лексике существуют две большие группы слов: активного и пассивного словарного запаса.

Сегодня особое место среди процессов развития эрзянского языка занимает процесс перераспределения между лексикой активного и лексикой пассивного запасов. Названный процесс происходит за счет пассивизации одних словесных единиц и актуализации других. Процесс пассивизации отдельных лексем не является однонаправленным: часть устаревших слов вновь возвращается в активный словарный запас языка, т. е. происходит процесс реактивации. Например, в современный эрзянский язык вновь вошли в употребление такие слова, как **тарго** «неделя», **ушмо** «войско», **инязор** «царь» и др.

Язык произведений М. И. Брыжинского богат и разнообразен. Вышедшие в свет в 2013 г. «Избранные произведения» писателя неоднократно становились объектом

пристального внимания литературоведов и языковедов¹. В связи с описанием исторических событий М. И. Брыжинский наряду с современной лексикой широко представил устаревшие слова, придающие рассказам и повестям насыщенность, оригинальность и национальный колорит.

Устаревшая лексика — слова, по различным причинам вышедшие из активного употребления, но сохранившиеся в пассивном словаре², в большинстве своем они понятны носителям языка. В зависимости от причин архаизации устаревшие слова делятся на историзмы и архаизмы. Появление историзмов, как правило, вызвано внеязыковыми причинами: социальными преобразованиями в обществе, развитием производства, обновлением оружия и предметов быта. Историзмы не имеют синонимов в современном эрзянском языке. Это объясняется тем, что устарели сами реалии, для которых эти слова служили наименованиями. В художественных произведениях М. И. Брыжинского историзмы используются и как нейтральные слова (при необходимости назвать обозначавшиеся ими исторические реалии), и как стилистическое средство. Наиболее часто встречаются следующие:

1) слова, называющие явления общественного уклада жизни: — *Вежава*, *листя*, *вариштыкая*, *кие тосо ангори*³ (« — Вежава [букв.: младшая сноха], выйди, посмотри-ка, кто там скребется»)*; *Нитненьгак васькавтыть [содамотне]*, *ватазонстэньгак* *лиясто лездамо сакшныть* [Там же, с. 44] («И жен своих балуют [зятя], и тестю иногда помогать приходят»); *Паряк, муеви чиряз кодамояк эли велень-сядонь поки, рамасызь [улипаронть]* [Там же, с. 48] («Возможно, найдется какой-нибудь князь или барин какого-то села, раскупят [добро]»); *А лади чирязнэнь инжеск якамс казневтеме* [Там же, с. 81] («Не полагается к князю ходить без подарка»); *Пазось вере, инязорось васоло — вана и весе минек видечинек* [Там же, с. 205] («Бог высоко, царь далеко — вот и вся наша правда»);

2) названия лиц, должностей и профессий: *Куломозонзо ней карми аштеме икелензэ [Виртянонь]*, *кода маштнизь сыре ломантнень, конатнень чумосткак секе — а маштовить урекс-важокс* [Там же, с. 106] («До смерти теперь будет перед глазами [Виртяна], как убивали пожилых людей, у которых одна вина — не пригодны в рабы-рабочие»); *Туросторт, туросторт*, — *тошказевсть цёрынетне, ды Сярдо чарькодсь, кить исяк палкасо кардасть толбандя вакссо пейдеманть* [Там же, с. 379] («Наблюдатели за порядком, наблюдатели за порядком, — стали шептать мальчики, и Сярдо догадался, кто вчера палками пытался запретить смеяться у костра»); *Кементне [локишосо вачкодъкстнэ] — старостанть* *лангс кедеть кепедик* [Там же, с. 182] («Десять [ударов кнутом] — на старосту руку поднял»); *Ах, чинев лабазникть, аршинникть, педлейть, инегуйть!* [Там же, с. 182] («Ох, вонючие лабазники, аршинники, пиявки, змеи!»);

3) названия предметов и средств вооружения: *Уски [Чемай] сал., питней кедьге уски — сиянь ды сырнень.., мазый кевне марто суркст ды паро кедьёнкс уски: нардев налчирькетъ, уськень-рисьмень панарт-ваксаршамот, сыртызь торот* [Там же, с. 48] («Привезет [Чемай] соль.., дорогую посуду привезет — серебряную и золотую.., кольца с красивыми камнями и хорошее орудие привезет: прочный лук, кольчугу,

* Здесь и далее подстрочный перевод автора.

раскаленные сабли»); *Ды стявтнизь [цёратне] тарадсто ды илёвсто колмонькирда кодазь покш ваксартинэнь* [Там же, с. 111] («И поставили [мужчины] большие щиты, сплетенные в три ряда из веток и прутьев»);

4) единицы измерения: *Киш фунтонть кисэ прок пондонь кис ваткить [торговицятне]* [Там же, с. 111] («За фунт хлеба как за пуд берут» [торговцы]); *Дьякось ливтьсы икелев меиштенэ ды цела ариинс келемтьсы тапардазь конёвонть* [Там же, с. 111] («Дьяк выставит грудь вперед и на аршин развернет завернутую бумагу»); *Нать, седе маласо аламольт ниле-вете сэльсэ чувотнеде?* [Там же, с. 350] («Наверное, ближе мало было деревьев в четыре-пять сажений»);

5) названия исчезнувших явлений и предметов быта: *Валске марто уш цёратне ульнест Репештясонть* [Там же, с. 101] («Рано утром мужчины уже были на священной роще»); — *Теле лангс минь телимс тутано. Тесэ, авасоло, телим ули* [Там же, с. 166] (« — На зиму переберемся в теплый домик. Здесь, недалеко, есть теплый домик»); *Миледицятне навсизь милест ведьс, ды вана васенце венчесь стамбарнэ кармась явомо берёконть эйтэ* [Там же, с. 61] («Гребцы окунули свои весла в воду, и вот первая лодка тихо стала отходить от берега»); *Паксяй пеиштите бодянзо налкундонзо пишти налдо, вейсэ вансыкавтызь чуварсо пижень соргавксонть, конань яла сайнекини мартонзо вирев* [Там же, с. 35] («Паксяй наполнил колчан дедушки острыми стрелами, вместе почистили песком медный котел, который обычно берет с собой в лес»).

В произведениях М. И. Брыжинского историзмы характеризуются разной степенью «устарелости», они могут быть связаны с отдаленными эпохами (*Кеждясь лангозонзо [Сайгушонь] чирязось каявксонь а пандомань кисэ ды саизе эстенэ вардазокс* [Там же, с. 83] («Разозлился на него [Сайгуша] князь за неуплату подати и взял к себе в слуги»)) и с событиями недавнего времени. Особую группу составляют историзмы советского периода: *Те зярдо-бути партиянь обкомось пурнакинылинзе журналисттинэнь инструктажс, ней жо — пресс-конференцият* [Т. 2, с. 167] («Это когда-то обком партии собирал журналистов на инструктаж, теперь же — пресс-конференции»); *Зярдо колхозось каладсь, веленть ютавтызь шабра, Соколовкань, вельсоветс... ломантне кармасть кадномо Ермолаевканть* [Там же, с. 169] («Когда колхоз развалился, село перевели в соседний, Соколовский, сельский совет... люди стали покидать Ермолаевку»).

Некоторые историзмы сохраняются в активном словаре в составе устойчивых выражений, например: *Истямо зярс арасель тюштянь пингестэ саезь верьгиз лангс охотав якамсто* [Т. 1, с. 537] («Такого не было уже давно (букв.: с времен Тюшти) при охоте на волка»); — *Окойники! — кемекстызе чарькодеманзо Куляс. — Те шкас эзь содаво [теишесь]!.. Левшень понкс* [Там же, с. 421] («— Наконец-то! — подтвердил свою догадку Куляс. До сих пор не узнал [звезду]!.. Растяпа (букв.: штаны из мочала)»); *Ды аволь кодаяк лиякс. Содадо! Ямонть миньгак аволь карьсэ коршатано* [Т. 2, с. 167] («И никак по-другому. Знайте! Мы не хуже других (букв.: суп и мы не лаптем хлебаем)»).

Кроме историзмов в произведениях М. И. Брыжинского часто встречаются и архаизмы (греч. *archaios* — древний). Это слова, которые с течением времени стали употребляться реже, они заменяются другими, синонимичными словами, а затем забываются. Такие устаревшие слова называют вполне современные предме-

ты, понятия, которые теперь принято именовать по-другому. Перечислим некоторые из них:

Рав «Волга»: *Ней, цѣрат, авардеде, сави овто мельга Равонь томбалев яксемс: маласотнень Каль атя штапонь кедть весе повсесынзе* [Т. 1, с. 34] («Теперь, мужчины, плачьте, придется за медведем ходить за Волгу: ближайших старик Каль всех голыми руками удушит»); *Арифметикань ниле действиятнень содамос [школасо тонавтсть], суффиксэнъ видестэ сѣрмадомас, сенень, кода Американть панжизе Колумб, што Равось пры Каспияс* [Там же, с. 564] («Знать четыре действия арифметики [учили в школе], правильно писать суффиксы, тому, как Колумб открыл Америку, что Волга впадает в Каспий»).

Тарчкс «порог» (синоним *поровт*): *Сон [атясь] сайсь стольлангс вачказь яр-самопельстэнтъ палонъ пал, пүтызе те каванявксонтъ тарчксонтъ лангс, амольдясь кече медярво ды каузе тарчксонтъ вакссо сздявкс варяванть каськас — Кудонь кирдинтень* [Там же, с. 328] («Он [старик] взял из наваленной на стол еды по кусочку, положил это угощение на порог, зачерпнул сыты медовой и налил в отверстие между половицами в подпол — Хранителю дома»); *Тарчксонтъ лангс чалгась туросторось* [Там же, с. 443] («На порог вступил наблюдатель за порядком»). В тексте мы часто встречаем одновременное употребление синонимичных рядов. В связи с этим дальше будем приводить параллельно примеры с архаизмом и его синонимом: *Поровтлангсто варшитай [Митя] потс... Нежедизе аэрявикс кедьѣнксонзо кенки косяконтень ды эскельдясь тарчксонтъ трокс* [Там же, с. 557] («С порога посмотрел [Митя] вовнутрь... Прислонил ненужное оружие к дверному косяку и перешагнул через порог»).

Ракша «лошадь, конь» (синонимы: *алаша, лииме*): *Каль атя лоткавтызе ракшанзо Чемаень кудонть ваксс пачкодезь* [Там же, с. 51] («Старик Каль остановил лошадь у дома Чемая»); *Чемай арсекинешь уш совамс кудов мадеме, кода веёндо марявсь зярья алашань кополсо ардома... Алкукскак, кить-бути ардсть ракиасо ды сыльть яла седе малав... Вирьстэнтъ лисезь, лоткавтызь лиимест [ласте ломантне]* [Там же, с. 70] («Чемай решил уже зайти домой и лечь спать, как издалека услышал топот нескольких лошадей... Действительно, кто-то скакал на лошадях и приближались все ближе... Выйдя из леса, они [всадники] остановили лошадей»). В современном литературном языке слово **ракша** употребляется со значением «животное», «зверь»⁴.

Оржакс «лезвие» (синонимы: *лѣза, лезвия*): *Окойники, оржаксонъ питичись тусь мелезэнзэ [Калень]* [Там же, с. 35] («Наконец, острота лезвия понравилась ему [Калю]»).

Найман «базар, рынок» (синонимы: *рынка, базар, вацяр*): — *Мелят найманов кода якинек мартот* [Там же, с. 46] (« — В прошлом году, когда на базар ходили с тобой»); *Зярдэ наймансо кияк ушоды псистэ пелькстамо каршонзо [Чемаень] питинень коряс, сеске керясы* [Там же, с. 48] («Когда на базаре кто-то начнет спорить с ним [Чемаем] по поводу цен, сразу отрежет»); *Васолдо уш кармась марявомо найманонь шалтось... Весе те валови вейс, пилень потомдыця лаит моли... Базар* [Там же, с. 66] («Издалека уже слышался шум базара... Все это выливается в единое, громкий гул идет... Базар»).

Нарт «усы» (синонимы: *муё, муюкт, усат*): *Азорось вадяшинзе нартонзо ды озась Чемаень ваксс* [Там же, с. 50] («Хозяин погладил усы и сел рядом с Чемаем»);

*Ластетнеде удало, сехте меельцекс, чова чачо, раужо **муюк** марто цёрась вети крандазс кильдезь лишменть* [Там же, с. 81] («Позади всадников, самый последний, узколицый, с черными усами мужчина ведет запряженную в телегу лошадь»).

Чипола «очередь, очередность»: — *Монь сынъ [эйкакитне] весе истят, — сась, окойники, **чипола**с Кальненьгак эсь прянь шнамс* [Там же, с. 59] («— Они [дети] у меня все хорошие, — пришла, наконец-то, очередь Калю себя похвалить»); *Пачкоди **чипола**с сонзэ [Петрань] видьс, таго уколтнэ прядовить* [Т. 2, с. 148] («Подойдет очередь до него [Петра], опять уколы закончатся»).

Кумба (кумбо) «ковер»: *Сеть лопатне жо, конат кенерсть прамо таратнэ-стэ, цецяв **кумба**кс ацызь масторксонть* [Т. 1, с. 77] («Те листья, которые успели опасть с веток, цветочным ковром укрыли землю»); *Якстере, ожо, сэнъ, ашо цецят-не **кумба**кс мазылгавтызь моданть* [Там же, с. 283] («Красные, желтые, синие, белые цветы ковром украшали землю»); *Ды ялатеке тейтерькатнень пильгест ало кашторды уш тюжа-якстере **кумба**с* [Т. 2, с. 187] («Все равно под ногами девочек уже шуршит коричнево-красный ковер»).

Сара «болото» (синонимы: *чеядавкс, терьгендавкс*): — *Седе вере, бути куземс леенть чудеманзо каршо, сравторсь певтеме а ютавиця **сара**, — ёвтнесь Берке-ханось, Батыень ялаксозо* [Т. 1, с. 114] («— Выше, если подняться вверх по течению реки, раскинулось бесконечное непроходимое болото, — рассказывал хан Берке, младший брат Батыя»).

Кан «род» (синонимы: *сыме, бую, род*): *Эрва **канонть** ули покш баягазо ды чавомазо, конань эйсэ канонь озксто икеле эли ормалгадозенть эйстэ пансить-тан-давтнить перька свал чарыця эвстнень* [Там же, с. 295] («У каждого рода есть большой колокол и барабан, которым перед молением или от больного отпугивают постоянно кружащую вокруг нечистую силу»); *Весе **канонтень** муевсь тев* [Там же, с. 299] («Всему роду нашлась работа»); *Секе **буень-канонь** тейтерть-цёрат вейкест-вейкест лангс эзь урвакстнекине ды мирденень эзь лиснекине...* [Там же, с. 461] («Молодые люди [букв. девушки-парни] того же рода-племени друг на друге не женились и замуж не выходили»).

Ушмо «войско»: *Вирь потс ёмазь эрзя-мокишонь масторонтень кармасть пач-колеме кулят обед ёндо сыця певтеме **ушмодо*** [Там же, с. 77] («В затерянную в лесах мордовскую землю стали доходить слухи о надвигающемся с южной стороны бесчисленном войске»). В тексте слово **ушмо** встречается еще со значением дружина: *Тедэ мейле кирнявтсь [Пургас] лишмензэ лангс ды **ушмонзо** марто вень чопачакс ёмась вирентень* [Там же, с. 72] («После этого вскочил [Пургас] на коня и вместе со своей дружиной, как ночной призрак, исчез в лесу»).

Ливемс (ливамс) «поминать» (синонимы: *лем кундамс, поминамс*): — *Покш-тят-бабат, атят-сэрдят! Садо мартонок **ливеме!*** [Там же, с. 303] («— Предки! Приходите с нами поминать!»).

Арнемс «уважать, почитать» (синонимы: *ломанькс пүтомс / ловомс, вечкемс, мель ваномс*): *Паргелень ды пертьпеле велетнесэ эрицятне аламодо пелить Кепе Прянь эйстэ. Но **арнитькак** эйсэнзэ* [Там же, с. 334] («Жители села Парго и близлежащих сел немного боятся Кепе Пря. Но уважают его»); — *Эцек... икелев, свал икелев... удалов... ялатеке Калень **ломанькс пүтыть*** [Там же, с. 60] («Лезь... вперед, всегда вперед... назад... все равно Каля уважали»); *Сынст [купецтнэнь] **ломанькс***

ловизь, прястост ве черь эзь ноцковто, сынъ жо ваньк, мезе арсестъ теемс! [Там же, с. 260] («Их [купцов] уважили, с головы ни одного волоса не выдрали, они же, смотри, что надумали!»).

Мунямс «ворожить, колдовать» (синонимы: *орожиямс, ядамс, колдовамс*): *Тона [Олдай] тандадозь сускизе алце турванзо ды мунямонть прядомс мик вайгель эзь максне* [Т. 2, с. 130] («Та [Олдай] испуганно прикусила нижнюю губу и до конца ворожбы даже голоса не подавала»); — *Ды вана... ванан. Чакишот лангс... Яла орожият?* [Т. 1, с. 249] («— Вот... смотрю. На твой горшок... Все колдуешь?»).

Таким образом, центральную часть лексики произведений М. И. Брыжинского составляют слова, актуальные для современных носителей эрзянского языка. К ним относится прежде всего общеупотребительная лексика. Наряду с современной лексикой здесь широко представлены устаревшие слова, большую часть которых составляют архаизмы. Одновременное использование архаизмов и их синонимов является одной из выразительных особенностей языка любого мастера художественного слова. Синонимы дополняют друг друга, и читатель получает максимально точное представление о предмете или явлении. Благодаря произведениям М. И. Брыжинского можно проследить путь изменения современного эрзянского языка, преобразование терминологии, отмирание некоторых слов из-за исчезновения обозначавшихся ими понятий.

Библиографические ссылки

¹ См., например: **Ишуткин Н. И.** Сёрмады пингетнень гайтест кунсолось // Брыжинский М. И. Кочказь произведеният : кавто томсо. Саранск, 2013. Т. 1. С. 5 — 12 ; **Агафонова М. В.** Своеобразие художественной речи М. Брыжинского (на примере повести «Кирдажт» («Ровесники»)) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 3 (43). С. 165 — 171 ; **Каторова А. М., Агафонова М. В.** Специфика фантастической образности в рассказе М. Брыжинского «Эксперимент» // Там же. 2018. № 4 (48). С. 181 — 186 ; **Гурьянова Л. А.** Диалектизмы в произведениях М. И. Брыжинского // Там же. С. 200 — 204.

² См.: Мордовские языки : энциклопедия. Саранск, 2012. С. 325.

³ **Брыжинский М. И.** Указ. соч. Т. 1. С. 33. Далее ссылки в тексте: [Т. 1, с. ; Т. 2, с.].

⁴ См.: Русско-эрзянский словарь. Саранск, 2012. С. 137, 171 ; **Гурьянова Л. А., Цыплякова О. Ю.** Эрзянско-русский школьный словарь. Саранск, 2016. С. 236.

Поступила 31.01.2019 г.

УДК 81:811.511.152

О. Ю. Цыплякова, А. В. Бочканов
O. Yu. Tsyplakova, A. V. Bochkanov

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С СОМАТИЧЕСКИМ
КОМПОНЕНТОМ ПРЯ «ГОЛОВА» В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ
(На материале произведений П. А. Ключагина)**

**PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE SOMATIC COMPONENT
PRYA "HEAD" IN THE ERZYA LANGUAGE
(Based on the works by P. A. Klyuchagin)**

Ключевые слова: эрзянский язык, лексика, фразеологическая единица, соматический компонент, лексема **пря** «голова», семантика, структура.

В статье рассматриваются фразеологические единицы с соматическим компонентом **пря** «голова» в эрзянском языке и их функционирование в произведениях П. А. Ключагина.

Key words: the Erzya language, vocabulary, phraseological unit, somatic component, lexico, lexeme **prya** "head", semantics, structure.

The phraseological units with the somatic component **prya** "head" in the Erzya language and their functioning in the works by P. A. Klyuchagin are considered in the article.

Фразеология — раздел науки о языке, изучающий фразеологическую систему языка в ее современном состоянии и историческом развитии.

В эрзянском языке значительную группу представляют фразеологические единицы, имеющие в своем составе соматизмы (названия частей тела человека и животного). К ним относятся такие лексемы, как **кедь** «рука», **кель** «язык», **курго** «рот», **седей** «сердце», **пря** «голова», **сельме** «глаз», **пильге** «нога», **пеке** «живот», **судо** «нос», **сур** «палец», **чама** «лицо», **пиле** «ухо», **кирья** «шея», **кирьяпарь** «глотка», **човонь** «затылок», **пуло** «хвост» и т. д. Соматическая лексика является одной из интересных лексико-семантических групп эрзянского языка, относящаяся к основному словарному фонду, который складывался в течение многих тысячелетий и отражает не только знания носителей языка об окружающем мире, но и их представления о самом себе и своем организме.

Рассмотрению фразеологических единиц с соматическими компонентами в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках посвящены исследования Р. С. Ширманкиной, Г. И. Денисовой, А. М. Кочеваткина, А. Н. Келиной, И. П. Невкиной¹ и др.

Семантика большинства соматических фразеологизмов обусловлена непосредственно лексико-семантическим потенциалом образующего соматического компонента. Он определяется функционально-физиологическим или социально-символическим аспектом называемого соматическим компонентом органа или части тела. При этом не все соматизмы в эрзянском языке одинаково участвуют в образовании фразеологизмов. Так, согласно мнению Г. И. Денисовой, «доминирующая роль в образовании фразеологических единиц принадлежит таким соматизмам, как **пря** „голова“ (19,4 %), **сельме** „глаз“ (15,7), **седей** „сердце“ (13,9), **кедь** „рука“ (9,5 %)»²,

что объясняется важностью физиологических функций названных частей тела для самого человека.

Фразеологические единицы, в том числе и с соматическими компонентами, в плане употребления в художественной речи являются интересным, разнообразным и богатым материалом. Они украшают язык произведения, делают его ярким, насыщенным и близким читателям.

Книга «Аниськат» («Анис-трава») известного эрзянского писателя П. А. Ключагина³ является своеобразным итогом его многолетней творческой работы в прозе и поэзии. Язык книги отличается многообразием необычных лексических пластов, изобразительно-выразительных средств языка, подбором важных художественных деталей. Содержание рассказов, новелл, воспоминаний, лирических миниатюр, а также речь героев и автора украшены поговорками и пословицами. В рассказы умело вплетены частушки и куплеты из мордовских песен. Писатель часто использует междометия, звукоподражательные и парные слова, эпитеты, сравнения, метафоры и, конечно же, фразеологизмы, основной признак которых — яркость, образность и эмоциональность. С помощью фразеологизмов говорящий (герой произведения) не только называет предмет или явление, но и выражает чувства, свое отношение, дает оценку.

П. Ключагин активно использует в книге фразеологизмы разных типов. Цель нашей статьи — выделить из произведений автора фразеологизмы с соматическим компонентом **пря** «голова», рассмотреть их семантику и структуру.

В «Эрзянско-русском словаре» зафиксированы следующие фразеологические единицы с соматическим компонентом **пря** «голова»: «**пря алтамс** а) посвятить себя чему-л., б) дать обед; **ванстомс пря** беречь себя; **прянь ванстозь** осторожно; **прява печтемс** пережить что-л.; **ютамс прява** промелькнуть (в мыслях, в голове); **ветямс пря** вести себя (определенным образом); **ветямс прянь азоркс** вести себя по-хозяйски; **пря идемс** спасти себя; **пря кандомс** гордиться; **вечкемс эсь пря** любить себя; **прянь вечкевтема** угодничество; **пря каямс** а) колоситься, б) броситься, кинуться куда-л.; **каямс пря лейс** утопиться; **пря кайсемс** а) переживать, расстраиваться, б) не работать, отлынивать от работы; **пря кекшемс** спрятаться, скрыться; **пря кепедемс** подняться на борьбу; **пря керямс** казнить кого-л.; **пря кирдемс** а) крепиться, б) уверенно держать себя; **пря комавтомс** унывать, печалиться; **прянь комавтозь (нолдазь)** невесело, печально; **прянь сэредема** забота, беспокойство; **пря ладымс** наняться; **пря лангс стявтомс** перевернуть все вверх дном; **пря лангс стякшномс** озорничать; **пря лангс стямс** наладиться (о жизни); **пря максомс** а) сдать-ся, б) проиграть; **пря путомс** отдать жизнь, сложить голову, умереть; **пряс а саемс (совамс)** не предполагать; **пря сеземс** расправиться с кем-л.; **пря сиведемс** наняться (на работу); **пря синдемс** угробить кого-л.; **аволдамс прясо** кивнуть головой; **чаравтомс прясо** качать головой; **пряс самс** прийти в голову; **пря сядломс** критиковать себя; **прясто пильгс** с головы до ног, целиком, полностью; **пря теемс** притвориться, сделать вид; **пря трымс** кормиться; **пря чавомс** переживать, убиваться, расстраиваться; **прянь чавома** переживание, страдание; **пря шнамс** хвалиться; **прянь шна-**

* Здесь и далее подстрочный перевод авторов.

мо хвастовство; **прянь шназь** хвастливо; **пря яжамс** ломать голову *над чем-л.*; **чаво (чавола) пря** пустая голова (*о глупом, недалёком человеке*); **пряс путома** головной убор»⁴.

В книге «Аниськат» мы выделили такие фразеологизмы с лексемой **пря** «голова»:

— **ванстомс пря** 1) «беречь себя [букв.: беречь голову]»: *Кода эзь вансто прянзо [Артём], ялатеке седей кельмевкстнэ таргизь юткозост* (с. 164) («Как не берег себя [Артем], все равно противные заманили к себе»)*; *Чокинес вина цярка а сими [Михал], прянзо вансты Андреень веженсь цёранзо марто вастовомантень, кона сы тензэ сундерьгадозь* (с. 65) («До вечера рюмку вина не выпьет [Михаил], себя бережет к встрече с младшим сыном Андреем, который придет к нему в сумерках»); 2) **а ванстомс пря** (с отрицанием) «не беречь себя [букв.: не беречь голову]»: *Пря эзь вансто [Артем]: атакас свал каявилъ васенцекус* (с. 167) («Себя не берег [Артем]: в атаку всегда бросался первым»);

— **путомс пря** «погибнуть, умереть, пожертвовать собой [букв.: положить, сложить голову]»: *Яганок эйстэ ламот прясст пумызь тирунь масторонть кис* (с. 66) («Многие из наших друзей сложили головы за родную землю»); *...зяряя миллионт солдатт тусть фронтов. Тусть... Велявтомс эзь велявто. Свал кавтолдан: мезень кис прясст пумызь?* (с. 80) («... несколько миллионов солдат ушли на фронт. Ушли... Вернуться не вернулись. Всегда сомневаюсь: за что сложили головы?»); *Тетям прянзо пумызе кие соды мезень кисэ...* (с. 156) («Отец сложил голову кто знает за что...»);

— **прясто пильгс** «целиком, полностью, с головы до ног»: *Прясто пильгс сонзэ [Толянъ] валозь валызе кеж* (с. 26) («Его [Толю] полностью окатила злоба»); *Весе чувттнэ ды тикшетне прясто пильгс оришазельть ванькс пиже руцясо-пацясо...* (с. 43) («Все деревья и травы полностью были одеты в чистые зеленые наряды...»); — *Мон, Иван, мон. Теке баня бес, прясто пильгс чельке потсан* (с. 94) («— Я, Иван, я. Словно банный черт, с головы до ног в пыли»); *Сон [Петра] шапкавтомо, варьгавтомо. Прясто пильгс лов потсо* (с. 129) («Он [Петр] без шапки, без варежек. С головы до ног в снегу»); *А умок таго чачтасть [Василиса]. Цёрыне. Прясто пильгс раужо, прок тонол* (с. 132) («Недавно опять родила [Василиса]. Мальчика. С головы до ног черный, словно головешка»); *Авась ёжонзо марясь истя, мерят, прясто пильгс сонзэ валызь кельме ды мейле лакиведьсэ* (с. 149) («Женщина себя чувствовала так, словно с головы до ног ее облили холодной и потом горячей водой»);

— **прянек-пильгенек** «с головой; весь, целиком [букв.: с головой-ногами]»: *Тозонь [холодильникентень] шайтяноськак прянек-пильгенек кельги* (с. 150) («Туда [в холодильник] и черт целиком полезет»);

— **янгамс пря** «ломать голову *над чем-л.*»: *Яла пря янгинь: «Ней ков молема „часиянь“ вешнемэ?!»* (с. 97) («Все голову ломал: „Теперь куда идти ‘счастье’ искать?!“»); *Пря янгинь чинек-венек: кода улемс, мезе теемс?* (с. 109) («Голову ломал днем и ночью: как быть, что делать?»); *Тедэ мейлеяк, зяряя читъ мельцек, Поля прянтъ янгась эрва кода, мик орожияненьгак салава якась* (с. 126) («И после этого, несколько дней подряд, Поля ломала голову по-всякому, даже к гадалке тайком ходила»); *Пелевес прям янгинь, сёрмадынъ эсень лангс характеристика* (с. 196) («До полуночи ломал голову, писал на себя характеристику»); *Истя сон [философось] чинек-венек пря яжась ломантнень модалангонь эрямонь смусттенть...*

(с. 241) («Так он [философ] днем и ночью ломал голову над смыслом человеческой земной жизни»);

— **идемс пря** «выручать, защищать себя, оправдываться [букв.: спасать голову]»: — *Мелем витизь, парсте роботамонь кис, — идесь пря Микиш* (с. 121) («— Отблагодарили меня, за хорошую работу, — оправдывался Микиш»); — *Содавинь... — идесь пря Азоркин. — Шикадинь тензэ конфетка коробка* (с. 159) («— Узнал меня... — оправдывался Азоркин. — Сунул ему коробку конфет»); — *Винат ули? — Ды косто ней, — пря идинь. — Исяк теть самаль* (с. 162) («— Вино у тебя есть? — И откуда теперь, — оправдывался я. — Вчера надо было прийти»);

— **каямс пря** «кинуться, броситься куда-л. [букв.: бросить голову]»: *Хоть мезть тейнезэ, кирьгапарезнь кундазо, ансяк истямо тюнгольксэв тевс прям а каяса* (с.126) («Хоть что пусть делает, хоть за глотку хватает, только в такое плохое дело не влезу [букв.: не брошу голову]»); *Хоть лисьмас прят каик...* (с.150) («Хоть в колодец бросься [букв.: брось голову]»);

— **ветямс пря** «вести себя каким-либо образом [букв.: вести голову]»: *Валом видьстэ ёвтаса: тонь кондят ломанть монень эрявить. Прят ветят видечинь лувсо* (с. 126) («Слово свое прямо скажу: такие люди как ты мне нужны. Ведешь себя правильно»); ...*Петра роботасояк, кудасояк прянзо вети вадрясто-парсте* (с. 129) («...Петр и на работе, и дома ведет себя хорошо»); *Алукскак, Сидор Петровичнень чизэнзэ ветексть кандтни-пачтни [Пелагея Максимовна] келят-мелят заводонь вожодицятнеде, кие кода роботы, прянзо вети, арси-корты прявттонть* (с. 152) («И действительно, Сидору Петровичу пять раз в день приносит сплетни [Пелагея Максимовна] о рабочих завода, кто как работает, ведет себя, думает-говорит о руководителе»);

— **шнамс пря** «хвалиться [букв.: хвалить голову]»: *Ламот а кортыль [Петянь тетязо], пря а шныль* (с. 60) («Много не говорил [отец Пети], не хвалился»); — *Эно... истяк ён: ней уш а карми прянзо шнамо [Петра] — седеем сезнеме* (с. 131) («— Да... так и лучше: теперь уж не будет хвалиться [Петр] — сердце мое рвать»); *Артём иредьстэ яла пря шнась... Мейле пек майсесь* (с.164) («Артем пьяным все хвалился... Потом сильно мучился»); *Прянь апак шна мерьса, понгсь тень дивань козайка* (с.187) («Не хвалясь скажу, попалась мне дивная хозяйка»); *Мельспаро саимим. Мик прям шныя: «Сы иестэ ёвтнемань книгам лиси рузонь кельсэ»* (с. 214) («Мне было очень приятно. Даже похвалился: „В следующем году моя книга рассказов выйдет на русском языке“»);

— **невтемс пря** 1. «показать себя, проявляя в полной мере свои качества, способности, возможности [букв.: показать голову]»: *Эрьва косо ды эрьва тевсэ прятить невтинь паро ёндо, седеймариця ды лезэв советэнь максыця ломанькс* (с. 186) («Везде и в любом деле проявлял себя с хорошей стороны, добрым и дающим полезные советы человеком»); — *Вансынек... — меельцекс мерсь сон [Коркин]. — Бути кавто ковс прят невтёсак ломанькс — кадоват минек юткс* (с. 196) («— Посмотрим... — под конец сказал он [Коркин]. — Если за два месяца проявишь себя — останешься среди нас»); *Поэтэсь паро мастерэкс невтизе прянзо покиш произведениянь сёрмадомасояк* (с. 248) («Поэт показал себя хорошим мастером при написании и крупных произведений»); 2. «делать вид»: — *Иля кепсе судот! Мон ансяк пря невтинь... Зярдояк эзитинь вечке!* (с. 77) («— Не задирай нос! Я только делала вид... Никогда тебя не любила!»); *Невтить пря [эрзятне], буто сынъ*

рузт эли татарт (с. 132 — 133) («Делают вид [эрзяне], будто они русские или татары»); — *Резо!!! Те тон?! — Кодамо тетъ Резо? — ачарькодицякс пря невтсь микиницясь. — Мон — Котэ. Котэ Чахвадзе* (с. 149) («— Резо!!! Это ты?! — Какой тебе Резо? — сделал вид, что не понимает, продавец. — Я — Котэ. Котэ Чахвадзе»); 3. «показать себя»: *Нурькинестэ меремс, пряст невтить истя, теке сынъ сехте нек мелявтыть-сэредить...* (с. 160) («Короче говоря, показывают себя так, будто они больше всех заботятся-переживают...»); *Прянь невтемань кис якить [ошонь ломантне] театрав, концертэнь залов, выставкав* (с. 186) («Чтобы показать себя, ходят [городские жители] в театры, концертные залы, на выставки»);

— **кайсемс пря** 1) «прибегать к хитрости, уловкам, увиливать от чего-либо»: *Ней прянзо [Абдулла] ривезекс кайси, натой згили* (с. 150) («Теперь [Абдулла] хитрит, даже посмеивается»); 2) **а кайсемс пря** (с отрицанием) «не увиливать»: — *Вечкевикс Максим Корнилович, — валанясто ушодсь Персидский, — магазинэнь проектэсь, мерьса прянь апак кайсе, топавтозь алкукс нек парсте* (с. 201 — 202) («— Дорогой Максим Корнилович, — лстыиво начал Персидский, — проект магазина, скажу не увиливая, выполнен действительно очень хорошо»). Этот фразеологизм имеет также значение «(не) сомневаться в чем-либо, (не) стараться найти выход из создавшегося трудного положения», примеров с которым в рассматриваемой книге нет;

— **чавомс пря** «переживать, убиваться, расстраиваться [букв.: бить голову]»: *Кода мон сестэ пря чавинь, буто сёлмовтомо нармунь* (с. 37) («Как я тогда убивалась, словно бескрылая птица»); *Сельведень поцёрсо лиссть. Авардезевинь. Ловныця ялгай, кемат а кемат, кода мон сестэ майсинь, пря чавинь...* (с. 43) («Слезы потекли градом. Я расплакался. Мой друг-читатель, веришь не веришь, как я тогда страдал, переживал...»); *Те... козайкам. Чачтомсто... кулось. Ниле чить пря чавсь...* (с. 181) («Это... моя жена. При родах... умерла. Четыре дня мучилась...»); *Цёранть туемадо мейле авась эзь пра ризнэмас, эзь карма чавомо пря, мекевланг, сеске те-евсь истямокс, кодамокс некиния а вестъ* (с. 77) («После ухода мужчины женщина не впала в тоску, не стала убиваться, наоборот, сразу же стала такой, какой ее видел не раз»);

— **прям (-т, -зо, -нок, -нк, -ст) чаракадсь** «испытать головокружение [букв.: голова закружилась]»: *Ансяк судозонзо [Данилань] токавтсть кедень варьгань кондямо, прязо чаракадсь, мейле уш мезеяк мельсэнзэ эзь аште* (с. 138) («Только к носу [Данилы] поднесли наподобие кожаной vareжки, голова его закружилась, потом уж ничего не помнил»). Данный фразеологизм имеет также значение «терять способность ясно соображать от множества дел, забот, переживаний и т. п.». С этим значением примеров в книге П. Ключагина не выявлено;

— **прям (-т, -зо, -нок, -нк, -ст) чополгадсь** «потерять способность ясно сообщать [букв.: голова потемнела]»: *Прям чополгадсь-веляськадсь... Эзинь фатаяк, зярдо павась саинзе весе ярмактнень ды ёмась, теке арасельгак...* (с. 180) («Голова моя закружилась [букв.: потемнела-закружилась]... Я даже не заметил, когда пава взяла все деньги и пропала, словно ее и не было...»);

— **сиведемс пря** «начать на кого-то работать [букв.: нанять голову]»: *Прянзо сиведекинизе [Машур] скалонь потявтыцякс* (с. 172) («Нанялась [Машур] работать дояркой»); *Прянь сиведеме молинь вейке домоуправленияв* (с. 195) («Пошел наниматься на работу [букв.: голову нанимать] в одно домоуправление»);

— **пурдамс пря** «убить кого-л. [букв.: свернуть голову] (обычно употребляется как угроза)»: *Прят пурдаса чивалгомав. А вановлиньгак лангозот* (с. 191) («Сверну голову на запад. Не смотрел бы на тебя»);

— **самс пряс** «возникнуть в сознании, вспомниться [букв.: прийти в голову]»: *...сёрмалесть-рисовасть [цёратне] мезе ансяк сыль прязост* (с. 164) («...писали-рисовали [мужчины] что только приходило им в голову»);

— **а максомс пря** «не сдаваться, не давать себя в обиду, не подчиняться кому-л. [букв.: не давать голову]»: *Ялатеке... пря эзинь максо. Курок кармасть инамон промкссо* (с. 196) («Все равно... я не сдавался. Скоро стали хвалить меня на собрании»); *Гитлеровецтнэ зярс пря эзьт максо, тюрсть азаргадозь кискакс...* (с. 68) («Гитлеровцы пока не сдавались, боролись словно бешеные собаки»);

— **срамамс пря** «позорить себя [букв.: позорить голову]»: *Эрзянь аванень а лади истя кортамс... А тон оно кода прят срамат...* (с. 191) («Эрзянке так нехорошо говорить... А ты вон как позоришь себя...»);

— **сюдомс пря** «ругать себя, проклинать [букв.: ругать голову]»: *А ломань мон, куломазон карман прям сюдомо* (с. 196) («Не человек я, до смерти буду себя проклинать»);

— **теемс пря** «деть себя куда-л. [букв.: деть голову]»: *Мон умок уш сынь арсемас: сидике эрзятне виздильть инамодо, а содыльть, ков пряс теемс* (с. 244) («Я давно уж пришел к мысли: раньше эрзяне стеснялись похвал, не знали, куда деть себя»);

— **оймавтомс пря** «успокаивать самого себя [букв.: успокаивать голову]»: «*Оргодеви [Ёга]! Оргодеви! Ведьстэнтъ лиси — виресь кекишы*», — **оймавтынъ прям** (с. 36) («„Убежит [Ёга]! Убежит! Из речки выйдет — лес его спрячет“, — успокаивал я себя»);

— **марямс пря** «чувствовать себя [букв.: чувствовать голову]»: *Цёрась мекс-бути марясь прянзо чумокс Ленань икеле* (с. 55) («Юноша почему-то чувствовал себя виноватым перед Леной»);

— **стякшномс пря лангс** «озорничать, хулиганить, бушевать [букв.: вставать на голову]»: *Мирдэз [Серафима Ивановна] вана прянзо лангс стякшны* (с. 199) («Муж [Серафимы Ивановны] бушует»);

— **ютамс прява** «многое пережить, перевидеть [букв.: пройти по голове]»: *Пряванзо [Кулянь] ютась весемесь: сехте покш ризксэсь — мирдензэ чавовомась, войнань шкань такачитне, майсематне* (с. 63) («Пережила [Куля] многое: самое большое горе — смерть мужа, трудности, муки военного времени»);

— **чавола пря** «глупый, недалекий, неумный (о человеке) [букв.: пустая голова]»: — *Чавола пря, оймак! — машинетезь кортась мирдэсь* (с. 125) («— Глупая, успокойся! — раздраженно сказал муж»);

— **сыре прясо** «на старости лет [букв.: старой головой]»: — *А рамаса мацтонк. Мезекс тень сыре прясо?* (с. 150) («— Не куплю ваш погреб. Зачем он мне на старости лет?»); *Шайтянонь характеристиканть кис сыре прясо макссть тензэ выговор* (с. 197) («За чертовую характеристику на старости лет объявили ему выговор»);

— **прянь-полдань синдэзь** «сломя голову; стремительно, опрометью, стремглав (бежать, мчаться и т. д.)»: *Лисинь тамбурс таргамо. Ванан: составонть кувалт прянь-полдань синдэзь чии цёрабаесь-механикесь* (с. 18) («Вышел курить в тамбур.

Смотрю: вдоль состава сломя голову бежит мальчик-механик»); *Капшазь таргинзе [Миколь] тетянзо покиш, стака кемтнень ды прянь-полдань синдезь ношкстась ракиатнень мельга* (с. 23) («Быстро вытащил [Николай] отцовские большие тяжелые сапоги и сломя голову побежал за скотиной»); *Сеске вакскан ардсь Банзаесь, прянь-полдань синдезь, цийнезь-рангозь* (с. 43) («Сразу же мимо меня промчался Банзай, стремглав, скуля-лая»); *Инжесь менсь, прянь-полдань синдезь чийсь вирев* (с. 146) («Гость освободился, сломя голову побежал в лес»); *Потапычень низэ алга панарсо, прянь-полдань синдезь ношкстась ушов ды сельгень прамс чопавтсь ма-цтонть* (с. 153) («Жена Потапыча в ночной рубашке, сломя голову выбежала на улицу и быстро нырнула в погреб»); *Ды зярдо Микита рангстыль «Шире, улица, раздайся!!!», велень эрицятне прянь-полдань синдезь чишльть эйстэнзэ кие ков понгсь* (с. 207) («И когда Никита кричал „Шире, улица, раздайся!!!“, сельчане сломя голову убегали от него куда попало»); *Ваксозонзо [артистэнть] васенцекс прянь-полдань синдезь чийсь Культурань кудонь прявтось* (с. 242) («К нему [артисту] первым сломя голову подбежал директор Дома культуры»).

Как видно из вышеприведенных примеров, в целом соматические фразеологизмы с лексемой **пря** «голова» характеризуют человека — его состояние, поведение, качества, деятельность, существование, эмоции, а также отношения между людьми.

Основная масса рассматриваемых нами фразеологических единиц представлена двухкомпонентными образованиями (*ванстомс пря*, *пудомс пря*, *прясто пильгс*, *пря янгамс*, *идемс пря*, *каямс пря*, *ветямс пря*, *инамс пря* и т. д.). Значительно меньше трехкомпонентных (*стякшиномс пря лангс*, *прянь-полдань синдезь*) фразеологических единиц. Наиболее продуктивные следующие структурные модели:

— глагол + существительное: *невтемс пря*, *кайсемс пря*, *чавомс пря*, *сиведемс пря*, *сюдомс пря*, *срамамс пря* и т. д.;

— существительное + существительное: *прясто пильгс*, *прянек-пильгенек*;

— прилагательное + существительное: *чавола пря*, *сыре прясо*;

— глагол + существительное + послелог: *стякшиномс пря лангс*.

Таким образом, в книге «Аниськат» П. Ключагина мы выделили 28 фразеологических единиц с соматическим компонентом **пря** «голова», в основном характеризующие поведение, состояние, качества, деятельность, существование и эмоции человека. Самыми распространенными фразеологизмами являются следующие: *прясто-пильгс* — 19 примеров, *прянь-полдань синдезь* — 15, *невтемс пря* — 10, *инамс пря* — 9, *янгамс пря* — 9, *идемс пря* — 6, *чавомс пря* — 5; менее распространенными — (а) *ванстомс пря* — 3, *пудомс пря* — 3, *ветямс пря* — 3, *каямс пря* — 2, а *максомс пря* — 2, (а) *кайсемс пря* — 2, *сыре прясо* — 2, *сиведемс пря* — 2, *прянек-пильгенек* — 1, *пряч чаракадсь* — 1, *пряч чополгадсь* — 1, *пурдамс пря* — 1, *самс пряс* — 1, *срамамс пря* — 1, *сюдомс пря* — 1, *теемс пря* — 1, *оймавтомс пря* — 1, *марямс пря* — 1, *стякшиномс пря лангс* — 1, *ютамс пря-ва* — 1, *чавола пря* — 1. Большинство фразеологических единиц являются двухкомпонентными, среди которых самая продуктивная структурная модель — глагол + существительное.

В заключение подчеркнем, что изучение языка и стилистического мастерства П. Ключагина в плане использования им фразеологии представляет большой интерес для понимания словарного богатства эрзянского языка и выяснения вопроса о взаимоотношении фразеологии с языком художественной литературы.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Ширманкина Р. С.** Фразеология мордовских языков : автореф. дис... канд. филол. наук. Тарту, 1970 ; **Ее же.** Сопоставительная характеристика фразеологических единиц с компонентами «сердце», «душа» в русском и мордовском языках // Вопросы лексикологии финно-угорских языков : межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 1989. С. 89 — 97 ; **Денисова Г. И.** Соматические фразеологические единицы эрзянского и немецкого языков (сопоставительный аспект) : автореф. дис... канд. филол. наук. Саранск, 2003 ; **Кочеваткин А. М.** Эрзянь кельсэ соматической кемекставозь валонь сюлмавкстнэнь смустест // Взаимодействие и взаимовлияние языков и литератур народов Поволжья и приуралья : материалы межрегион. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения акад. П. Аристэ. Саранск, 2006. С. 159 — 163 ; **Келина А. Н.** Фразеологические единицы с соматическим компонентом *кядь* «рука» в мокшанском языке // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 4 (16). С. 168 — 174 ; **Ее же.** Фразеологические единицы с соматическим компонентом *седи* «сердце» в мокшанском языке // Там же. 2015. № 4 (36). С. 196 — 211 ; **Невкина И. П.** Фразеологизмы с соматическим компонентом в мокшанском языке // Лексика мордовских языков: проблемы и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. юбилею Х. Паасонена. Саранск, 2010. С. 68 — 74.

² **Денисова Г. И.** Указ соч. С. 8.

³ См.: **Ключагин П. А.** Аниськат : ёвтнемат, новеллат, лирикань цюцёвнеть, стихть, ледстнемат. Саранск, 2010. С. 164. [Анис-трава : рассказы, новеллы, лирические миниатюры, стихи, воспоминания]. Далее ссылки в тексте: (с.).

⁴ Эрзянь-рузонь валкес = Эрзянско-русский словарь. М., 1993. С. 522.

Поступила 16.01.2019 г.

УДК 81'373:398.9:811,511.152.1

С. В. Пивкина, Е. М. Пыреськина
S. V. Pivkina, E. M. Pyreskina

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭРЗЯНСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОВ В СОВРЕМЕННОЙ АУДИТОРИИ

THE FUNCTIONING OF ERZYA PROVERBS AND SAYINGS IN A MODERN AUDIENCE

Ключевые слова: современная аудитория, речь, жанр, национально-специфические реалии, пословицы, поговорки, исследователь, культура, перевод, сборник, газета, журнал.

В статье рассматривается функционирование эрзянских пословиц и поговорок в современной аудитории.

Key words: modern audience, speech, genre, national and specific realities, proverbs, sayings, researcher, culture, translation, collection, newspaper, magazine.

The functioning of Erzya proverbs and sayings in a modern audience is considered in the article.

В пословицах и поговорках отражается многовековой опыт народа, его мудрость, культура, история. Известный исследователь фольклора В. П. Аникин писал: «Историк ищет в пословицах и поговорках свидетельства о далекой старине и па-

мятных событиях древности. Юрист ценит пословицы и поговорки как неписанные законы народной жизни. Этнограф усматривает в народных изречениях и метких образных определениях и характеристиках отражение уже исчезнувших обычаев и порядков. Философ через пословицы и поговорки пытается понять строй народного мышления»¹.

Под пословицами в широком смысле мы понимаем «краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный (образный) план или только переносный план...»²; под поговорками — народные изречения, «отличающиеся особой краткостью и имеющие, как правило, только буквальный план. Пословицы бытуют в виде устойчивых, завершенных фраз, а поговорки допускают варьирование своего состава и не всегда выражают законченное суждение. Поговорки — это мост, переход от фразеологизмов к пословицам»³.

Интерес к пословицам и поговоркам мордовского народа был отмечен во второй половине XIX в., тогда же была начата и их запись. Первым мордовские пословицы стал записывать известный мордовский ученый-этнограф и собиратель фольклора М. Е. Евсевьев⁴. Систематическое изучение этих жанров относится к 1940-м гг.

Начиная с 1936 г. Мордовским научно-исследовательским институтом стали проводиться ежегодные экспедиции по собиранию мордовского фольклора. В 1954 г. вышел сборник «Мокшанские пословицы», а в 1955 г. — «Эрзянские пословицы». Оба эти сборника были подготовлены К. Т. Самородовым. В начале XXI в. вышла книга Л. В. Седовой «Мордовские пословицы, поговорки, приметы и загадки: поэтические образцы житейского опыта». В ней автор отмечает, что «пословицы, поговорки, приметы, загадки — это малые жанры мордовского устно-поэтического творчества. Малые — по форме, но емкие, богатые — по содержанию. В них отразился житейский опыт многих поколений, выраженный в поэтической форме. Пословицы и поговорки — это концентрированное отражение мировоззрения наших предков, их взгляды на быт, моральные устои и жизненные ценности»⁵. Данная книга представляет собой популярное издание для широкого круга читателей и ценителей устно-поэтического творчества родного края.

Пословицы и поговорки активно употребляются и в современном мире. По мнению Л. В. Седовой, «широкому распространению и долголетию пословиц способствует прежде всего то, что они имеют практическое и назидательное значение. По своей краткости, меткости и мудрости пословицы представляют собой величайшую ценность: обогащают речь, придают ей выразительность и точность. Речь людей, знающих и использующих много пословиц, как правило, ярка, эмоциональна и понятна. Создавались эти крупинки мудрости в течение многих веков и составляют ныне свод суждений: в пословицах ясно выражена оценка народом действительности, какая она есть или какой хотелось бы ее видеть»⁶.

Необходимо подчеркнуть, что каждая национальная культура, решая стоящие перед ней проблемы, вносит свой вклад в мировую сокровищницу, создает нечто свое, имеющее значение для всех народов⁷. Как и другие народы, эрзяне и мокшане любят в своей речи использовать меткое слово.

На эрзянском языке пословица называется валмеревкс (*вал* «слово» и *меревкс* «высказывание»). Тематика эрзянских пословиц и поговорок обширна, как и жизнь самого народа. Определение пословице, данное В. А. Далем, как нельзя лучше характеризует эрзянские народные афоризмы: «Это свод народной премудрости и

суемудрия, это стоны и вздохи, плач и рыдание, радость и веселье, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый»⁸.

На наш взгляд, сегодня, в век всевозможных технологий, пословицы и поговорки становятся менее актуальны, т. е. используются в речи не так часто, как в минувшие века. Речь, приукрашенную яркими фразами, содержащими глубокий смысл, в современной жизни можно услышать в основном от сельских пожилых женщин. Они являются хранителями старинных песен, свадебных причитаний, мудрых изречений, передающихся из поколения в поколение.

Полевой материал для данного исследования собирался в Большеберезниковском, Чамзинском, Кочкуровском и Ичалковском районах Республики Мордовия.

О пословицах в народе говорится: *Валмеревксэсь нармунь нерышка, домкачизэ покш эрькешка* («Пословица с птичий клюв, да глубина ее с большое озеро»), *Валмеревксэсь — пишти вал, сельмс пезны теке нал* («Пословица — остра, в глаз вонзается как стрела»), *Тевтне паролгалить од муевксстэ, кортамотне — валмеревксстэ* («Дела становятся лучше от смекалки, разговоры — от пословиц»)⁹.

Неторопливые и рассудительные от природы эрзяне обдумывают каждое выражение, придавая ему весомость: *Валось ёвтамодо икеле порема* («Слово перед тем как произнести, нужно разжевать»), *Ве валось емаванзат, ве валось идетьанзат* («От одного слова можно погибнуть, от одного слова можно спастись»), *Кежей вал — сельмс сал* («Злое слово — соль в глаза»)¹⁰, *Стяко валот илить ёмавтне* («Попусту слова не теряй»)¹¹, *Валось а нармунь: ливти — а понги* («Слово — не птица, вылетит — не поймает»)). Укоряя себя за излишнюю болтливость, эрзянин скажет: *А кортат — а кирдят, кортат — грешат* («Не поговоришь — не стерпишь, поговоришь — нагресишь»)¹².

Некоторые поговорки древнего происхождения связаны со спецификой мифологического мышления. В них отражаются древние верования эрзян, упоминаются божества, духи: *Вере пазось авань таркас, Вере пазось тетянь таркас* («Верховный бог вместо матери, Верховный бог вместо отца»), *Шайтян Шайтянонзо Ине ведь томбальде мусы* (Шайтан своего Шайтана за Великой водой найдет»), *Шайтян пуло пестэ керязь* («Отрезан от хвоста Шайтана»), *Шайтянт панизь* («Шайтаны пригнали»)¹³.

Кроме того, есть изречения, в которых отразились исторические события: *Тюштянь чаван, масторонзо сэван* ¹⁴ («Тюштю бью, землю его отбираю»), *Косо эрзят эрить, тосо боярт арасть* («Где живут эрзяне, там барина нет»)¹⁵.

Отметим, что эрзяне — народ трудолюбивый. Труд украшает человека, возвеличивает его. В пословицах и поговорках прославляется ловкость, умение, новаторство и знание своего дела. От того, как человек работает на земле, трудится в своем хозяйстве, зависит его материальное благосостояние: *Муськемась-шлямость — патят-сазорт* («Стирка-уборка — сестры»), *Тев арась — шабра максы* («Дела нет — сосед даст»), *Киивтеме — пекесь чевтеме* («Без хлеба — живот обмякнет»), *Вачо пеке кев лазы* («Голодный желудок камень разрубит (переварит)»), *Теле — вачо пеке кувака* («Зима — долгое время для пустого брюха»), *Улезь — мери: «Невтемак», аразесь мери: «Кекшемак»* («Богатство говорит: „Покажи меня“, бедность говорит: „Спрячь меня“»), *Арась киить — пурнак поминкат (озкс), арась пенгеть — ушодт стрямо* («Если нет хлеба — сделай поминки, если нет

дров — начини строить»), *А пандат — а кандат, пандат — кандат* («Не платишь — не носишь, платишь — носишь»), *Максындеряйт теть ленге, тон пандт кишно* («Дадут тебе мочало, верни кожей»), *Паро шабра — пель добра* («Хороший сосед — половина добра»), *Ули ярмак мошна — а ули теть тошна* («Денег полна мошна — не будет тебе тошно»), *Тевесь вечки теема, ярмакось — ловома* («Дело любит учет, а деньги счет»), *Кодамо азорось, истямо скотиназоак* («Каков хозяин, такова и скотина»), *Пиресь антанзат — паксясь трятанзат* («Огород накормит — поле прокормит»), *Кизна теветь коли ёрат — тельня морот морат* («Лето в труде проведешь — зимой песни поешь»)¹⁶.

В народе во все времена порицались лень, нерадивость, безответственность и нужда. Подтверждение этому мы находим в эрзянских пословицах и поговорках: *Кедьтне-пильгтне оймайт, седеесь «тарцк» а теи* («Руки-ноги успокоятся, а сердце не утихнет»), *Кучомс а кучови, учомс — а учови* («Послать — не дошлешься, ждать — не дождешься»), *Киска чим поризе* («Собака день съела (о бессмысленно прожитом дне)»), *Чит-веть ютавтни* («Дни-ночи проводит (о бездельнике)»), *Ули: верьга пуви, алга юводы* («Есть: сверху дует, снизу поддувает»), *Капишазь паро тев а теят, ансяк раксемат неят* («Не делай быстро, делай качественно»), *Ломанень превсэ а эриват* («Чужим умом не проживешь»)¹⁷.

Пословицы и поговорки повествуют о характере человека, о его отношении к себе и к другим людям: *Эрзянь ломань — паро ломань* («Эрзянин — хороший человек»), *Ялга ялганзо мусы* («Каждый ищет себе подобного»), *Парось стувтови, берянесь — зярдояк* («Хорошее забывается, плохое — никогда»), *Несь тувось валдо ведь, ялатеке рудазов кадовсь* («Увидела свинья чистую воду, да все равно грязной осталась»), *Шайтянтт киштейти* («Нечистых танцевать заставляет, т. е. человек совершает греховные поступки, а нечестивый радуется»), *Эрванть икеле а сюконават* («Перед каждым не кланяешься»), *Эсеть прят а вечксак — кияк а вечк-тянзат* («Сам себя не полюбишь — никто не полюбит»), *Комят ваить, кевть кепетить* («Хмель тонет, камни поднимаются (так говорят, когда восхваляют недостойных людей)»), *Алдо алашанть саласы* («Лошадь из под тебя украдет (об озорнике)»), *Ведь лангсто апак симть ильтятанзат* («От воды, не напоив, проводит (о жадном человеке)»), *Роботанть пачк сейсы* («Работу напрочь порвет (о трудолюбивом человеке)»), *Кочкарянзо алдо толт кивчкаить* («Из-под пяток искры летят (о смелом человеке)»), *Превсэ валозь* («Умом облитый»), *Чаво чалгамо* («Пустослов»), *Каршо ведь* («Идущий против течения (это выражение касается людей, наделенных упрямством)»), *Карензэ каладсть* («Лапти развалились (о пьяном)»), *Ланга чады* («Поверх течет (о баловне)»), *Пря кедеткак лутасы* («Боевой — скальп снимет»), *Ведь алдонь чудевкс* («Из-под воды течет (о непредсказуемом человеке)»), *А псистэ, а кельместэ* («Ни по теплому, ни по холодному (о человеке своенравном, которому трудно угодить)»), *Содт пувси* («Сажу сдувает (о сердитом, недовольном человеке)»), *Лавишо понкс* («Слабые портки (о ветреном человеке)»), *Икелькс, удалкс а соды* («Явного, тайного не различает»), *Вере несэ роднянзо арасть* («На верхней улице родни нет (т. е. в голове ума нет)»), *А ускозь, а сускозь* («Ни вытянешь, ни откусишь (о тех, кто не возвращает долг)»), *Поки прят кепсить* («Важные головы поднимают (о высокомерных людях)»). Однако каким бы человек не был, каждый угоден Богу. Недаром и существует выражение: *Истянт ломантькак пазонтень эривить* («И такие люди Богу угодны»)¹⁸.

До наших дней дошли суждения об отношениях между мужем и женой, о ценностях семьи, о женской доле: *Кинь марто чись стясь, сень марто чополгадо-зо* («С кем солнце встретишь, с тем и проводи»), *Ули: мирде, ули: мирдине, ули: ох, мирде* («Есть: муж, есть: муженек, есть: ох уж, муж»), *Ломань ава вечкат, эсенсесь ёмавтсак* («Чужую жену полюбишь, свою потеряешь»), *Мирдевтеме — кирдевтеме* («Незамужняя — безудержная»), *Кудось мазый авасо, кардазось церазо* («Дом красив женщиной, двор — мужчиной»)¹⁹, *Паро суро (зерна) питнензэ а ёмавтсы* («Хорошее зерно цену не потеряет (о доброй, хорошей девушке, но уже в годах)»), *Урьва саинь радовинь — церавтомо кадовинь* («Сноху взяла — обрадовалась, без сына осталась»), *Урьвась сови ортава, тейтересь — орта алга* («Сноха входит через ворота, а дочь под воротами»)²⁰. В пословицах можно обнаружить информацию о нежелании эрзян своих дочерей замуж выдавать в чужое село: *Паро скал велестэ а нолдыть, паро тейтерь омбо велев а максыть* («Хорошую корову из села не отпустят, добрую девушку в чужое село не выдадут»)²¹, о мудрых наставлениях старших: *Эрян — марямак, кулан — лажамак: иля моле сенень, кинь мельга чийнят, мольть сенень, кие мельгат правты* («Живу — услышь меня, умру — оплакивай: не выходи замуж за того, за кем бегаешь, выходи за того, кто за тобой ухаживает»)²².

Дети — самое дорогое и важное для родителей. Отношение к ним отразилось во многих эрзянских пословицах и поговорках, которые довольно часто употребляются и в настоящее время: *Авань седейсь — эйдсэ, тетянь седейсь — кевсэ* («Материнское сердце — в детях, отцовское сердце — в камне»), *Авань седей — кискань седей, тетянь седей — верьгизэнь седей* («Материнское сердце — собачье сердце, отцовское сердце — волчье сердце»), *Эсесь эйдесь чишка-ковшка, ломаненсесь мастор повшка* («Свое дите как солнце и луна, а чужое как пуговка»), *Эйкакитнэ тюрить — оршамост токить* («Дети дерутся — лишь одеждой касаются»), *Умарь чувто лангсо изамо пейть а касыть* («На яблоне зубья для бороны не растут»)²³.

В настоящее время, характеризующееся отчужденностью друг от друга, люди стремятся реанимировать традиции, обычаи, возвратиться к той философии предков, которая учит единению и поддержке: *Ломанень ломанесь жалятанзат валсо, эсетесь тевсэ* («Чужой пожалеет на словах, свой — делом»), *Овто овтонзо а порьсы* («Медведь медведя не съест»)²⁴.

Жизненный опыт, несомненно, также отразился в пословицах и поговорках. У эрзянина свое мировоззрение, он неторопливо делает свои простые, но значимые выводы: *Шумбрачи — сюнавчи* («Здоровье — богатство»), *Ули паз орма, ули лаз орма* («Есть болезнь от бога, а есть от вина»), *Ярцамс эрявить пейть, эрямс — превть* («Кушать нужны зубы, жить — ум»), *Эрямась кармаванзат — татаравантеньгак «Патякай» мерят* («Жизнь заставит и татарке скажешь „Сестра“»), *Виренть улеть пилензэ, паксянтъ улеть сельмензэ* («У леса есть уши, у поля глаза»), *Ломань алашасто курок рудазс валгат* («С чужой лошади быстро в грязь слезешь»), *Эрямась кармаванзат — тувонтъ нилеце пильгензэяк паласак* («Жизнь заставит — у свиньи четвертую ногу поцелуешь»), *Сырнентъ сиясо а вельтитъ* («Золото серебром не покрывают»), *Ведьс ваямс — кальс кундамс* («В воде тонуть — за иву ухватиться»), *Эрямонтъ а верьга, а алга а ютасак* («Жизнь ни сверху, ни снизу не обойдешь»), *Иредеть — аволь сыредеть* («Опьянел — не постарел»), *Паро*

сельме чамас понгозат («Под добрый взгляд попадись»), *Икельцетне* — удалов, *удалцетне* — *икелев* («Первые — назад, последние — вперед»), *Пазонть шказо ламо* («У Бога времени много»)²⁵.

Таким образом, как свидетельствуют полевые материалы, представленные в статье, эрзянские пословицы и поговорки функционируют в современном языке. В них отражаются быт и обычаи народа. В кратких изречениях эрзяне выражают явления действительности и отношение к различным их проявлениям. Пословицы величают труд, порицают лень, высмеивают жадность, укрепляют веру в добро и справедливость и т. д. Основным источником мордовских пословиц и поговорок является именно жизненный социально-исторический опыт народа. Эрзянским пословицам и поговоркам свойственна ритмическая организация, особое звуковое оформление. В них нет лишних слов, каждое слово весомо, содержательно и точно. В наше время этот малый жанр фольклора применяется в бытовом общении, используется писателями, поэтами, публицистами, его изучение включено в школьную программу.

Библиографические ссылки

¹ Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957. С. 7.

² Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991. С. 12.

³ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976. С. 163.

⁴ См.: Евсеев М. Е. Букварь для мордвы-эрзи с присоединением молитв и русской азбуки. Казань, 1892. 47 с.

⁵ Седова Л. В. Мордовские пословицы, поговорки, приметы и загадки: поэтические образцы житейского опыта. Саранск, 2009. С. 3.

⁶ Там же. С. 2.

⁷ Пыреськина Е. М. Мордовский переводческий процесс в контексте историко-литературного движения (XVIII — XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2006. С. 17.

⁸ Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 2007. С. 4.

⁹ Эрзянь-рузонь валкс=Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебrenникова [и др.]. М., 1993. С. 102.

¹⁰ Из личного архива Буянкиной Надежды с. Селищи Ичалковского района Республики Мордовия.

¹¹ Из личного архива Аброськиной Марии с. Пермиси Большеберезниковского района Республики Мордовия.

¹² Пивкина С. В. Валмеревкст // Чилисема. 2016. № 4. С. 24.

¹³ Из личного архива Старкиной Елены с. Качалай Кочкуровского района Республики Мордовия.

¹⁴ Paasonen H. Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von H. Paasonen; hrsg. und übers. von P. Ravila. Helsinki ; Turku, 1980. Bd. 7. S. 242.

¹⁵ Из личного архива Пивкиной Марии с. Пермиси Большеберезниковского района Республики Мордовия.

¹⁶ Из личного архива Старкиной Елены с. Качалай Кочкуровского района Республики Мордовия.

¹⁷ Из личного архива Литяйкиной Нины с. Новые Пермиси Большеберезниковского района Республики Мордовия.

¹⁸ Пивкина С. В. Вере пазонь шкадо ледстнемат // Эрзянь правда. 2013. № 6.

¹⁹ Из личного архива Ларькиной Марии с. Пермиси Большеберезниковского района Республики Мордовия.

²⁰ Головина А., Пивкина С. «А токине, токине, пизынесэ кокине...» // Сятко. 2016. № 1. С. 98 — 102.

²¹ Пивкина С. В. Валмеревкст // Чилисема. 2016. № 4. С. 24.

²² Из личного архива Ларькиной Марии с. Пермиси Большеберезниковского района Республики Мордовия.

²³ Из личного архива Литяйкиной Нины с. Новые Пермиси Большеберезниковского района Республики Мордовия.

²⁴ Головина А., Пивкина С. Указ. соч.

²⁵ НА НИИГН. 2757. Ч. 1. Никонова Л. И. Народная медицина // Аудиозапись во время этнографической экспедиции (17 августа — 15 сентября 2000 г., Алтышево Алатырского района Чувашской Республики).

Поступила 04.02.2019 г.

УДК 811.111:81'373.72

Т. Н. Федуленкова, Д. А. Глебова

T. N. Fedulenkova, D. A. Glebova

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ МОДЕЛИ V + (d) + N + Prep + Θ С ГЛАГОЛОМ ОБЛАДАНИЯ

FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE MODEL V + (D) + N + PREP + Θ WITH THE VERB OF POSSESSION

Ключевые слова: английский язык, фразеологическая единица, модели описания, вариант.

В статье представлены результаты структурно-семантического анализа глагольных фразеологических единиц с компонентом *have* в современном английском языке, имеющих общую структурную организацию, выраженную моделью: V + (d) + N + Prep + θ. Работа нацелена на оценку общего характера переосмысления компонентного состава анализируемых языковых единиц и определение характера варьирования компонентов фразеологизмов в пределах изучаемой модели описания.

Key words: the English language, phraseological unit, models of description, variant.

The article deals with the results of the structural and semantic analysis of verbal phraseological units with the component 'have' in modern English, characterized by a common structural organization based on the model: V + (d) + N + Prep + θ. The paper aims to assess the general nature of reconsideration in the component structure of the analyzed language units and to determine the nature of variability in the components of phraseological units within the studied model.

Продолжая исследование глагольных фразеологических единиц (ФЕ) современного английского языка, в состав которых входит компонент *have*, сосредоточим в данном случае наше внимание на ФЕ, которые имеют общую структурную организацию V + (d) + N + Prep + θ¹, т. е. трехкомпонентную, по А. В. Кунину², модель описания.

В основу данной работы положены те же методы и приемы лингвистического анализа, которые были использованы и в предыдущем исследовании, составляющем первый этап исследования фразеологических единиц названной модели описания³. Научная и методологическая основа исследования остается прежней, и как теория, всесторонне апробированная в практике фразеологического анализа, находит свое непосредственное применение в предпринимаемом труде⁴.

На этапе первичной обработки собранного для анализа языкового материала ставим задачу дифференциации фразеологических единиц, с одной стороны, и переменных сочетаний слов с тождественным компонентным составом — с другой.

С целью семантизации устойчивых выражений обращаемся прежде всего к словарным дефинициям, например, ФЕ *to have a case against someone* (букв.: иметь случай против кого-либо) сопровождается толкованием *to have much evidence which can be used against someone in court*⁵ («иметь много показаний, которые могут быть использованы против кого-либо в суде»).

Важным критерием для определения лингвистического статуса устойчивого сочетания слов является критерий наличия в нем семантической трансформации компонентного состава, руководствуясь которым словосочетание можно было бы отнести к совокупности фразеологических образований. Необходимое условие действительности такого критерия — это контекст, так как именно в нем выявляется характер значения устойчивого сочетания слов. Например, словосочетание *have a name for something* в сообщении *I have already got a name for your pet* («У меня уже есть имя для твоего любимца») есть не что иное, как переменное сочетание слов с прямым значением, соответствующим сумме значений его компонентов. Это же сочетание в предложении *The firm has a name for good workmanship*⁶ имеет переосмысленное значение — «Эта фирма пользуется репутацией мастерского исполнения работы», где контекст выявляет фразеологическое значение рассматриваемого выражения также, как и в утверждении *He has a good name for fair dealing*⁷, означающем «У него репутация честного дельца».

В связи с этим отбор языкового материала для исследования производим, руководствуясь как методом дефиниционного анализа⁸, так и методом контекстуального анализа⁹. В ходе исследования английской фразеологии, объединяемой моделью описания V + (d) + N + Prep + θ, выясняем, что лишь десятая их часть не имеет вариантов, т. е. относится к высокому уровню абстракции.

Одни ФЕ в этой подгруппе характеризуются полным переосмыслением компонентного состава и, следовательно, являются немотивированными образованиями, как, например, в случае (а) *to have tickets on oneself* (букв.: иметь билеты при себе) — со значением «много о себе воображать», другие ФЕ характеризуются частичным переосмыслением компонентного состава и, как следствие, представляют собой фразеологические единицы с мотивированным их компонентами значением, ср. случаи (б) *to have a stake in something* (букв.: иметь долю в чем-либо) — быть жизненно, кровно заинтересованным в чем-либо и (в) *to have a hold over somebody* (букв.: иметь захват над кем-либо) — оказывать воздействие, иметь власть, давить, влиять на кого-либо. Обе ФЕ представляют собой безвариантные языковые единицы, так как их компонентный состав не обнаруживает какой-либо вариативности — или зафиксированной в словарях, или окказионально-контекстуальной. Читаем контекстуальные подтверждения:

(а) *If people **have got any tickets on themselves**, Blue don't get nowhere with them* (D. Cusack and F. James. *Come in Spinner*) («Блю старался не иметь дело с людьми, которые слишком много о себе воображают»).

(б) *I **have a stake in that company**. I want it to make a profit* (R. A. Spears. McGraw-Hill's AID) («Я заинтересован в этой компании. Я хочу, чтобы она приносила прибыль»).

(в) *One great cause why Mr. Crawley **had such a hold over the affections** of his father resulted from money arrangements* (W. Thackeray. *Vanity Fair*) («Главная причина, в силу которой мистер Кроули имел такую власть над чувствами отца, обуславливалась денежными расчетами»).

К группе ФЕ изучаемой модели с безвариантным, или константно-переменным, типом зависимости компонентов, составляющим 10,9 % ФЕ изучаемой модели, относим также и фразеологизм *to have a word with somebody* со значением «сказать кому-либо несколько слов, побеседовать, потолковать с кем-либо, обратиться к кому-либо», так как в современном английском языке эта ФЕ не имеет вариантов ввиду того, что устаревший первоначальный вариант с компонентом *half* — *to have half a word with somebody* — вышел из употребления, сравним:

(а) *'Miss Potterson!.. **might I have half a word with you?**' 'Well, said Miss Potterson... 'say your half word'* (Ch. Dickens. *Our Mutual Friend*) («Мисс Поттерсон... Можно вас на полсловечка? — Ну что ж, давайте ваши полсловечка, — ответила мисс Поттерсон»).

(б) *It's such a hot night — why don't you two ladies go and cool yourselves in the garden, for a moment — while I **have a word with Mark?*** (T. Rattigan. *Who is Sylvia?*) («Такой душный вечер. Почему бы вам, дамы, не пройтись по саду и не подышать свежим воздухом, а я тем временем побеседую с Марком»).

Для изучаемых фразеологических единиц характерна лексическая вариантность, которая заключается в варьировании глагольного компонента, хотя в чистом виде такое варьирование встречается весьма редко: *have / get a call upon something* — пользоваться преимущественным правом, иметь право на что-либо; *to have / get a down on somebody* — иметь зуб против кого-либо, таить злобу против кого-либо (первонач. австрал.), например:

(а) *Two young miners... **disliked their sergeant who had a down on them** and gave them all the most dirty and dangerous jobs* (R. Graves. *Good-bye to All That*) («Два молодых шахтера... невзлюбили своего сержанта, который имел зуб против них и давал им самую грязную и опасную работу»).

(б) *...You know what the Law is, once they **get a down on you*** («Вы узнаете, что такое закон, если не пострафите сильным мира сего»).

Структурно-семантический анализ изучаемых фразеологических единиц показывает, что варьирование глагольного компонента ФЕ (а, б, в) сопрягается с синтаксическим варьированием¹⁰, когда глагольно-объектная фраза с предложным определением (з) заменяется глагольно-объектной фразеой с двумя дополнениями (д): *to have / hold/ nurse/ bear a grudge against somebody* и *bear somebody a grudge* — иметь зуб против кого-либо. Сравним контексты, подтверждающие наличие глагольно-синтаксических вариантов ФЕ рассматриваемой модели описания:

(а) *I **have a grudge against my landlord** for not fixing the leaky faucet* (R. A. Spears. McGraw-Hill's AID) («У меня сохранилось недовольство против моего домовладельца, потому что он не починил прохудившийся кран»).

(б) *But don't think I'm going to hold a grudge against you from now on, because I'm not. I'm not that kind* (E. Caldwell. *Love and Money*) («Но не подумайте, что я теперь буду дуться на вас. Не буду. Это не в моем характере»).

(в) *Sally is still nursing a grudge against Mary.* (R. A. Spears. *NTC's AID*) («Сэлли все еще злится на Мэри»).

(г) *Mind you, although she has lowered the name of my intendent, I bear no grudge against her* (A. J. Cronin. *Hatter's Castle*) («Запомни, хотя она и замарала имя моего избранника, зла я ей не желаю»).

(д) *He was the only man I ever knew who bore Alf Brierly a grudge* (K. S. Prichard. *The Roaring Nineties*) («Он был единственным известным мне человеком, который имел зуб против Алфа Брайерли»).

Наряду с глагольно-синтаксическими вариантами выявляем также глагольно-квантитативные варианты¹¹, в которых варьируются глагольные компоненты и наблюдаются количественные вариации компонентов в сторону их сокращения: *to have/ take a hand in something / take a hand* — участвовать в чем-либо, приложить руку к чему-либо, оказывать влияние на что-либо, вмешиваться во что-либо, быть замешанным в чем-либо, например:

(а) *'I don't believe he'll come of his free will.' 'In that case, God knows! I won't have a hand in caging him.'* (J. Galsworthy. *Maid in Waiting*) («Не думаю, чтобы он пошел с вами по своей собственной воле. — В таком случае, Бог знает! Я не собираюсь сажать его в клетку»).

(б) *Ted refused to take a hand in the preparations for the evening meal* (R. A. Spears. *McGraw-Hill's AID*) («Том отказался участвовать в приготовлении к вечерней трапезе»).

(в) *The argument became lovely, and we all took a hand* (C. P. Snow. *The Masters*) («Спор стал оживленным, и мы все приняли в нем участие»).

Все ФЕ анализируемой модели описания, обнаруживающие какой-либо вид вариативности в пределах данной структуры, квалифицируем как ФЕ с константно-вариантно-переменной зависимостью компонентов (терминология предложена А. В. Куниным)¹².

Подытоживая результаты структурно-семантического анализа фразеологических единиц современного английского языка модели описания V + (d) + N + Prep + θ, отмечаем следующие их особенности: полное переосмысление компонентного состава характерно для большинства ФЕ рассматриваемой модели; абсолютное большинство изучаемых фразеологических единиц являются мотивированными устойчивыми языковыми образованиями, т. е. имеют прозрачную внутреннюю форму; безвариантная, или константно-переменная, зависимость компонентов характерна для 10,9 % ФЕ рассматриваемой модели; константно-вариантно-переменная зависимость компонентов характерна для 88,1 % ФЕ рассматриваемой модели; преобладающий тип вариантности ФЕ представлен варьированием глагольного компонента.

Библиографические ссылки

¹ Авторское описание символики метаязыка лингвистики см.: Федуленкова Т. Н. Изоморфные и алломорфные отношения английской, немецкой и шведской фразеологии : монография. Архангельск, 2004. С. 44 — 57.

² См.: **Кунин А. В.** Английская фразеология : теорет. курс. М., 1970. С. 59.

³ См.: **Федуленкова Т. Н., Глебова Д. А.** Характеристика одной трехкомпонентной фразеологической модели с глаголом обладания // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовии. №1 (49). Саранск, 2019. С. 216 — 220.

⁴ См.: **Кунин А. В.** Асимметрия в сфере фразеологии // Вопросы языкознания. М., 1988. № 3. С. 98 — 107 ; **Его же.** Курс фразеологии современного английского языка. Дубна, 2005. С. 35 — 53.

⁵ **Spears R. A.** American Idioms Dictionary. Lincolnwood, Illinois, USA: National Textbook Company, 1991. P. 149.

⁶ **Hornby A. S.** The Advanced Learner's Dictionary of Current English. London: Oxford University Press, 1970. P. 647.

⁷ **Кунин А. В.** Англо-русский фразеологический словарь. М., 1998. С. 525.

⁸ См.: **Иванова Е. П.** Словарная дефиниция и метод эмпирического научного познания // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2007. № 11 (55). С. 163.

⁹ См.: **Амосова Н. Н.** Основы английской фразеологии. М., 2013. С. 22 — 57.

¹⁰ См.: **Кунин А. В.** Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. М., 1972. С. 182.

¹¹ См.: **Федуленкова Т. Н., Ульянов Е. А.** Квантитативные варианты коммуникативных фразеологических единиц в современном английском языке // Лингвистические и методические аспекты коммуникации. Тюмень, 1997. С. 98 — 103.

¹² См.: **Кунин А. В.** Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1964. С. 442.

Поступила 21.10.2018 г.

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ

МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: УКРЕПЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ПОВЫШЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ, РАЗВИТИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА, РОСТ УРОВНЯ ЖИЗНИ

(АСПИРАНТСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ — 2018)

28 января 2018 г. в НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия состоялись аспирантские научные чтения — 2018 «Модернизация региональной экономики: укрепление экономической безопасности, повышение инновационной активности, развитие малого бизнеса, рост уровня жизни».

Организатором круглого стола аспирантов специальностей 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика) и 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии выступил коллектив отдела региональных исследований и программ института. Работу заседания курировали главный научный сотрудник — заведующий отделом И. Г. Кильдюшкина (сопредседатель), открывшая мероприятие, и ведущий научный сотрудник отдела Л. Н. Липатова (председатель). С приветственным словом на мероприятии выступил заместитель директора — ученый секретарь института, доцент А. В. Чернов.

Первый тематический блок выступлений сотрудников и аспирантов охватывал актуальные проблемы, связанные с социально-экономическим и общественно-политическим развитием регионов Российской Федерации в постсоветский период и в настоящее время, положением Республики Мордовия в национальной экономической системе, повышением уровня конкурентоспособности региона за счет совершенствования системы антикризисного управления инновационным комплексом и обеспечением устойчивого развития территорий, местом и ролью молодежных организаций Республики Мордовия в современном политическом процессе.

Во вторую часть вошли доклады и сообщения участников мероприятия, посвященные поиску путей решения проблем продовольственной безопасности страны, отдельного региона, основным подходам в борьбе с бедностью в зарубежных государствах и социальной стабильности общества, неравенству в доходах населения и влиянию ситуации в социально-трудовой сфере на экономическую безопасность Республики Мордовия, а также угрозам экономической безопасности сельскохозяйственной отрасли и инвестиционной деятельности в АПК Республики Мордовия в целом.

Третий блок выступлений касался вопросов, освещающих некоторые аспекты формирования и реализации инновационной деятельности промышленного предприятия, развития в Республике Мордовия инфраструктуры поддержки инновационного

предпринимательства, в том числе отечественного и зарубежного опыта налогового регулирования малых инновационных бизнес-структур.

В четвертый вошли сообщения, отражающие механизм предоставления государственных услуг в субъектах Российской Федерации, человеческий потенциал модернизации отечественной экономики, а также основные факторы, влияющие на информационно-технологический потенциал промышленных предприятий Республики Мордовия.

Пятый, последний, блок вобрал в себя доклады аспирантов, посвященные развитию инфраструктуры туризма и гостеприимства в Республике Мордовия, роли этой отрасли в экономическом развитии региона.

Выступления участников сопровождалось качественным презентационным видеорядом.

Л. Н. Липатова дала оценку положению Республики Мордовия в экономической системе России. В частности, она сообщила, что Республика Мордовия, имея скудные природные ресурсы, достигла неплохих результатов в развитии обрабатывающих производств — 51-е место в стране, сельского хозяйства — 31-е, строительства — 52-е место и ряда других отраслей. Оценивая современную экономическую ситуацию в регионе как сравнительно благополучную, докладчик выделил наиболее острые проблемы, существенно ограничивающие возможности поступательного развития Республики Мордовия, и предложил меры по их решению. В числе первоочередных вопросов для экономики региона были выделены: низкий уровень жизни, проблема дефицита управленческих кадров, слабое развитие малого предпринимательства, низкий уровень оплаты труда научных работников и преподавателей вузов.

А. В. Булавин выделил актуальные проблемы, вызванные межрегиональными диспропорциями, сложившимися после распада СССР и начала политики «шоковой терапии». На основе анализа изменений основных экономических показателей в субъектах Российской Федерации в 2000 — 2016 гг. автор подвел итоги общей динамики межрегиональной дифференциации уровня жизни населения. Особое внимание выступающий уделил исследованию экономических параметров развития первого десятилетия XXI в., демонстрировавших в целом положительную динамику на фоне снижения межрегиональных диспропорций развития большинства субъектов (в том числе Республики Мордовия, не обладающей значительными запасами природных ресурсов). Докладчик привел убедительные примеры, доказывающие, что избыточное социально-экономическое неравенство, несправедливое распределение доходов и бедность оказывают дальнейшее отрицательное воздействие на экономические и демографические тенденции развития, являясь существенным препятствием для расширенного воспроизводства населения, развития человеческого капитала и повышения темпов экономического роста на региональном уровне, в том числе и в Республике Мордовия.

Е. В. Акимов остановилась на вопросах повышения конкурентоспособности Республики Мордовия за счет совершенствования системы антикризисного управления инновационным комплексом региона, отметив, что современная антикризисная региональная политика представляет собой комплекс мероприятий по переходу от экстенсивного направления экономического развития к интенсивному, основанному на мониторинге социально-экономического состояния республики. Оценивая конкурентоспособность региональных инновационных систем, автор составил рейтинг

регионов Приволжского федерального округа по уровню конкурентоспособности. В группу «регионов-лидеров» вошли Самарская область, Республика Татарстан и Нижегородская область. Крайне неустойчивую динамику индекса конкурентоспособности демонстрируют Кировская, Оренбургская, Пензенская, Саратовская и Ульяновская области, а также республики Марий Эл, Мордовия, Удмуртия и Чувашия. К числу наиболее выраженных проблемных зон, по заключению выступающего, относятся: низкие производительность труда, эффективность управления и инвестиционная привлекательность, а также связанная с этими проблемами нарастающая технологическая отсталость.

В. С. Безрукова отметила, что инновационный климат в Республике Мордовия высоко оценивается статистикой и экспертами. Однако есть и нерешенные проблемы, которые препятствуют обеспечению устойчивого развития региона. Первоочередными задачами в этой сфере являются: повышение доступности интернета для организаций и населения; ускорение обновления основных средств; стимулирование создания рабочих мест в наукоемких отраслях сферы услуг; увеличение финансирования исследований и разработок; привлечение предпринимателей к финансированию исследований и разработок; повышение заработной платы работников, занятых исследованиями и разработками; стимулирование создания рабочих мест в организациях, занятых исследованиями и разработками; повышение общественного статуса ученых и престижа исследовательской работы; привлечение в науку высококвалифицированных кадров, имеющих ученые степени; стимулирование изобретательской деятельности и др.

К тому же, по мнению докладчика, для обеспечения устойчивого развития региона необходимы инновационные организационно-управленческие подходы, на основе которых станет возможным максимально эффективное использование имеющегося небогатого экономического потенциала региона.

Е. А. Аверьянова остановилась на проблеме развития молодежных движений, занимающей важное место в современном политическом пространстве, отметив, что реализация задачи инновационного развития страны и ее регионов невозможна без активного вовлечения в политические процессы молодого поколения, составляющего около четверти населения России. Обращаясь к ретроспективе развития молодежных движений, насчитывающей не одно десятилетие, докладчик напомнила о советской эпохе, когда в период однопартийной системы политического управления государством официально существовал только комсомол. Провозглашение на конституционном уровне после распада СССР демократических принципов государственной политики (политическая многопартийность, различного рода политические движения разной направленности, в том числе и молодежные) привело к образованию таких крупных политических молодежных движений, имеющих региональные отделения по всей России, как «Лига справедливости» (партия «Справедливая Россия»), «Молодая гвардия Единой России» (партия «Единая Россия»), «Молодежное Яблоко» (партия «Яблоко»), «Молодежный Союз правых сил» (партия «Союз правых сил»), «Преемники» (ДПР), «Идущие вместе», «Наши» и т. д.

Участие молодежи в создании инновационной экономики представляет обоюдный интерес для государства и молодого поколения, что подчеркивается и в Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года. Государство решает актуальные задачи экономической модернизации, повышения конкурентоспособности в

условиях глобализации, ответа на вызовы современного мира, опираясь на наиболее активную и мобильную часть населения. Молодежь получает возможность продуктивной самореализации, успешного вхождения в общественную жизнь, получения профессионального и трудового опыта при серьезной поддержке государства. Только в Мордовии и Саранске, по данным выступающего, насчитывается около 40 молодежных движений и организаций, работающих в разных направлениях и сферах. Их роль в современном политическом дискурсе ежегодно возрастает.

А. Р. Китаев рассмотрел проблемы продовольственной безопасности на региональном уровне, акцентируя внимание на необходимости укрепления продовольственной безопасности страны, без чего невозможно решение других острых экономических и социальных проблем. Докладчик отметил, что в Республике Мордовия проблема физической доступности продовольствия практически решена. Во-первых, регион является одним из лидеров в области сельского хозяйства; во-вторых, значительная часть населения Республики Мордовия проживает в сельской местности, и значит, имеет возможность часть продуктов питания производить в личном подсобном хозяйстве. Выступающий привел убедительные примеры, доказывающие, что в Мордовии довольно остро стоит проблема экономической доступности продовольствия из-за низкого уровня денежных доходов. Кроме того, в Мордовии, как и в Российской Федерации в целом сохраняется проблема фальсификации разных товаров, в том числе и продовольственных, что требует усиления контроля со стороны государства.

Т. Ф. Исайкина, опираясь на результаты собственных исследований, отечественный и зарубежный опыт, идентифицировала основные подходы в борьбе с бедностью, отметив, что проблема бедности в России стоит достаточно остро. С целью решения этой проблемы в зарубежных странах с достаточно высоким уровнем благосостояния для сохранения действующих стандартов потребления предусмотрены меры поддержки минимальных доходов, что касается заработной платы или пенсии. В частности, в одной из богатейших стран мира — Швейцарии — каждому гражданину после увольнения с работы устанавливается пособие по обеспечению прожиточного минимума без всяких дополнительных условий и требований. Житель Швейцарии, оставшийся без работы, имеет право получить от государства порядка 6 000 евро в месяц. Менее состоятельные страны, при относительно низком уровне дохода основной массы населения, реализуют проекты адресной помощи нуждающимся. Выступающий заключил, что указанные меры поддержки и проекты адресной помощи нуждающимся необходимо использовать в нашей стране.

М. Ю. Мокрова в формате заочной презентации представила научно-исследовательскую работу (НИР) на тему: «Неравенство в доходах как угроза экономической безопасности страны». В ней охарактеризованы различия в уровне доходов россиян, выявлены наиболее проблемные регионы, проведено сравнение с другими странами. Из представленных результатов следует: в России сохраняется значительная межрегиональная дифференциация по уровню доходов, что провоцирует массовое перемещение населения из бедных регионов в экономически более успешные и усложняет управление социально-экономической сферой принимающих регионов. Степень социального расслоения в России — самая высокая в Европе. Различия в средних доходах 10 % населения с самыми высокими доходами и 10 % населения с самыми низкими доходами составляют от 8,5 (Республика Калмыкия) до 17,0 (Тюменская

область) раз. Бедность значительной части населения страны ограничивает возможности развития личности, ослабляет трудовой потенциал страны, что представляет угрозу экономической безопасности и противоречит основным принципам социального государства. Огромные различия в доходах вызывают недовольство со стороны большей части населения и способны нарушить социальную стабильность. Снижение показателей дифференциации происходит очень медленно, требуя в свою очередь принятия срочных мер по перераспределению доходов и ликвидации бедности.

К. С. Смирнова обратила внимание слушателей на неразрывно взаимосвязанные и взаимообусловленные проблемы влияния ситуации в социально-трудовой сфере в деле укрепления экономической безопасности и социальной стабильности. Не случайно, в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года в числе основных угроз выделены такие проблемы современного российского общества, как бедность и социальное неравенство. Приводя данные Росстата о динамике этих показателей в стране, выступающий отметил, что ситуация в этой сфере в последние годы обострилась: реальные денежные доходы населения снижаются, число бедных в Российской Федерации приблизилось к 20 млн чел. Борьба с бедностью является первоочередной проблемой государственной политики России в ближайшие годы, без решения которой невозможно устойчивое социально-экономическое развитие страны.

Е. Г. Воробьева остановилась на проблемах экономической безопасности сельскохозяйственной отрасли Республики Мордовия, обеспечивающей продовольственную и экономическую безопасность региона. Она охарактеризовала актуальные проблемы, существующие в отрасли не одно десятилетие, и требующие внимательного отношения и своевременного анализа с позиций теории экономической безопасности, выявив угрозы экономической безопасности в этой отрасли на уровне региона. Докладчик представила краткий обзор терминологического аппарата в области теории экономической безопасности отрасли, изложила результаты анализа практического опыта хозяйствования и оценки угроз экономической безопасности в аграрной сфере Республики Мордовия, выделив основные угрозы, предложила основные направления по их преодолению.

В. С. Любушкин привел анализ современного состояния инвестиционной активности предприятий агропромышленного комплекса с точки зрения решения серьезных проблем, связанных с проводимыми ранее реформами сельского хозяйства, дефицитом финансовых ресурсов, отсутствием стимулов у сельхозпроизводителей для повышения инвестиционной активности. Изучение основных источников привлечения инвестиций агропромышленными предприятиями позволило выступающему систематизировать проблемы, характеризующие такие способы финансирования инвестирования как бюджетное финансирование, банковское кредитование и применение лизинга. В заключение докладчик обосновал необходимость интеграции в агропромышленном комплексе, которая способна обеспечить повышение его инвестиционной привлекательности и активности, способствовать модернизации сельскохозяйственного производства.

А. И. Антонов дал оценку современным экономическим реалиям, связанным с политикой импортозамещения и возросшей конкуренцией между отечественными производителями, которые вынуждают их стремиться искать новые возможности для завоевания и удержания лидирующих позиций на рынке, отметил, что иннова-

ционная деятельность в России является в настоящее время государственным приоритетом, привел примеры разработки и реализации соответствующих программ в этой области. Выступающий сослался на зарубежный опыт промышленных предприятий, указывающий на особую роль инновационной деятельности для обеспечения конкурентоспособности за счет инновационного подхода. Разработка и распространение новых продуктов, наукоемких технологий и услуг становятся одними из ключевых факторов, обеспечивающих рост объемов производства, занятости, инвестиций и внешнеторгового оборота. Формирование и реализация инновационной стратегии промышленного предприятия, по заключению докладчика, предполагает выбор и обоснование основных направлений инновационной политики, объемов и структуры инновационных проектов, а также сроков их выполнения и контроль выполнения результатов деятельности.

Н. О. Орешкина рассмотрела вопросы инновационного развития разных отраслей экономики, имеющие для Республики Мордовия особую актуальность. Не обладая богатыми запасами полезных ископаемых, этот регион уступает другим субъектам Российской Федерации в развитии промышленности. В связи с этим основа стратегического развития Мордовии, как считает докладчик, — формирование региональной инновационной системы и более эффективное использование современных наукоемких технологий во всех сферах деятельности. Ключевым объектом инфраструктуры поддержки инновационного предпринимательства в сфере высоких технологий является АУ «Технопарк — Мордовия». В начале 2018 г. его резидентами выступали 102 компании, из которых 81 — субъекты малого предпринимательства, в том числе микропредприятия и индивидуальные предприниматели, что составляет 79,4 %, остальные 20,6 % — компании с участием государства и крупный бизнес. В рамках Технопарка активно функционируют: Инновационно-производственный комплекс; Центр энергосберегающей светотехники; Центр экспериментального производства; Инжиниринговый центр волоконной оптики; Центр проектирования инноваций; Информационно-вычислительный комплекс. Таким образом, созданная в регионе инфраструктура позволяет обеспечить необходимые условия для наращивания инновационного потенциала и коммерциализации инноваций.

Ю. Г. Беспалова, выступив с докладом на тему «Стимулирование развития малого инновационного предпринимательства методами налогового регулирования: отечественный и зарубежный опыт», отметила, что российское налоговое законодательство, призванное стимулировать инновационную активность, ориентировано на создание благоприятного экономического климата для предприятий, снижение налоговой нагрузки для повышения скорости обновления их основных фондов, роста затрат на НИОКР, внедрения в производство инноваций. Для развития этой системы в России полезен опыт Португалии и Испании, налоговые рычаги воздействия которых превратились в главный инструмент государственной научно-технической политики. По сравнению с Ирландией, Италией и Бельгией, где их применяют не так активно, в Великобритании, по данным выступающего, закон позволяет уменьшить налоговые платежи в зависимости от размера расходов на исследования и научные разработки. Были приведены и другие положительные примеры из опыта налогового стимулирования развития малого инновационного предпринимательства. Докладчик подытожил, что налоговая система России нуждается в более активном налоговом стимулировании путем использования избирательного подхода в многообразии

существующих на сегодняшний день налоговых мер, применяемых в практике управления в передовых странах мира.

И. А. Елфутина, исходя из опыта российских регионов, дала оценку механизма предоставления государственных услуг. Она отметила, что улучшение организации предоставления государственных и муниципальных услуг проводится в следующих основных направлениях: оказание услуг на базе многофункциональных центров, предоставление услуг с использованием универсальных электронных карт гражданина, перевод государственных и муниципальных услуг в электронный вид. Деятельность по совершенствованию этой системы является сложным процессом, требующим значительных административных затрат, привлечения больших потоков финансовых ресурсов, а также инновационного подхода к модернизации данной сферы жизни общества, выявления и следования последним тенденциям развития информационно-коммуникационных технологий. В целом эффект от такой работы заключается не только в экономических, но и в нематериальных преимуществах, которые будут достигнуты за счет положительного влияния повышения эффективности предоставляемых государственных и муниципальных услуг на социально-экономическое развитие региона и качество жизни людей.

В. В. Градусов в формате заочной презентации представил НИР на тему «Человеческий потенциал модернизации экономики», в которой характеризуются основные тенденции развития человеческого потенциала России. В работе, в частности, выделено, что в 2018 г. Российская Федерация впервые вошла в группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития и занимает в мировом рейтинге 49-е место. Главный фактор, обеспечивший стране такие позиции в мировом рейтинге — высокий уровень образования населения. По другим показателям, используемым в расчете (продолжительность жизни и ВВП на душу населения) Российская Федерация значительно отстает от стран-лидеров. В число лидеров рейтинга российских регионов по величине индекса человеческого развития вошли Москва, Санкт-Петербург и Тюменская область, и добавился Ханты-Мансийский автономный округ. Три нижних позиции занимают Еврейская АО, Чеченская Республика и Республика Тыва: Чеченская Республика — по причине низкого значения показателя ВРП на душу населения, Республика Тыва и Еврейская АО — из-за низкой продолжительности жизни. В заключении НИР аргументируется, что политика государства должна быть направлена на сохранение и приумножение образовательного потенциала населения, поскольку в современных условиях хозяйствования, характеризующихся активным внедрением в производство достижений научно-технического прогресса, главным конкурентным преимуществом экономической системы выступает человеческий потенциал.

А. Г. Сальников выделил основные факторы, влияющие на информационно-технологический потенциал промышленных предприятий региона. В их числе докладчик отметил, прежде всего, новейшие информационно-коммуникационные технологии и их яркое воплощение — сеть Интернет — оказывающие мощное преобразующее воздействие на все сферы жизни общества (информационные ресурсы, методы обеспечения их накопления, сохранности и эффективного использования; информационно-компьютерные и телекоммуникационные технологии; автоматизированные информационные системы и механизмы предоставления услуг на их основе; информационно-телекоммуникационная инфраструктура, технологиче-

ская сетевая среда передачи и обработки данных; информационная индустрия, в том числе индустрия средств информатизации, телекоммуникации и связи; система компьютерного образования). В заключение он подытожил наиболее важные факторы интеграции главных компонентов информационного потенциала Республики Мордовия — создание условий информационной безопасности и защиты данных; единство организационных, технических и технологических принципов построения этих компонентов; строгое соблюдение международных стандартов по их разработке и внедрению.

В. Е. Стародубов, выступая с докладом «Развитие инфраструктуры туризма и гостеприимства в Республике Мордовия», особо отметил прорыв в развитии региональной инфраструктуры, связанный с подготовкой и проведением в г. Саранске нескольких матчей Чемпионата мира по футболу летом 2018 г. В рамках организации и реализации спортивного мероприятия мирового уровня в Республике Мордовия на развитие необходимой инфраструктуры было направлено 24 млрд руб. Это не только спортивные объекты, но и новые дороги и развязки, новый аэропорт, обновленные вокзальные комплексы в городах Саранск и Рузаевка, комфортные жилые дома и др. В свою очередь, развитие гостиничной и транспортной инфраструктуры способствует укреплению туристического бренда региона и оказывает существенное воздействие на приток туристов. А обеспечение территорий всей необходимой инфраструктурой дает толчок для последующей застройки этих районов жилыми и общественными зданиями.

А. А. Саушин подчеркнул важность развития сферы туризма в экономике Республики Мордовия, поскольку она, с одной стороны, создает рабочие места и формирует определенную часть валового регионального продукта, с другой, — способствует повышению инвестиционной привлекательности экономики региона. Безусловно, основная статья затрат на подготовительном этапе развития отрасли затрагивает инвестиции в строительство спортивной, транспортной и иной инфраструктуры. Однако туризм приносит республике как прямой доход, так и реальные инвестиции в развитие региона и улучшение условий жизни населения. Особый эффект туризма заключается в том, что его развитие приводит не только к одновременному увеличению валового регионального продукта, например, в организационный период и в ходе проведения крупномасштабных мероприятий международного уровня, привлекающих большие потоки туристов (в случае с организацией и проведением в 2018 г. Чемпионата мира по футболу в России), но и обеспечивает прирост ВРП на протяжении нескольких последующих лет.

И. Г. Кильдюшкина завершила заседание подведением итогов круглого стола.

Полные версии научных докладов и выступлений будут опубликованы в ближайших выпусках периодических изданий института.

Подготовили
Л. Н. Липатова, И. Г. Кильдюшкина.

РЕЦЕНЗИИ

Кузьмина Н. А. *Интертекст: Тема с вариациями. Феномен языка и культуры в интертекстуальной интерпретации.* — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. — 272 с.

Недавно вышедшая в свет монография Н. А. Кузьминой привлекает внимание читателя не только аллюзией своего заглавия на известную книгу стихов Бориса Пастернака «Темы и вариации». Исследуя разнообразие трактовок и вариаций таких важных для теории языка и культуры понятий, как текст, интертекст и интертекстуальность, автор монографии делает смелые предположения и выдвигает интересные гипотезы в отношении их восприятия, понимания и развития, и вносит при этом свой оригинальный вклад в определение таких далеко не однозначных терминов.

Автор представляет теорию интертекстуальности, восходящей к трем основным источникам: а) классической филологии, б) неклассической философии и в) синергетике. Несмотря на тот факт, что сам термин интертекст был рожден в недрах французского постструктурализма, генетически он связан именно с русской филологической традицией и, не в последнюю очередь, с творчеством М. М. Бахтина. В связи с этим обращаем внимание на то, что в рецензируемой книге упоминается любопытная деталь: в своей статье, в которой полвека назад впервые был употреблен новый термин (интертекст), Ю. Кристева предпослала название «Бахтин, слово, диалог и роман», и прототекстом этой статьи послужила работа «Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» М. М. Бахтина, написанная сорока годами ранее.

В рецензируемой монографии автор пишет о прямом влиянии работ А. А. Потебни и А. Н. Веселовского не только на последующую филологическую науку, но и на метапоэтику символизма и акмеизма. Н. А. Кузьмина подчеркивает, что не кто иной, как А. А. Потебня высказал идею, ставшую позднее краеугольным камнем современной герменевтики и психолингвистики, идею, заключающуюся в том, что художественное произведение, вышедшее из-под контроля создавшего его автора, способно начать и начинать самостоятельную жизнь: «сущность и сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя или зрителя, следовательно, в неисчерпаемом возможном его содержании». Центральную проблему филологии А. А. Потебня формулирует в заглавии своего фундаментального труда «Мысль и язык», в котором прослеживает путь познания человеком мира с помощью языка.

Интересно и то, что автор монографии акцентирует внимание на необходимости «переоткрыть» имя А. Н. Веселовского, который почти одновременно с А. А. Потебней представляет миру свою «историческую поэтику». Сравнивая творчество двух ученых, автор подчеркивает различие в их подходе к изучению творчества: если

А. А. Потебню прежде всего интересовали внутренние законы творчества, то внимание А. Н. Веселовского было сосредоточено на истории художественных форм, их продвижении во времени, взаимоотношении личного, индивидуального и традиционного начал в словесном творчестве.

Согласимся с Н. А. Кузьминой: сегодня трудно переоценить работы А. Н. Веселовского, после которого непозволительно спрашивать, зачем литературоведению генезис? Это значит спрашивать: зачем литературоведению исторический метод?¹

Как продолжение смелых идей А. А. Потебни и А. Н. Веселовского воспринимается и осмысливается в настоящее время концепция Ю. Н. Тынянова, который вместе с В. Б. Шкловским, А. П. Якубинским, Р. О. Якобсоном, Е. Д. Поливановым, Б. М. Эйхенбаумом, стоял у истоков формальной школы.

Методологическая установка Ю. Н. Тынянова — «Каждая система дана обязательно как эволюция, а с другой стороны, эволюция неизбежно носит системный характер»² — легла в основу эпистемы Нового времени. Традиция как основное понятие старой литературы полностью переосмысливается Ю. Н. Тыняновым, поскольку в нем не учитывались функции литературного элемента в составе целого. Автор монографии аргументирует важность этого переосмысления: «определение конструктивного принципа, конструктивной функции элемента по отношению к системе вводит понятие точки отсчета», которое является ключевым в современной теории относительности. Подчеркивается новаторство Ю. Н. Тынянова в том, что он смело дифференцирует понятия генезис и традиция. Положение Ю. Н. Тынянова о том, что процесс литературной эволюции есть самоорганизующаяся система с неизбежными «срывами» и скачками в развитии, по сути, «предвосхищает современные теории порядка и хаоса».

Немногом более двадцати лет назад Ю. М. Лотман писал, что «долгую научную жизнь имеют те идеи, которые способны, сохраняя свои исходные положения, переживать динамическую трансформацию, эволюционировать вместе с окружающим их миром». Знаменательно, что именно такую «динамическую трансформацию», как подчеркивает Н. А. Кузьмина, претерпели взгляды самого Ю. М. Лотмана на художественный текст.

Хотя до конца своего творческого пути Ю. М. Лотман, начинавший со структуралистского подхода к феноменам сигнификации и коммуникации, не отказывался от структурного метода, он все же не ограничился этим методом. Весьма показательной, и не без основания, считает Н. А. Кузьмина его монографию, написанную специально для лондонского конгресса в 1990 г. и только через шесть лет опубликованную на русском языке³. Кристаллизация основных положений «позднего Лотмана» выглядит следующим образом:

1. Литература, искусство, культура — это созданные человечеством семиотические системы.

¹ См.: Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 21.

² См.: Тынянов Ю. Н. Проблемы изучения литературы и языка. М., 1977. URL: <http://feb-web.ru/feb/classics/critics/tynianov/t77/t77-282-htm> (дата обращения: 29. 01. 2019).

³ См.: Лотман М. Ю. Внутри мыслящих миров: Человек — Текст — Семиосфера — История. М., 1996.

2. По аналогии с биосферой В. И. Вернадского, Ю. М. Лотман вводит понятие семиосферы – «синхронного семиотического пространства, заполняющего границы культуры и являющегося условием работы отдельных семиотических структур и, одновременно, их порождением».

3. Информация хранится и передается через тексты, которые выполняют три основные функции: передача сообщения, генерация новых смыслов и конденсация культурной памяти.

4. Текст уподобляется «зерну, содержащему в себе программу будущего развития», которая под влиянием контактов с другими текстами создает смысловой потенциал для его интерпретации.

Изучение взглядов Ю. М. Лотмана, дает возможность Н. А. Кузьминой утверждать, что «Лотман прочитывает Бахтина в контексте структуральной поэтики, и это прочтение дает весьма плодотворные результаты». При этом Ю. М. Лотман не использует термины интертекст и интертекстуальность, но внимательный читатель не может не заметить, что понятия семиосферы, семантического пространства, культурной памяти непосредственно связаны с проблематикой интертекстуальности.

Анализируя работу И. П. Смирнова⁴, которая длительное время являлась единственной опубликованной на русском языке работой, где интертекст был избран в качестве предмета исследования и центрального теоретического понятия, Н. А. Кузьмина отмечает одну любопытную деталь: само определение этого термина в работе автора отсутствует. Только по отдельным замечаниям можно догадаться, что под интертекстом понимаются два и более художественных произведения, объединенные показателями интертекстуальной связи.

С другой стороны, И. П. Смирнов, считая более важным понятие интертекстуальности, неоднократно определяет его в своей книге как свойство художественного произведения формировать свой собственный смысл — как полностью, так и частично — посредством ссылки на другие тексты.

Попытка И. П. Смирнова создать «интертекстуальную логику», описать правила интертекстуального взаимодействия остается в рамках рассмотрения текста как объекта, а не как деятельности. Преодоление этого, так называемого слабого звена, т. е. замена статической модели языка динамической наблюдается автором рецензируемой монографии в трудах Б. М. Гаспарова, который, как и Ю. М. Лотман, игнорирует термин интертекст, но выстраивает свою теорию именно как лингвистическую теорию деятельности.

Отмечается стремление Б. М. Гаспарова упорядочить терминологию. В связи с чем ученый вводит: (а) понятие *коммуникативного* фрагмента, определяемое как первичная, непосредственно заданная в сознании единица языковой деятельности; (б) понятие *коммуникативного пространства*, в которое «погружаются» говорящие в процессе коммуникативной деятельности, и которое провоцирует «всплытие» прототипических образов, ситуаций в их жанровом и эмоциональном своеобразии, стимулирует появление аналогий или прямых отсылок к прошлому языковому опыту.

⁴ См.: Смирнов И. П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). СПб., 1995.

В особенности коммуникативного пространства, по Б. М. Гаспарову, фокусировать мысль говорящего, делать ее более определенной, Н. А. Кузьмина видит его связь с конструктивным принципом Ю. Н. Тынянова и с размышлениями М. М. Бахтина о неповторимости высказывания в речевой цепи.

Комментируя методику изучения текста Б. М. Гаспарова, автор монографии убеждается в том, что его «мотивный анализ» заключается в изучении интертекстуальных «перекличек», вызванных к жизни самой языковой тканью художественного произведения.

Что касается работы Н. А. Фатеевой⁵, то термин интертекст, хотя и присутствует в ее заглавии, на самом деле оказывается синонимом термина интертекстуальность, свободно замещая его в одинаковых текстовых позициях. Н. А. Фатеева впервые предлагает дифференцировать две стороны интертекстуальности: читательскую и авторскую. С позиции читателя интертекстуальность определяется как установка на более углубленное понимание текста или преодоление его непонимания за счет установления многомерных связей с другими текстами. С позиции автора интертекстуальность определяется как способ порождения собственного текста и утверждение своей творческой индивидуальности посредством выстраивания сложной системы отношений с текстами иных авторов.

Выражая свою солидарность с автором рецензируемой книги, отметим, что на сегодняшний день монография Н. А. Фатеевой является наиболее полным исследованием проблемы интертекстуальности в русской литературе: в ней предлагается собственная авторская теория процесса интертекстуализации, на обширном фактическом материале описаны функции интертекстуальности в художественном дискурсе, проведена аналогия интертекстуальных отношений с тропами, предложена типология интертекстуальных элементов и межтекстовых связей в художественных текстах, рассматривается проблема идиостилевых влияний, предложен глубокий анализ примеров поэтической конвергенции различных идиостилей.

Объектом внимания Е. Е. Бразговской становится механизм межтекстовых взаимодействий, к описанию которого применяется логико-семиотический подход, компонентом которого является «расширенная» теория референции, представляющая любой текст не только как референцию к миру, но и как референцию к другим текстам. Новизна подхода автора к изучению текста заключается в определении формальных понятий взаимодействия текстов, их классификации и иллюстрации в конкретном текстовом материале, и, наконец, в выдвижении новаторской идеи для теории художественного перевода, состоящей в том, что переводить следует не сами вербальные знаки, а сохранять авторскую концепцию системы i-знаков⁶, знаков взаимодействия с другими контекстами и пресуппозициями.

В поле творческого и критического анализа Н. А. Кузьминой попадают еще ряд имен. Однако на наш взгляд, можно было бы уделить большее внимание творчеству М. М. Бахтина, в особенности влиянию его концепции полифонизма в литературном

⁵ См.: **Фатеева Н. А.** Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000.

⁶ См.: **Бразговская Е. Е.** Текст культуры: от события к событию (логико-семиотический анализ межтекстовых взаимодействий) : монография. Пермь, 2004.

произведении на развитие текстологии как научного направления. Ведь именно М. М. Бахтин обратил внимание на то, что, имея дело с текстом в различных его ипостасях, гуманитарная мысль всегда направлена на работу с чужими мыслями. В свою очередь, за каждым текстом, состоящим из языков множества социальных групп, стоит система языка в целом. Каждый исследователь работает с текстом, намереваясь создать свой текст-оценку, и таким образом возникает диалог между автором и читателем. Однако сам автор также предполагает наличие над-адресата как высшей инстанции ответного понимания и поэтому пишет о диалогической природе текста и о роли третьего лица в нем. Именно М. М. Бахтин указал на основные типы композиционно-стилистических единств, на которые обычно распадается целое повествование, и описал их⁷.

В целом, монография Н. А. Кузьминой представляет несомненную интеллектуальную ценность прежде всего потому, что автор прослеживает историю нового научного направления в филологии, которое непосредственно или опосредованно оперирует такими понятиями, как интертекст и интертекстуальность.

Несомненная заслуга автора в том, что в монографии рассматриваются отдельные имена, конкретные работы, некоторые частные, но немаловажные научные понятия, имеющие непосредственное отношение именно к отечественным ученым.

«Пафос» книги, по выражению автора, состоит в том, чтобы предложить внутренне непротиворечивую концепцию эволюции явлений языка и культуры на основе понятия интертекст. Несмотря на дискуссионность оригинальности вводимых автором таких терминов научного метаязыка, как энергия интертекста, интертекстуальная компетенция, тексты влияния и некоторые другие, данная книга способна занять достойное место на столе филолога, стимулируя дальнейшие изыскания в области синергетической теории интертекста.

М. С. Курганова, студент,

Н. Н. Спицына, студент,

Т. Н. Федуленкова, доктор филологических наук, профессор

⁷ Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. М., 1986. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-263508.html> (дата обращения: 25.01.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абелова Людмила Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, г. Саранск, Россия, e-mail: abeloval@yandex.ru

Бирюкова Анна Борисовна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета, г. Самара, Россия, e-mail: annabir@mail.ru

Биряева Анастасия Владимировна — старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: Vyazik16@yandex.ru

Бочканов Андрей Васильевич — аспирант отдела языкознания НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Видяйкин Сергей Васильевич — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник — заведующий отделом археологии НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Глебова Дарья Андреевна — аспирант кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации ВлГУ, г. Владимир, Россия, e-mail: glebowa.dar.@yandex.ru

Горин Иван Александрович — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: ivan2412@mail.ru

Градусова Валентина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: vi_doscer@mail.ru

Гурьянова Любовь Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Дрякин Андрей Борисович — второй секретарь отдела ФРГ Третьего Европейского департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия, e-mail: dryakin@mail.ru

Дубман Эдуард Лейбович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории Самарского университета, г. Самара, Россия, e-mail: dubmane@mail.ru

Заплетин Владимир Владимирович — аспирант кафедры российской истории Самарского университета, г. Самара, Россия, e-mail: v.zapletin@yandex.ru

Зинина Любовь Ивановна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: zininali@mail.ru

Золотаева Марина Михайловна — аспирант отдела литературы и фольклора НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Иванов Алексей Ананьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: anani@marsu.ru

Иванов Алексей Олегович — заведующий информационно-библиографическим отделом библиотеки Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия, e-mail: ivanov_alex1990@mail.ru

Иванов Ананий Герасимович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: anani@marsu.ru

Ивлиев Сергей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: otchel_istorii@mail.ru

Кадедова Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: otchel_istorii@mail.ru

Кандрина Елена Владимировна — аспирант отдела этнографии и этнологии НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: gromkina@mail.ru

Кемаев Евгений Николаевич — научный сотрудник отдела археологии НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: evg.kemaev@yandex.ru

Кильдюшкина Ирина Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом региональных исследований и программ НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: irakil1967@mail.ru

Курганова Маргарита Сергеевна — студент факультета иностранных языков педагогического института ВлГУ, г. Владимир, Россия, e-mail: kurganova-margarita@mail.ru

Липатова Людмила Николаевна — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления — филиала РАНХ и ГС, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ln.lipatova@yandex.ru

Липатова Надежда Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, регионоведения и международных отношений Ульяновского государственного университета, ведущий специалист Центра развития истории и культуры региона АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области», г. Ульяновск, Россия, e-mail: nlipatova@mail.ru

Лушин Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lushinai@mail.ru

Марабеева Людмила Владимировна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: l.marabaeva@mail.ru

Митин Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: mitin72@inbox.ru

Охотина Татьяна Николаевна — старший научный сотрудник отдела этнографии и этнологии НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Пивкина Светлана Васильевна — кандидат филологических наук, директор автономного учреждения Республики Мордовия по оказанию услуг в сфере средств массовой информации «Мордовия — 7 дней», г. Саранск, Россия, e-mail: Sve-pivkina@yandex.ru

Прокина Маргарита Евгеньевна — учитель истории и обществознания муниципального общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов № 32», г. Саранск, Россия, e-mail: margaritaprokina@yandex.ru

Прокофьева Алина Алексеевна — студент экономического факультета МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: pr.prokofeva@ya.ru

Пыреськина Елена Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: pireskina.elena@yandex.ru

Савченко Дмитрий Евгеньевич — старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: savchdm@mail.ru

Соколов Олег Александрович — кандидат экономических наук, доцент, Первый заместитель Министра — начальник управления цифрового развития Министерства информатизации и связи Республики Мордовия, г. Саранск, Россия, e-mail: osokolov@e-mordovia.ru

Спицына Наталья Николаевна — студент отделения лингвистики и перевода гуманитарного института ВлГУ, г. Владимир, Россия, e-mail: natas9903@yandex.ru

Стариков Сергей Валентинович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: sv.starikov@yandex.ru

Сухова Ольга Александровна — доктор исторических наук, профессор, декан историко-филологического факультета педагогического института им. В. Г. Белинского Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия, e-mail: savtemp@yandex.ru

Сушкова Юлия Николаевна — доктор исторических наук, доцент, декан юридического факультета, заведующий кафедрой международного и европейского права МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: yulenkam@mail.ru

Тарасов Александр Александрович — кандидат исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, г. Саранск, Россия, e-mail: a.a.tarasov@ruscoop.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации гуманитарного института ВлГУ, г. Владимир, Россия, e-mail: fedulenkova@list.ru

Филиппова Наталья Павловна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и истории ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России, г. Рязань, Россия, e-mail: nathaliepf@mail.ru

Цыплякова Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Шкердина Надежда Олеговна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: Shnadejda@bk.ru

Шукин Дмитрий Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: dmschukin2014@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Abelova Lyudmila Aleksandrovna — Candidate of Economics, Assistant Professor of Department of Finance and Accounting, Saransk Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation, Saransk, Russia, e-mail: abeloval@yandex.ru

Biryukova Anna Borisovna — Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor of Department of Sociology, Political Studies and History of Fatherland, Samara State Technical University, Samara, Russia, e-mail: annabir@mail.ru

Biryayeva Anastasiya Vladimirovna — Senior Lecturer of Department of Theory and History of State and Law, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: Vyazik16@yandex.ru

Bochkanov Andrey Vasilyevich — Postgraduate Student of Department of Linguistics, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Vidyaikin Sergey Vasilyevich — Candidate of History, Principal Researcher — Head of Department of Archaeology, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Glebova Darya Andreyevna — Postgraduate Student of Department of Foreign Languages for Professional Communication, Vladimir State University, Vladimir, Russia, e-mail: glebowa.dar@yandex.ru

Gorin Ivan Aleksandrovich — Candidate of Economics, Assistant Professor of Department of Management, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: ivan2412@mail.ru

Gradusova Valentina Nikolayevna — Candidate of Economics, Assistant Professor of Department of Management, North-Western Institute of Management — Branch of RANEPa, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: vi_doscer@mail.ru

Guryanova Lubov Aleksandrovna — Candidate of Philology, Senior Researcher of Department of Linguistics, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Dryakin Andrey Borisovich — Second Secretary of Section of the Federal Republic of Germany of the Third European Department, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: dryakin@mail.ru

Dubman Eduard Leibovich — Doctor of History, Professor, Professor of Department of Russian History, Samara University, Samara, Russia, e-mail: dubmane@mail.ru

Zapletin Vladimir Vladimirovich — Postgraduate Student of Department of Russian History, Samara University, Samara, Russia, e-mail: v.zapletin@yandex.ru

Zinina Lyubov Ivanovna — Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Statistics, Econometrics and Information Technologies in Management, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: zininali@mail.ru

Zolotaeva Marina Mikhaylovna — Postgraduate Student of Department of Literature and Folklore, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Ivanov Aleksey Ananyevich — Doctor of History, Professor of Department of National History, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, e-mail: anani@marsu.ru

Ivanov Aleksey Olegovich — Head of Information and Bibliographic Department of Library, Bashkir State Pedagogical University n. a. M. Akmulla, Ufa, Russia, e-mail: ivanov_alex1990@mail.ru

Ivanov Anany Gerasimovich — Doctor of History, Professor, Head of Department of National History, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, e-mail: anani@marsu.ru

Ivliev Sergey Aleksandrovich — Candidate of History, Senior Researcher of Department of History, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: otzel_istorii@mail.ru

Kaderova Tatyana Nikolayevna — Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher of Department of History, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: otzel_istorii@mail.ru

Kandrina Elena Vladimirovna — Postgraduate Student of Department of Ethnography and Ethnology, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: grom-kina@mail.ru

Kemaev Evgeny Nikolayevich — Senior Researcher of Department of Archeology, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: evg.kemaev@yandex.ru

Kildyushkina Irina Gennadyevna — Candidate of History, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Regional Studies and Pro-grams, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: irakil1967@mail.ru

Kurganova Margarita Sergeyevna — Student of Faculty of Foreign Languages, Pedagogical Institute of Vladimir State University, Vladimir, Russia, e-mail: kurganova-margarita@mail.ru

Lipatova Lyudmila Nikolayevna — Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of Department of Economics, North-Western Institute of Management — Branch of RANEPa, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: ln.lipatova@yandex.ru

Lipatova Nadezhda Valeryevna — Candidate of History, Assistant Professor of Department of History of Fatherland, Regional Studies and International Relations, Ulyanovsk State University, Leading Specialist of Center for Development of History and Culture of Region, Center for Strategic Studies of the Ulyanovsk Oblast, Ulyanovsk, Russia, e-mail: nlipatova@mail.ru

Lushin Aleksandr Ivanovich — Doctor of History, Professor, Professor of Department of State and Municipal Management, North-Western Institute of Management — Branch of RANEPa, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: lush-in@mail.ru

Marabaeva Lyudmila Vladimirovna — Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Management, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: l.marabaeva@mail.ru

Mitin Sergey Vladimirovich — Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor of Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: mitin72@inbox.ru

Okhotina Tatyana Nikolayevna — Senior Researcher of Department of Ethnography and Ethnology, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Pivkina Svetlana Vasilyevna — Candidate of Philology, Director, Autonomous Institution of the Republic of Mordovia for Providing Services in the Sphere of Mass Media “Mordovia — 7 Days”, Saransk, Russia, e-mail: Sve-pivkina@yandex.ru

Prokina Margarita Evgenyevna — Teacher of History and Social Studies, Secondary School with In-Depth Study of Some Subjects No. 32, Saransk, Russia, e-mail: margaritaprokina@yandex.ru

Prokofeva Alina Alekseyevna — Student of Faculty of Economics, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: pr.prokofeva@ya.ru

Pyreskina Elena Mikhaylovna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Journalism, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: pireskina.elena@yandex.ru

Savchenko Dmitry Evgenyevich — Senior Lecturer of Department of State and Municipal Administration, North-Western Institute of Management — Branch of RANEPa, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: savchdm@mail.ru

Sokolov Oleg Aleksandrovich — Candidate of Economics, Associate Professor, First Deputy Minister — Head of Department of Digital Development of Ministry of Informatization and Communication of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia, e-mail: osokolov@e-mordovia.ru

Spitsyna Natalya Nikolayevna — Student of Department of Linguistics and Translation of Institute of Humanities, Vladimir State University, Vladimir, Russia, e-mail: natas9903@yandex.ru

Starikov Sergey Valentinovich — Doctor of History, Professor of Department of National History, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, e-mail: sv.starikov@yandex.ru

Sukhova Olga Aleksandrovna — Doctor of History, Professor, Dean of Faculty of History, Languages and Literature of Institute of Teacher Education, Penza State University, Penza, Russia, e-mail: savtemp@yandex.ru

Sushkova Juliya Nikolayevna — Doctor of History, Associate Professor, Dean of Faculty of Law, Head of Department of International and European Law, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: yulenkam@mail.ru

Tarasov Aleksandr Aleksandrovich — Candidate of History, Professor of Department of Humanitarian Disciplines and Foreign Languages, Saransk Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation, Saransk, Russia, e-mail: a.a.tarasov@rucoop.ru

Fedulenkova Tatyana Nikolayevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Foreign Languages for Professional Communication, Vladimir State University, Vladimir, Russia, e-mail: fedulenkova@list.ru

Filippova Natalya Pavlovna — Candidate of History, Senior Lecturer of Department of Philosophy and History, Ryazan State Medical University of Ministry of Health of the Russian Federation, Ryazan, Russia, e-mail: nathaliepf@mail.ru

Tsyplyakova Olga Yuryevna — Candidate of Philology, Senior Researcher of Department of Linguistics, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Shkerdina Nadezhda Olegovna — Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: Shnadejda@bk.ru

Shchukin Dmitry Sergeyevich — Candidate of History, Senior Researcher of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: dmschukin2014@yandex.ru

СОКРАЩЕНИЯ

Архив УФСБ РФ по РБ — Архив Управления федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Башкортостан

ГАПО — Государственный архив Пензенской области

ГА РМЭ — Государственный архив Республики Марий Эл

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

ГАСамО — Государственный архив Самарской области

ГАУО — Государственный архив Ульяновской области

НА НИИГН — Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РГИА — Российский государственный исторический архив

ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки, и просит авторов при оформлении статьи придерживаться следующих правил и рекомендаций.

1. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде.

2. К статье, направляемой в редакцию, должны прилагаться две рецензии, подписанные специалистом и заверенные печатью учреждения, а также отзыв научного руководителя (для аспирантов).

3. Все статьи публикуются на русском языке. Статьи, представленные на английском языке, должны содержать русский вариант перевода. Авторы могут выполнить его как самостоятельно, так и при помощи редакции.

4. *Объем основного текста* должен составлять 0,5 — 1,0 печатного листа (12 — 24 страницы).

5. *Текст статьи* набирается в программе Microsoft Office Word 2003 шрифтом Times New Roman, размер кегля 14 через 1,5 интервала. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Статья оформляется следующим образом:

1) инициалы и фамилия автора на русском и английском языках;
2) название статьи на русском и английском языках;
3) не более 7 ключевых слов или словосочетаний на русском и английском языках;

4) аннотация объемом до 500 знаков на русском и английском языках;

5) текст статьи;

6) литература (для этнографов — литература и полевой материал авторов);

7) приложения (если есть);

8) сведения об авторах.

6. *Иллюстрации:*

внедряются в электронную версию статьи в режиме Вставка → Объект → Рисунок Microsoft Word. Подрисовочные подписи выполняются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12 и вставляются в иллюстрацию в режиме Вставка;

иллюстрации не должны превышать размеры текстового поля;

обязательно должны упоминаться в тексте.

7. *Формулы и буквенные обозначения по тексту:*

набираются в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв — Symbol, для остальных — Times New Roman, основной размер кегля 14;

буквы латинского и греческого алфавитов набираются курсивом, кириллицы — прямым шрифтом;

при выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

8. *Таблицы:*

выполняются в режиме Таблица шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

могут быть с заголовками и без них. Заголовок набирается строчными буквами полужирным шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

располагаются после ссылки в тексте.

9. *Библиографические ссылки:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; фамилия и инициалы авторов выделяются полужирным шрифтом;

располагаются в конце статьи и имеют сплошную нумерацию;

оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», например:

ссылки на произведения одного, двух и трех авторов:

Первичная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. западноевроп. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995. 286 с.

Повторная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны. С. 25.

Первичная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры (на примере народов Закавказья, проживающих в Республике Мордовия) // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф. Саранск, 2008. С. 89 — 93.

Повторная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры... С. 90.

Первичная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка и государственной безопасности // Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 2. С. 97 — 110.

Повторная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка... Т. 2. С. 100.

ссылки на произведения четырех и более авторов:

Первичная

Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) / В. А. Юрченков [и др.] // Власть и общество: XX век. Саранск, 2002. С. 7 — 33. (Науч. тр. / НИИГН ; т. 1 (118)).

Повторная

Власть и общество в XX в... С. 30.

Первичная

Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 312 с. (сер. «Мордва России»).

Повторная

Мордва юга Сибири. С. 126 — 127.

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок текст повторной ссылки заменяют словами «Там же», или «Ibidem» («Ibid. Р. 3»), например:

П е р в и ч н а я

⁵ **Келина А. Н.** Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1996. С. 10.

П о в т о р н а я

⁶ Там же. или ⁶ Там же. С. 15.

П е р в и ч н а я

³ **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. Vol. 5. P. 50 — 52.

П о в т о р н а я

⁴ Ibidem. или ⁴ Ibid. P. 60.

В повторных ссылках на одно и то же произведение, созданное одним, двумя и тремя авторами, не следующих за первичной ссылкой, употребляются словосочетания «Указ. соч.», «Цит. соч.», или «Op. cit.», при условии, что ссылки делаются только на одно произведение данного автора (авторов), например:

П е р в и ч н а я

¹ **Чернов А. В.** Языковое строительство и процесс коренизации в Мордовии в середине 1920-х — 1930-е гг. // Центр и периферия. [Саранск]. 2008. № 2. С. 86.

П о в т о р н а я

⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. или ⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. С. 90.

П е р в и ч н а я

² **Paasonen H.** Mordwinisches Worterbuch. Helsinki, 1992. Bd. 2. S. 590.

П о в т о р н а я

⁶ **Paasonen H.** Op. cit. или ⁶ Paasonen H. Op. cit. Bd. 2. S. 600.

Если ссылки делаются на разные произведения одного автора (авторов), то указывается фамилия автора (авторов) и полное или сокращенное название произведения (см. оформление произведения одного, двух и трех авторов).

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другой работе, то в начале ссылки приводятся слова «Цит. по:», например:

В т е к с т е

В ноябре 1919 г. А. Г. Шляпников открыто писал в газете «Экономическая жизнь»: «Фабричные и заводские комитеты... свели на нет последние остатки дисциплины и, кроме того, разграбили заводской инвентарь»¹⁴².

В с с ы л к е

¹⁴² Цит. по: Гражданская война в России, 1917 — 1922 гг. М., 2006. С. 269.

Комплексная ссылка содержит несколько ссылок, которые отделяются друг от друга знаком «>» с пробелами до и после него. Каждая из ссылок в составе комплексной ссылки оформляется по общим правилам.

Если в комплексную ссылку включено несколько ссылок на произведения одного и того же автора (авторов), то его фамилия во второй и последующих ссылках заменяется словами «Его же», «Ее же», «Их же» или соответственно «Idem», «Eadem», «Iidem», например:

²⁰ **Юрченков В. А.** Новый мир — новые традиции // Блокнот агитатора. Саранск, 1983. № 20. С. 19 — 21 ; **Его же.** Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти (1917 — 1920 гг.) // Общественно-политическая жизнь села советской Мордовии. Саранск, 1987. С. 26 — 43. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 87).

Ссылки на электронные ресурсы, например:

Первичная

Лэтчфорд Е. У. С Белой армией по Сибири // Восточный фронт армии генерала А. В. Колчака : сайт. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/lachford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Повторная

Лэтчфорд Е. У. Указ. соч.

Первичная

Жизнь прекрасна, жизнь трагична... : 1917 год в письмах А. В. Луначарского А. А. Луначарской / отв. сост. Л. Роговая ; сост. Н. Антонова ; Ин-т «Открытое о-во». М., 2001. URL: <http://www.audisium.ru/looks/473> (дата обращения: 20.09.2010).

Повторная

Жизнь прекрасна...

Ссылки на архивные документы, например:

ЦГА РМ. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 13, 15.

РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 66, 121, 123 ; Д. 1043. Л. 141 ; Д. 1124. Л. 60.

Прокаев И. Ф. Предисловие и история Петровского мордовского педагогического техникума // НА НИИГН. И-579. Л. 1 — 2, 13 — 15.

10. *Сведения об авторах:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, ученую степень, занимаемую должность, место работы (наименование учреждения) и адрес электронной почты; приводятся на русском и английском языках.

11. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья не принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Вся ответственность в решении любых вопросов соблюдения авторских прав возлагается на автора, в том числе получение необходимых разрешений для воспроизведения любых материалов, защищенных авторским правом.

12. *Плата за публикацию рукописей не взимается.*

В Е С Т Н И К
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 2 (50) 2019

Редакторы: *Т. И. Кильдюшкина, Т. В. Шугаева*

Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *А. В. Чернова*

Подписано в печать 11.06.2019 г. Дата выхода в свет 28.06.2019 г.
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ №
Цена свободная

Адрес издателя:
НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3.
Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Адрес типографии:
ООО «РТ Красный Октябрь». 430030 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Титова, 2а,
e-mail: tko-saransk@mail.ru